4
том 6
2021

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета

ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ISSN 2500-3372 (print) 2542-1190 (online)

Bulletin of Kemerovo State University. Political, Sociological and Economic Sciences. 2021, 6(4):435–584

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПОЛИТОЛОГИЯ • СОЦИОЛОГИЯ • ЭКОНОМИКА

2021
том 6 № 4

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67376. Выдано Роскомнадзором.

Издается с 2016 года. Выходит 4 раза в год.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online).

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94233.

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал не взимает платы за публикацию, издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирования (Double-blind review).

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания: https://vestnik-pses.kemsu.ru

16+

Главный редактор: *Морозова Е. А.*, д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия:
Баранова И. В., д-р экон. наук, проф., НГТУ (Новосибирск, Россия).
Бычкова С. М., д-р экон. наук, проф., СПбГАУ (Санкт-Петербург, Россия).
Глушакова О. В., д-р экон. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск, Россия).
Капогузов Е. А., д-р экон. наук, доцент, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия).
Кисляков М. М., д-р полит. наук, доцент, СИУ (филиал) РАНХиГС (Новосибирск, Россия).
Кравченко С. А., д-р филос. наук, проф., МГИМО МИД России (Москва, Россия).
Кремер Раймунд, д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала WeltTrends (Потсдам, Германия).
Курбатова М. В., д-р экон. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).
Мекуш Г. Е., д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Немировский В. Г., д-р социол. наук, проф., ТюмГУ (Тюмень, Россия).
Нехода Е. В., д-р экон. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Озерникова Т. Г., д-р экон. наук, проф., НГТУ (Новосибирск, Россия).
Резник С. Д., д-р экон. наук, проф., ПГУАС (Пенза, Россия).
Силин А. Н., д-р социол. наук, проф., ТИУ (Тюмень, Россия).
Слинкова О. К., д-р экон. наук, проф., БелГУ (Белгород, Россия).
Солодова Г. С., д-р социол. наук, проф., ИФПР СО РАН (Новосибирск, Россия).
Суслов В. И., д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН, ИЭОПП СО РАН (Новосибирск, Россия).
Удальцова М. В., д-р экон. наук, проф., НГУЭУ (Новосибирск, Россия).
Чирун С. Н., д-р полит. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Шашкова Я. Ю., д-р полит. наук, доцент, АлтГУ (Барнаул, Россия).

© Кемеровский государственный университет, 2021
© Авторы научных статей, 2021

BULLETIN

KEMEROVO STATE UNIVERSITY

2021
vol. 6 no 4

POLITICAL • SOCIOLOGICAL • ECONOMIC

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Certificate of registration: PI no. FS 77-67376. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Founded in 2016. Published 4 times a year.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online)

Address of the founder, publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Subscription indices: 94233 – in the United catalogue "The Press of Russia".

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission.

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

All manuscripts undergo a double-blind review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: https://vestnik-pses.kemsu.ru

16+

© Kemerovo State University, 2021
© The authors of scientific articles, 2021

Editor-in-Chief: *Morozova E. A.,* Dr.Sc. (Econ.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board:
Baranova I. V., Dr.Sc. (Econ.), Prof., Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).
Bychkova S. M., Dr.Sc. (Econ.), Prof., St. Petersburg State Agrarian University (St. Petersburg, Russia).
Glushakova O. V., Dr.Sc. (Econ.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).
Kapoguzov E. A., Dr.Sc. (Econ.), Assoc. Prof., Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia).
Kislyakov M. M., Dr.Sc. (Polit.), Assoc. Prof., Siberian Institute of Management – branch of he Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russia).
Kravchenko S. A., Dr.Sc. (Philos.), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia).
Krämer Raimund, Dr. Hab., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
Kurbatova M. V., Dr.Sc. (Econ.), Prof., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).
Mekush G. E., Dr.Sc. (Econ.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Nemirovskiy V. G., Dr.Sc. (Sociol.), Prof., Tyumen State University (Tyumen, Russia).
Nekhoda E. V., Dr.Sc. (Econ.), Prof., National Research Tomsk State doctor of economic sciences (Tomsk, Russia).
Ozernikova T. G., Dr.Sc. (Econ.), Prof., doctor of economic sciences, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).
Reznik S. D., Dr.Sc. (Econ.), Prof., Penza State University of Architecture and Construction (Penza, Russia).
Silin A. N., Dr.Sc. (Sociol.), Prof., Tyumen Industrial University (Tyumen, Russia).
Slinkova O. K., Dr.Sc. (Econ.), Prof., Belgorod National Research University (Belgorod, Russia).
Solodova G. S., Dr.Sc. (Sociol.), Prof., Institute of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk, Russia).
Suslov V. I., Dr.Sc. (Econ.), Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
Udaltsova M. V., Dr.Sc. (Econ.), Prof., Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia).
Chirun S. N., Dr.Sc. (Polit.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Shashkova Ya. Yu., Dr.Sc. (Polit.), Assoc. Prof., Altai State University (Barkaul, Russia).

Политология

Система национальной кибербезопасности Саудовской Аравии: специфика и риски развития
Цуканов Л. В. 435

Социология

Вклад неравенства возможностей в индивидуальные достижения: роль характеристик семьи
Ибрагимова З. Ф., Франц М. В. 444

Доверие населения к институтам власти в контексте парасоциальных отношений в современном российском обществе
Немировский В. Г., Новиков А. С. 453

Профориентационная работа в вузе как фактор формирования профессиональной идентичности у студентов (на материалах Забайкальского государственного университета)
Шапиева А. В., Русанова А. А., Лаврикова В. Н., Филиппова Е. В. 463

Проблемы формирования конфликтологической компетентности муниципальных служащих (по материалам социологического исследования)
Шиликов А. Ю. 472

Карьерное и профессиональное развитие руководителя организации
Шпаковская Е. Ю., Токарь О. В., Гасанова Р. Р., Худякова Т. Л., Степанова О. П., Арпентьева М. Р. 482

Экономика

Интеллектуальные контракты при управлении снабжением машиностроительного предприятия
Андрианова Н. В., Нечаева П. А. 496

Эффективность деятельности органов местного самоуправления муниципальных районов Кемеровской области – Кузбасса
Арзуманян М. С. 506

Государственная культурная политика в годы Великой Отечественной войны
Глушакова О. В. 515

Анализ взаимосвязи регионального экономического роста и затрат на НИОКР
Климова Ю. О., Алферьев Д. А. 526

Экономическая доступность продовольствия: региональный аспект
Колесняк А. А., Полянская Н. М. 538

Исследование роли стратегического планирования в повышении уровня устойчивого развития экономики региона
Котов Р. М. 548

Совершенствование методологии оценки эффективности деятельности хозяйствующих субъектов в современных условиях
Орехова Е. А., Коровникова Г. В., Коровникова И. В. 560

Макроэкономическая оценка экологического качества экономического роста на уровне региона
Панов А. А. 568

Указатель статей, изданных за 2021 г. в журнале «Вестник КемГУ. Серия: политические, социологические и экономические науки» 579

BULLETIN
Kemerovo State University
Political, Sociological, Economic
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4

Political Science
Saudi Arabia National Cyber Security System: Specificity and Development Risks
Tsukanov L. V. 441

Sociology
Unequal Opportunities and Individual Achievements: Effect of Family Background
Ibragimova Z. F., Frants M. V. 451

People's Trust in Authorities as a Phenomenon of Parasocial Relations in Modern Russian Society
Nemirovsky V. G., Novikov A. S. 460

Career Guidance as a Factor of Professional Identity Development at the Transbaikal State University
Shapieva A. V., Rusanova A. A., Lavrikova V. N., Filippova E. V. 470

Developing Conflict Management Skills in Municipal Employees: a Sociological Study
Shilikov A. Yu. 479

Career and Professional Development of the Head of the Organization
Shpakovskaya E. Yu., Tokar O. V., Gasanova R. R., Khudyakova T. L., Stepanova O. P., Arpentieva M. R. 493

Economic
Intelligent Contracts in Engineering Enterprise Supply Management
Andrianova N. V., Nechaeva P. A. 503

Efficiency of Municipal Self-Government Bodies in the Kemerovo Region (Kuzbass)
Arzumanyan M. S. 513

State Cultural Policy during the Great Patriotic War
Glushakova O. V. 524

Regional Economic Growth and R&D Costs
Klimova Y. O., Alferyev D. A. 535

Economic Accessibility of Food: a Regional Aspect
Kolesnyak A. A., Polyanskaya N. M. 546

Effect of Strategic Planning on the Sustainable Development of Regional Economy
Kotov R. M. 558

Improving the Methodology for Assessing the Effectiveness of Economic Entities in Modern Conditions
Orekhova E. A., Korovnikova G. V., Korovnikova I. V. 566

Macroeconomic Assessment of the Environmental Quality of Economic Growth at the Regional Level
Panov A. A. 576

Index of articles published in 2021 in the journal Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences 581

оригинальная статья

Система национальной кибербезопасности Саудовской Аравии: специфика и риски развития

Леонид Вячеславович Цуканов
Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, г. Екатеринбург; https://orcid.org/0000-0001-6882-9841; leon.tsukanov@mail.ru

Поступила в редакцию 31.08.2021. Принята после рецензирования 27.09.21. Принята в печать 15.11.2021.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности системы обеспечения национальной кибербезопасности Королевства Саудовская Аравия. Опираясь на стандарты кибербезопасности, разработанные Международным союзом электросвязи при ООН, раскрыты институционально-правовые основы саудовской системы, определена степень вовлеченности страны в международное сотрудничество по вопросам защиты глобального и национального киберпространства, выявлены ключевые риски развития архитектуры саудовской кибербезопасности. Автор приходит к выводу, что в вопросах цифровой защиты Саудовская Аравия придерживается догоняющей модели развития и, несмотря на положительную оценку ее деятельности со стороны Международного союза электросвязи, по-прежнему испытывает некоторые проблемы с защитой национального киберпространства как общемирового характера (например, пробелы в законодательстве), так и обусловленного спецификой национальной модели управления государством. В числе наиболее явных рисков развития цифровой защиты страны выделены дисбаланс между ее гражданским и военным секторами, наличие определенных разногласий между ее различными субъектами, слабая интегрированность местного хакерского сообщества в общую структуру национальной кибербезопасности. По мнению автора, Эр-Рияд нацелен на устранение указанных дисбалансов и в среднесрочной перспективе намерен выстроить комплексную систему кибербезопасности с опорой на расширение международного сотрудничества в области развития национальной и региональной цифровой среды и методов ее эффективной защиты.
Ключевые слова: информационная безопасность, цифровая защита, киберпреступность, стратегии цифрового развития, Видение 2030, государственно-частное партнерство, международное сотрудничество

Цитирование: Цуканов Л. В. Система национальной кибербезопасности Саудовской Аравии: специфика и риски развития // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 4. С. 435–443. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-435-443

Введение

Одним из ключевых трендов развития современных государств в последние годы стало значительное повышение роли киберфактора в обеспечении национальной и международной безопасности. Особую актуальность проблема противостояния киберугрозам приобретает для стран Ближнего Востока, где стремительная цифровизация всех сфер жизни общества усиливает и без того высокий конфликтный потенциал региона. Научное осмысление опыта строительства системы национальной кибербезопасности Королевства Саудовская Аравия позволяет выявить специфику и риски развития цифровой защиты не только указанной страны, претендующей на региональное лидерство, но и целого ряда ближневосточных государств, в первую очередь аравийских монархий, сталкивающихся со схожим комплексом угроз и вызовов, исходящих из киберпространства.

О значимости саудовского опыта свидетельствуют показатели Глобального индекса кибербезопасности (GCI), разработанные исследовательским мегапроектом Международного союза электросвязи (МСЭ) при ООН. Так, если в 2014 г. Саудовская Аравия занимала по степени цифровой защищенности 19 место в мировом рейтинге и 6 место среди государств Персидского залива[1], то уже в 2018 г. – 13 и 2 места соответственно[2], а по итогам 2020 г. вышла на вторую строку глобального рейтинга, уступая лишь США и став абсолютным лидером не только ближневосточного региона, но также арабских стран и исламского мира[3]. Подробный расклад актуализирует ряд вопросов: какова специфика развития системы цифровой защиты Королевства? Какие факторы обусловили успех саудовского подхода к обеспечению национальной кибербезопасности? С какими рисками развития система сталкивается в настоящем?

[1] Global Cybersecurity Index. Oyster Bay: ABI Research; ITU, 2014. 15 p.
[2] Global Cybersecurity Index (GCI) 2018. Geneva: ITU, 2019. 92 p.
[3] Global Cybersecurity Index 2020. Geneva: ITU, 2021. 172 p.

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-435-443

Проблематика национальной и международной кибербезопасности представлена в современном научном поле внушительным количеством исследований и характеризуется высокой степенью дискуссионности ввиду разнообразия методологических подходов. Однако российские и зарубежные эксперты сходятся во мнении, что каждое государство нарабатывает собственные практики цифровой защиты, обусловленные спецификой национального развития [1, с. 22–27]. Ведущие российские востоковеды-арабисты, как правило, обращаются к проблемам цифрового развития Королевства в рамках фундаментальных исследований особенностей социально-политического развития [2, с. 128–130] и реализации стратегической программы модернизации страны «Видение 2030» [3, с. 61–62; 4, с. 39–41]. Саудовский опыт формирования эффективной системы кибербезопасности пока не стал предметом отдельного исследования, хотя определенные наработки представлены в трудах израильских [5, p. 32–34] и американских [6, p. 108–109] политологов. Данная статья в определенной степени позволяет восполнить указанный пробел.

Источниковой базой статьи стали документы профильных министерств и ведомств Саудовской Аравии, отражающие концептуальные подходы страны к обеспечению национальной цифровой защиты; отчеты международных организаций, ведущих экспертных центров и IT-компаний, специализирующихся на вопросах кибербезопасности; интервью саудовских политиков; материалы информационно-новостных ресурсов арабских стран.

В основу анализа специфики и рисков развития саудовской системы кибербезопасности положены критерии, разработанные МСЭ для определения степени цифровой защищенности государств: нормативно-правовая база и институты реализации киберполитики; технические возможности; государственно-частное партнерство, международное сотрудничество, кадровый потенциал[4].

Институционально-правовые основы саудовской системы национальной кибербезопасности

Подключение Саудовской Аравии к Интернету в 1997 г. поставило в национальную повестку вопрос о внесении корректив в нормативно-правовую базу страны с учетом новых цифровых реалий. В течение следующего десятилетия был принят целый ряд законов и постановлений, регламентирующих поведение пользователей в киберпространстве. К наиболее значимым документам относятся Закон о порядке деятельности интернет-провайдеров 1999 г., Постановление о телекоммуникациях и Акт о порядке использования Интернета и спутниковой связи 2002 г., Закон об отмене дуополии на предоставление услуг сотовой связи и упрощенном использовании протоколов GPRS и GMPCS 2006 г., Закон о борьбе с преступлениями в киберпространстве 2007 г.[5] и др. [7, p. 278].

Одновременно начинается процесс формирования институтов, призванных осуществлять на практике имплементацию профильных законов. В 2001 г. создается Комиссия по коммуникациям и информационным технологиям (Комиссия), которая стала регулировать данную сферу, а также инициировала в 2005 г. несколько значимых проектов (электронное правительство [8, p. 305–309], развитие инфраструктуры открытых ключей[6], инициатива «Домашний компьютер»[7] и др.), повлекших за собой расширение полномочий и функционала целого ряда органов государственной власти [9, p. 345]. Наряду с Комиссией были сформированы такие важные специализированные институты цифровой безопасности, как Национальный центр цифровой сертификации, Киберполиция и др.

Следует признать, что до 2011 г. строительство национальной системы кибербезопасности имело импульсивный характер, шло скачкообразно, без следования какому-либо долгосрочному плану. Ведомства (в первую очередь министерства обороны, внутренних дел, иностранных дел, связи, экономики) по мере появления новых цифровых угроз и вызовов расширяли свой функционал, инициируя разработку и введение новых нормативных документов. Однако взаимодействие между институтами практически сводилось к минимуму. Отсутствие целостного подхода к обеспечению цифровой безопасности можно объяснить тем, что до событий Арабской весны, продемонстрировавших значимость новейших технологий для мобилизации протестного ресурса и политической борьбы в целом, саудовские власти не относили угрозы из киберпространства к угрозам высшего уровня.

Уже в 2012 г. Эр-Рияд представил проект Стратегии национальной информационной безопасности (Стратегии), подготовленный при участии Министерства связи и информационных технологий (Минсвязи) и Комиссии [10, p. 49]. В документе суммировались все законодательные наработки 1999–2007 гг., а также впервые подчеркивалась важность стабильности цифровой сферы для экономического процветания страны. Мощным импульсом к разработке комплексного подхода к обеспечению национальной кибербезопасности стало принятие в 2016 г.

[4] Global Cybersecurity Index…

[5] Service Regulations // Communications and Information Technology Commission. Режим доступа: https://www.citc.gov.sa/en/RulesandSystems/RegulatoryDocuments/Licenses/CITCLicensingGeneralSpecialConditions/Pages/default.aspx (дата обращения: 13.08.2021).

[6] Ba-Isa M. Y. Saudi PKI project making progress // Arab News. 14.04.2009. Режим доступа: https://www.arabnews.com/node/323231 (дата обращения: 17.08.2021).

[7] Hassan J. CITC to promote computer literacy among Saudi families // Arab News. 09.07.2005. Режим доступа: https://www.arabnews.com/node/269741 (дата обращения: 15.08.2021).

долгосрочной стратегии модернизации Саудовской Аравии «Видение 2030», где цифровым технологиям отводилась роль одного из ключевых драйверов прорывного развития Королевства.

В 2017 г. было создано Национальное управление кибербезопасности (Управление) – главный институт, регулирующий обеспечение безопасности цифровой инфраструктуры Королевства в гражданском секторе[8]. В октябре 2018 г. Управление опубликовало первый регламент, содержащий список базовых требований к госучреждениям в области обеспечения цифровой защиты [11]. Особое внимание было уделено защите критической инфраструктуры страны, в первую очередь – ее нефтегазовых комплексов [12, p. 30]. В этой связи Управление начинает закупки зарубежного ПО, которые к 2020 г. приобрели централизованный и постоянный характер [13, p. 49].

Также в 2017 г. при участии Управления были обновлены положения Стратегии [10, p. 51–52]. В соответствии с новой трактовкой первоочередными целями стали институционализация системы национальной кибербезопасности и выработка новых подходов к цифровизации, ориентированных на развитие национальной smart-экономики. Примечательно, что Стратегия по сей день существует в формате проекта: ее окончательному принятию препятствуют разногласия между военными и гражданскими ведомствами относительно разграничения сфер ответственности. Тем не менее эксперты рассматривают этот документ как главный ориентир для Эр-Рияда при выстраивании политики в цифровом пространстве [14, p. 9].

Развитие системы профильных институтов, ускоренное в связи с реализацией «Видения 2030», позволило перераспределить и конкретизировать функционал различных министерств, а также укрепить межведомственное взаимодействие. Так, например, Минсвязи связи передало Управлению часть своих надзорных функций, что позволило первому сосредоточиться на доработке запущенных ранее нацпроектов в области цифровой безопасности, прежде всего проекта электронного правительства, дополненного многоцелевой инициативой «Yesser»[9]. Создание Национального департамента оцифровки, специализирующегося на разработке и внедрении инструментов цифровой экономики, способствовало внушительному укреплению технического потенциала национальной кибербезопасности [15, p. 165–166]. Даже с учетом того, что Эр-Рияд продолжает делать ставку на зарубежное ПО, данный процесс свидетельствует о непрекращающемся укреплении структур, контролирующих технические аспекты цифровой отрасли Королевства.

Международное сотрудничество

Международное сотрудничество является одним из ключевых элементов саудовской системы кибербезопасности, поскольку позволяет стране не только интегрироваться в качестве полноправного субъекта в глобальные и региональные процессы, связанные с созданием безопасной цифровой среды, но и аккумулировать ресурсы для развития государственно-частного партнерства и собственного кадрового и технического потенциала.

МСЭ стал первой международной площадкой, в рамках которой началась интеграция Саудовской Аравии в глобальное цифровое сообщество, в том числе путем адаптации национальной стратегии и политики цифрового развития к мировым стандартам [16]. Кроме того, Королевство представлено на других площадках, осуществляющих цифровое взаимодействие между государствами, – в специализированных рабочих группах ООН, Организации Исламского Сотрудничества, Лиге Арабских Государств (ЛАГ). Саудовские специалисты также регулярно принимают участие в цифровых учениях, проводимых на региональном (Cyber Polygon, OIC-CERT Cybersecurity Drill) и глобальном (ITU Global Cyber Drills) уровнях [17, с. 454]. Важным шагом к укреплению технического потенциала Саудовской Аравии стало присоединение к международной Компьютерной группе реагирования на чрезвычайные ситуации (CERT), которое позволило Эр-Рияду оперативно принять стандарты, разработанные МСЭ [18, с. 6–7].

Арабский региональный центр кибербезопасности, открытый в 2012 г. под эгидой МСЭ, на сегодняшний день является для Саудовской Аравии главной платформой для развития международного партнерства, поскольку позволяет сконцентрироваться на выстраивании коллективной кибербезопасности в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ).

Тенденция к постепенному обособлению региона в вопросах цифровой защиты является общей для всех стран ССАГПЗ и частично обусловлена разногласиями со странами ЛАГ по части толкования терминов *информационная безопасность* и *кибербезопасность*. Саудовская Аравия, как и большинство государств ССАГПЗ, придерживается западного подхода к определению вышеупомянутых понятий: *информационная безопасность* сводится преимущественно к техническим проблемам контроля и соблюдения законности и правопорядка в телекоммуникационной сфере (защита от несанкционированного доступа и хакерских взломов компьютерных сетей и сайтов, компьютерных вирусов и вредоносных программ и т. п.) [18, с. 8]. Социально-политические аспекты цифровой защиты (например,

[8] Rasooldeen M. Saudi Arabia sets up new commission to boost cybersecurity // Arab News. 02.11.2017. Режим доступа: https://www.arabnews.com/node/1186926/saudi-arabia (дата обращения: 17.08.2021).

[9] Digital Government Authority // GOV.SA. Режим доступа: https://www.my.gov.sa/wps/portal/snp/main (дата обращения: 10.08.2021); Yesser // E-Government Program. Режим доступа: https://www.yesser.gov.sa/en (дата обращения: 10.08.2021).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-435-443

противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в качестве инструмента дестабилизации общества), как правило, находятся вне рамок саудовского паттерна.

Международное партнерство дает Саудовской Аравии импульс к развитию собственного кадрового потенциала, являющегося одним из главных критериев эффективности национальных систем кибербезопасности. В 2020 г. цифровая отрасль Королевства испытывает дефицит кадров на уровне 20–25 %, который планируется преодолеть к 2030 г. [19, с. 45]. С 2017 г. растет число образовательных учреждений, осуществляющих подготовку специалистов в области информационной безопасности. Подобные программы открыты в ведущих вузах страны (Университет Дар Аль-Хекма, Саудовский электронный университет и т. д.) и реализуются в партнерстве с зарубежными университетами и аналитическими центрами [20]. Университет науки и технологий имени короля Абдаллы разрабатывает программы профессиональной переподготовки госслужащих, чья деятельность связана с кибербезопасностью [21].

Международное сотрудничество создает благоприятные условия и для развития государственно-частного партнерства. В 2020 г. в Королевстве зарегистрировано около десятка IT-компаний, работающих в сфере кибербезопасности и оказывающих государству консультационные и технические услуги (AlJammaz Technologies, Innovative Solutions, Taqnia Cyber и др.)[10]. Эксперты ожидают, что сотрудничество государства с деловыми кругами будет расширяться и дальше, в том числе посредством разработки и продвижения таких национальных цифровых брендов в рамках проектов «Видения 2030», как, например, знаменитый проект города будущего Неом [22, p. 429–431].

Эр-Рияд уверенно берет курс на превращение страны в мировой центр кибербезопасности. В 2020 г. Королевство стало принимающей стороной первого Глобального форума по кибербезопасности, миссия которого – консолидировать усилия мирового сообщества в вопросах выработки новых решений в области кибербезопасности[11]. Проведение Форума позволило укрепитьцифровой имидж страны, а также наметить новые направления международного сотрудничества в цифровой сфере [23, p. 1021].

Риски развития национальной кибербезопасности

Развитие системы национальной кибербезопасности Саудовской Аравии сталкивается с комплексом угроз и рисков, часть которых характерна для всех государств мира, а часть исходит из специфики внутреннего развития Королевства. В первую очередь многие страны сталкиваются с инертностью законодательной сферы, что в условиях стремительного развития цифровой инфраструктуры объективно ведет к образованию лакун в нормативно-правовом поле.

Весьма показателен Закон о борьбе с киберпреступлениями (2007 г.)[12]. С одной стороны, он по-прежнему является основным регулятором в вопросах пресечения данного вида правонарушений и позволяет закрывать некоторые лакуны, а, с другой стороны, не предусматривает механизма противодействия новым видам преступлений, которые постоянно появляются (кибербуллинг, цифровой шантаж и др.) [24, p. 100–102]. В свою очередь законопроекты, направленные на купирование отдельных аспектов проблемы (например, Инициатива Минсвязи по повышению осведомленности о кибербуллинге и борьбе с ним 2020 г.[13]), обеспечивают лишь временный эффект и не способствуют борьбе с киберпреступлениями в целом. Более того, бюрократизация и создание большого количества актов-приложений вместо обновления базовых законов усложняют противодействие угрозам и ведут к формированию незащищенных сегментов в архитектуре национальной кибербезопасности.

В случае с Эр-Риядом ситуация также усугубляется необходимостью согласования законодательных инициатив с ортодоксальным духовенством. С момента появления в стране Интернета саудовскими богословами было выпущено 42 фетвы: 16 из них оценивали развитие цифровой инфраструктуры как свойственную времени тенденцию, 19 – как негативное явление, в 7 фетвах не было сформулировано однозначной оценки [25, p. 200–205]. Даже Совет высших улемов за этот период выпустил несколько предписаний, содержащих противоположные оценки ускоряющейся цифровизации саудовского общества. Как итог, однозначная позиция ортодоксального духовенства (пусть и в гибких формулировках) не обозначена (что довольно нетипично для данного государства) [26, p. 35]: это ведет к формированию дуализма восприятий стратегий и проектов «Видения 2030» и усугубляет разногласия между сторонниками и противниками цифровизации страны.

[10] Saudi Arabia // Cyber Security Intelligence. Режим доступа: https://www.cybersecurityintelligence.com/location/saudi-arabia/ (дата обращения: 17.08.2021).

[11] Saudi Arabia to Host Global Cybersecurity Forum in February // Asharq Al-Awsat. 21.10.2019. Режим доступа: https://english.aawsat.com//home/article/1955151/saudi-arabia-host-global-cybersecurity-forum-february (дата обращения: 17.08.2021).

[12] Anti-Cyber Crime Law, tr. Saudi Laws. Promulgated by Royal Decree 8 Mar 1428 No. M/17, as amended 26 Mar 2007 // WIPO Lex. Режим доступа: https://wipolex.wipo.int/en/text/328209 (дата обращения: 10.08.2021).

[13] MCIT launches initiative to raise awareness on cyberbullying // Saudi Gazette. 11.11.2020. Режим доступа: http://www.mcit.gov.sa/en/campaigns/cyberbulling (дата обращения: 13.08.2021).

Отсутствие координации между отдельными субъектами кибербезопасности (прежде всего между гражданскими и военными) является еще одним риском на пути выстраивания комплексной системы национальной цифровой защиты. На сегодняшний день Саудовская Аравия демонстрирует высокий уровень милитаризации, что в значительной степени обусловлено стремлением Эр-Рияда к региональному лидерству. В Глобальном индексе военной мощи страна занимает 17 место в мире (4 – в регионе), а по объемам военных расходов – 7 место в мире (1 – в регионе)[14].

При этом, как известно, военный потенциал современного государства все больше определяется наличием высокоточных вооружений и использованием цифровых технологий в военной сфере. Соответственно, национальный киберпотенциал складывается из показателей гражданского и военного секторов. Однако в Королевстве военные аспекты кибербезопасности развиваются без участия гражданских специалистов, что ведет к отсутствию единой стратегии цифровой защиты страны.

Кроме того, Саудовская Аравия вовлечена в гибридный конфликт с Ираном, который ведется в том числе с использованием цифровых инструментов воздействия, например, в форме хакерских атак на объекты критической инфраструктуры противника. При этом, по мнению зарубежных исследователей, Эр-Рияд практически не уделяет внимания развитию наступательного аспекта киберобороны: по сути, саудовские силовые ведомства реагируют на цифровые угрозы постфактум [5, p. 35–37]. В целом дисбаланс в развитии военной и гражданской кибербезопасности является фактором, значительно ослабляющим цифровую защиту государства в целом.

Значимым субъектом кибербезопасности являются хакерские сообщества, деятельность которых, в отличие от ряда других стран Ближнего Востока, не регулируется госструктурами Королевства. Патриотично настроенные саудовские хакерские группировки, объединенные под общим названием «Кибермухи» (Cyber-Flies), хотя и действуют в интересах Эр-Рияда, руководствуются собственным пониманием политических приоритетов страны. Нередко это приводит к казусам: так, в январе – феврале 2021 г. группа хакеров, причисляющих себя к «Кибермухам», осуществила серию кибератак на аккаунты иранских официальных лиц[15], а в июле 2021 г. нанесла удар по цифровой инфраструктуре Министерства дорог и транспорта Ирана[16]. Оба инцидента были восприняты Тегераном как грубое нарушение достигнутых ранее с Эр-Риядом договоренностей, что негативно повлияло на процесс двусторонних консультаций по вопросам региональной безопасности [27, p. 789–790].

Отдельную группу рисков сформировала пандемия COVID-19. С переходом большинства служащих на удаленный режим работы нагрузка на национальные сети выросла в десятки раз, что увеличило их уязвимость к хакерским атакам. Согласно отчетам Лаборатории Касперского, в 2020 г. цифровая инфраструктура Саудовской Аравии подверглась 22,5 млн кибератак (30 % – успешные), а в первой половине 2021 г. – 7 млн атак (37 % – успешные)[17]. Как отмечают эксперты, наиболее распространенный вид кибернападений – DDoS-атака, которая относится к категории средств грубой силы и не требует от исполнителя выдающихся навыков. Примечательно, что по сравнению с предыдущим годом число таких атак выросло на 104 %[18], что свидетельствует о наличие значительных недостатков в системе обеспечения кибербезопасности.

Заключение

Успех Саудовской Аравии, которой удалось в относительно короткие сроки выстроить эффективную систему защиты национального киберпространства, обусловлен комплексом фактором. В их числе следует отметить стабильность режима и наличие политической воли у правящей элиты, ориентированной на интеграцию Королевства в глобальные экономические и политические процессы в качестве одного из передовых государств мира. По сути, курс на формирование национальной системы кибербезопасности стал составной частью саудовской стратегии модернизации страны «Видение 2030», что обеспечило всей цифровой сфере Королевства поступательное развитие под контролем властей. Также необходимо подчеркнуть значительную роль международного сотрудничества, благодаря которому саудовские власти смогли довольно быстро нарастить технический и кадровый потенциал страны, запустить высокотехнологичные проекты в рамках государственно-частного партнерства в области национальной цифровой безопасности.

Вместе с тем в вопросах цифровой защиты Саудовская Аравия продолжает придерживаться догоняющей модели, в рамках которой предпочитает закупать за рубежом уже готовые решения, нежели разрабатывать

[14] 2021 Military Strength Ranking // GFP. Режим доступа: https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php (дата обращения: 17.08.2021).

[15] Farmanfarmaian R., Mens J. In the Middle East, war is going digital // Foreign Policy. 22.02.2021. Режим доступа: https://foreignpolicy.com/2021/02/22/in-the-middle-east-war-is-going-digital/ (дата обращения: 15.08.2021).

[16] Holmes D. Iran transport ministry hit by second apparent cyberattack in days // Reuters. 10.07.2021. Режим доступа: https://www.reuters.com/world/middle-east/iran-transport-ministry-hit-by-second-apparent-cyberattack-days-2021-07-10/ (дата обращения: 17.08.2021).

[17] Emm D. What does 2021 have in store for cybersecurity? // Kaspersky. 22.12.2020. Режим доступа: https://www.kaspersky.com/blog/secure-futures-magazine/cybersecurity-predictions-2021/38136/ (дата обращения: 17.08.2021).

[18] Там же.

собственные цифровые продукты. Устойчивость саудовской системы кибербезопасности, кроме того, подвергается рискам в связи с относительно низким уровнем взаимодействия между различными субъектами национальной кибербезопасности, представляющими интересы гражданского и военного секторов, правительственных ведомств, негосударственных акторов и т. д.

Можно ожидать, что в силу стратегической значимости «Видения 2030» и растущих региональных амбиций Саудовское королевство сделает выбор в пользу комплексного подхода к развитию национальной кибербезопасности, продолжив поддержку ее гражданского сегмента с одновременным укреплением военного аспекта цифровой защиты страны. Не исключено, что для гармонизации собственной киберсистемы Саудовская Аравия воспользуется передовым опытом США, своего традиционного геополитического союзника, а также Израиля, отношения с которым вышли недавно на качественно новый уровень. В целом траектории и динамика дальнейшего развития системы цифровой защиты Королевства, как и ранее, в значительной степени будут определяться комплексом внутриполитических, региональных и глобальных факторов.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Лебедева М. М., Харкевич М. В., Зиновьева Е. С., Копосова Е. Н. Архаизация государства: роль современных информационных технологий // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 22–36. https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.03
2. Сапронова М. А. Арабский восток на современном этапе: эволюция институтов власти и модернизация традиционного общества // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 318. С. 125–132.
3. Косач Г. Г. Саудовская Аравия: трансформация власти и политики // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 4. С. 59–67. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-4-59-67
4. Мелкумян Е. С. Развитие арабских монархий залива: прорыв в будущее // Азия и Африка сегодня. 2020. № 2. С. 37–42. https://doi.org/10.31857/S032150750008471-0
5. Easttom C., Butler W. The Iran-Saudi cyber conflict // International Journal of Cyber Warfare and Terrorism. 2021. Vol. 11. № 2. P. 29–42. https://doi.org/10.4018/IJCWT.2021040103
6. Nodelend B., Morris R. The impact of low self-control on past and future cyber offending // International Journal of Cyber Criminology. 2020. Vol. 14. № 1. P. 106–120. https://doi.org/10.5281/zenodo.3742075
7. Polat A. Effects of GDPR on the financial services sector in the Kingdom of Saudi Arabia //Journal of Data Protection & Privacy. 2021. Vol. 4. № 3. P. 273–282.
8. Alrubaiq A., Alharbi T. Developing a cybersecurity framework for e-government project in the Kingdom of Saudi Arabia // Journal of Cybersecurity and Privacy. 2021. Vol. 1. № 2. P. 302–318. https://doi.org/10.3390/jcp1020017
9. Albogami O., Alruqi M., Almalki K., Aljahdali A. Public key infrastructure traditional and modern implementation // International Journal of Network Security. 2021. Vol. 23. № 2. P. 343–350. https://doi.org/10.6633/IJNS.202103_23(2).18
10. Abu-Taieh E., Alfaries A. A., Al-Otaibi S., Aldehim G. Cyber security crime and punishment: comparative study of the laws of Jordan, Kuwait, Qatar, Oman, and Saudi Arabia // International Journal of Cyber Warfare and Terrorism. 2018. Vol. 8. № 3. P. 46–59. https://doi.org/10.4018/IJCWT.2018070104
11. NSCA strength and conditioning professional standards and guidelines // Strength and Conditioning Journal. 2017. Vol. 39. № 6. P. 1–24. https://doi.org/10.1519/SSC.0000000000000348
12. Al-Mulhim R. A., Al-Zamil L. A., Al-Dossary F. M. Cyber-attacks on Saudi Arabia environment // International Journal of Computer Networks and Communications Security. 2020. Vol. 8. № 3. P. 26–31. https://doi.org/10.47277/IJCNCS/8(3)1
13. Ali A. M., Shamsuddin S. M., Eassa F. E., Saeed F., Alassafi M. O., Al-Hadhrami T., Elmisery A. M. Towards an intelligent framework for cloud service discovery // International Journal of Cloud Applications and Computing. 2021. Vol. 11. № 3. P. 33–57. https://doi.org/10.4018/IJCAC.2021070103
14. Alzubaidi A. Measuring the level of cyber-security awareness for cybercrime in Saudi Arabia // Heliyon. 2021. Vol. 7. № 1. https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e06016
15. Mahmood H. The security challenges in cloud IoT – a review // Saudi Journal of Engineering and Technology. 2021. Vol. 6. № 7. P. 162–168. https://doi.org/10.36348/sjet.2021.v06i07.003
16. Arab States call for heightened cybersecurity // ITU News. 2008. № 3. P. 32. Режим доступа: https://historicjournals.itu.int/viewer/516/?return=1&css-name=include#page=34&viewer=picture&o=&n=0&q= (дата обращения: 14.08.2021).
17. Шкваря Л. В. Интеграционные процессы в ССАГПЗ в условиях цифровизации // Экономика и предпринимательство. 2020. № 11. С. 453–455. https://doi.org/10.34925/EIP.2020.124.11.082

18. Валиахметова Г. Н. Ближний Восток в цифровую эпоху: глобализация угроз региональной безопасности // Восток (Oriens). 2017. № 3. С. 6–15.
19. Леонова О. Г. Кибервойна и противоборство в цифровом информационном пространстве // Информационное общество. 2018. № 2. С. 43–46.
20. Almomani I., Ahmed M., Maglaras L. Cybersecurity maturity assessment framework for higher education institutions in Saudi Arabia // PeerJ Computer Science. 2021. Vol. 7. https://doi.org/10.7717/peerj-cs.703
21. Alammary A., Alshaikh M., Alhogail A. The impact of the COVID-19 pandemic on the adoption of e-learning among academics in Saudi Arabia // Behaviour & Information Technology. 2021. https://doi.org/10.1080/0144929x.2021.1973106
22. Ouassini A., Boynton K. W. The «Silicon Valley of the Middle East»: cybersecurity, Saudi Arabia, and the path to Vision 2030 // Routledge Companion to Global Cyber-Security Strategy / eds. S. N. Romaniuk, M. Manjikian. 1st ed. London: Routledge, 2021. P. 427–434. https://doi.org/10.4324/9780429399718-36
23. Aleidan M. Commercial diplomacy as a part of national transformation and its impact on the internationalization of SMEs: evidence from Saudi Arabia // Asian Economic and Financial Review. 2019. Vol. 9. № 9. P. 1019–1031. 10.18488/journal.aefr.2019.99.1019.1031
24. Albantan M. A. R. Social skills and cyberbullying behavior among students in Hail from the perspective of social work // Cypriot Journal of Educational Sciences. 2021. Vol. 16. № 1. P. 96–113. https://doi.org/10.18844/cjes.v16i1.5512
25. Soliman N. S. The direct fatwa in the media, the pros and cons // Islamic Sciences Journal. 2020. Vol. 11. № 10. P. 192–221. http://dx.doi.org/10.25130/islam.v11i10.379
26. Mowatt-Larssen R. Zawahiri's WMD fatwa. Symmetry between 2003 WMD fatwa and 2008 «Exoneration» // Islam and the Bomb: Religious Justification For and Against Nuclear Weapons. Cambridge: Belfer Center for Science and International Affairs, 2011. P. 35–37.
27. Ahmadian H., Mohseni P. From detente to containment: the emergence of Iran's new Saudi strategy // International Affairs. 2021. Vol. 97. № 3. P. 779–799. https://doi.org/10.1093/ia/iiab014

original article

Saudi Arabia National Cyber Security System: Specificity and Development Risks

Leonid V. Tsukanov
B. N. Yeltsin Ural Federal University, Russia, Yekaterinburg; https://orcid.org/0000-0001-6882-9841; leon.tsukanov@mail.ru

Received 31 Aug 2021. Accepted after peer review 27 Sep 2021. Accepted for publication 15 Nov 2021.

Abstract: The research featured the national cybersecurity system of the Kingdom of Saudi Arabia. The cybersecurity standards developed by the International Telecommunication Union of the United Nations made it possible to reveal the institutional and legal foundations of the digital security system, as well as the degree of involvement in international cybersecurity cooperation. The analysis demonstrated the key risks of the development of the Saudi cyber model. The assessment by the International Telecommunication Union standards gave quite positive results. However, Saudi Arabia proved to adhere to a catching-up development model and still experiences some problems with national cyberspace security. Some are of global nature, e.g. legislation gaps, while others result from the specifics of the national model of state governance. The most obvious risks include the imbalance between the civil and military sectors, the disagreements between various regions, and the poor integration of the local hacker community into the overall structure of national cybersecurity. Saudi Arabia plans to eliminate these imbalances in the medium term in order to build an integrated cybersecurity system by expanding its international cooperation.
Keywords: information security, digital protection, cybercrime, digital development strategies, Vision 2030, public-private partnerships, international cooperation

Citation: Tsukanov L. V. Saudi Arabia National Cyber Security System: Specificity and Development Risks. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(4): 435–433. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-435-443

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Lebedeva M. M., Kharkevich M. V., Zinovieva E. S., Koposova E. N. State archaization: the role of information technologies. *Polis. Political Studies*, 2016, (6): 22–36. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.03
2. Sapronova M. A. The Arab East on the modern stage: evolution of institutions of power and modernization of traditional society. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, (318): 125–132. (In Russ.)
3. Kosach G. G. Saudi Arabia: transformation of power and policy. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya,* 2019, 63(4): 59–67. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-4-59-67
4. Melkumyan E. S. Development of Arab gulf monarchies: breakout to future. *Aziya i Afrika segodnya*, 2020, (2): 37–42. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S032150750008471-0
5. Easttom C., Butler W. The Iran-Saudi cyber conflict. *International Journal of Cyber Warfare and Terrorism*, 2021, 11(2): 29–42. https://doi.org/10.4018/IJCWT.2021040103
6. Nodelend B., Morris R. The impact of low self-control on past and future cyber offending. *International Journal of Cyber Criminology*, 2020, 14(1): 106–120. https://doi.org/10.5281/zenodo.3742075
7. Polat A. Effects of GDPR on the financial services sector in the Kingdom of Saudi Arabia. *Journal of Data Protection & Privacy*, 2021, 4(3): 273–282.
8. Alrubaiq A., Alharbi T. Developing a cybersecurity framework for e-government project in the Kingdom of Saudi Arabia. *Journal of Cybersecurity and Privacy,* 2021, 1(2): 302–318. https://doi.org/10.3390/jcp1020017
9. Albogami O., Alruqi M., Almalki K., Aljahdali A. Public key infrastructure traditional and modern implementation. *International Journal of Network Security*, 2021, 23(2): 343–350. https://doi.org/10.6633/IJNS.202103_23(2).18
10. Abu-Taieh E., Alfaries A. A., Al-Otaibi S., Aldehim G. Cyber security crime and punishment: comparative study of the laws of Jordan, Kuwait, Qatar, Oman, and Saudi Arabia. *International Journal of Cyber Warfare and Terrorism,* 2018, 8(3): 46–59. https://doi.org/10.4018/IJCWT.2018070104
11. NSCA strength and conditioning professional standards and guidelines. *Strength and Conditioning Journal,* 2017, 39(6): 1–24. https://doi.org/10.1519/SSC.0000000000000348
12. Al-Mulhim R. A., Al-Zamil L. A., Al-Dossary F. M. Cyber-attacks on Saudi Arabia environment. *International Journal of Computer Networks and Communications Security,* 2020, 8(3): 26–31. https://doi.org/10.47277/IJCNCS/8(3)1
13. Ali A. M., Shamsuddin S. M., Eassa F. E., Saeed F., Alassafi M. O., Al-Hadhrami T., Elmisery A. M. Towards an intelligent framework for cloud service discovery. *International Journal of Cloud Applications and Computing*, 2021, 11(3): 33–57. https://doi.org/10.4018/IJCAC.2021070103
14. Alzubaidi A. Measuring the level of cyber-security awareness for cybercrime in Saudi Arabia. *Heliyon*, 2021, 7(1). https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e06016
15. Mahmood H. The security challenges in cloud IoT – a review. *Saudi Journal of Engineering and Technology*, 2021, 6(7): 162–168. https://doi.org/10.36348/sjet.2021.v06i07.003
16. Arab States call for heightened cybersecurity. *ITU News*, 2008, (3): 32. Available at: https://historicjournals.itu.int/viewer/516/?return=1&css-name=include#page=34&viewer=picture&o=&n=0&q= (accessed 14 Aug 2021).
17. Shkvarya L. V. Integration processes in the GCC in the context of digitalization. *Ekonomika i predprinimatelstvo,* 2020, (11): 453–455. (In Russ.) https://doi.org/10.34925/EIP.2020.124.11.082
18. Valiakhmetova G. N. The Middle East in digital age: globalization of threats to regional security. *Vostok (Oriens)*, 2017, (3): 6–15. (In Russ.)
19. Leonova O. G. Cyber war and confrontation in the digital information space. *Informatsionnoye obshchestvo,* 2018, (2): 43–46. (In Russ.)
20. Almomani I., Ahmed M., Maglaras L. Cybersecurity maturity assessment framework for higher education institutions in Saudi Arabia. *PeerJ Computer Science,* 2021, 7. https://doi.org/10.7717/peerj-cs.703
21. Alammary A., Alshaikh M., Alhogail A. The impact of the COVID-19 pandemic on the adoption of e-learning among academics in Saudi Arabia. *Behaviour & Information Technology*, 2021. https://doi.org/10.1080/0144929x.2021.1973106
22. Ouassini A., Boynton K. W. The "Silicon Valley of the Middle East": cybersecurity, Saudi Arabia, and the path to Vision 2030. *Routledge Companion to Global Cyber-Security Strategy*, eds. Romaniuk S. N., Manjikian M., 1st ed. London: Routledge, 2021, 427–434. https://doi.org/10.4324/9780429399718-36
23. Aleidan M. Commercial diplomacy as a part of national transformation and its impact on the internationalization of SMEs: evidence from Saudi Arabia. *Asian Economic and Financial Review*, 2019, 9(9): 1019–1031. 10.18488/journal.aefr.2019.99.1019.1031

24. Albantan M. A. R. Social skills and cyberbullying behavior among students in Hail from the perspective of social work. *Cypriot Journal of Educational Sciences*, 2021, 16(1): 96–113. https://doi.org/10.18844/cjes.v16i1.5512
25. Soliman N. S. The direct fatwa in the media, the pros and cons. *Islamic Sciences Journal*, 2020, 11(10): 192–221. http://dx.doi.org/10.25130/islam.v11i10.379
26. Mowatt-Larssen R. Zawahiri's WMD fatwa. Symmetry between 2003 WMD fatwa and 2008 "Exoneration". *Islam and the Bomb: Religious Justification For and Against Nuclear Weapons*. Cambridge: Belfer Center for Science and International Affairs, 2011, 35–37.
27. Ahmadian H., Mohseni P. From detente to containment: the emergence of Iran's new Saudi strategy. *International Affairs,* 2021, 97(3): 779–799. https://doi.org/10.1093/ia/iiab014

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-444-452

оригинальная статья

Вклад неравенства возможностей в индивидуальные достижения: роль характеристик семьи

Зульфия Фануровна Ибрагимова
Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа;
https://orcid.org/0000-0003-0585-0170; Badertdinova@mail.ru

Марина Валерьевна Франц
Уфимский государственный авиационный технический университет, Россия, г. Уфа

Поступила в редакцию 12.11.2021. Принята после рецензирования 06.12.2021. Принята в печать 06.12.2021.

Аннотация: Теория равных возможностей базируется на идее о том, что неравенство индивидуальных достижений имеет комплексную природу. Частично оно формируется за счет собственных решений и усилий индивида (неравенства усилий), частично – вследствие неподконтрольных человеку обстоятельств (неравенства возможностей). Поэтому различия в неравенстве благосостояния, обусловленные полностью зависящими от индивида факторами (факторами-усилиями), справедливы и не должны компенсироваться. Напротив, различия в благосостоянии, обусловленные факторами вне индивидуального контроля (факторами-обстоятельствами), несправедливы и подлежат компенсации в справедливом обществе (принцип компенсации). Представлена оценка значимости факторов-обстоятельств, связанных с особенностями семейного бэкграунда: состав родительской семьи, ее психологическая атмосфера, уровень материального благополучия, профессиональный статус родителей. Показано, что из изучаемых факторов семейного бэкграунда наибольшее значение имеют образование родителей и полнота родительской семьи. Установлено, что индивиды, выросшие в семьях с обоими родными родителями, при прочих равных условиях во взрослом возрасте имеют больший доход, чем индивиды, выросшие в семьях только с одним родителем или с одним родным и одним неродным родителем. Анализ показал, что низкое экономическое благосостояние родительской семьи также может иметь определенное значение. Предполагается, что усилия, направленные на обеспечение равных возможностей в достижении жизненного успеха, способны обеспечить долгосрочный тренд на сокращение неравенства и построение более справедливого общества.

Ключевые слова: факторы-усилия, факторы-обстоятельства, принцип компенсации, семейный бэкграунд, семейная политика, регрессионный анализ, социологический опрос

Цитирование: Ибрагимова З. Ф., Франц М. В. Вклад неравенства возможностей в индивидуальные достижения: роль характеристик семьи // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 4. С. 444–452. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-444-452

Введение

Долгосрочная тенденция к увеличению экономического неравенства, отмечающаяся во многих странах мира, способствует усилению общественного запроса на социальную справедливость и более равномерное распределение «общественного пирога». В последние годы ситуация еще более усугубляется в связи с пандемией COVID-19. Эксперты опасаются, что люди, чье благосостояние существенно снизилось вследствие экономических последствий пандемии, могут «застрять» в ловушке бедности.

Решение задачи сокращения экономического неравенства невозможно без понимания того, как в идеале должна выглядеть ситуация в области неравенства. Оригинальный ответ на этот вопрос предлагает теория равных возможностей, ставшая результатом развития эгалитарных теорий социальной справедливости. Теория равных возможностей базируется на идее о комплексной природе неравенства индивидуальных достижений, которое частично формируется за счет собственных решений и усилий индивида (неравенства усилий), частично – вследствие неподконтрольных человеку обстоятельств (неравенства возможностей). Неравенство возможностей несправедливо и поэтому должно быть ликвидировано. Неравенство усилий, напротив, этически приемлемо и должно сохраняться.

Исследования в области эмпирической оценки неравенства возможностей ведутся по всему миру уже достаточно давно. К настоящему времени предложено много различных методик, апробированных на микроданных разных стран и регионов. Целью оценки чаще всего выступает неравенство возможностей в отношении доходов, образования и здоровья. Редко встречаются работы с более «экзотическими» измерителями индивидуального достижения. Например, в исследовании, выполненном специалистами Европейского банка реконструкции и развития на основе данных опроса Life in Transition Survey (LiTS III), помимо оценки неравенства возможностей в отношении доходов и получения высшего образования выполняется измерение в отношении доступа к качественным рабочим местам [1]. Х. Эль Энбаби и Р. Галал на базе ответов на несколько частных вопросов рассчитали индекс имущественного статуса, а затем выполнили оценку вклада факторов-обстоятельств в неравенство этого индекса [2].

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

В плане учета семейного бэкграунда в исследованиях по неравенству возможностей сложилась двоякая ситуация. С одной стороны, обусловленность индивидуальных достижений характеристиками семьи, в которой родился и вырос человек, является самым типовым примером социальной несправедливости и неравенства возможностей: в узком смысле второе отождествляется именно с этой зависимостью. На теоретическом уровне роль факторов семейного бэкграунда в формировании человеческого капитала индивида, и, следовательно, в уровне его достижений обосновывается через множество механизмов. Во-первых, большое значение имеет экономический фактор: дети из более обеспеченных семей получают лучшее питание и медицинское сопровождение, лучшие условия и ресурсы для учебы, поэтому они имеют больше шансов на достижение жизненного успеха. Во-вторых, значим культурный фактор: дети, воспитывающиеся в семьях с высоким уровнем культурного капитала, приобретают дополнительные общекультурные компетенции, повышающие вероятность жизненного успеха. В-третьих, родители, как правило, также используют свой социальный капитал для того, чтобы помогать детям двигаться вверх по социальной лестнице. В-четвертых, психологическая атмосфера и состав родительской семьи играют большую роль в становлении личности и ее развитии. Признание значительной роли семейного бэкграунда в зоне эмпирических исследований выражается в том, что образование родителей как фактор-обстоятельство практически всегда используется при оценке неравенства возможностей.

С другой стороны, перечисленные механизмы указывают на то, что семейный бэкграунд вряд ли достаточно учитывать только через образование родителей. Но в связи с тем, что в большинстве работ по оценке неравенства возможностей в качестве информационной базы используются данные репрезентативных социологических опросов с большим количеством наблюдений, однако не ориентированных на оценку неравенства возможностей, в анализ включаются те факторы, данные по которым доступны. Поэтому чаще всего ограничиваются только образованием родителей. Помимо образования, иногда учитывают профессиональный статус родителей [3; 4]. В единичных работах, помимо вышеперечисленного, принимаются во внимание уровень доходов и состав родительской семьи [5; 6]. Пропуск факторов семейного бэкграунда может приводить к недооценке роли семейного бэкграунда в общем уровне неравенства возможностей и к значительному занижению оценки неравенства возможностей в целом.

Целью данной работы является оценка значимости таких факторов-обстоятельств, связанных с особенностями семейного бэкграунда, как состав родительской семьи, ее психологическая атмосфера, уровень материального благополучия, профессиональный статус родителей.

Методы и материалы

Проблемам информационного обеспечения исследований по оценке неравенства возможностей посвящена наша работа, в которой предложены теоретические модели, описывающие комплекс обстоятельств, усилий и достижений [7]. Кроме того, нами разработана программа социологического опроса для сбора данных в соответствии с этими моделями [8]. Для апробации предложенного инструментария был организован сбор данных с участием студентов двух университетов – Уфимского государственного авиационного технического университета и Башкирского государственного университета. Студентам в рамках изучения курсов статистики и эконометрики было дано задание выбрать в своем окружении двух взрослых и провести их интервьюирование по выданной анкете [8]. Конечно, такой подход к сбору данных не гарантирует строгие требования обеспечения репрезентативности, однако подходит для предварительного этапа выявления наиболее важных факторов-обстоятельств. Учитывая, что проведение полномасштабного социологического опроса с большим количеством респондентов финансово затратно, представляется целесообразным запуск пилотных опросов для выявления наиболее полезных дополнительных факторов-обстоятельств.

Общий объем наблюдений в базе составил 291. Отметим, что студенты в целом ответственно отнеслись к выполнению задания. Недобросовестно заполненных анкет или анкет с большим количеством пропусков, сразу исключенных из анализа, было порядка 10 штук.

В расчетах были использованы четыре базовых фактора-обстоятельства: пол, возраст, тип населенного пункта – места рождения индивида и максимальный уровень образования его родителей. Описательные статистики по категориальным базовым факторам представлены на рис. 1.

Дополнительно в анализ были включены следующие факторы семейного бэкграунда: состав родительской семьи (рос ли респондент с родными или неродными родителями, сколько у него братьев и сестер), профессиональный статус родителей, психологическая атмосфера и материальное благополучие родительской семьи. Психологическая атмосфера оценивалась индивидом по десятибалльной шкале (1 – негативная, 10 – наиболее позитивная, гармоничная). В дальнейшем исходная переменная была дискретизирована на 3 уровня: негативная (6 и менее баллов), средняя (7–8 баллов), позитивная (9–10 баллов).

Экономическое положение родительской семьи анализировалось в результате суммирования степени согласия респондентов со следующими утверждениями: *Я рос в обеспеченной семье; Я хорошо питался; Мы имели хорошие возможности для досуга; Мы имели возможность хорошо отдыхать; У меня была возможность получить хорошее образование.* Степень согласия с каждым из утверждений также измерялась по десятибалльной шкале. Полученный

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-444-452

итоговый показатель, который потенциально может варьировать от 5 до 50, был категоризован на 3 уровня: низкий (менее 30 баллов), средний (30–44 балла), высокий (45 и более баллов). Описательные статистики по категориальным дополнительным факторам отражены на рис. 2.

В качестве индивидуального достижения мы использовали два показателя: личный доход индивида и его заработная плата. В случае, если респондент указывал две заработные платы – по основной работе и по дополнительной, они суммировались. Описательная статистика по всем использованным в работе непрерывным переменным приведена в табл. 1.

Для измерения неравенства возможностей применялась методика, основанная на параметрическом подходе и на ex-ante определении равенства возможностей, сформулированном Д. Ван де Гаером [9]. Впервые она была предложена в работе Г. А. Марреро и Дж. Г. Родригеса [10] и неоднократно применялась нами для оценки неравенства возможностей в России [11; 12]. Методика включает следующие этапы:

1. Оценка регрессии индивидуального дохода на факторы-обстоятельства:

$$ln(w_i) = C_i \times \varphi + \varepsilon_i, \quad (1)$$

где w_i – уровень дохода индивида; C_i – вектор значений факторов-обстоятельств; φ – вектор регрессионных коэффициентов; ε_i – случайная ошибка.

Среди факторов-обстоятельств все переменные, кроме возраста, – качественные. В теории человеческого капитала обосновывается квадратичная связь между возрастом

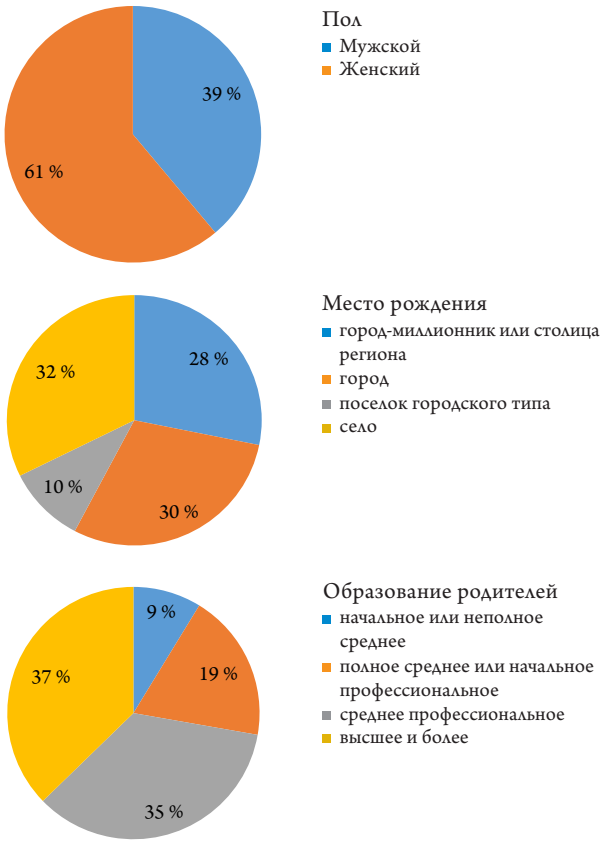

Рис. 1. Описательная статистика по категориальным базовым факторам
Fig. 1. Descriptive statistics on categorical basic factors

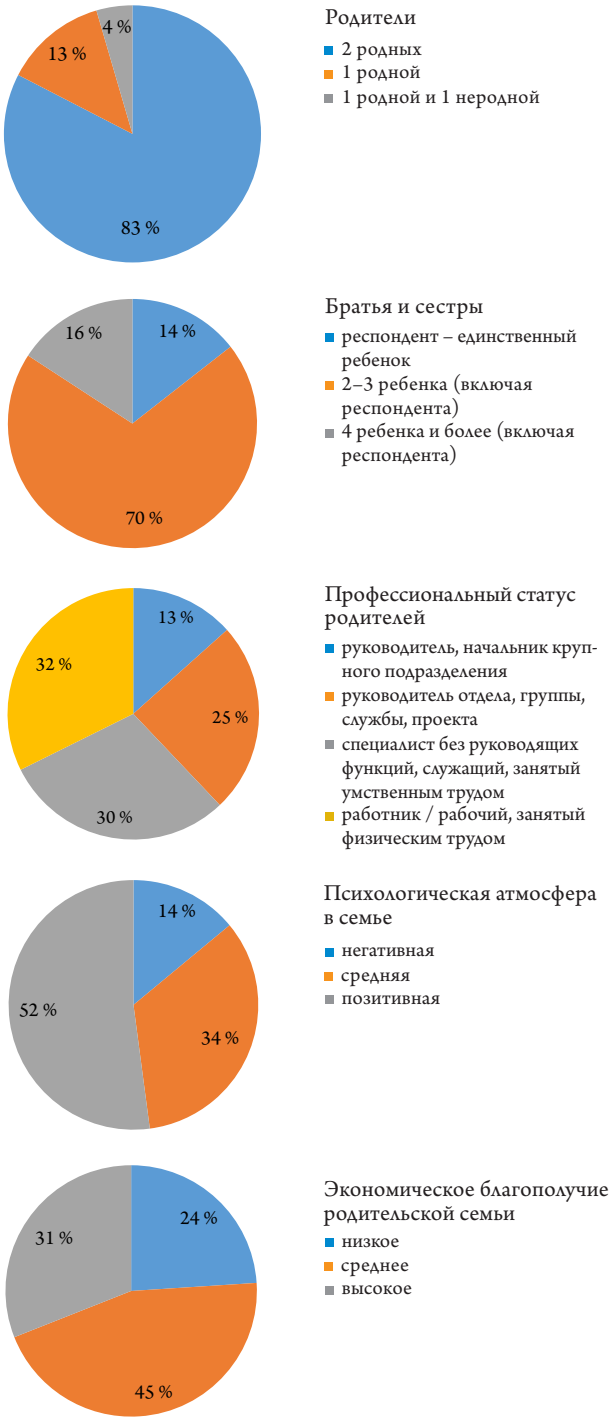

Рис. 2. Описательная статистика по категориальным дополнительным факторам
Fig. 2. Descriptive statistics on categorical additional factors

Табл. 1. Описательная статистика непрерывных переменных
Tab. 1. Descriptive statistics on continuous variables

Показатель	N	Q1	Me	Q3	M	SD
Возраст	288	23	40	49	37,29	13,82
Психологическая атмосфера	286	8	9	10	8,27	1,93
Экономическое благополучие	271	30	39	46	36,98	10,29
Заработная плата	244	22000	30000	50000	41798	38895
Личный доход	272	22500	30000	50000	41660	37126

Прим.: N – объем наблюдений, Q1 – нижний квартиль, Me – медиана, Q3 – верхний квартиль, M – среднее значение, SD – стандартное отклонение.

и логарифмом дохода, поэтому в уравнение регрессии был включен и возраст, и его квадрат. Базовые категории остальных факторов представлены в табл. 2.

Табл. 2. Базовые категории качественных факторных переменных
Tab. 2. Basic categories of qualitative factor variables

Показатель	Базовая категория
Пол	женский
Тип населенного пункта – места рождения	большой город-миллионник или столица региона
Образование родителей	высшее и более
Состав родительской семьи – родители	2 родных родителя
Состав родительской семьи – количество детей	2–3 ребенка
Профессиональный статус родителей	специалист без руководящих функций, служащий, занятый преимущественно умственным трудом
Психологическая атмосфера	высокий уровень
Экономическое благополучие	средний уровень

2. По модели (1) рассчитываются прогнозные значения $\widehat{W_i}$, представляющие собой условные средние индивидуальных доходов при фиксированном наборе значений факторов-обстоятельств. В соответствии с ex-ante определением в случае равенства возможностей вариации $\widehat{W_i}$ быть не должно. Поэтому индекс неравенства, посчитанный по распределению $\widehat{W_i}$, и является абсолютной мерой неравенства возможностей. Для оценки вклада неравенства возможностей в неравенство дохода рассчитывают относительную меру неравенства возможностей:

$$\theta = I(\widehat{W_i})/I(W_i), \qquad (2)$$

где $I(\cdot)$ – мера неравенства. В качестве меры неравенства мы использовали L – индекс Тейла.

3. Вклад отдельных факторов оценивался с применением декомпозиции по Шепли [13]. В связи с небольшим объемом выборки мы не включали в анализ все дополнительные факторы одновременно, а добавляли их к базовому набору по одному.

Результаты

Приведем результаты регрессионного анализа влияния факторов-обстоятельств на индивидуальные достижения – личный доход (табл. 3) и заработную плату (табл. 4).

Устойчиво значимое влияние на доходы оказывает возраст: коэффициенты при возрасте и его квадрате имеют знаки, хорошо согласующиеся с экономической теорией. На втором месте – пол индивида. Доход мужчин при прочих равных условия значимо выше дохода женщин. Место рождения также имеет значение: люди, родившиеся в селе или городе, при прочих равных условиях имеют меньший доход, чем рожденные в мегаполисе. Низкий уровень образования родителей значимо отрицательно сказывается на доходах ребенка.

Из дополнительных факторов семейного бэкграунда не менее значимым предиктором, чем уровень образования родителей и место рождения, является состав семьи, в которой рос индивид. Индивиды, выросшие в семьях с обоими родными родителями, при прочих равных условиях во взрослом возрасте имеют больший доход, чем индивиды, выросшие в семьях только с одним родителем или с одним родным и одним неродным родителем. Анализ показывает, что низкое экономическое благосостояние родительской семьи также может иметь определенное значение: в модели с результативным показателем – личным доходом – этот фактор получился значимым, в регрессии заработной платы – нет. Кроме того, отрицательное влияние на личный доход может иметь то, что индивид был единственным ребенком в семье. Этот фактор получился значимым в расчетах с личным доходом, но не с заработной платой. Оценка вклада неравенства возможностей в неравенство достижений, декомпозиция общего неравенства возможностей по факторам-обстоятельствам и результаты разложения по Шепли представлены в табл. 5 и в табл. 6.

Как видно из приведенных данных, ранжирование факторов по их вкладу в неравенство возможностей в отношении личного дохода и заработной платы практически одинаково. Из изучаемых факторов семейного бэкграунда наибольшее значение имеют образование родителей и полнота родительской семьи. То, что полнота родительской семьи оказалась важным фактором неравенства возможностей в отношении доходов, заставляет

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-444-452

Табл. 3. Результаты регрессионного анализа (результативный показатель – личный доход)
Tab. 3. Regression analysis results (personal income)

Фактор	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5
Константа	2,1349***	2,1715***	2,1767***	2,1657***	2,1506
Образование родителей					
• начальное или неполное среднее	–0,0149	–0,0311*	–0,0332**	–0,0258	–0,0217
• полное среднее или начальное профессиональное	0,0015	–0,0058	–0,0051	–0,0023	–0,0018
• среднее профессиональное	0,0101	0,0049	0,0074	0,0062	0,0074
Пол					
• мужской	0,0301***	0,2822***	0,0257***	0,0274***	0,0239***
Возраст					
• возраст	0,0109***	0,0094***	0,0093***	0,0096***	0,0102***
• возраст^2	–0,0001***	–0,0001***	–0,0001***	–0,0001***	–0,0001***
Место рождения					
• город	–0,0169	–0,0218**	–0,0219**	–0,0233**	–0,0203*
• поселок городского типа	–0,0107	–0,0133	–0,0180	–0,0162	–0,0147
• село	–0,0184*	–0,0245**	–0,0252**	–0,0232**	–0,0218**
Профессиональный статус родителей					
• руководитель	0,0076	–	–	–	–
• начальник отдела, группы	0,0114	–	–	–	–
• работник, рабочий	–0,0056	–	–	–	–
Число детей в семье					
1	–	–0,0210*	–	–	–
4 и более	–	0,0008	–	–	–
Родители					
• 1 родной	–	–	–0,0378***	–	–
• 1 родной и 1 неродной	–	–	–0,0275*	–	–
Атмосфера					
• негативная	–	–	–	–0,0151	–
• умеренно благополучная	–	–	–	0,0012	–
Экономическое благополучие					
• низкое	–	–	–	–	–0,017*
• высокое	–	–	–	–	0,0075

Прим.: * – значимость на 10%-ном уровне, ** – значимость на 5%-ном уровне, *** – значимость на 1%-ном уровне.

Табл. 4. Результаты регрессионного анализа (результативный показатель – заработная плата)
Tab. 4. Regression analysis results (wages)

Фактор	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5
Константа	2,133***	2,1403***	2,1455***	2,1375***	2,1013***
Образование родителей					
• начальное или неполное среднее	–0,0236	–0,0310*	–0,0317*	–0,0275*	–0,0238
• полное среднее или начальное профессиональное	–0,0018	–0,0072	–0,0062	–0,0044	–0,0041
• среднее профессиональное	0,0069	0,0044	0,0064	0,0054	0,0068

Фактор	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5
Пол					
• мужской	0,0338***	0,0319***	0,0302***	0,0314***	0,0293***
Возраст					
• возраст	0,0115***	0,0115***	0,0114***	0,0115***	0,0134***
• возраст^2	–0,0001***	–0,0001***	–0,0001***	–0,0001***	–0,0001***
Место рождения					
• город	–0,0149	–0,0187*	–0,0194**	–0,0194*	–0,0159
• поселок городского типа	–0,0106	–0,0135	–0,0170	–0,0146	–0,0142
• село	–0,0167	–0,0228**	–0,0237**	–0,0218**	–0,0207**
Профессиональный статус родителей					
• руководитель	0,0048	–	–	–	–
• начальник отдела, группы	–0,0000	–	–	–	–
• работник, рабочий	–0,0087	–	–	–	–
Число детей в семье					
• 1	–	–0,0133	–	–	–
• 4 и более	–	0,0007	–	–	–
Родители					
• 1 родной	–	–	–0,0262**	–	–
• 1 родной и 1 неродной	–	–	–0,0302**	–	–
Атмосфера					
• негативная	–	–	–	–0,0065	–
• умеренно благополучная	–	–	–	0,0032	–
Экономическое благополучие					
• низкое	–	–	–	–	–0,0125
• высокое	–	–	–	–	0,0127

Прим.: * – значимость на 10%-ном уровне, ** – значимость на 5%-ном уровне, *** – значимость на 1%-ном уровне.

по-новому взглянуть на значимость семейной политики. Существующие тренды на увеличение числа разводов, рождений детей вне брака, ослабление места семьи в ценностных ориентирах отмечаются многими российскими исследователями. Например, В. П. Борисенков и О. В. Гукаленко охарактеризовали факторы, способствующие ослаблению влияния семьи на подрастающее поколение, установили особенности и тенденции, характеризующие трансформацию института семьи [14]. Влияние развода родителей на психическое состояние детей анализируется в работе И. М. Петровой [15]. Наши расчеты свидетельствуют о том, что эти процессы могут иметь долгосрочное негативное влияние на темпы экономического роста и развития, ухудшая будущие индивидуальные достижения во взрослой жизни.

Заключение

Проведенные расчеты позволили определить, какие дополнительные факторы семейного бэкграунда, традиционно не принимаемые во внимание, могут быть полезны для более корректного измерения неравенства возможностей в отношении индивидуального дохода и заработной платы. Из пяти дополнительных факторов, включенных в анализ, наиболее ценным оказался состав родительской семьи. Установлено, что индивиды, выросшие в полных семьях, при прочих равных условиях во взрослом возрасте имеют больший доход, чем индивиды, выросшие в семьях только с одним родителем или с одним родным и одним неродным родителем. Кроме того, низкое экономическое благосостояние родительской семьи также может иметь определенное негативное влияние на будущие доходы.

В целом теория равных возможностей предлагает оригинальный подход к проблеме неравенства, актуальной для большинства стран. Представляется, что усилия, направленные на обеспечение равных возможностей в достижении жизненного успеха, способны обеспечить долгосрочный тренд на сокращение неравенства, построение более справедливого общества и снижение градуса социальной напряженности, обусловленного запросом на равенство и справедливость.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-444-452

Табл. 5. Результаты оценки неравенства возможностей в отношении личного дохода и вклада в него отдельных факторов

Tab. 5. Assessment of inequality of opportunities in relation to personal income and individual factors

Показатель	Базовая	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5
$I(\widehat{w_i})$	0,000398	0,000437	0,000426	0,000472	0,000413	0,000402
θ, %	18,21	19,71	19,46	21,59	18,86	18,27
Вклад факторов, %						
Образование родителей	10,31	7,77	9,29	9,92	8,93	8,30
Пол	23,19	24,99	22,18	18,29	22,31	17,88
Возраст	54,70	54,09	50,06	44,53	52,75	55,03
Место рождения	11,80	7,94	11,71	10,97	12,19	10,97
Профессиональный статус родителей	–	5,20	–	–	–	–
Число детей	–	–	6,77	–	–	–
Родители	–	–	–	16,29	–	–
Атмосфера	–	–	–	–	3,81	–
Экономическое благосостояние	–	–	–	–	–	7,82

Табл. 6. Результаты оценки неравенства возможностей в отношении заработной платы и вклада в него отдельных факторов

Tab. 6. Assessment of inequality of opportunities in relation to wages and individual factors

Показатель	Базовая	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5
$I(\widehat{w_i})$	0,000429	0,000448	0,000440	0,000477	0,000433	0,000466
θ, %	22,78	23,76	23,38	25,34	23,02	24,57
Вклад факторов, %						
Образование родителей	9,67	8,40	9,19	9,54	8,99	9,46
Пол	27,00	29,92	26,59	23,16	26,51	21,54
Возраст	52,75	50,85	50,96	46,58	51,54	54,15
Место рождения	10,58	7,56	10,55	10,34	10,84	8,73
Профессиональный статус родителей	–	3,27	–	–	–	–
Число детей	–	–	2,71	–	–	–
Родители	–	–	–	10,38	–	–
Атмосфера	–	–	–	–	2,11	–
Экономическое благосостояние	–	–	–	–	–	6,12

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.
Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-410-020017 р_а «Неравенство возможностей в Республике Башкортостан: анализ и измерение на микроданных».

Литература

1. Transition report 2016–17. Transition for all: equal opportunities in an unequal world. London: European Bank for Reconstruction and Development, 2016. 108 p. Режим доступа: https://www.ebrd.com/news/publications/transition-report/transition-report-201617.html (дата обращения: 08.10.2021).
2. El Enbaby H., Galal R. Inequality of opportunity in individuals' wages and households' assets in Egypt. Working Paper № 942. Giza: Economic Research Forum, 2015. 31 p. Режим доступа: http://bit.ly/2mR4uth (дата обращения: 08.10.2021).
3. Ferreira F. H. G., Gignoux J. The measurement of inequality of opportunity: theory and an application to Latin America // Review of Income and Wealth. 2011. Vol. 57. № 4. P. 622–657. https://doi.org/10.1111/j.1475-4991.2011.00467.x
4. Ибрагимова З. Ф., Франц М. В. Неравенство возможностей в Российской Федерации: измерение и оценка на микроданных // Прикладная эконометрика. 2019. № 2. С. 5–25. https://doi.org/10.24411/1993-7601-2019-10001

5. Hederos K., Jäntti M., Lindahl L. Gender and inequality of opportunity in Sweden // Soc Choice Welf. 2017. Vol. 49. № 3-4. P. 605–635. https://doi.org/10.1007/s00355-017-1076-2
6. Zhang Y., Eriksson T. Inequality of opportunity and income inequality in nine Chinese provinces, 1989–2006 // China Economic Review. 2010. Vol. 21. № 4. P. 607–616. https://doi.org/10.1016/j.chieco.2010.06.008
7. Ибрагимова З. Ф., Франц М. В. Информационное обеспечение исследований по неравенству возможностей: критический обзор и теоретическое обоснование // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 11-1. С. 70–76. https://doi.org/10.17513/vaael.791
8. Бухарбаева Л. Я., Егорова Ю. В., Ибрагимова З. Ф., Комлева Р. Н., Чурсина К. В., Франц М. В. Оценка неравенства возможностей в республике Башкортостан: программа исследования. Уфа: Аэтерна, 2019. 36 с.
9. Van de Gaer D. Equality of opportunity and investment in human capital: diss. … dr. philos. sci. Leuven: Catholic University of Leuven, 1993. 172 p.
10. Marrero G. A., Rodríguez J. G. Inequality of opportunity in Europe // Review of Income and Wealth. 2012. Vol. 58. № 4. P. 597–621. https://doi.org/10.1111/j.1475-4991.2012.00496.x
11. Ибрагимова З. Ф., Франц М. В. Неравенство возможностей в Российской Федерации: факторный анализ // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2019. № 5. С. 10–15.
12. Ибрагимова З. Ф., Франц М. В. Россия – страна возможностей? Смотря как считать // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 4–29. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1710
13. Shorrocks A. F. Decomposition procedures for distributional analysis: a unified framework based on the Shapley value // The Journal of Economic Inequality. 2013. Vol. 11. № 1. P. 99–126. https://doi.org/10.1007/s10888-011-9214-z
14. Борисенков В. П., Гукаленко О. В. Институт семьи и семейная политика в современной России: проблемы, тенденции и перспективы // Науковедение. 2014. № 5. Режим доступа: http://naukovedenie.ru/PDF/130PVN514.pdf (дата обращения: 10.10.2021).
15. Петрова И. М. Влияние развода родителей на психическое состояние детей // Смоленский медицинский альманах. 2015. № 3. С. 62–64.

original article

Unequal Opportunities and Individual Achievements: Effect of Family Background

Zulfiya F. Ibragimova
Bashkir State University, Russia, Ufa; https://orcid.org/0000-0003-0585-0170; Badertdinova@mail.ru

Marina V. Frants
Ufa State Aviation Technical University, Russia, Ufa

Received 12 Nov 2021. Accepted after peer review 6 Dec 2021. Accepted for publication 6 Dec 2021.

Abstract: Equal opportunity theory is based on the idea that inequality of individual achievements is a complex phenomenon. It is formed by two groups of factors: (1) one's own decisions and efforts (inequality of efforts) and (2) circumstances beyond one's control (inequality of opportunities). Therefore, wealth inequality caused by effort factors (1) is fair and is not to be compensated for, whereas differences in welfare caused by objective circumstances (2) are unfair and should be compensable (the compensation principle). This paper introduces an assessment of circumstances associated with family background: composition, psychological atmosphere, well-being, occupation, education, etc. Parents' education and two-parent status appeared to be the most important circumstances. Respondents who grew up in a two-parent family with both biological parents had a higher income than those who grew up in one-parent families or with one biological and one stepparent. The low economic status of the parental family also proved to affect the well-being of grown-up children. Thus, efforts to provide equal opportunities can have a long-term effect on social inequality and build a more just society.
Keywords: factors-efforts, factors-circumstances, compensation principle, family background, family policy, regression, social survey

Citation: Ibragimova Z. F., Frants M. V. Unequal Opportunities and Individual Achievements: Effect of Family Background. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(4): 444–452. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-444-452

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.
Funding: The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research as part of project No. 19-410-020017 p_a "Inequality of opportunities in the Republic of Bashkortostan: analysis and measurement on microdata".

References

1. *Transition report 2016–17. Transition for all: equal opportunities in an unequal world.* London: European Bank for Reconstruction and Development, 2016, 108. Available at: https://www.ebrd.com/news/publications/transition-report/transition-report-201617.html (accessed 8 Oct 2021).
2. El Enbaby H., Galal R. Inequality of opportunity in individuals' wages and households' assets in Egypt. *Working Paper № 942.* Giza: Economic Research Forum, 2015, 31. Available at: http://bit.ly/2mR4uth (accessed 8 Oct 2021).
3. Ferreira F. H. G., Gignoux J. The measurement of inequality of opportunity: theory and an application to Latin America. *Review of Income and Wealth,* 2011, 57(4): 622–657. https://doi.org/10.1111/j.1475-4991.2011.00467.x
4. Ibragimova Z. F., Frants M. V. Inequality of opportunity in the Russian Federation: measurement and evaluation using micro-data. *Applied Econometrics*, 2019, (2): 5–25. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/1993-7601-2019-10001
5. Hederos K., Jäntti M., Lindahl L. Gender and inequality of opportunity in Sweden. *Soc Choice Welf*, 2017, 49(3-4): 605–635. https://doi.org/10.1007/s00355-017-1076-2
6. Zhang Y., Eriksson T. Inequality of opportunity and income inequality in nine Chinese provinces, 1989–2006. *China Economic Review,* 2010, 21(4): 607–616. https://doi.org/10.1016/j.chieco.2010.06.008
7. Ibragimova Z. F., Frants M. V. Information support for research on opportunity inequality: critical review and theoretical foundation. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2019, (11-1): 70–76. (In Russ.) https://doi.org/10.17513/vaael.791
8. Bukharbaeva L. Ia., Egorova Iu. V., Ibragimova Z. F., Komleva R. N., Chursina K. V., Frants M. V. *Assessment of inequality of opportunities in the Republic of Bashkortostan: research program*. Ufa: Aeterna, 2019, 36. (In Russ.)
9. Van de Gaer D. *Equality of opportunity and investment in human capital*. Dr. Philos. Sci. Diss. Leuven: Catholic University of Leuven, 1993, 172.
10. Marrero G. A., Rodríguez J. G. Inequality of opportunity in Europe. *Review of Income and Wealth*, 2012, 58(4): 597–621. https://doi.org/10.1111/j.1475-4991.2012.00496.x
11. Ibragimova Z. F., Frants M. V. Inequality of opportunities in the Russian Federation: factor analysis. *Ekonomka i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal*, 2019, (5): 10–15. (In Russ.)
12. Ibragimova Z. F., Frants M. V. Is Russia a land of opportunity? It depends on how you look at it. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, (6): 4–29. (In Russ.) https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1710
13. Shorrocks A. F. Decomposition procedures for distributional analysis: a unified framework based on the Shapley value. *The Journal of Economic Inequality*, 2013, 11(1): 99–126. https://doi.org/10.1007/s10888-011-9214-z
14. Borisenkov V. P., Gukalenko O. V. The institution of the family and family policy in modern Russia: problems, trends and prospects. *Naukovedenie*, 2014, (5). Available at: http://naukovedenie.ru/PDF/130PVN514.pdf (accessed 10 Oct 2021). (In Russ.)
15. Petrova I. M. The influence of parental divorce on the mental state of children. *Smolenskii meditsinskii almanakh*, 2015, (3): 62–64. (In Russ.)

оригинальная статья

Доверие населения к институтам власти в контексте парасоциальных отношений в современном российском обществе

Валентин Геннадьевич Немировский
Тюменский государственный университет, Россия, г. Тюмень; https://orcid.org/0000-0002-4076-465X; valnemirov@mail.ru

Алексей Сергеевич Новиков
ООО «Технологии Социальных Исследований», Россия, г. Красноярск

Поступила в редакцию 08.10.2021. Принята после рецензирования 29.10.2021. Принята в печать 15.11.2021.

Аннотация: В статье представлены теоретические основы концепции доверия как феномена парасоциальных отношений. Отличительной характеристикой парасоциального отношения выступает именно его односторонняя природа, поскольку объект подобного отношения нередко может не подозревать о существовании самого субъекта. Новизна определена слабой изученностью феномена парасоциальных отношений при формировании доверия российского населения к социальным институтам власти. Невысокое, согласно многочисленным социологическим исследованиям, институциональное доверие в России, его снижение в связи с пандемией COVID-19, с одной стороны, и неизученность парасоциальных отношений населения к институтам власти – с другой, делают актуальной задачу теоретического осмысления возможных механизмов взаимодействия доверия и парасоциальных отношений к институтам. Цель статьи – теоретический анализ доверия населения институтам власти в контексте феномена парасоциальных отношений в современном российском обществе. Теоретико-методологической основой выступают концепции Р. Фальконе и К. Кастельфранчи (социокогнитивный подход), труды С. Московичи и Д. Жоделе (теория социальных представлений). Показано, что существует две формы институционального доверия: одна основана на социальных отношениях, другая опирается на парасоциальные. Делается вывод, что институциональное доверие в современной России сочетает социальную и парасоциальную формы. Они тесно взаимосвязаны, причем первая при определенных условиях может трансформироваться во вторую. Выдвинуто предположение, согласно которому дефицит социальных отношений к органам власти в российском социуме в условиях снижения институционального доверия может вести к их замещению менее устойчивыми парасоциальными отношениями, что актуализирует их дальнейшее изучение.

Ключевые слова: социальное доверие, институциональное доверие, парасоциальное взаимодействие, социальные представления, социальные институты, политические институты, пандемия COVID-19

Цитирование: Немировский В. Г., Новиков А. С. Доверие населения к институтам власти в контексте парасоциальных отношений в современном российском обществе // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 4. С. 453–462. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-453-462

Введение

Проблематика доверия на протяжении многих десятилетий остается одной из центральных тем обсуждений, в частности среди социологов, не только на теоретическом уровне, но и в эмпирических исследованиях. Теоретические основы его анализа были заложены еще такими классиками мировой социологии, как Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Ф. Теннис. К изучению доверия обращались Ш. Н. Эйзенштадт, П. М. Блау, Э. Гидденс, Дж. С. Коулман, Н. Луман, А. Селигмен, Ф. Фукуяма, П. Штомпка и др.

Теме нашей статьи созвучен подход Э. Гидденса, указавшего на существование двух видов доверия, критерием для различения которых выступает тип обязательств. Одно из них – к людям – опирается на личностные обязательства, другое – к абстрактным системам («анонимным другим») – на безличностные. Если условием возникновения первого из них выступает прямое взаимодействие между людьми, то второй вид доверия носит безличный характер и реализуется вне конкретного взаимодействия [1, с. 38]. Иными словами, он корреспондируется с парасоциальными отношениями. В ряде работ оправданным является различение социальных и парасоциальных отношений, соответственно, как основанных и не основанных на социальном обмене [2–5]. В контексте данной статьи мы опираемся на классические подходы к социальному обмену, сформулированные американскими учеными Дж. К. Хомансом [6] и П. М. Блау [7]. Последний из упомянутых авторов выдвигает определение, согласно которому под социальным обменом понимаются «действия, зависящие от получаемых одними людьми от других вознаграждений и прекращающиеся с окончанием этих вознаграждений» [7, с. 77]. На наш взгляд, тема парасоциальных отношений, довольно широко исследуемая в различных дисциплинах: психологии, политологии, теории коммуникации, пока не получила должного освещения в социологии. Между тем доверие субъекта парасоциальных отношений к их объекту относится к важнейшим атрибутам этих отношений [8].

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-453-462

Доверие в человеческом обществе является сложным феноменом, представляющим научный интерес для современных российских авторов. В статье В. Н. Давыденко и соавторов всесторонне анализируется «междисциплинарная тематика доверия в терминах "зонтичного эффекта" конкурирующих парадигм и подходов» [9, с. 128]. Глубоко и системно исследуется доверие в работах И. В. Антоненко [10–11], которая рассматривает его в контексте процессов взаимодействия внутри системы социальных взаимоотношений: «степень доверия напрямую определяет качество взаимодействия, его эффективность и, значит, результат. А результат взаимодействия, в свою очередь, влияет на стороны взаимодействия. Если взаимодействия между субъектом и объектом продолжаются, то на их основе складывается и развивается система взаимоотношений и социальных практик, в основе которых лежит достигнутый уровень доверия, но которое постепенно "обрастает" множеством других отношений (позитивных, нейтральных или негативных) в зависимости от степени доверия / недоверия» [12, с. 101–102].

Одним из важнейших аспектов доверия является институциональное доверие, в том числе доверие институтам власти. Можно согласиться с И. Н. Шориной, определяющей его как «доверие к макросоциологическим структурам в обществе, которое возникает под влиянием экономических, политических и социокультурных процессов» [13, с. 272]. Исследования, проведенные М. Сасаки и соавторами, свидетельствуют: «Институциональное доверие обеспечивает социальную стабильность общества в целом. Высокое институциональное доверие способствует социально-политической активности и позитивному отношению к действующим политикам и социальным организациям» [14, с. 24].

Давняя традиция институциональных исследований и возникший на ее основе неоинституционализм (Г. Спенсер, Д. Э. Дюркгейм, М. Вебер, Д. С. Норт, Ю. Хабермас, Т. Парсонс, Т. Лукман, П. Л. Бергер и др.) породили различные подходы к пониманию социальных институтов, при этом анализ специфики существующих институциональных подходов не входит в задачу данной статьи. На наш взгляд, социальные институты можно определить как устойчивые формы жизнедеятельности людей, закрепленные в юридических, моральных нормах и традициях. Одним из основных видов социальных институтов выступают политические институты, обеспечивающие функционирование политической системы общества.

Система органов власти (выступающих как политические институты, а конкретнее – институты власти) в нашей стране определяется Конституцией РФ и законодательством РФ. В качестве институтов власти мы рассматриваем не только систему органов государственной власти (Президент РФ, Федеральное Собрание, Правительство РФ, суды РФ), но и органы власти, создаваемые ими на федеральном и региональном уровнях, а также разнообразные модели органов местного самоуправления. Наконец, нельзя оставить без внимания институт политического лидерства, который в современных обществах выступает одним из ключевых институтов власти. По справедливому замечанию Н. С. Горбачевой, «в рамках неоинституционального подхода осуществляется оптимальное исследование национального политического лидерства: он подразумевает под политическим лидерством особый политический институт, то есть своеобразную модель социальных отношений, которая находит отражение в политических связях, персонификации политики, а также артикуляции интересов социальных групп» [15, с. 21].

Как российскими, так и зарубежными учеными всесторонне анализируются различные социальные, экономические, социально-политические и социокультурные факторы, определяющие доверие населения к институтам власти (институциональное доверие), в частности к государству [4; 8; 10–12; 16–26]. Весьма активно изучаются состояние и динамика социального доверия населения России. Однако рассмотрение парасоциальных отношений как фактора социального доверия остается вне рамок социологических исследований.

Аксиоматичным в социально-политических науках является тот факт, что уровень институционального доверия непосредственно сопряжен с наличием обратной связи в механизме госуправления и с возможностью граждан оказывать влияние на действия органов государственной власти. При этом по результатам исследований, проведенных РГГУ в июне 2020 г. (n=1900), выявлено, что более 90 % респондентов дали отрицательный ответ на вопрос *Можете ли вы влиять на принятие государственных решений в стране / принятие решений республиканской, краевой, областной власти?*[1] Приведенные данные характеризуют не только состояние морально-психологической атмосферы в российском обществе, но и эффективность социального управления в государстве. Подчеркнем, что возможность влиять на действия органов власти – признак социальных отношений, невозможность – парасоциальных, которые мало изучены в данном ракурсе с позиций социологии.

Отметим, что на уровне институционального доверия в нашей стране негативно сказались последствия пандемии коронавируса. Так, по результатам «опроса, проведенного экспертами компании Online Market Intelligence (OMI) и центра социального проектирования "Платформа", <…> уровень доверия к институтам государства и вера в то, что оно готово прийти на помощь

[1] Тощенко Ж. Т. Российские парадоксы: многообразие и безобразия // Независимая газета. 22.06.2020. Режим доступа: https://www.ng.ru/scenario/2020-06-22/9_7891_paradoxes.html (дата обращения: 01.10.2021).

гражданам, за время пандемии коронавируса снизились у 61 % россиян»[2].

Согласно выводам М. О. Макушевой и Т. А. Нестик, «Вызванный пандемией кризис обострил в российском обществе проблему доверия – межличностного, обобщенного, институционального». В процессе опросов, проводившихся в апреле – мае 2020 г., учеными «фиксировался низкий и снижающийся уровень доверия официальной информации о коронавирусе, низкий уровень доверия социальным институтам – государству, СМИ, здравоохранению и науке» [27, с. 428]. Таким образом, в условиях негативных последствий пандемии обострились проблемы доверия со стороны населения страны к институтам власти. Актуальность анализа проблематики парасоциальных отношений в современной ситуации отмечают и зарубежные авторы. Например, исследования свидетельствуют о значительно более активном обращении к социальным сетям в условиях карантина, когда население ищет утешение с помощью парасоциальных и ограниченных социальных средств. По мнению К. Л. Яржины, эту ситуацию можно использовать как идеальную для анализа парасоциальных отношений [28].

Итак, невысокое институциональное доверие в России, его снижение в связи с пандемией COVID-19, с одной стороны, и неизученность парасоциальных отношений населения к институтам власти – с другой (при их несомненном присутствии, о чем свидетельствует невозможность населения влиять на действия ряда институтов власти), делают актуальной задачу теоретического осмысления возможных механизмов взаимодействия доверия и парасоциальных отношений к этим институтам. Соответственно, цель статьи – теоретический анализ социального доверия населения институтам власти в качестве феномена парасоциальных отношений в современном российском обществе.

Феномен парасоциального отношения и доверие как его атрибут

Термин *парасоциальное отношение* был впервые использован Д. Хортоном и Р. Р. Уолом[3] в работе «Массовая коммуникация и парасоциальное взаимодействие: наблюдения за близостью на расстоянии» для характеристики взаимодействия зрителя и героя телевизионных программ [3]. «Важным компонентом парасоциального отношения является именно его односторонняя природа. Зритель сопереживает герою телефильма и с интересом следит за его приключениями, что порождает заметную эмоциональную включенность, но никакого социального обмена между зрителем и героем не происходит. Помимо односторонней природы, можно отметить эмоциональную насыщенность парасоциальных отношений. Это вряд ли можно отрицать – несмотря на фактическое отсутствие социального обмена, любое телевизионное шоу, прежде всего, вовлекает зрителя эмоционально» [29, с. 18].

О широкой распространенности парасоциальных отношений населения к органам власти свидетельствует наш опыт применения для их изучения качественных социологических методов: фокус-групп и глубинных интервью. В одной из наших работ на основе проведения глубинного фокус-группового интервью в регионах Сибирского Федерального округа в 2007–2018 гг. по единой методике (выборочная совокупность – 758 человек, количество фокус-групп – 84) была обоснована гипотеза, в соответствии с которой «отношение к власти в действительности является не социальным отношением, а парасоциальным» [29, с. 18] (см. также [30, с. 67]).

Тематика институционального доверия широко представлена в исследованиях как отечественных [13; 14; 16–19; 31], так и зарубежных [4; 8; 20–22; 24–26] авторов. В частности, Э. М. Усланер, анализируя многофакторность доверия, показывает, что существуют четкие различия между общим доверием, частным доверием и доверием к институтам [26]. В работе М. Леви и Л. Стокер приводится подробный обзор исследований, основанных на опросах граждан об их отношении к правительству и политикам, а также исторических и сравнительных исследований конкретных ситуаций в области институционального доверия. Авторы более подробно рассматривают четыре темы [8]:

1) политическое доверие и участие в политической жизни;
2) политическое доверие, общественное мнение и голосование;
3) политическое доверие и заслуживающее доверия правительство;
4) взаимосвязь политического и социального доверия.

Доверие населения к институтам власти во многом формируется как за счет непосредственного взаимодействия с ними, прямой оценки их деятельности в процессе социальных отношений, так и опосредованно (с помощью СМИ и Интернета). И чем выше уровень института, тем больше степень опосредованности взаимодействия с ним населения, соответственно, тем большее значение для формирования доверия играют отношения населения к институту, осуществляемые посредством СМИ и Интернета (т. е. парасоциальные отношения). Например, если с представителями органов местного самоуправления человек может быть знаком лично, встречаться на каких-либо мероприятиях (в процессе исполнения ими должностных функций), то с руководителями высших органов государственной власти он взаимодействует, как правило, односторонне (в процессе их выступлений

[2] Галимова Н., Гордеев В. За время пандемии уровень доверия к государству упал у 61 % россиян // РБК. Режим доступа: 26.05.2020. https://www.rbc.ru/society/26/05/2020/5eccff7b9a794728f8f0f327 (дата обращения: 01.10.2021).

[3] Фамилия Уол имеет разное написание в научной литературе (Вол, Воль). Такой вариант перевода предложен авторами статьи.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-453-462

в СМИ и Интернете). Так, К. Калхун оценивает отношения, реализуемые через Интернет, как парасоциальные: «технологическая опосредованность и физическая непредставленность участников сообщества создают лишь иллюзию близости, между тем настоящие сообщества могут формироваться лишь на основе социальных интеракций лицом к лицу» [32, с. 107].

В контексте исследуемой темы существенно, что парасоциальная теория рассматривает эмоциональную связь людей с политическими фигурами как форму парасоциальных отношений. При этом исследования М. А. Хакима показывают, что парасоциальные отношения с политиками (PSRs) – это устойчивая, долгосрочная, обычно позитивная односторонняя форма отношений; «интимность», которая может развиться по отношению и к другим общественным деятелям: знаменитостям или спортсменам [33].

Доверие субъекта парасоциальных отношений к их объекту выступает одним из центральных элементов этих отношений. Неслучайно исследование, осуществленное Дж. Коэном и Р. Л. Холбертом, определяет способность парасоциальных отношений прогнозировать на этой основе поддержку политических кандидатов и выборных должностных лиц. Так, опираясь на результаты опроса более 2000 взрослых респондентов в США в мае 2017 г., авторы заключили, что парасоциальные отношения оказываются мощным предиктором поддержки Д. Трампа, опережающим все другие факторы (включая поведение в прошлом голосовании 2016 г.) [34].

Как видим, согласно ряду исследований, существенную роль в парасоциальных отношениях к органам власти играет доверие, в данном случае – институциональное доверие. Таким образом, отношение населения к институтам власти, в том числе к институту политических лидеров, в современном российском обществе в ряде случаев можно рассматривать как парасоциальное. Подчеркнем, что последнее предполагает доверие индивида субъекту власти.

Уровни анализа социального доверия как феномена парасоциальных отношений на основе модели Р. Фальконе и К. Кастельфранчи

Для рассмотрения институционального доверия в контексте парасоциальных отношений представляется перспективным использовать различные уровни анализа, в частности выделяемые в соответствии с теорией структурации Э. Гидденса [35]. Как минимум, можно предположить различную природу и механизмы социального доверия, функционирующие на микро- и макроуровнях. С этой точки зрения представляет интерес модель анализа доверия, примененная в работе Р. Фальконе и К. Кастельфранчи. Авторы используют социокогнитивный подход, в котором разделяют три аспекта доверия:

- диспозициональный (установочный) аспект;
- аспект принятия решений (решение стать «уязвимым»);
- поведенческий аспект (акт доверия как последовательно развивающееся отношение между доверяющим и тем, кому доверяют) [36].

Аспект «уязвимости» имеет значение для психологического анализа межличностных взаимоотношений. Для социологического анализа больший интерес представляют два других аспекта: ***диспозициональный*** и ***поведенческий***. В социологии ***поведенческий аспект*** доверия нередко называют *межличностным*. Этот аспект рассматривается авторами работы как *ситуативное доверие* в рамках взаимодействия отдельных субъектов. ***Диспозициональный аспект*** выступает как своеобразный *социальный фон*, регулирующий общую вероятность проявления доверия. Вслед за итальянскими исследователями можно предполагать, что диспозициональный и поведенческий аспекты доверия связаны между собой, но их формирование и проявления атрибутируются различным уровням социальной системы.

Мы считаем корректной атрибуцию ***поведенческого доверия*** микроуровню *социальных взаимодействий*. Субъект (личность или группа) на микроуровне вступает в ряд основанных на обмене социальных взаимодействий, в каждом из которых он принимает отдельное решение о доверии другой стороне. Доверие здесь является во многом ситуативным и зависит от контекста, от самой ситуации, в которой разворачивается взаимодействие. Контекст в данном случае эквивалентен условиям совершающегося социального обмена. Многие наши взаимоотношения на микроуровне опосредованы, например, деньгами (или обобщенным эквивалентом труда). Поскольку мы находимся в рамках цепей взаимообмена, доверие выступает эпифеноменом такого устройства отношений. Повторяющиеся успешные взаимообмены рождают социальное доверие.

В то же время цепь обменов на макроуровне ускользает от внимания микросубъекта (субъекта, действующего на социальном микроуровне: малой группы или личности). Примером является отношение личности к социальным институтам власти, которое обычно характеризуется двумя чертами:

1) сложно вербализуется и сложно концептуализируется за пределами простой бинарной оппозиции в терминах *хорошо / плохо;*
2) не описывается в терминах отношений обмена (причем обеими его сторонами).

Ни в одном из этих случаев нет в чистом смысле слова отношения обмена. Со стороны избирателя власть описывается как *нравящаяся* либо *ненравящаяся*. Со стороны власти население описывается как *лояльное* либо *протестное* или *оппозиционное*. При этом стороны не вступают в отношения социального взаимодействия. Это подтверждается результатами электоральных исследований, где общим местом является поддерживаемый избирателями тезис: «они (власть) для нас ничего не делают, на нашу жизнь никак не влияют». Хотя индикаторы могут быть

разными, исследовательская стратегия – качественной и количественной, в целом определенное снижение доверия населения к власти фиксируется в ряде электоральных исследований в отношении органов государственного и муниципального управления[4]. На значимость данной проблематики указывает и тот факт, что тема одного из номеров журнала «Политическая наука» – «Выборы и электоральные исследования» (11 статей) [38].

Итак, обозначим методологические тезисы, существенные для понимания доверия к органам власти как феномена парасоциальных отношений:

1. Воспроизведенное в примере выше отношение является отношением микросубъекта (отдельного избирателя) к макросубъекту (институту власти).
2. В таком отношении макросубъект неизбежно персонифицируется, при этом низводится микросубъектом до близкого ему уровня.
3. Макросубъект неизбежно теряет в сознании микросубъекта социальное качество, поскольку непосредственно характеризующие его отношения на микроуровне не существуют.

Обоснованное возражение к первому тезису заключается в том, что микросубъект (отдельный избиратель) в социологическом исследовании должен репрезентировать некоторый социальный слой, группу. Однако на практике такая репрезентация представляет собой не действительное, а желаемое положение дел. Любой респондент (особенно в качественном исследовании) всегда действует исходя из личной ситуации.

Макросубъект персонифицируется потому, что иначе он не может быть понят и описан микросубъектом в рамках актуальной картины социальных отношений. Для избирателя нет власти как таковой. Есть президент, районный депутат, сотрудник районной налоговой инспекции и т. д., к которым избиратель испытывает определенные отношения. И в момент ответа на вопрос исследователя об отношении к власти избиратель реконструирует, осознает и вербализует не всю картину этих отношений, а одно или несколько из них.

Об аналогичной персонификации отношения пишут, например, С. Московичи [39] и Д. Жоделе [40], разрабатывавшие теорию социальных представлений. По их мнению, персонификация является непременным этапом в становлении социального представления. Это означает, что любые отношения персонифицируются респондентом через микроуровень. Даже отношение к макросубъектам в рамках исследовательской процедуры репрезентируется как ряд простейших диадных взаимодействий.

Картина отношений *избиратель – власть* не рефлексируется избирателем хотя бы потому, что *избиратель* никак не взаимодействует с собственно *властью*. Он участвует в ряде социальных взаимодействий с конкретными субъектами. Для того, чтобы сформулировать отношение к власти, ему нужно обобщить опыт целого ряда взаимодействий, после чего сопоставить этот обобщенный опыт со своим представлением о власти.

Во взаимодействии микро- и макросубъектов *институциональное доверие* является не результатом отношений, а их предпосылкой. Формируется оно из следующего рассуждения: «Этот политик похож на меня, поэтому я ему доверяю». На микроуровне (в «рыночном» случае) *межличностное доверие* работает иначе: «Я много раз покупал мясо у знакомого мясника, он не продает мне тухлятину, поэтому я ему доверяю». На основании вышесказанного можно выделить следующие социальные механизмы институционального доверия:

- ***социальные отношения (микроуровень):*** сначала успешный социальный обмен (желательно не один), потом доверие;
- ***парасоциальные отношения (макроуровень):*** сначала сходство (или «эмоциональное зацепление» в терминологии Д. Жоделе), потом доверие, затем обмен (не являющийся при этом необходимым). Или фиксация непохожести, недоверие и никакого обмена (но все равно существующее парасоциальное отношение).

Заключение

Опора на теорию структурации Э. Гидденса и сформулированное им представление о двух видах доверия, концепции социального обмена Дж. К. Хоманса и П. М. Блау, работы Р. Фальконе и К. Кастельфранчи, использующих социокогнитивный подход, концепции С. Московичи и Д. Жоделе о социальных представлениях дают возможность осуществить теоретический анализ доверия к институтам власти как феномену парасоциальных отношений. В результате проведенного анализа выявлено существование двух форм институционального доверия, различаюшихся по своим социальным механизмам:

1) ранее не изучавшееся в отечественной социологии институциональное доверие как *парасоциальный* конструкт (некое базовое доверие, которое не исходит из социального взаимодействия, оно «просто есть»);
2) глубоко изученное институциональное доверие, основанное на *социальных* отношениях (в большинстве случаев являющееся результатом ряда успешных социальных взаимодействий).

Если в первом случае влияние СМИ и Интернета является ведущим в формировании институционального доверия как парасоциального конструкта, то во втором его также нельзя исключать, однако первичны социальные отношения. Таким образом, институциональное доверие в современной России сочетает парасоциальную

[4] Политические индикаторы // Доминанты. 21.02.2019. № 7. С. 2–13. Режим доступа: https://bd.fom.ru/pdf/d07pi2019.pdf (дата обращения: 01.10.2021); СоциоДиггер / гл. ред. А. Кулешова. М.: ВЦИОМ, 2021. Т. 2. № 7. С. 74–100; см. также [37].

и социальную формы. Они тесно взаимосвязаны, причем первая при определенных условиях может трансформироваться во вторую. Например, когда в начале пандемии COVID-19 имела место недостаточная готовность ряда медучреждений и некоторых региональных органов власти к работе в этой ситуации, *парасоциальная* составляющая отношения к данным социальным институтам в процессе более тесного взаимодействия населения с результатами их деятельности превращалась в *социальные* отношения. В случае падения институционального доверия со стороны граждан возможно нарастание протестного потенциала по отношению к тем институтам, с которыми они уже находятся в социальных отношениях. При этом есть основания предполагать, что дефицит *социальных* отношений может вести к их замещению *парасоциальными* [28]. Это свидетельствует о важности дальнейшего изучения социальных механизмов доверия к социальным институтам власти в контексте парасоциальных отношений и разработки социологической концепции институционального доверия как феномена парасоциальных отношений.

Безусловно, для более глубокой эмпирической обоснованности сделанных нами выводов необходимо проведение серьезных социологических исследований с использованием как качественной, так и количественной стратегий.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича. М.: Праксис, 2011. 352 с.
2. Giles D. C. Parasocial interaction: a review of the literature and a model for future research // Media Psychology. 2002. Vol. 4. № 3. P. 279–305. https://doi.org/10.1207/S1532785XMEP0403_04
3. Horton D., Wohl R. R. Mass communication and para-social interaction: observations on intimacy at a distance // Psychiatry. 1956. Vol. 19. № 3. P. 215–229. https://doi.org/10.1080/00332747.1956.11023049
4. Mishler W., Rose R. What are the origins of political trust? Testing institutional and cultural theories in post-Communist societies // Comparative Political Studies. 2001. Vol. 34. № 1. P. 30–62. https://doi.org/10.1177/0010414001034001002
5. Perse E. M., Rubin R. B. Attribution in social and parasocial relationships // Communication Research. 1989. Vol. 16. № 1. P. 59–77. https://doi.org/10.1177/009365089016001003
6. Homans G. C. Social behavior: its elementary forms. N. Y.; Burlingame: Harcourt, Brace & World Inc., 1961. 404 p.
7. Blau P. M. Exchange and power in social life. N. Y.: John Wiley & Sons, 1964. 352 p.
8. Levi M., Stoker L. Political trust and trustworthiness // Annual Review of Political Science. 2000. Vol. 3. P. 475–507. https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.3.1.475
9. Давыденко В. А., Ромашкина Г. Ф., Андрианова Е. В., Лазутина Д. В. Метафора доверия: «зонтичный эффект» в мировой науке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 127–142. https://doi.org/10.15838/esc.2018.6.60.8
10. Антоненко И. В. Социально-психологическое исследование феномена доверия в сфере деловых отношений. М.: ГУУ, 2003. 51 с.
11. Антоненко И. В. Социально-психологическая концепция доверия. М.: Флинта; Наука, 2006. 479 с.
12. Антоненко И. В. Социальная психология доверия // Приволжский научный вестник. 2014. № 11-2. С. 99–104.
13. Шорина И. Н. Институциональное доверие в современном российском обществе (региональный аспект) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 8. С. 271–274.
14. Сасаки М., Давыденко В. А., Латов Ю. В., Ромашкин Г. С., Латова Н. В. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России // Журнал институциональных исследований. 2009. Т. 1. № 1. С. 20–35.
15. Горбачева Н. С. Методология исследования политического лидерства // Философия права. 2015. № 5. С. 18–22.
16. Вахтина М. А. Доверие к государству как фактор повышения его эффективности // Журнал институциональных исследований. 2011. Т. 3. № 3. С. 57–65.
17. Кобелева Х. А. Институциональное доверие в современной России через призму политического генотипа // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. 2016. № 1. С. 51–53.
18. Максимова С. Г., Морковкина А. Г. Межличностное и институциональное доверие как социальный капитал гражданского общества в различных по социально-экономическому развитию регионах Российской Федерации // Политика и общество. 2017. № 4. С. 121–133. https://doi.org/10.7256/2454-0684.2017.4.19848
19. Доверие институтам: основные факторы и социально-политический контекст // Российское общество и вызовы времени / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. Кн. 5. С. 168–187.
20. Aghion P., Algan Y., Cahuc P., Shleifer A. Regulation and distrust // The Quarterly Journal of Economics. 2010. Vol. 125. № 3. P. 1015–1049. https://doi.org/10.1162/qjec.2010.125.3.1015

21. Dalton R. J. The social transformation of trust in government // International Review of Sociology. 2005. Vol. 15. № 1. P. 133–154. https://doi.org/10.1080/03906700500038819
22. Drakos K., Kallandranis C., Karidis S. Determinants of trust in institutions: survey-based evidence from the European Union. Regent's Working Papers in Business & Management. London: Regent's University London, 2016. Working Paper 1607: RWPBM1607. 24 p.
23. Freitag M., Traunmüller R. Spheres of trust: an empirical analysis of the foundations of particularised and generalised trust // Europian Journal of Politikal Research. 2009. Vol. 48. № 6. P. 782–803. https://dx.doi.org/10.1111/j.1475-6765.2009.00849.x
24. Christensen T., Lægreid P. Trust in government: the relative importance of service satisfaction, political factors, and demography // Public Performance & Management Review. 2005. Vol. 28. № 4. P. 487–511. https://doi.org/10.1080/15309576.2005.11051848
25. Tanny T. F., Al-Hossienie C. A. Trust in government: factors affecting public trust and distrust // Jahangirnagar Journal of Administrative Studies. 2019. № 12. P. 49–63.
26. Uslaner E. M. The moral foundation of trust // SSRN Electronic Journal. 2002. Ch. 3. 52 p. https://doi.org/10.2139/ssrn.824504
27. Макушева М. О., Нестик Т. А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427–447. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770
28. Jarzyna C. L. Parasocial interaction, the COVID-19 quarantine, and digital age media // Human Arenas. 2021. Vol. 4. № 3. P. 413–429. https://doi.org/10.1007/s42087-020-00156-0
29. Новиков А. С. Отношение к власти как парасоциальное отношение (опыт качественных социологических исследований в сибирских регионах) // Siberian Socium. 2018. Т. 2. № 2. С. 12–21. https://doi.org/10.21684/2587-8484-2018-2-2-12-21
30. Новиков А. С. Эмоциональные процессы в парасоциальных отношениях: возможности социологических исследований // Siberian Socium. 2019. Т. 3. № 3. С. 65–73. https://doi.org/10.21684/2587-8484-2019-3-3-65-73
31. Гужавина Т. А. Доверие как форма поддержки социальных институтов // Society and Security Insights. 2019. Т. 2. № 4. С. 40–53. https://doi.org/10.14258/ssi(2019)4-03
32. Calhoun C. Indirect relationships and imagined communities: large-scale social integration and the transformation of everyday life // Social Theory for a Changing Society / eds. P. Bourdieu, J. Coleman, 1st ed. Boulder: Westview Press, 1991. P. 95–130. https://doi.org/10.4324/9780429306440-4
33. Hakim M. A. Measuring the feeling of distant intimacy with political figures across cultures: development, construct validity, factor replicability, and measurement invariance of parasocial relationship with political figures (PSR-P) scale // Harvard Dataverse. 2018. https://doi.org/10.7910/DVN/F3KS7M
34. Cohen J., Holbert R. L. Assessing the predictive value of parasocial relationship intensity in a political context // Communication Research. 2018. Vol. 48. № 4. P. 501–526. https://doi.org/10.1177/0093650218759446
35. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структурации. 2-е изд. М.: Акад. проект, 2005. 528 с.
36. Falcone R., Castelfranchi C. Trust dynamics: how trust is influenced by direct experiences and by trust itself // Autonomous Agents and Multi-Agent Systems: Proc. 3rd Intern. Joint Conf. (New York, 19–23 Jul 2004) N. Y., 2004. Vol. 2. P. 740–747. https://doi.org/10.1109/AAMAS.2004.286
37. Злотковский В. И. Муниципальные выборы в крупном сибирском регионе в зеркале социолого-политологического анализа (2005–2020 гг.) // Siberian Socium. 2021. Т. 5. № 2. С. 78–91. https://doi.org/10.21684/2587-8484-2021-5-2-78-91
38. Политическая наука / гл. ред. Е. Ю. Мелешкина. М.: ИНИОН РАН, 2019. № 1. С. 13–205, 244–252. https://doi.org/10.31249/poln/2019.01.00
39. Moscovici S. The history and actuality of social representations // The Psychology of the Social / ed. U. Flick. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 209–247.
40. Jodelet D. Social representations: the beautiful invention // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2008. Vol. 38. № 4. P. 411–430. https://doi.org/10.1111/j.1468-5914.2008.00383.x

BULLETIN
Kemerovo State University
Political, Sociological, Economic

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-453-462

original article

People's Trust in Authorities as a Phenomenon of Parasocial Relations in Modern Russian Society

Valentin G. Nemirovsky
University of Tyumen, Russia, Tyumen; https://orcid.org/0000-0002-4076-465X; valnemirov@mail.ru

Aleksey S. Novikov
Technologies for Social Research, Russia, Krasnoyarsk

Received 8 Oct 2021. Accepted after peer review 29 Oct 2021. Accepted for publication 15 Nov 2021.

Abstract: The article features the concept of trust as a phenomenon of parasocial relations. Parasocial relationship is one-sided because its object is sometimes unaware of its subject. The phenomenon of people's trust in social institutions still remains largely understudied. The research was based on the sociocognitive approach developed by R. Falcone and C. Castelfranchi and the theory of social representations by S. Moscovici and D. Jodelet. In Russia, population's trust in authorities has always been low, and the COVID-19 pandemic is affecting it even more. The study revealed two forms of institutional trust, one based on social relations and the other based on parasocial relations. The institutional trust in modern Russia combines social and parasocial forms. They are closely interconnected, and the first can transform into the second. The deficit of social relations between Russian population and authorities in the conditions of declining institutional trust may lead to their replacement by less stable parasocial relations.

Keywords: social trust, institutional trust, parasocial interaction, social representations, social institutions, political institutions, COVID-19 pandemic

Citation: Nemirovsky V. G. Novikov A. S. People's Trust in Authorities as a Phenomenon of Parasocial Relations in Modern Russian Society. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(4): 453–462. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-453-462

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Giddens A. *The Consequences of Modernity*, tr. Olkhovikov G. K., Kibalchich D. A. Moscow: Praksis, 2011, 352. (In Russ.)
2. Giles D. C. Parasocial interaction: a review of the literature and a model for future research. *Media Psychology*, 2002, 4(3): 279–305. https://doi.org/10.1207/S1532785XMEP0403_04
3. Horton D., Wohl R. R. Mass communication and para-social interaction: observations on intimacy at a distance. *Psychiatry*, 1956, 19(3): 215–229. https://doi.org/10.1080/00332747.1956.11023049
4. Mishler W., Rose R. What are the origins of political trust? Testing institutional and cultural theories in post-Communist societies. *Comparative Political Studies*, 2001, 34(1): 30–62. https://doi.org/10.1177/0010414001034001002
5. Perse E. M., Rubin R. B. Attribution in social and parasocial relationships. *Communication Research*, 1989, 16(1): 59–77. https://doi.org/10.1177/009365089016001003
6. Homans G. C. *Social behavior: its elementary forms*. N. Y.; Burlingame: Harcourt, Brace & World Inc., 1961, 404.
7. Blau P. M. *Exchange and power in social life*. N. Y.: John Wiley & Sons, 1964, 352.
8. Levi M., Stoker L. Political trust and trustworthiness. *Annual Review of Political Science*, 2000, 3: 475–507. https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.3.1.475
9. Davydenko V. A., Romashkina G. F., Andrianova E. V., Lazutina D. V. Metaphor for trust: the "umbrella effect" in global science. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, 11(6): 127–142. (In Russ.) https://doi.org/10.15838/esc.2018.6.60.8
10. Antonenko I. V. *Socio-psychological study of the phenomenon of trust in the field of business relations*. Moscow: GUU, 2003, 51. (In Russ.)
11. Antonenko I. V. *The socio-psychological concept of trust.* Moscow: Flinta; Nauka, 2006, 479. (In Russ.)
12. Antonenko I. V. Social psychology of trust. *Privolzhskii nauchnyi vestnik*, 2014, (11-2): 99–104. (In Russ.)
13. Shorina I. N. Institutional trust in modern Russian society (regional aspect). *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2013, (8): 271–274. (In Russ.)

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

14. Sasaki M., Davydenko V. A., Latov Yu. V., Romashkin G. S., Latova N. V. Problems and paradoxes of institutional trust as an element of social capital in modern Russia analysis. *Journal of Institutional Studies*, 2009, 1(1): 20–35. (In Russ.)
15. Gorbacheva N. S. Research methodology of political leadership. *Philosophy of law,* 2015, (5): 18–22. (In Russ.)
16. Vakhtina M. A. Trust the state as an important factor of increasing its efficiency. *Journal of Institutional Studies,* 2011, 3(3): 57–65. (In Russ.)
17. Kobeleva Ch. A. Institutional trust in contemporary Russia through the prism political genotype. *Vestnik Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Istoriia. Politologiia. Sotsiologiia*, 2016, (1): 51–53. (In Russ.)
18. Maximova S. G., Morkovkina A. G. Interpersonal and institutional trust as the social capital of civil society in various regions of the Russian Federation in terms of socio-economic development. *Politika i obshchestvo*, 2017, (4): 121–133. (In Russ.) https://doi.org/10.7256/2454-0684.2017.4.19848
19. Trust in institutions: key factors and socio-political context. *Russian society and challenges of the time*, eds. Gorshkov M. K., Petukhov V. V. Moscow: Ves Mir, 2017, book 5, 168–187. (In Russ.)
20. Aghion P., Algan Y., Cahuc P., Shleifer A. Regulation and distrust. *The Quarterly Journal of Economics*, 2010, 125(3): 1015–1049. https://doi.org/10.1162/qjec.2010.125.3.1015
21. Dalton R. J. The social transformation of trust in government. *International Review of Sociology*, 2005, 15(1): 133–154. https://doi.org/10.1080/03906700500038819
22. Drakos K., Kallandranis C., Karidis S. *Determinants of trust in institutions: survey-based evidence from the European Union. Regent's Working Papers in Business & Management.* London: Regent's University London, 2016. Working Paper 1607: RWPBM1607, 24.
23. Freitag M., Traunmüller R. Spheres of trust: an empirical analysis of the foundations of particularised and generalised trust. *Europian Journal of Politikal Research*, 2009, 48(6): 782–803. https://dx.doi.org/10.1111/j.1475-6765.2009.00849.x
24. Christensen T., Lægreid P. Trust in government: the relative importance of service satisfaction, political factors, and demography. *Public Performance & Management Review*, 2005, 28(4): 487–511. https://doi.org/10.1080/15309576.2005.11051848
25. Tanny T. F., Al-Hossienie C. A. Trust in government: factors affecting public trust and distrust. *Jahangirnagar Journal of Administrative Studies*, 2019, (12): 49–63.
26. Uslaner E. M. The moral roundation of trust. *SSRN Electronic Journal*, 2002, ch. 3, 52. https://doi.org/10.2139/ssrn.824504
27. Makusheva M. O., Nestik T. A. Socio-psychological preconditions and effects of trust in social institutions in a pandemic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, (6): 427–447. (In Russ.) https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770
28. Jarzyna C. L. Parasocial interaction, the COVID-19 quarantine, and digital age media. *Human Arenas*, 2021, 4(3): 413–429. https://doi.org/10.1007/s42087-020-00156-0
29. Novikov A. S. Attitude to power as a parasocial attitude (the experience of qualitative sociological research in the Siberian regions). *Siberian Socium*, 2018, 2(2): 12–21. (In Russ.) https://doi.org/10.21684/2587-8484-2018-2-2-12-21
30. Novikov A. S. Emotional processes in parasocial relationships: the possibilities of sociological studies. *Siberian Socium,* 2019, 3(3): 65–73. (In Russ.) https://doi.org/10.21684/2587-8484-2019-3-3-65-73
31. Guzhavina T. A. Trust as a form of support for social institutions. *Society and Security Insights*, 2019, 2(4): 40–53. (In Russ.) https://doi.org/10.14258/ssi(2019)4-03
32. Calhoun C. Indirect relationships and imagined communities: large-scale social integration and the transformation of everyday life. *Social Theory for a Changing Society*, eds. Bourdieu P., Coleman J., 1st ed. Boulder: Westview Press, 1991, 95–130. https://doi.org/10.4324/9780429306440-4
33. Hakim M. A. Measuring the feeling of distant intimacy with political figures across cultures: development, construct validity, factor replicability, and measurement invariance of parasocial relationship with political figures (PSR-P) scale. *Harvard Dataverse*, 2018. https://doi.org/10.7910/DVN/F3KS7M
34. Cohen J., Holbert R. L. Assessing the predictive value of parasocial relationship intensity in a political context. *Communication Research*, 2018, 48(4): 501–526. https://doi.org/10.1177/0093650218759446
35. Giddens A. *The organization of society: an essay on the theory of structuration*, 2nd ed. Moscow: Akad. proekt, 2005, 528. (In Russ.)
36. Falcone R., Castelfranchi C. Trust dynamics: how trust is influenced by direct experiences and by trust itself. *Autonomous Agents and Multi-Agent Systems:* Proc. 3rd Intern. Joint Conf., New York, 19–23 Jul 2004. N. Y., 2004, vol. 2, 740–747. https://doi.org/10.1109/AAMAS.2004.286
37. Zlotkovskij V. I. The municipal elections in the Krasnoyarsk Territory in 2005–2020 as reflected in a socio-political analysis. *Siberian Socium*, 2021, 5(2): 78–91. (In Russ.) https://doi.org/10.21684/2587-8484-2021-5-2-78-91

38. *Political science*, ed. Meleshkina E. Yu. Moscow: INION RAN, 2019, iss. 1, 13–205, 244–252. (In Russ.) https://doi.org/10.31249/poln/2019.01.00
39. Moscovici S. The history and actuality of social representations. *The Psychology of the Social,* ed. Flick U. Cambridge: Cambridge University Press, 1998, 209–247.
40. Jodelet D. Social representations: the beautiful invention. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 2008, 38(4): 411–430. https://doi.org/10.1111/j.1468-5914.2008.00383.x

оригинальная статья

Профориентационная работа в вузе как фактор формирования профессиональной идентичности у студентов (на материалах Забайкальского государственного университета)

Анна Викторовна Шапиева
Забайкальский государственный университет, Россия, г. Чита;
https://orcid.org/0000-0002-3480-8409; ShapievaAV@mail.ru

Виктория Николаевна Лаврикова
Забайкальский государственный университет, Россия, г. Чита;
https://orcid.org/0000-0002-2562-5408

Анна Алексеевна Русанова
Забайкальский государственный университет, Россия, г. Чита;
https://orcid.org/0000-0001-8851-0205

Елена Владимировна Филиппова
Забайкальский государственный университет, Россия, г. Чита;
https://orcid.org/0000-0002-5562-5716

Поступила в редакцию 23.11.2021. Принята после рецензирования 15.12.2021. Принята в печать 20.12.2021.

Аннотация: Процесс обучения в современном вузе претерпевает существенные трансформации, нацеленные на профессиональное саморазвитие личности студента, выстраивание индивидуальных образовательных траекторий. Высшая школа оказывает длительное и интенсивное влияние на профессиональную идентичность студентов, формирование которой осуществляется в процессе их обучения через профессионализацию с применением технологий профориентационной работы. Профориентационная работа в вузе понимается как часть системы непрерывного профессионального становления будущего специалиста. Основу системы составляют довузовское образование, высшее профессиональное образование, содействие трудоустройству выпускников. Цель – изучение практики профориентационной работы Забайкальского государственного университета, направленной на содействие трудоустройству выпускников, сопряженное с формированием у них профессиональной идентичности. На основе анализа проблем трудоустройства выпускников и действующей практики содействия трудоустройству молодых специалистов регионального вуза авторы пришли к выводу, что система мер профориентации выстроена, однако применяемые методы и технологии достаточно традиционны и в полной мере не способствуют решению проблемы трудоустройства выпускников в соответствии с полученным профилем, не обеспечивают условия для успешной профессиональной идентичности. Для решения проблемы авторы предлагают реализацию комплекса проектных условий, включающего профориентационную работу с абитуриентами, содействующую осознанному выбору школьниками будущей профессии; профориентационную работу со студентами, обеспечивающую сопровождение профессионального развития каждого студента, развитие его профессиональных компетенций, управление процессом формирования профессиональной идентичности у студента; профориентационную работу с выпускниками, направленную на содействие их трудоустройству с помощью инновационных технологий и обеспечение им конкурентных преимуществ. Комплексный подход к профориентационной работе позволит решать вузу такие задачи, как совершенствование образовательного процесса и индивидуальное сопровождение обучающегося с его школьной скамьи до первых лет профессиональной деятельности, которое напрямую будет способствовать формированию у него профессиональной идентичности.

Ключевые слова: профессиональная ориентация, высшая школа, выпускник, наставничество, повышение квалификации, трудоустройство, содействие занятости

Цитирование: Шапиева А. В., Русанова А. А., Лаврикова В. Н., Филиппова Е. В. Профориентационная работа в вузе как фактор формирования профессиональной идентичности у студентов (на материалах Забайкальского государственного университета) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 4. С. 463–471. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-463-471

Введение

Стремительные темпы развития современного общества требуют переосмысления образовательной парадигмы, в том числе в социальном контексте. Потребность в высококвалифицированных специалистах, осознающих значимость выбранной профессии, готовых идентифицировать себя с ней и выполнять профессиональные функции, обозначила перед студентами вузов запрос на постоянное углубление профессиональных знаний, расширение компетенций и регулярное подтверждение профессионализма. Поэтому процесс обучения в современном вузе претерпевает существенные трансформации, нацеленные на профессиональное саморазвитие и самоизменение личности студента, выстраивание индивидуальных образовательных траекторий.

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-463-471

Высшая школа как наиболее квалифицированная социальная организация в системе формирования профессионально-образовательного состава населения оказывает длительное и интенсивное влияние на профессиональную идентичность личности, первичным фактором которой выступает профессиональное самосознание, а ее достижение является одним из компонентов успешной профессиональной адаптации и формирования профессиональной карьеры [1].

Теоретическое конструирование понятия *профессиональная идентичность* проведено в результате анализа фундаментальных научных трудов социологов, психологов, педагогов и философов. П. Бергер в рамках ролевой теории, теории референтных групп, социальной драматургии и феноменологической социологии раскрыл познавательные возможности понятия идентичности [2]. Э. Фромм, полагавший, что идентичность обеспечивает удовлетворение основной потребности человека в определении своей социальной ниши, установил взаимосвязь идентичности с конкретными историческими условиями [3]. Э. Эриксон подчеркивал, что идентичность – это процесс организации жизненного опыта в внутреннее постоянство и тождественность личности, которая тесно связана с понятием постоянного развития «Я» [4].

Одним из компонентов личной идентичности выступает профессиональная идентичность. Е. П. Ермолаева, исследуя данную категорию, определяет ее как «...результат развития личности в профессиональной сфере» [5]. Согласно определению Л. Б. Шнейдер, профессиональная идентичность – это профессиональное самоопределение личности через образ «Я», который проявляется при конструировании будущего человека. Профессиональное самоопределение предполагает высокую готовность смысловых и регуляторных основ поведения личности в условиях неопределенности будущей профессиональной деятельности [6]. По оценкам Д. Н. Завалишиной, профессиональная идентичность представляет собой характеристику субъекта, формирующего и реализующего определенный способ профессионального взаимодействия с действительностью и обретающего тем самым смысл самоуважения [7].

Формирование профессиональной идентичности у студентов вуза мы понимаем как целенаправленный управляемый, проходящий через профессионализацию процесс активности обучающихся (получение ими знаний, умений, навыков, компетенций), в результате которого студенты примеряют профессиональные роли, отражающиеся в их профессиональном поведении, представлениях о себе как профессионале. Управление процессом формирования профессиональной идентичности – важная задача, которая стоит перед современным вузом [8]. В этой связи возрастает необходимость пересмотра вузовской системы профориентации и применяемых технологий работы со студентами и выпускниками, которые находятся в условиях вынужденной самоидентификации и оценки себя как профессионала.

В работах отечественных и зарубежных социологов, психологов, педагогов представлены результаты научных изысканий, касающихся изучения категории *профессия*, ее роли в жизни человека и общества, значения для социально-экономического развития социума (М. Вебер, Э. Дюркгейм, Г. Спенсер, К. Маркс, П. А. Сорокин и др.), социально-профессионального становления (Е. С. Балабанова, Н. Я. Голубкова, Т. Е. Дашкова и др.) и самоопределения молодежи (Э. Ф. Зеер, Г. Е. Зборовский, Е. А. Климов, И. С. Кон, Д. Л. Константиновский, А. Г. Русанова, В. А. Якунин и др.). Не теряют актуальности исследования потребностей, мотивов, ценности образования и профессии в сознании молодежи, ее образовательных планов в сфере образования, будущей профессионализации (И. В. Ершова, Л. В. Киреенко и др.); формирования и становления профессиональной карьеры выпускников профессиональных учебных заведений (Д. А. Береговая, Е. И. Комаров, Я. М. Рощина и др.) [9–11].

Однако в научных трудах практически отсутствуют комплексные исследования, посвященные анализу форм и способов реализации профессиональной ориентации в системе высшего образования и ее влияния на формирование профессиональной идентичности у выпускников. Профориентационную работу со студентами принято рассматривать как часть непрерывного профессионального образования [12]. Она обеспечивается благодаря системной организации деятельности с целью подготовки высококвалифицированных специалистов [13]. В основе данной системы заложены такие составляющие, как довузовское образование, высшее профессиональное образование, содействие трудоустройству выпускников.

Развитие рыночного механизма спроса и предложения трудовых ресурсов требует применения новых механизмов взаимодействия института образования и формирующегося рынка труда [14]. Сегодня на рынке отмечен спрос на специалистов, обладающих необходимыми знаниями, навыками и широким спектром компетенций, готовых к постоянному развитию, имеющих четкие карьерные стратегии и профессиональную заинтересованность [15].

Целенаправленная профориентационная работа с выпускниками в вузах реализуется преимущественно в традиционных формах, демонстрирующих низкую эффективность – молодые специалисты нередко выходят на рынок труда с широким набором профессиональных знаний и компетенций, но с достаточно слабо сформированной системой профессиональных предпочтений и ориентаций, без четкой траектории профессионального становления и без обретения профессиональной идентичности, что обостряет и без того сложную проблему трудоустройства [16].

Трудоустройство выпускников образовательных организаций высшего образования в течение последних нескольких лет остается актуальной проблемой. В современных условиях выпускники сталкиваются с трудностями реализации их профессионального и личностного потенциала [17].

Чаще это проявляется в несоответствии желаемой профессии выпускников с реальными предложениями работодателей. Противоречия между ожиданиями молодых специалистов и потребностями работодателей приводят к проблемам при поиске работы и вынужденной смене специализации. Многие выпускники разочаровываются в выборе полученной профессии, не идентифицируют себя с ней [18].

В статье мы подробно остановимся на изучении практики профориентационной работы регионального вуза за 2020 г., направленной на содействие трудоустройству выпускников, с целью формирования у них профессиональной идентичности.

Методы и материалы

Вопросами содействия трудоустройству выпускников в вузах заняты специализированные структурные подразделения, которые аккумулируют всю профориентационную работу университета. В рамках данной статьи проанализирован опыт работы отдела содействия занятости студентов и трудоустройству выпускников Забайкальского государственного университета (ЗабГУ), аккумулирующего все практики вуза, реализующего 87 % специальностей и направлений подготовки в регионе, обеспечивая адекватную потребностям регионального рынка труда кадровую поддержку развития приоритетных отраслей экономики Забайкальского края.

В 2020 г. ЗабГУ окончили 1073 студента очной формы обучения (включая программы бакалавриата, магистратуры и специалитета), доля трудоустроенных выпускников, в том числе выпускников, призванных в ряды Вооруженных Сил РФ, продолживших обучение, находящихся в декретном отпуске, составила 93 %. Доля только работающих выпускников составила 65 %, из них выпускников по программам бакалавриата – 55 %, по программам специалитета – 57 %, по программам магистратуры – 87 %.

За 2020 г. отделом реализованы различные формы работы: мастер-классы и обучающие семинары в рамках мероприятия WorldSkills, организация и участие в мероприятии «Дни карьеры-2020», содействие в проведении всех видов практик. Усиливается социальное партнерство с работодателями, в том числе через участие будущих работодателей в разработке, корректировке и экспертизе содержания основной профессиональной образовательной программы, детерминированного потребностями работодателей, приоритетными направлениями развития науки, технологий и техники. Некоторые работодатели выступают инициаторами взаимодействия с университетом, утверждают двусторонние планы по реализации совместных мероприятий, к которым относятся открытые занятия с выездом на объекты на базе учреждений и подрядных организаций по вопросам профориентации студентов, экскурсии на предприятия. Постоянное взаимодействие с работодателями и заинтересованными организациями позволяет осуществлять подготовку востребованных специалистов и, как следствие, эффективно решать вопросы их трудоустройства.

Однако, несмотря на большой объем проделанной работы отдела, профессорско-преподавательского состава университета, проблема трудоустройства для выпускников ЗабГУ в соответствии с полученной специальностью еще актуальна. Это подтверждается и результатами проведенного в 2019–2020 гг. пилотажного социологического исследования. В качестве метода определено личное полуформализованное интервью в «мягком формате», которое позволило сгладить директивность ролевых сценариев, предопределенных тематикой исследования. Цель – определение характера основных проблем, с которыми столкнулись выпускники ЗабГУ при трудоустройстве, и вектора их решения. В качестве исследуемой совокупности выступили выпускники ЗабГУ, обучавшиеся в организации по образовательным программам высшего образования и успешно прошедшие итоговую аттестацию в течение шести лет (2013–2018 гг.), предшествующих году проведения опроса. Целевая выборка сформирована методом «снежного кома». Объем выборочной совокупности составил 20 респондентов-выпускников. Возрастной диапазон респондентов – от 21 года до 28 лет.

На момент проведения интервью все респонденты были трудоустроены, однако лишь треть из них (35 %) работали по полученной в университете специальности. Каждый пятый выпускник (20 %) не доволен своей работой. Столько же респондентов не смогли однозначно ответить на поставленный вопрос: большинство из них только начали трудовую деятельность, поэтому затруднение в определении уровня удовлетворенности оправдано. В целом опрос показал низкий уровень удовлетворенности местом работы выпускников.

Наиболее предпочтительными источниками получения информации о вакансиях названы специализированные сайты в сети Интернет (50 %), т. к. это доступно и не занимает много времени. Нашли работу, прибегнув к помощи друзей и родственников, 45 % респондентов. Поддержали стереотип о том, что «в наше время лучший способ устроиться на престижную работу – это полезные связи и знакомства», 95 % опрошенных.

Исследование показало, что трудоустройство выпускников – это достаточно сложный процесс, который может растянуться на несколько месяцев. Для 52 % выпускников поиск работы занял от 1 недели до 8 месяцев, 15 % респондентов нашли работу сразу после окончания университета. В среднем молодые люди ищут работу в течение 1–2 месяцев, что негативно сказывается как на общей ситуации с безработицей среди молодого поколения, так и на настрое кандидата, перспективах его успешного трудоустройства.

У 35 % респондентов не возникало проблем с трудоустройством, что позитивно для всего рынка труда. Для 25 % выпускников основной проблемой при трудоустройстве стал вопрос отсутствия опыта работы, который требовали работодатели. Молодое поколение считает, что работодатель при приеме на работу смотрит в первую очередь

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-463-471

на опыт работы конкурсанта, полученный в данной области. Данный критерий для большинства работодателей является определяющим, кроме того, многие вакансии в принципе требуют стажа работы (от 1 года до 3 лет). Именно этот факт зачастую останавливает выпускников претендовать на получение вакансии. Для 25 % респондентов основной причиной длительного трудоустройства стала низкая заработная плата, которую предлагают работодатели выпускникам. У 15 % опрошенных возникло чувство, что полученная специальность не востребована на рынке. При этом анализ показал, что лишь 25 % респондентов полностью удовлетворены полученной в университете подготовкой. Знания, приобретенные выпускниками во время обучения, пригодились им в профессиональной деятельности. Рассуждая о качестве подготовки в вузе, респонденты отметили, что нужно увеличивать долю профессионально ориентированных знаний и практик.

Все опрошенные считают, что вуз обязан помогать выпускникам в трудоустройстве. Половина респондентов знают о том, что в вузе функционирует отдел содействия трудоустройству выпускников и занятости студентов. Однако немногие опрошенные пользовались услугами отдела и информацией, которую им предоставили. Респонденты отметили, что информация была для них бесполезной.

Результаты

Результаты исследования показали, что не все выпускники сталкиваются с проблемами трудоустройства, а в процессе поиска работы чаще обращаются к знакомым и родственникам, чем в специализированные отделы и службы. Молодые специалисты убеждены, что вуз обязан активно учавствовать в процессе трудоустройства, при этом предложенные механизмы выпускников не устраивают, поэтому деятельность вуза в этом направлении остается не востребованной среди выпускников.

Результаты исследования подтвердили, что проблема трудоустройства выпускников вузов в настоящее время не теряет своей актуальности. Система мер профориентации выпускников в вузе выстроена, однако применяемые сегодня методы и технологии достаточно традиционны и в полной мере не способствуют решению важнейших задач, стоящих перед высшей школой, среди которых трудоустройство выпускников в соответствии с полученным профилем, обеспечение условий для успешной профессиональной идентичности. В связи с этим система профориентации вуза требует рационализации и совершенствования.

Итак, целесообразно совершенствовать систему профориентационной работы образовательной организации высшего образования в рамках трех направлений, отражающих компоненты профессиональной идентичности: профориентация абитуриентов, профориентационная работа со студентами и профессиональная ориентация выпускников.

1. Профориентационная работа с абитуриентами. Цель – содействие выпускникам школ в их профессиональном самоопределении, оказание индивидуализированной помощи в принятии осознанного выбора профессии. Направление реализуется через комплекс мероприятий:

1. Дополнение раздела «Абитуриенту» на официальном сайте вуза вкладкой «Успешный специалист» для каждого направления подготовки или специальности. Такое информационное дополнение должно содержать следующие подразделы: «Личностные и профессиональные качества специалиста», «Умения, знания и навыки специалиста», «Сфера деятельности» и «Выпускник N специальности / направления подготовки». Подобное дополнение раздела позволит абитуриенту подробно познакомиться не только с описанием его будущей профессиональной деятельности, но и профессиональными и личными качествами человека данной профессии, потенциальной сферой деятельности, возможными сферами применения полученных знаний и компетенций по данному направлению деятельности. Информация о выпускниках, добившихся успеха в данной области профессиональной деятельности, наглядно продемонстрирует карьерные перспективы, успешность в профессии, востребованность специальности, престижность университета и отдельного направления подготовки.

2. Массовая профориентационная акция для школьников и их родителей под условным названием «Профнавигатор». Цель акции – помочь будущим абитуриентам сделать осознанный выбор направления для дальнейшего обучения. Мероприятие познакомит потенциальных студентов с возможностями и перспективами обучения в конкретном вузе, позволит наметить траекторию осознанной профессиональной идентичности. Программа акции кроме традиционных форм (информационных стоек, раздачи листовок и т. п.) должна содержать комплексное профориентационное тестирование школьников, подготовленное специалистами, и лекции для родителей по основным вопросам приемной кампании. Участники акции получат возможность погрузиться в процесс профессионального самоопределения под руководством ведущих специалистов-психологов. Итогами тестирования станут информация о личном потенциале абитуриента, список наиболее подходящих направлений подготовки (специальностей), полная информация о профессии, условиях поступления в конкретный вуз и об особенностях обучения в нем. Контакты будут направлены участнику мероприятия по электронной почте. Считаем, что такой индивидуальный подход к каждому обучающемуся позволит усилить интерес потенциальных абитуриентов, добавит новизны в методы профориентационной работы и будет способствовать осознанному выбору школьниками будущей профессии. Полученные адреса электронных почт при согласии участников мероприятия в дальнейшем можно использовать для распространения

информации об университете, проводимых на его базе мероприятиях и актуальной информации о проведении приемной кампании.

2. Профориентационная работа со студентами. Цель – сопровождение профессионального развития каждого студента, развития его профессиональных компетенций для дальнейшей их реализации в выбранной области профессиональной деятельности, управление процессом формирования профессиональной идентичности у студента.

В данный момент в вузах предпринимаются первые шаги к целенаправленной профориентации студентов на всех курсах обучения. Целенаправленная работа по знакомству с будущей профессией (за исключением обязательных практик) не проводится, что влечет за собой недостаточно сформированную мотивацию к учебной деятельности, трудности в проектировании карьерной траектории и в профессиональном самоопределении [19]. Мероприятия данного направления призваны повысить образовательную и профессиональную мотивацию студентов, способствовать усилению их интереса к будущей профессии.

Применяемые в вузах подходы к вовлечению работодателей в процесс обучения предлагаем дополнить внедрением доказавшей свою эффективность Программы наставничества (Программы) как универсальной технологии передачи опыта и знаний, формирования навыков, компетенций, метакомпетенций и ценностей через неформальное взаимообогащающее взаимодействие лиц, основанное на доверии и партнерстве. Основная цель наставничества заключается в максимально полном раскрытии потенциала личности наставляемого, необходимом для успешной личной и профессиональной самореализации в условиях неопределенности и трансформации сфер жизнедеятельности человека [20], а также в создании условий для формирования эффективной системы поддержки, самоопределения и профессиональной ориентации обучающихся [21].

Внедрение Программы позволит решить стоящие перед вузом задачи по подготовке обучающегося к самостоятельной, осознанной и социально продуктивной деятельности в современном мире, отличительными особенностями которого являются нестабильность, неопределенность, изменчивость, сложность, информационная насыщенность. Кроме того, внедрение будет способствовать раскрытию личностного, творческого, профессионального потенциала каждого обучающегося, обеспечит поддержку его индивидуальной образовательной траектории.

Кадровая система реализации Программы в рамках образовательной деятельности вуза предполагает независимо от форм наставничества две главные роли: наставляемый и наставник. Наставляемый – участник Программы, который через взаимодействие с наставником и при его помощи и поддержке решает конкретные жизненные, личные и профессиональные задачи, приобретает новый опыт и развивает новые навыки и компетенции. Наставник – участник Программы, имеющий успешный опыт в достижении жизненного, личностного и профессионального результата. Это компетентный специалист, готовый поделиться опытом и навыками, необходимыми для стимуляции и поддержки процессов самоопределения, самореализации и самосовершенствования наставляемого [22]. Наставник способен обеспечить студенту комплексную поддержку на пути социализации, взросления, поиска индивидуальных жизненных целей и путей их достижения, а также раскрыть потенциал, возможности саморазвития и профессиональной идентичности [23]. Роль куратора берет на себя специалист образовательной организации, обеспечивающий весь цикл реализации Программы.

Наставничество представляет перспективную технологию, отвечающую на потребность образовательной системы переходить от модели трансляции знаний к модели формирования метакомпетенций обучающегося [24]. В ходе реализации Программы студент перенимает у высококвалифицированного специалиста личный и профессиональный опыт, опыт решения уникальных профессиональных задач.

Программа наставничества позитивно отразится на имидже университета, будет способствовать реализации его социальной политики, развитию партнерских связей с ведущими организациями и предприятиями, позволит наладить диалог университета с органами государственного управления (всех уровней), общественными, образовательными организациями.

Программа будет интересна и полезна партнерам вуза, т. к. позволит предприятиям и организациям осуществить отбор лучших кадров к себе в команду, отслеживать качество подготовки будущих специалистов, в перспективе корректировать процесс подготовки, а каждый наставник в отдельности получит уникальный опыт, способствующий повышению его профессионального и личного статуса.

Программа предполагает закрепление за наставником группы студентов (не более пяти человек) на период одного семестра. Наставник берет на себя задачи по получению студентом профессиональных навыков, по его участию в реальной практике осуществления профессиональной деятельности. Задачи могут корректироваться в процессе реализации, в соответствии с запросом любой из сторон. Формы работы наставника определяются им самостоятельно. Наиболее полно наставничество реализовывается в практике личностно развивающих мероприятий (участие в грантовых программах, профессиональных конкурсах, программах личностного развития, совместное участие в спортивных и культурных событиях, клубы по интересам, волонтерство) и мероприятий с погружением в профессиональную деятельность (прикладное знакомство с профессией, наглядная демонстрация полного процесса выбранной специальности,

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-463-471

совместная работа с подробным пояснением последовательности действий, совместный анализ выполнения действий проекта). Приведенные формы наставничества будут способствовать раскрытию личностного и профессионального потенциала обучающегося. По завершении мероприятия наставник дает характеристику о текущем уровне развития профессиональных компетенций студента с указанием, чему он научил подопечного, а также рекомендации по дальнейшему обучению и карьерному планированию наставляемых.

3. Профориентационная работа с выпускниками.
Цель – содействие трудоустройству выпускников с помощью инновационных технологий. Направление предполагает осуществление двух мероприятий:

1. Создание гайда, представляющего собой план или руководство для начинающих, описывающего порядок действий для достижения основной цели – трудоустройства. Гайд может быть представлен в виде мобильного приложения. Он должен содержать мастер-классы, лайфхаки и обучающие видео (как написать резюме, пройти собеседование, найти работодателя), важные ссылки на законодательную и источниковую базы, которые в своей совокупности будут содействовать трудоустройству выпускников.

2. Организация системы поддержки выпускников через обеспечение им доступа к бесплатным курсам повышения квалификации в течение 2 лет. Повышение квалификации – это обновление теоретических и практических знаний, совершенствование навыков специалистов в связи с постоянно повышающимися требованиями к их квалификации и необходимостью развития профессиональной идентичности [25]. Безусловно, такая мера поддержки требует от университета значительных финансовых ресурсов. Наиболее оптимальным сценарием решения проблемы является, на наш взгляд, создание и поддержание Фонда целевого капитала университета как стратегического инструмента, обеспечивающего финансирование проектов, которые не могут быть полностью поддержаны за счет бюджетных средств. Формирование целевого капитала для профессионального развития будущих специалистов обеспечивается активным привлечением выпускников, партнеров. Успешным примером организации подобного фонда является опыт Московского физико-технического института. Курсы повышения квалификации могут проходить только те, кто уже имеет диплом о высшем образовании конкретного вуза. Реализация мероприятия (меры поддержки выпускников университета) – это конкурентное преимущество выпускников конкретного вуза на рынке труда, которое позволит им в будущем совершенствовать профессиональные знания и компетенции.

Заключение
Разработанные проектные условия профориентационной работы в вузе представляют собой комплексный процесс, который осуществляется на трех взаимосвязанных и взаимовлияющих этапах профессионального становления будущего специалиста: 1) поиск и набор абитуриентов (через их профессиональное развитие); 2) самоопределение и самоидентификация студентов (через реализацию Программы наставничества); 3) трудоустройство выпускников (через овладение ими механизмами успешного поиска работы и ресурсами к профессиональному развитию). Проектные условия направлены на повышение качества трудоустройства выпускников как одного из показателей оценки эффективности деятельности университета, его престижности, а также на управление процессом формирования профессиональной идентичности у современного студента.

Таким образом, предложенный комплексный подход к профориентационной работе позволит решать ряд стоящих перед современным университетом задач: от совершенствования образовательного процесса до индивидуального сопровождения обучающегося (с его школьной скамьи до первых лет профессиональной деятельности), напрямую способствующего формированию у него профессиональной идентичности.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.
Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31524.

Литература
1. Селиванова С. С. Формирование профессиональной идентичности студентов в вузе: социологический анализ // Теория и практика общественного развития. 2020. № 12. С. 25–28. https://doi.org/10.24158/tipor.2020.12.3
2. Бергер П. Л. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива / пер. с англ. под ред. Г. С. Батыгина. М.: Аспект Пресс, 1966. 168 с.
3. Фромм Э. З. Бегство от свободы. Человек для себя. М.: АСТ; АСТ Москва, 2006. 571 с.
4. Эриксон Э. Х. Идентичность: юность и кризис / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
5. Ермолаева Е. П. Принцип превентивной оценки профессиональной идентичности специалистов в процессе обучения и переподготовки // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 1. С. 33–36.
6. Шнейдер Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М.: МПСИ, 2007. 128 с.

7. Завалишина Д. Н. Модели профессионального развития человека // Психологические основы профессиональной деятельности / сост. и общ. ред. В. А. Бодров. М.: Пер Сэ, 2007. С. 508–516.
8. Исаев Д. П., Клименко Л. В., Нор-Аревян О. А., Посухова О. Ю., Трапш Н. А., Фролова А. С. Профессиональная идентичность в российском обществе (вопросы истории, теории, практики. Ростов н/Д: ЮФУ, 2017. 178 с.
9. Русанова А. А. Социализация и профессиональное самоопределение личности: теоретические подходы в изучении // В мире научных открытий. 2011. № 11. С. 117–132.
10. Русанова А. А. Профессиональное самоопределение в структуре социального самоопределения студенческой молодежи (социологический анализ) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 4. С. 163–172.
11. Козырева П. М., Смирнов А. И. Особенности и тенденции профессиональной самоидентификации в постсоветской России // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 1. С. 28–51. https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.1.7843
12. Селиванова С. С. Формирование профессиональной идентичности студентов в качестве инструмента интенсификации трудового капитала: профориентационная деятельность // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 9. С. 55–58. https://doi.org/10.24158/spp.2020.9.9
13. Карасёва К. А. Соотношение кадровой и социальной политики организации в современных рыночных условиях // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4. № 1. С. 7–13. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-1-7-13
14. Shapieva A. V., Nolev E. V., Ochirov O. S. Involvement of schoolchildren of Buryatia and the Transbaikal Territory in scientific activities // SHS Web of Conferences: Proc. Intern. Sci. Conf. "Eurasian Educational Space: Traditions, Reality and Perspectives" (Glazov, 12 May 2021) Les Ulis: EDP Sciences, 2021. Vol. 121. https://doi.org/10.1051/shsconf/202112103002
15. Pažur Aničić K., Divjak B. Maturity model for supporting graduates' early careers within higher education institutions // SAGE Open. 2020. Vol. 10. № 1. https://doi.org/10.1177/2158244019898733
16. Khakimova N. G., Khusnutdinova R. R., Galiev R. M., Galiev L. M., Chirkova S. V., Garnysheva T. V. Professional identity and methods of its study // SHS Web of Conference: Proc. Intern. Conf. TEDUVIS 2020 (Online, 4 Dec 2020) Les Ulis: EDP Sciences, 2020. Vol. 97. https://doi.org/10.1051/shsconf/20219701044
17. Балабанова Е. С., Эфендиев А. Г. оглы, Гоголева А. С. Российская работающая молодежь: стратегии достижения благополучия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2021. Т. 14. № 1. С. 33–52. https://doi.org/10.21638/spbu12.2021.103
18. Wei G. Imagined professional identity: a narrative inquiry into a Chinese teacher's perezhivaniya in life // Teaching and Teacher Education. 2021. Vol. 102. № 4. https://doi.org/10.1016/j.tate.2021.103337
19. Авралев Н. В., Беспалова Т. Н., Стронгин Р. Г., Чупрунов Е. В. Образование через всю жизнь: профориентация до вуза и в вузе. Опыт ННГУ им. Н. И. Лобачевского / под ред. Р. Г. Стронгина. Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2019. 180 с.
20. Нугуманова Л. Н., Яковенко Т. В. Настольная книга «Наставничество: эффективная форма обучения». 2-е изд., доп., перераб. Казань: ИРО РТ, 2020. 51 с.
21. Синиченко В. В. Наставничество как элемент образовательных технологий // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии: сб. мат-лов 23-й Всерос. науч.-метод. конф. (Иркутск, 1–2 марта 2018 г.) Иркутск: ВСИ МВД России, 2018. С. 252–254.
22. Яриков И. М. Внедрение комплексной системы наставничества в Центральной дирекции управления движением // Железнодорожный транспорт. 2018. № 3. С. 56–58.
23. Поздеева С. И. Наставничество как деятельностное сопровождение молодого специалиста: модели и типы наставничества // Научно-педагогическое обозрение. 2017. № 2. С. 87–91. https://doi.org/10.23951/2307-6127-2017-2-87-91
24. Кузьмина Н. А. Организация наставничества в условиях сетевого взаимодействия вуза и базового предприятия // Высшее образование сегодня. 2018. № 3. С. 28–31.
25. Гаджиев М. Г. Курсы повышения квалификации НИИРГ – важный фактор повышения качества работы специалистов // Актуальные вопросы радиационной гигиены: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 23–24 октября 2018 г.) СПб.: НИИРГ им. П. В. Рамзаева, 2018. С. 87–90.

BULLETIN
Kemerovo State University
Political, Sociological, Economic

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-463-471

original article

Career Guidance as a Factor of Professional Identity Development at the Transbaikal State University

Anna V. Shapieva
Transbaikal State University, Russia, Chita; https://orcid.org/0000-0002-3480-8409; ShapievaAV@mail.ru

Viktoriia N. Lavrikova
Transbaikal State University, Russia, Chita; https://orcid.org/0000-0002-2562-5408

Anna A. Rusanova
Transbaikal State University, Russia, Chita; https://orcid.org/0000-0001-8851-0205

Elena V. Filippova
Transbaikal State University, Russia, Chita; https://orcid.org/0000-0002-5562-5716

Received 23 Nov 2021. Accepted after peer review 15 Dec 2021. Accepted for publication 20 Dec 2021.

Abstract: Contemporary university education develops professional identity and builds customized academic trajectories. Career guidance technologies provide professional self-awareness and personality professionalization. At university, career guidance work is an integral part of continuous professional development of a future specialist. It covers pre-university education, higher professional education, and employment assistance. The present research featured the career guidance work conducted at the Transbaikal State University. The analysis showed that the current system lacks innovations, cannot solve the employment problem, and does not provide conditions for successful professional identity. The article introduces a set of project conditions of customized career guidance work with 1) applicants, in order to promote a conscious career choice; 2) students, to support their professional competencies and identity; 3) graduates, to facilitate their employment. The proposed comprehensive approach to career guidance will allow the university to improve the academic process and to work with the community from secondary school to the onset of professional activity.

Keywords: professional orientation, higher school, graduate, mentoring, professional development, employment, employment promotion

Citation: Shapieva A. V., Rusanova A. A., Lavrikova V. N., Filippova E. V. Career Guidance as a Factor of Professional Identity Development at the Transbaikal State University. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(4): 463–471. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-463-471

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.
Funding: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research, project No 21-011-31524.

References

1. Selivanova S. S. Formation of students' professional identity at the university: sociological analysis. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, 2020, (12): 25–28 (In Russ.) https://doi.org/10.24158/tipor.2020.12.3
2. Berger P. L. *Invitation to sociology: a humanistic perspective,* tr. Batygin G. S. Moscow: Aspekt Press, 1966, 168. (In Russ.)
3. Fromm E. S. *Escape from freedom. Man for himself*. Moscow: AST; AST Moskva, 2006, 571. (In Russ.)
4. Erikson E. H. *Identity: youth and crisis*, ed. Tolstykh A. V. Moscow: Progress, 1996, 344. (In Russ.)
5. Ermolaeva E. P. The principle of preventive assessment of professional identity of experts during their training and retraining. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2010, (1): 33–36. (In Russ.)
6. Shneider L. B. *Personal, gender and professional identity: theories and methods of diagnosis.* Moscow: MPSI, 2007, 128. (In Russ.)
7. Zavalishina D. N. Models of professional development of a person. *Psychological foundations of professional activity*, comp. and ed. Bodrov V. A. Moscow: Per Se, 2007, 508–516. (In Russ.)
8. Isaev D. P., Klimenko L. V., Nor-Arevyan O. A., Posukhova O. Yu., Trapsh N. A., Frolova A. S. *Professional identity in Russian society (issues of history, theory, and practice)*. Rostov-on-Don: IuFU, 2017, 178. (In Russ.)
9. Rusanova A. A. Socialization and professional self-determination of personality: theoretical approaches to the study. *V mire nauchnykh otkrytii*, 2011, (11): 117–132. (In Russ.)

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

10. Rusanova A. A. Students' professional self-identification in the structure of social self-determination (sociological analysis). *Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Regional studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political science and Cultural studies*, 2011, (4): 163–172. (In Russ.)
11. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Professional self-identification specifics and trends in post-Soviet Russia. *Sotsiologicheskiy Zhurnal*, 2021, 27(1): 28–51. (In Russ.) https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.1.7843
12. Selivanova S. S. Formation of students' professional identity as a tool for intensifying labor capital: career guidance activities. *Obshchestvo: sotsiologiia, psikhologiia, pedagogika*, 2020, (9): 55–58. (In Russ.) https://doi.org/10.24158/spp.2020.9.9
13. Karasyova K. A. Relationship of the personnel and social policies of the organization in modern market conditions. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2019, 4(1): 7–13. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-1-7-13
14. Shapieva A. V., Nolev E. V., Ochirov O. S. Involvement of schoolchildren of Buryatia and the Transbaikal Territory in scientific activities. *SHS Web of Conferences*: Proc. Intern. Sci. Conf. "Eurasian Educational Space: Traditions, Reality and Perspectives", Glazov, 12 May 2021. Les Ulis: EDP Sciences, 2021, vol. 121. https://doi.org/10.1051/shsconf/202112103002
15. Pažur Aničić K., Divjak B. Maturity model for supporting graduates' early careers within higher education institutions. *SAGE Open*, 2020, 10(1). https://doi.org/10.1177/2158244019898733
16. Khakimova N. G., Khusnutdinova R. R., Galiev R. M., Galiev L. M., Chirkova S. V., Garnysheva T. V. Professional identity and methods of its study. *SHS Web of Conference:* Proc. Intern. Conf. TEDUVIS 2020, Online, 4 Dec 2020. Les Ulis: EDP Sciences, 2020, vol. 97. https://doi.org/10.1051/shsconf/20219701044
17. Balabanova E. S., Efendiev A. G. ogly, Gogoleva A. S. Russian working youth: strategies to achieve wellbeing. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2021, 14(1): 33–52. (In Russ.) https://doi.org/10.21638/spbu12.2021.103
18. Wei G. Imagined professional identity: a narrative inquiry into a Chinese teacher's perezhivaniya in life. *Teaching and Teacher Education*, 2021, 102(4). https://doi.org/10.1016/j.tate.2021.103337
19. Avralev N. V., Bespalova T. N., Strongin R. G., Chuprunov E. V. *Education through life: career guidance before university and at university. The experience of N. I. Lobachevsky National Research University,* ed. Strongin R. G. Nizhniy Novgorod: NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2019, 180. (In Russ.)
20. Nugumanova L. N., Yakovenko T. V. *The handbook "Mentoring: an effective form of learning",* 2nd ed. Kazan: IRO RT, 2020, 51. (In Russ.)
21. Sinichenko V. V. Mentoring as an element of educational technologies. *Training of personnel for law enforcement agencies: modern trends and educational technologies*: Proc. 23rd All-Russian Sci.-Method. Conf., Irkutsk, 1–2 May 2018. Irkutsk: VSI MVD Rossii, 2018, 252–254. (In Russ.)
22. Iarikov I. M. Implementation of a comprehensive mentoring system in the Central Directorate of Traffic Management. *Zheleznodorozhnyi transport,* 2018, (3): 56–58. (In Russ.)
23. Pozdeeva S. I. Supervision as an activity support of a young specialist: models and types of supervision. *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye,* 2017, (2): 87–91. (In Russ.) https://doi.org/10.23951/2307-6127-2017-2-87-91
24. Kuzmina N. A. Organization of mentoring in the conditions of network interaction of the university and the base enterprise. *Scientific and pedagogical review*, 2018, (3): 28–31. (In Russ.)
25. Gadzhiev M. G. Advanced training courses of Research Institute of Radiation Hygiene: an important factor in improving the quality of specialists' work. *Topical issues of radiation hygiene*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., St. Petersburg, 23–24 Oct 2018. St. Petersburg: NIIRG im. P. V. Ramzaeva, 2018, 87–90. (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-472-481

оригинальная статья

Проблемы формирования конфликтологической компетентности муниципальных служащих (по материалам социологического исследования)

Алексей Юрьевич Шиликов
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, г. Белгород; https://orcid.org/0000-0001-5257-1954; shadow.ne@mail.ru

Поступила в редакцию 14.07.2021. Принята после рецензирования 23.11.2021. Принята в печать 06.12.2021.

Аннотация: Представлены результаты изучения проблем формирования конфликтологической компетентности муниципальных служащих на материале социологического исследования, проведенного в Белгородской области. Цель – выявление эмпирическим путем основных проблем, связанных с формированием конфликтологической компетентности муниципальных служащих. Использованы следующие методы исследования: анкетный опрос муниципальных служащих Белгородской области; полуструктурированное интервью экспертов, проведенное среди руководителей органов местного самоуправления, преподавателей Института экономики и управления и Высшей школы управления Белгородского государственного национального исследовательского университета, сотрудников областного автономного учреждения «Институт региональной кадровой политики». Проведенное исследование позволило выделить группы причин возникновения конфликтов среди муниципальных служащих: внутренние причины, обусловленные спецификой деятельности муниципальной службы; причины, обусловленные характером межличностных отношений в коллективе; причины, обусловленные индивидуальными особенностями муниципального служащего. Результаты исследования могут быть применены в практической работе отделов кадров муниципальных служб, материалы анкетирования и интервью могут транслироваться в процессе обучения студентов по профильным образовательным программам. Дальнейшее изучение разрабатываемой тематики сфокусировано на диагностике конфликтологической компетентности чиновников – процедуре по сбору информации, выявлению условий и закономерностей зарождения, развития и конструктивного разрешения конфликтов и нормализации межличностных отношений в профессиональной среде.

Ключевые слова: конфликт, управление конфликтами, профессиональная культура, профессионализм, муниципальная служба, социологический опрос, эффективность

Цитирование: Шиликов А. Ю. Проблемы формирования конфликтологической компетентности муниципальных служащих (по материалам социологического исследования) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 4. С. 472–481. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-472-481

Введение

В условиях кардинальных изменений в сфере социальных отношений, неустойчивости российского социума повышается вероятность возникновения социальной напряженности при распределении различных ресурсов, удовлетворении материальных и духовных потребностей. Социальные протесты обладают потенциальными возможностями для возникновения социального конфликта, что обусловливает необходимость проведения социологических исследований, направленных на выявление и устранение очагов социальной напряженности в обществе [1, с. 20].

Рост уровня социального напряжения и конфликтогенности прослеживается не только в общественных отношениях, но и в профессиональной деятельности граждан. Любая профессиональная деятельность сопряжена с потенциально конфликтными ситуациями, муниципальная служба не является исключением. Будучи сложным социальным, правовым, организационным институтом и важным звеном в системе взаимодействия граждан и государства, муниципальная служба призвана обеспечивать эффективное функционирование муниципальных организаций и положительно влиять на социально-экономическую сферу общества.

Вместе с тем конфликты, возникающие в повседневной профессиональной практике муниципальных служащих, оказывают деструктивное влияние на исполнение чиновниками должностных обязанностей, связанных с непосредственной организацией жизнедеятельности граждан [2, с. 115]. Более того, бездействие муниципального служащего, представляющего одну из сторон конфликта интересов, в предотвращении или урегулировании конфликта является, согласно законодательству Российской

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

Федерации, правонарушением и может привести к увольнению из рядов муниципальных служащих[1].

Однако современные муниципальные служащие испытывают недостаток знаний в области менеджмента, социальных коммуникаций, психологии коллектива, что свидетельствует о явной нехватке профессионализма [3, с. 35]. Надежным фундаментом эффективной трудовой деятельности чиновников должны стать высокий уровень профессионализма, умение разрешать профессиональные и межличностные конфликты, понимание природы конфликтов на службе, обладание навыками предупреждения профессионального стресса, умение преодолевать личностные кризисы [4, с. 105]. Итак, конфликтогенность профессиональной среды предусматривает формирование у муниципальных служащих соответствующей профессиональной компетентности как наличия развитых навыков обеспечения рационального взаимодействия сторон конфликта и минимизации ущерба от конфронтации сторон [5, с. 79].

В структуре конфликтологической компетентности выделяются специальные *знания* о природе конфликтных ситуаций, *умения* предвидеть губительные последствия конфликтов и *навыки* управления развитием конфликтной ситуации в трудовом коллективе [6, с. 315]. Умение противостоять деструктивному влиянию конфликтных ситуаций на службе вырабатывается благодаря эффективному коммуникативному процессу в ситуации конфликта, значительно снижающему риск эмоционального выгорания [7, с. 14].

В современных исследованиях четко разграничиваются понятия *конфликтологическая компетентность* и *конфликтная компетентность*. Тем самым относительно первой категории подчеркиваются ее принадлежность к профессиональной, а не коммуникативной компетентности; наличие глубоких, а не общих знаний о природе конфликтов; профессиональная способность к управлению конфликтной ситуацией [8, с. 11].

По мнению Е. В. Смирновой, в целом конфликтность в профессиональной сфере носит сугубо объективный характер [9, с. 408]. В оценке причин, порождающих конфликты среди чиновников, главная роль отводится руководителю как основному субъекту профилактики конфликтов и нормализации отношений сотрудников муниципальной службы [10, с. 100]. Подчеркивается, что конфликтологической компетентностью должен обладать не только подчиненный, но и сам руководитель, поскольку межличностные конфликты между специалистами муниципальных органов и их непосредственным руководством – довольно частое явление [11, с. 73]. Низкий уровень профессионализма, правовой культуры, личная заинтересованность делают невозможным объективное исполнение служебных обязанностей [12, с. 169], что подтверждает тезис О. А. Волковой «об утрате понятия труда как самоценности» [13, с. 138]. Это дает нам возможность рассматривать конфликтологическую составляющую профессионального труда муниципальных служащих сквозь призму справедливости и личной моральной ответственности руководителя за результаты профессиональной деятельности коллектива [14, с. 3].

Рассмотрение проблемы формирования конфликтологической компетентности связано с теоретическим осмыслением препятствий при устранении конфликта интересов на муниципальной службе [15, с. 28]. Приоритет родственных отношений и дружеских связей при осуществлении профессиональной деятельности и устройстве на службу, возможность получения материальной выгоды при реализации социально значимых проектов свидетельствуют о потенциальном конфликте интересов среди муниципальных служащих [16, с. 94]. Урегулирование конфликта интересов в данном случае предполагает отказ чиновника от предполагаемой выгоды, послужившей причиной возникновения конфликта интересов [17, с. 17].

Управление конфликтным взаимодействием на муниципальной службе является частью системы профессиональной культуры [18, с. 4], в рамках которой муниципальный служащий в ежедневной профессиональной практике вынужден совершать «индивидуальный этический выбор» [19, с. 188]. Эффективность управления конфликтами требует глубокого анализа не только демонстрируемой позиции в коллективе, но и неформальной, скрытой конфронтации между служащими [20, с. 40].

Не всегда эффективное функционирование механизмов выявления и разрешения конфликта интересов среди сотрудников муниципальной службы требует существенного обновления российского законодательства, в котором будет четко определена система оценки рисков возникновения конфликта интересов [21, с. 209]. Создание единой системы контроля над профессиональной деятельностью муниципальных служащих станет значимым ресурсом в борьбе с коррупцией и возникающими конфликтными ситуациями [22, с. 79].

Таким образом, формирование конфликтологической компетентности муниципальных служащих представляет собой достаточно сложный процесс приобретения глубоких теоретических знаний и выработки умений продуктивно действовать в ситуации конфликта, что становится возможным путем организации целенаправленной специальной деятельности как в условиях муниципальной службы, так и в ходе получения будущими муниципальными служащими профессионального образования или при прохождении курсов повышения квалификации [23, с. 3].

Методы и материалы. Для диагностики проблем формирования конфликтологической компетентности муниципальных служащих в мае – июне 2021 г. нами проведено

[1] О муниципальной службе в Российской Федерации. ФЗ от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 26.05.2021) // СПС КонсультантПлюс.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-472-481

социологическое исследование. Обработка и анализ данных осуществлялись с помощью компьютерной программы SPSS Statistics. Для сбора первичных материалов были использованы следующие методы:

- анкетный опрос муниципальных служащих Белгородской области (n=470), среди которых 286 мужчин и 184 женщины в возрасте от 26 до 45 лет. Численность респондентов со стажем до 5 лет составляет 22 %; от 5 до 10 лет – 24 %; более 10 лет – 54 %;
- полуструктурированное интервью экспертов (n=50), в состав которых вошли руководители органов местного самоуправления, преподаватели Института экономики и управления и Высшей школы управления Белгородского государственного национального исследовательского университета, сотрудники областного автономного учреждения «Институт региональной кадровой политики».

Цель работы обусловила составление вопросов анкеты и полуструктурированного интервью, которые включали несколько исследовательских блоков: проблемы, связанные с формированием конфликтологической компетентности муниципальных служащих; внешние и внутренние причины возникновения конфликтов в муниципальной службе; способы разрешения конфликтных ситуаций со стороны руководства и сотрудников; прогнозирование и профилактика возможных конфликтов; приемы бесконфликтного поведения.

Результаты

В фокусе исследования правомерно оказываются следующие вопросы: чьими интересами руководствуются муниципальные служащие, какими профессиональными и личностными качествами они обладают, какова природа конфликтов и стратегии поведения муниципальных служащих в конфликтных ситуациях.

По мнению респондентов, современный муниципальный служащий должен обладать такими качествами, как стремление к высокой продуктивности профессиональной деятельности (72 %), желание служить интересам общества (70 %), высокий уровень квалификации (68 %), обладание профессиональной компетентностью (64 %), умение максимально эффективно решать задачи в кратчайшие сроки (62 %), высокая организованность (60 %), независимость в принятии решений (58 %), стремление к профессиональному развитию (52 %), высокие и стабильные результаты в профессиональной сфере (48 %), социальная ответственность (44 %), аналитическое мышление (40 %), лояльность принципам муниципальной службы (38 %), способность анализировать внутриорганизационные процессы (34 %).

Следует отметить, что экспертная оценка личностных качеств чиновников идентична мнению анкетируемых. Эксперты (руководители органов местного самоуправления, преподаватели и сотрудники образовательных организаций) также считают высокий уровень знаний и квалификации, целеустремленность, дисциплинированность, организованность, независимость, открытость и стремление служить интересам местного населения наиболее значимыми качествами муниципальных служащих.

В результате анализа материалов анкетирования установлено, что, невзирая на осознание высокой социальной миссии профессиональной деятельности, направленной на решение значимых государственных и общественных проблем, основными причинами поступления респондентов на муниципальную службу стали причины личного характера, среди которых достойная оплата труда (48 %), потенциал карьерного роста (46 %), престиж профессии (41 %), возможность установить связи с нужными людьми (38 %), интересная работа, позволяющая самореализоваться (36 %), получение социальных благ и льгот (30 %), стремление к власти (28 %).

Полученные результаты в некоторой степени подтверждаются заключениями других социологов. Так, в ходе исследования, проведенного научным коллективом под руководством С. В. Степанова, установлено, что социально значимые факторы выбора профессии муниципального служащего являются вторичными, уступая личной заинтересованности служащих – стабильному доходу, возможности карьерного роста и принадлежности к определенной социально-профессиональной группе [24, с. 288].

Однако не у всех участников исследования в полной мере оправдались ожидания после поступления на муниципальную службу. Неудовлетворенность 48 % респондентов результатами собственной профессиональной деятельности обусловлена следующими факторами: несоответствие заработной платы и выполняемых обязанностей (69 %), отсутствие социального лифта (62 %), далекие перспективы повышения в должности (58 %), конфликтное взаимодействие в системе «руководитель – подчиненный» (54 %), нечеткое осознание миссии профессиональной деятельности (42 %).

Заметим, что 21 % опрошенных вообще не принимают управленческих решений в повседневной рабочей практике, 19 % редко принимают управленческие решения самостоятельно, а 4 %, несмотря на то, что являются рядовыми сотрудниками муниципальной службы, считают возможным принятие управленческих решений в профессиональной деятельности. Такие результаты противоречат логике управления в муниципальной службе и свидетельствуют о возможном нарушении в вертикальном взаимодействии руководителя с подчиненными. Данное предположение подтверждают В. В. Бахарев и А. Ю. Шиликов. Согласно комплексной социологической диагностике, проведенной исследователями, важными факторомм влияния на результат взаимодействия руководителя и подчиненного являются удовлетворенность заработной платой и реализация амбиций служащего в профессиональной практике [25, с. 56].

Социологический опрос позволил выявить зависимость между наличием профессионально значимых личностных качеств и конфликтологической компетентностью у муниципальных служащих. Среди участников исследования 62 % респондентов периодически находились в зоне конфликта, что напрямую препятствовало достижению целей совместной деятельности и влияло на психоэмоциональное самочувствие самих муниципальных служащих, снижая работоспособность и даже приводя к профессиональному стрессу.

В таблице представлены данные, характеризующие знания респондентов о природе конфликтов, а также предполагаемые способы поведения муниципальных служащих в конфликтной ситуации.

Исследование позволило выделить группы причин возникновения конфликтов среди чиновников.

1. Внутренние причины, обусловленные спецификой деятельности муниципальной службы: конфликт между руководителем и подчиненным (54 %), нарушение субординации (51 %), нарушение правил профессиональной культуры в организации (48 %), управленческие просчеты руководителя (47 %), неравномерность распределения нагрузки между подчиненными (44 %), недостатки в структуре системы управления (41 %), невысокий престиж труда муниципальных служащих низшего звена (36 %).
2. Причины, обусловленные характером межличностных отношений в коллективе: неблагоприятный психологический климат (48 %), проблемы социальной коммуникации (40 %), межличностные конфликты сотрудников (38 %), отсутствие единомышленников в коллективе (32 %).
3. Причины, обусловленные индивидуальными особенностями муниципального служащего: неадекватная (завышенная или заниженная) самооценка (58 %), утрата уверенности в своих силах (52 %), повышенная тревожность и эмоциональная неустойчивость (48 %), низкая устойчивость к стрессу (42 %), комплекс неполноценности служащего (34 %), высокая личностная конфликтность (32 %).

Столкновение личных интересов провоцируют ошибки в организации управления (73 %), ненормированность рабочего дня и повышение служебной нагрузки (69 %), эмоциональные перегрузки, упадок сил, стресс (67 %), несправедливость в распределении обязанностей и поручений (62 %), субъективная оценка труда служащих среднего и низшего звена (58 %), наличие в коллективе псевдоавторитетов (56 %), нарушение этики служебного общения (52 %).

Исследование показало, что межличностные конфликты являются доминирующими среди муниципальных служащих. Высокий уровень конфликтности, немотивированную агрессивность, развитие психологических акцентуаций среди чиновников интенсифицируют сложность социально-экономической обстановки в стране (71 %), отсутствие существенных позитивных изменений (67 %), отсутствие четких перспектив (64 %), наличие социальных страхов (62 %), повышение общей тревожности (58 %).

Конфликты в сфере муниципального управления также возникают вследствие недостаточно высокого уровня конфликтологической компетентности руководства, что

Табл. Способы реагирования муниципальных служащих на развитие конфликта в служебной сфере, %
Tab. Response to conflict at work, %

Вопросы анкеты	Ответы на вопросы анкеты		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Я знаю структурные компоненты конфликта и закономерности его развития	58	20	22
Я способен распознать истинную причину возникшего конфликта	64	12	24
Я знаю основные виды и типы конфликтов	62	16	22
Я обладаю способностью прогнозирования развития конфликта	68	10	22
Я способен предугадать наступление конфликта	68	12	20
Я способен предугадать последствия конфликта	70	14	16
Я способен регулировать возникший конфликт	42	50	8
Я могу поменять свою точку зрения в конфликтной ситуации в зависимости от расстановки сил	53	23	24
Я способен извлечь пользу из конфликта	34	24	42
Я владею силой убеждения и внушения	36	48	16
Я владею ораторским искусством	48	43	9
Я способен услышать точку зрения оппонента	45	43	12
Я способен к самоконтролю	62	12	26
Я владею своими чувствами и эмоциями	62	20	18
Я сравниваю свое поведение с поведением лидеров коллектива	57	29	14
Я всегда придерживаюсь правил культуры поведения и общения	74	26	0
Я всегда объективен, порядочен и искренен	82	18	0
Я всегда придерживаюсь профессионально-этических норм, установленных на законодательном уровне	100	0	0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-472-481

затрудняет разрешение конфликтных ситуаций на справедливой основе. Неоднозначность управленческого воздействия, помимо ухудшения морально-психологического климата в коллективе и понижения уровня корпоративной культуры в организации, влечет за собой дезорганизацию управляемой системы муниципальной службы. В первую очередь это проявляется в непродуктивной трудовой деятельности коллектива: нарушении инструкций, допущении неточностей в работе, формальном выполнении распоряжений, что является своеобразной реакцией подчиненных на недостатки в управленческой структуре. На незнание или игнорирование руководителем норм трудового законодательства, когда муниципальных служащих привлекают к общественным работам в выходные дни, праздники или устанавливают ненормированный рабочий день, указали 39 % опрошенных. Это, на наш взгляд, может обусловливать конфронтацию между отдельными лицами или группами специалистов муниципальной службы.

Результаты опроса показали, что глубинной причиной возникновения конфликтов на муниципальной службе является борьба за власть, статус, престиж и ресурсы внутри самой организации. В этом кроется серьезное противоречие между строгой системой административных правил и норм для муниципальной службы и потребностью чиновника достичь высокий статус, получить доступ к материальным благам и иметь возможность для самовыражения, удовлетворения профессионально-деловых амбиций. Полученные в процессе анкетирования данные аналогичны выводам исследования, проведенного А. А. Дьяконовой, согласно которым основной причиной возникновения конфликтов на муниципальной службе является обостряющее проблему социальной справедливости при распределении социальных благ противоречие между высокой миссией / строгим регламентом деятельности и природой личности человека [26, с. 79].

По результатам исследования участники опроса в конфликтной ситуации выберут следующие стратегии поведения: 1) проявят собственную инициативу, пытаясь переломить ситуацию (32 %); 2) вынесут информацию на всеобщее обсуждение согласно инструкциям и предписаниям вышестоящих инстанций (30 %); 3) поддержат позицию лидера в коллективе (20 %); 4) выберут позицию бездействия, ожидая, чем закончится конфликт (18 %). Первая стратегия представляется нам наиболее приемлемой тактикой поведения муниципального служащего, предполагающей его владение конфликтологической компетентностью как совокупностью знаний, умений и навыков.

Между тем эксперты отмечают значительный рост нагрузки на интеллектуальную, эмоционально-волевую и морально-нравственную сферы современного муниципального служащего, приводящий к снижению эффективности профессиональной деятельности (74 %), профессиональному стрессу (68 %), личностному кризису муниципального служащего (64 %) и конфликтам в организации (58 %).

Эксперты считают, что способность служащих противостоять конфликтам зависит от уровня развития саморегуляции поведения, сформированность которого определяется гендерной принадлежностью, индивидуальными личностными характеристиками и стажем муниципальной службы. Для чиновников с высоким уровнем саморегуляции поведения характерны независимость, гибкость мышления, осознанное выдвижение социально значимых целей, программирование деятельности. Муниципальные служащие мужского пола склонны к программированию в профессиональной деятельности. Они вовремя замечают трудности и настойчиво их преодолевают, реально оценивая обстановку и рассчитывая на социальное одобрение. Однако, по мнению экспертов (67 %), мужчины не всегда готовы взять на себя ответственность за принятые решения в конфликтной ситуации. Женщины при выполнении поставленных задач предпочитают выбирать нестандартные методы, что, по оценке экспертов (76 %), может привести к непоследовательности действий вследствие импульсивности принятия решений.

Экспертами отмечено, что на развитие конфликтов в системе муниципальной службы оказывает влияние возрастной состав чиновников: часто внедрение новаций и реализацию амбиций служащих молодого возраста существенно сдерживают консерватизм чиновников старшего возраста, нежелание принимать новые тенденции в управлении и в целом настороженное отношение к молодому поколению. Так проявляется эйджизм [27]. Кроме того, муниципальные служащие взаимодействуют с общественными организациями, в которых также преобладает контингент старших возрастов [28].

Эксперты подтверждают первоочередную необходимость формирования конфликтологической компетентности у конфликт-менеджеров / руководителей организации. Это позволит своевременно выявлять причины конфликтов (88 %), осуществлять диагностику стрессовых ситуаций в организации (86 %), определять позиции конфликтующих сторон (80 %) и стратегии разрешения конфликтов (78 %), управлять конфликтной ситуацией в организации (74 %), внедрять организационные мероприятия по формированию конфликтологической компетентности сотрудников службы (71 %).

Средствами и методами формирования конфликтологической компетентности муниципальных служащих, согласно экспертному мнению, являются специализированные обучающие семинары (52 %), психологические и развивающие тренинги (50 %), игромоделирование (48 %), самообучение (42 %), самоподготовка (40 %), саморазвитие (38 %).

Формирование конфликтологической компетентности руководителей и сотрудников муниципальной службы позволит, на наш взгляд, уменьшить число деструктивных

конфликтов в организации, снизить уровень социальной напряженности, улучшить психоэмоциональный климат в коллективе, повысить эффективность профессиональной деятельности служащих.

Недопущение конфликтов интересов чиновников, профилактика деструктивных конфликтов в коллективе, с точки зрения экспертов, требует еще на этапе подбора профессиональных кадров (руководителей и подчиненных) целого комплекса мер, таких как разработка нормативных процедур разрешения предконфликтных ситуаций (74 %); обеспечение соответствия формальной и неформальной структуры службы тем задачам, которые стоят перед коллективом (61 %); временное отстранение служащего от выполнения обязанностей (например, выведение чиновника из состава конкурсной комиссии, если кандидатом на замещение должности является его родственник) (54 %); разработка рекомендаций по поведению муниципальных служащих в конфликтной ситуации (46 %); учет соответствия занимаемой должности предъявляемым службой требованиям (42 %).

Разрешение конфликтов на муниципальной службе становится возможным вследствие нормализации социально-психологического климата в коллективе. Главенствующая роль в данном процессе отведена лидеру – руководителю коллектива, который, благодаря грамотной оценке деятельности подчиненных (92 %), личной наблюдательности (89 %), поддержке неформальных лидеров коллектива (82 %), использованию формальных и неформальных практик объединения коллектива (68 %), сможет предупредить развитие конфликтной ситуации среди сотрудников.

Экспертами выявлены составляющие конструктивного поведения служащих в ситуации конфликта: умение прогнозировать конфликты (88 %), предвосхищать действия оппонента (82 %), использовать приемы бесконфликтного поведения (79 %), осуществлять профилактику конфликта в коллективе (76 %), формировать общественное мнение по отношению к участникам конфликта (72 %), выступать в качестве «третейского судьи» (68 %), использовать в конфликтной ситуации методы «откровенного разговора» и организовывать сотрудничество (66 %), адекватно реагировать на конфликтную ситуацию (62 %), владеть корпоративной и профессиональной культурой (60 %).

Согласно мнению большинства экспертов (94 %), формирование конфликтологической компетентности чиновников должно происходить еще в процессе получения высшего образования в вузах управленческого профиля. Профессиональная подготовка будущих муниципальных служащих должна осуществляться в соответствии с основными приоритетами и тенденциями развития современной муниципальной службы, среди которых стабилизация и обеспечение преемственности профессиональных кадров (84 %), максимальное использование профессиональных знаний и опыта (76 %), профилактика коррупции (70 %).

Будущие муниципальные служащие должны быть готовы осуществлять синтез и анализ большого объема разноплановой информации (86 %), оценивать нестандартные ситуации и оперативно принимать правильные решения (80 %), участвовать в социальных коммуникациях (74 %), контролировать свои эмоции (72 %), разрешать конфликтные ситуации (66 %), нести ответственность как за личные, так и за коллективные результаты (62 %).

Анализ результатов полуструктурированного интервью экспертов позволил нам определить структуру конфликтологической компетентности муниципальных служащих. К структурным элементам эксперты относят: а) устойчивую профессиональную мотивацию, основанную на бесконфликтном взаимодействии (74 %); б) потребности в расширении профессиональных контактов (68 %), толерантности к окружающим (64 %), конструктивном поведении в зоне конфликта (60 %).

Таким образом, профессиональная деятельность муниципальных служащих с учетом общественной значимости, выполняемых функций, умственных и психофизиологических нагрузок, имеет все основания относиться к одной из самых сложных и ответственных видов профессиональной, социально значимой деятельности. В этой связи к результатам профессиональной деятельности и к личностным качествам муниципальных служащих предъявляются высокие требования.

Заключение

Основной смысл и содержание профессиональной деятельности муниципальных служащих заключается в признании, соблюдении и защите прав человека, повышении его благосостояния и качества жизни. Стремление к постоянному совершенствованию, развитию профессиональных навыков и саморазвитию является для них нравственным долгом. Главной характеристикой муниципального служащего является профессионализм как умение грамотно решать поставленные задачи и управлять конфликтным взаимодействием на муниципальной службе.

Наиболее значимыми профессиональными и личностными качествами чиновников являются высокий уровень знаний и квалификации, целеустремленность, дисциплинированность, организованность, независимость, открытость и стремление служить интересам местного сообщества. Установлено, что для муниципальной службы характерен повышенный уровень конфликтогенности, оказывающий влияние на выполнение служащими профессиональных задач в области общественно полезной деятельности.

Проведенное исследование позволяет нам выдвинуть гипотезу о существовании зависимости между наличием профессионально значимых личностных качеств и сформированностью конфликтологической компетентности у муниципальных служащих. Такое предположение способствует рассмотрению конфликтологической компетентности как интегративного качества личности,

владеющей знаниями о природе конфликтных ситуаций, умениями предвидеть деструктивные последствия конфликтов и навыками управления развитием конфликта в организации.

Межличностные конфликты являются доминирующими среди муниципальных служащих. В первую очередь конфликты возникают вследствие низкой конфликтологической компетентности руководства, что затрудняет оперативное разрешение конфликтных ситуаций. Неоднозначность управленческого воздействия приводит к ухудшению морально-психологического климата в коллективе, понижению уровня корпоративной культуры в организации, дезорганизации муниципальной службы.

Конструктивное поведение чиновников в ситуации конфликта включает в себя прогнозирование возможного конфликта, использование приемов бесконфликтного поведения, умение осуществлять профилактику конфликта в коллективе, организацию сотрудничества, владение корпоративной и профессиональной культурой.

Формирование конфликтологической компетентности муниципальных служащих предполагает развитие устойчивой профессиональной мотивации, основанной на бесконфликтном взаимодействии; установление и расширение сети профессиональных контактов; толерантность к окружающим; конструктивное поведение в зоне конфликта.

Дальнейшие направления исследования проблемы конфликтологической компетентности муниципальных служащих могут быть сфокусированы на диагностике конфликтологической компетентности чиновников – процедуре по сбору информации, выявлению условий и закономерностей зарождения и развития конфликтов с целью их последующего конструктивного разрешения и нормализации отношений в профессиональной среде.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Гедагов Т. З. Конфликтологическая компетентность как фактор эффективности профессиональной деятельности государственного служащего // Вестник экспертного совета. 2020. № 4. С. 20–24.
2. Мартынова И. И. К вопросу о необходимости развития конфликтологической компетенции будущего муниципального служащего // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2011. № 2. С. 114–119.
3. Лукьяновская О. В. О возможности применения процедуры медиации при разрешении конфликтов на государственной гражданской службе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1. С. 34–38.
4. Рычихина Э. Н., Нескородева Е. П., Щеткина М. А. Конфликтологическая компетентность в структуре управленческой культуры // Вестник Самарского муниципального института управления. 2020. № 3. С. 101–108.
5. Кашапов М. М., Башкин М. В. Динамика базовых характеристик конфликтной компетентности в процессе профессионализации личности // Вестник университета. 2008. № 12. С. 78–81.
6. Писарев Е. А. К вопросу конфликтологической компетентности государственных служащих // Вестник университета. 2015. № 1. С. 314–318.
7. Ельникова П. И. Влияние конфликтологической компетентности на эмоциональное выгорание сотрудников полиции // Архивариус. 2021. Т. 7. № 1. С. 14–16.
8. Ковалевская Е. В. Социально-психологические факторы формирования конфликтологической компетентности у студентов гуманитарного профиля. М.: Мир науки, 2019. 95 с.
9. Смирнова Е. В. Анализ формирования конфликтологической компетенции современного педагога // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. № 1. С. 407–411. https://doi.org/10.33619/2414-2948/62/46
10. Сенин М. А. Институт конфликта интересов в механизме противодействия коррупции на муниципальной службе // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 1-2. С. 100–103. https://doi.org/10.24411/2411-0450-2021-1077
11. Некоз К. В. Эффективные технологии разрешения конфликтов в органах местного самоуправления // Инновационная наука. 2018. № 9. С. 71–74.
12. Гурба В. Н. Управление конфликтами в сфере муниципальной службы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. № 4. С. 167–171. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2017-1-4-167-171
13. Волкова О. А. Проблемы трансформации профессиональной культуры в монографии Л. Н. Максимовой // Труд и социальные отношения. 2013. № 12. С. 138–142.
14. Щербакова О. В. Формирование конфликтологической компетентности в профессиональной подготовке будущих государственных служащих: автореф. дис. … канд. пед. наук. Саратов, 2011. 22 с.
15. Костюнина О. В., Елизарова И. А. Препятствия выявления и устранения конфликта интересов на государственной гражданской службе и муниципальной службе // Сибирский юридический вестник. 2018. № 2. С. 28–34.
16. Карцева К. Г., Каткова В. А., Тупикова В. А. Конфликт интересов на государственной службе как социальный конфликт // Актуальные исследования. 2019. № 3. С. 94–97.

17. Сулимов Н. Ю. Совершенствование механизма выявления и разрешения конфликта интересов на государственной и муниципальной службе // Юридическая наука. 2020. № 5. С. 16–19.
18. Самсонова М. А. Управление конфликтами в процессе формирования организационной культуры: автореф. дис. … канд. социол. наук. Саратов, 2008. 21 с.
19. Курносова Д. А., Труханович Д. С. Комплексная модель управления конфликтом интересов на муниципальной службе // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. 2020. № 20. С. 186–197.
20. Вельмисова Д. В. Значение ценностно-мотивационных смыслов в формировании конфликтологической компетентности работников // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2021. № 1. С. 38–45. https://doi.org/10.51692/1994-3776_2021_1_38
21. Литовка А. Б. Совершенствование механизма выявления и разрешения конфликта интересов на государственной и муниципальной службе России // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 4. С. 209–215. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2017-81-4-209-215
22. Мифтахова А. М. К проблеме урегулирования конфликта интересов на государственной службе: «пошаговый» алгоритм // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 1. С. 75–80.
23. Шемятихин В. А. Педагогические условия формирования конфликтологической компетентности преподавателей вузов: автореф. дис. … канд. пед. наук. Екатеринбург, 2008. 25 с.
24. Степанов С. В., Мозговая Е. И., Кулабухов Д. А. Проблемы формирования профессиональной культуры муниципальных служащих (на основе результатов социологического исследования) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2017. Т. 17. № 3. С. 287–290. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-3-287-290
25. Бахарев В. В., Шиликов А. Ю. Диагностика состояния культуры конфликтного взаимодействия муниципальных служащих Белгородской области // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2015. № 8. С. 54–62.
26. Дьяконова А. А. Социально-трудовые конфликты на муниципальной службе: причины возникновения и типовые ситуации // Государство, общество, бизнес в условиях цифровизации: сб. науч. тр. по мат-лам Всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 13 февраля 2020 г.) Саратов: Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС, 2020. С. 77–80.
27. Ананченкова П. И., Волкова О. А., Пашко Т. Ю. Эйджизм. Старение. Достойная старость. М.: АТиСО, 2019. 175 с.
28. Волкова О. А. Саморегуляция деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций в контексте их государственного регулирования: амбивалентность развития гражданского общества // Труд и социальные отношения. 2020. № 2. С. 195–196.

original article

Developing Conflict Management Skills in Municipal Employees: a Sociological Study

Alexey Yu. Shilikov
Belgorod National Research University, Russia, Belgorod; https://orcid.org/0000-0001-5257-1954; shadow.ne@mail.ru

Received 14 Jul 2021. Accepted after peer review 23 Nov 2021. Accepted for publication 6 Dec 2021.

Abstract: The article introduces a sociological survey that featured the development of conflict management skills in municipal employees of the Belgorod region. The methods involved a questionnaire survey and a semi-structured interview of Belgorod municipal authorities, teaching staff of the Higher School of Management of the Belgorod State University, and employees of the Institute of Regional Personnel Policy of Belgorod. The reasons behind the conflicts were divided into those caused by the specifics of the municipal service, the peculiarities of team relations, and the individual characteristics of a municipal employee. The results of the study can improve the practical work of municipal personnel departments or be used in teaching sociological disciplines. Further study is required to develop diagnostic methods to identify the conflict management skills in municipal officials, collect information, define conditions and patterns of development, draft resolution procedures, etc.
Key words: conflict, conflict management, professional culture, professionalism, municipal service, sociological survey, efficiency

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

Citation: Shilikov A. Yu. Developing Conflict Management Skills in Municipal Employees: a Sociological Study. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(4): 472–481. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-472-481

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Gedagov T. Z. Conflictological competence as a factor of efficiency of professional activity of a civil servant. *Vestnik ekspertnogo soveta*, 2020, (4): 20–24. (In Russ.)
2. Martynova I. I. Developing the conflict management skills in the future municipal employee. *Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie v XXI veke: teoriia, metodologiia, praktika,* 2011, (2): 114–119. (In Russ.)
3. Lukiyanovskaya O. V. About the possibility of application mediation procedure in resolving conflicts in the civil service. *Bulletin of the Saratov State Law Academy,* 2018, (1): 34–38. (In Russ.)
4. Rychikhina E. N., Neskorodeva E. P., Schetkina M. A. Conflictological competence in the structure of management culture. *Vestnik Samarskogo munitsipalnogo instituta upravleniia*, 2020, (3): 101–108. (In Russ.)
5. Kashapov M. M., Bashkin M. V. Dynamics of basic characteristics of conflict management competence in the process of professionalization of personality. *Vestnik universiteta*, 2008, (12): 78–81. (In Russ.)
6. Pisarev E. A. About the question of conflictological competence of civil servants. *Vestnik universiteta*, 2015, (1): 314–318. (In Russ.)
7. Elnikova P. I. Influence of conflictological competence on emotional burnout of police officers. *Arkhivarius*, 2021, 7(1): 14–16. (In Russ.)
8. Kovalevskaya E. V. *Socio-psychological factors of formation of conflict management competence among students of the humanities*. Moscow: Mir nauki, 2019, 95. (In Russ.)
9. Smirnova E. V. Analysis of the formation of conflictological competence of a modern teacher. *Bulletin of Science and Practice,* 2021, 7(1): 407–411. (In Russ.) https://doi.org/10.33619/2414-2948/62/46
10. Senin M. A. Institute for conflict of interest in anti-corruption mechanism in the municipal service. *Ekonomika i biznes: teoriia i praktika*, 2021, (1-2): 100–103. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/2411-0450-2021-1077
11. Nekoz K. V. Effective conflict resolution technologies in local self-government bodies. *Innovatsionnaia nauka,* 2018, (9): 71–74. (In Russ.)
12. Gurba V. N. Management of conflicts in the sphere of municipal service. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski,* 2017, (4): 167–171. (In Russ.) https://doi.org/10.22394/2079-1690-2017-1-4-167-171
13. Volkova O. A. Problems of professional culture transformation in L. N. Maksimova's monograph. *Trud i social'nye otnosheniya*, 2013, (12): 138–142. (In Russ.)
14. Shcherbakova O. V. *Formation of conflictological competence in the professional training of future civil servants.* Cand. Ped. Sci. Diss. Abstr. Saratov, 2011, 22. (In Russ.)
15. Kostyunina O. V., Elizarova I. A. Impediments of exposure and elimination a conflict of interest on the public service and the municipal service. *Sibirskij yuridicheskij vestnik*, 2018, (2): 28–34. (In Russ.)
16. Kartseva K. G., Katkova V. A., Tupikova V. A. Conflict of interest in public service as a social conflikt. *Aktualnye issledovaniia*, 2019, (3): 94–97. (In Russ.)
17. Sulimov N. Yu. Improving the mechanism for identifying and resolving conflicts of interest in state and municipal services. *Yuridicheskay nauka,* 2020, (5): 16–19. (In Russ.)
18. Samsonova M. A. *Conflict management in the process of organizational culture formation.* Cand. Sociol. Sci. Diss. Abstr. Saratov, 2008, 21. (In Russ.)
19. Kurnosova D. A., Trukhanovich D. S. Comprehensive model for managing conflicts of interest on the municipal service. *Scientific notes of the Tambov branch of the RUYS*, 2020, (20): 186–197. (In Russ.)
20. Velmisova D. V. The importance of value-motivational meanings in the development of employees conflictological competence. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*, 2021, (1): 38–45. (In Russ.) https://doi.org/10.51692/1994-3776_2021_1_38
21. Litovka A. B. Improvement of the mechanism of identification and resolution of conflict of interests in the public and municipal service of Russia. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii,* 2017, (4): 209–215. (In Russ.) https://doi.org/10.22394/1818-4049-2017-81-4-209-215
22. Miftahova A. M. On the problem of conflict of interest on the public service settlement: a "step by step" algorithm. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2015, (1): 75–80. (In Russ.)

23. Shemiatikhin V. A. *Pedagogical conditions for the development of conflict management competence in academics.* Cand. Ped. Sci. Diss. Abstr. Ekaterinburg, 2008, 25. (In Russ.)
24. Stepanov S. V., Mozgovaya E. I., Kulabukhov D. A. Problems of formation professional culture of municipal employees (on the basis of results of the sociological research). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology,* 2017, 17(3): 287–290. (In Russ.) https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-3-287-290
25. Baharev V. V., Shilikov A. Yu. Diagnosis of the culture of conflict interaction municipal employees Belgorod region. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series*, 2015, (8): 54–62. (In Russ.)
26. Diakonova A. A. Social and labor conflicts in the municipal service: causes and typical situations. *State, society, and business in the conditions of digitalization*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Saratov, 13 Feb 2020. Saratov: Povolzhskii institut upravleniia imeni P. A. Stolypina – filial RANKhiGS, 2020, 77–80. (In Russ.)
27. Ananchenkova P. I., Volkova O. A., Pashko T. Yu. *Ageism. Aging. Decent old age.* Moscow: ATiSO, 2019, 175. (In Russ.)
28. Volkova O. A. Self-regulation of the activities of socially oriented non-profit organizations in the context of their state regulation: ambivalence of civil society development. *Trud i social'nye otnosheniya*, 2020, (2): 195–196. (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-482-495

оригинальная статья

Карьерное и профессиональное развитие руководителя организации

Елена Юрьевна Шпаковская
Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Россия, г. Магнитогорск

Оксана Владимировна Токарь
Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Россия, г. Магнитогорск

Рената Рауфовна Гасанова
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва

Татьяна Леонидовна Худякова
Воронежский государственный педагогический университет, Россия, г. Воронеж

Ольга Павловна Степанова
Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Россия, г. Магнитогорск

Мариям Равильевна Арпентьева
Центр психологической, педагогической, медицинской и социальной помощи «Содействие», Россия, г. Калуга; https://orcid.org/0000-0003-3249-4941; mariam_rav@mail.ru

Поступила в редакцию 17.10.2021. Принята после рецензирования 15.11.2021. Принята в печать 15.11.2021.

Аннотация: *Актуальность* исследования проблемы успешности / результативности управления карьерным и профессиональным развитием руководителя современной организации связана с тем, что социально-статусное и трудовое становление и совершенствование будущего и работающего специалиста как менеджера часто вступают в диссонанс. Менеджериализм, коррупция и иные институциональные или возникающие по ходу деятельности фирмы деформации создают противоречия, требующие направленных и масштабных усилий по их преодолению, в том числе путем привлечения имеющихся и создания, апробации и коррекции инновационных, специализированных по отношению к труду менеджера технологий управления карьерой и профессиональным становлением. *Цель* – анализ современных проблем взаимодействия карьерного и профессионального развития руководителя современной организации. *Метод исследования* – теоретический анализ современных проблем управления карьерным и профессиональным развитием руководителя современной организации. *Результаты*. Карьерный и профессиональный пути современного руководителя подразделения или целого предприятия – феномен культуры. Они тесно связаны с уровнем и направлением становления и развития человека как личности, партнера и специалиста – системой компетенций в области профессионально-трудового и социально-карьерного становления и развития. Они отражают и порождают также изменения области внутриличностного и межличностного совершенствования (самосовершенствования). Становление и развитие человека связано с накоплением и переработкой общежизненного (в том числе профессионального) опыта. Накопление жизненного опыта редко является целенаправленным и рефлексивным, поэтому не дает такого выраженного и масштабного эффекта, как в случае со своевременно и полноценно изученным и отрефлексированным опытом. Цель такого изучения и рефлексии – профилактика и коррекция нарушений (деформаций) профессионально-трудового и социально-карьерного становления, в том числе привлечение опыта в процессы разработки, реализации и коррекции карьерограммы специалиста (его персональной трудовой траектории) а также грамотное использование различных психотехнологий управления карьерой. *Выводы*. Связанные между собой составляющие успешности / результативности профессионального труда и карьерных усилий менеджера включены в многоуровневую, многокомпонентную систему. Условие совершенствования управления организацией – коррекция наличных и формирующихся качеств менеджера и их системное соотнесение с особенностями жизни организации и ее субъектов: содержанием и динамикой корпоративной культуры; спецификой и трансформациями социально-психологического климата рабочего коллектива; наличием и характеристиками систем внутреннего образования и взаимопомощи в корпорации; системой отбора и поддержки труда специалистов, включая менеджеров; системой профессионально важных качеств руководителя, обеспечивающих результативность его труда; достижениями и провалами эргодизайна труда членов организации, включая психофизиологическую сработанность и слаженность и т. д.

Ключевые слова: социально-психологические технологии, управление, карьера, менеджер, деформации развития, менеджериализм, коррупция, поливариативная карьера, акмеологическая модель, карьерограмма

Цитирование: Шпаковская Е. Ю., Токарь О. В., Гасанова Р. Р., Худякова Т. Л., Степанова О. П., Арпентьева М. Р. Карьерное и профессиональное развитие руководителя организации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 4. С. 482–495. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-482-495

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться,
и нет ничего нового под солнцем:
бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»;
но это было уже в веках, бывших прежде нас[1]

Введение

Практическая и теоретическая актуальность изучения сложностей и проблем управления карьерным и профессиональным развитием руководителя современной организации, успешности / результативности такого управления очевидна. Она во многом связана с тем, что социально-статусное и трудовое становление и совершенствование будущего и работающего специалиста как менеджера часто вступают в противоречие друг с другом, с развитием организации и социума. Ценности современного управления как власти существенно отличаются от ценностей, декларировавшихся и бывших значимыми ранее. Повышение производительности труда, исполнение миссии организации, повышение доходности предприятия и уровня жизни его работников и общества в целом и т. д. уже не так значимы по сравнению с тем, насколько полно и масштабно руководитель достигает при помощи ресурсов и активов организации собственных целей (в том числе продвигающих его на роль руководителя); насколько совершаемые им действия позволяют удерживать и укреплять (вплоть до наследственной передачи и купли-продажи) имеющийся управленческий status quo. Это движение заметно во всех странах, однако на разных уровнях менеджмента в разной мере. Общая тенденция – построения вертикали власти – предполагает: чем большей властью обладает человек, тем в большей мере в его жизнедеятельности он обеспокоен самой властью. Таким образом, вопросы профессионального труда и труда вообще отходят на задний план, а коррупция и иные проявлений деформаций управленческого труда все более нормализуются. Менеджериализм, коррупция и другие деформации, заложенные институционально (современной культурой и идеологией управления) или возникающие по ходу деятельности конкретной организации (фирмы, ассоциации, холдинга), создают противоречия, требующие направленных и масштабных усилий по их преодолению. Эти усилия могут быть существенно оптимизированы путем привлечения имеющихся и создания, апробации и коррекции инновационных, более или менее специализированных по отношению к труду менеджера технологий управления карьерой руководителя организации.

Методологические основы исследования

Предмет исследования – современные проблемы взаимодействия карьерного и профессионального развития руководителя современной организации. Цель исследования – анализ этих проблем. Метод исследования – теоретический анализ современных проблем содержания и управления карьерным и профессиональным развитием менеджера.

Новизна исследования обусловлена разработкой авторского представления об управлении карьерным и профессиональным ростом руководителя, а также анализом актуальных проблем, связанных с дисгармониями профессионального и карьерного роста современных менеджеров. Отдавая дань многочисленным разработкам в сфере теории и практики управления карьерным и профессиональным развитием специалиста в качестве руководителя организации (как процесса и технологии, как системы, как фактора повышения качества управления бизнесом и т. д.), мы сосредотачиваем внимание на проблеме, наиболее актуальной в период расцвета менеджериализма и нормализовавшейся коррупции, проявляющейся в противостоянии карьерного и профессионального становления и развития специалиста, – проблеме депрофессионализации руководителей, дисгармонизации их карьерных путей. Такого рода дисгармонии в деятельности современных менеджеров множественны, они подчеркивают актуальность разработки и внедрения технологий управление профессиональным и карьерным становлением и развитием руководителя.

Общие представления о карьере и профессионализации современного менеджера

Карьера современного руководителя организации в трудах зарубежных и отечественных исследователей (культурологов, социологов, психологов, педагогов и т. д.) изучается, как правило, в контексте ее рассмотрения как индивидуального либо организационного (группового) результата, состояния или соотношения профессиональных и статусных достижений человека в организации. Реже ученые и практики пишут о карьерном и профессиональном росте менеджера как о процессе, инициируемом, направляемом и прекращаемом обществом, организацией и конкретными людьми. Карьера предстает как процесс и результат внешних и внутренних по отношению к индивиду усилий (поступков, деятельности), ограничивающих или развивающих его готовность и способность быть гибким. При этом индивиду необходимо сохранять целостность в ходе различных трансформаций; умение и стремление адаптироваться (реадаптироваться) к трансформирующимся обстоятельствам внутренней (личностной) и внешней (организационной, социальной и т. д.) среды,

[1] Екклесиаст. Гл. 1. Стих: 9–10.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-482-495

к изменениям общественных отношений и бизнес-отношений, к технологическим новациям (цифровым, биологическим и т. д.) производства и управления производством, к изменениям в сферах юридических (законодательных) и этических (морально-нравственных) нормативов и норм. Многие исследователи, изучающие особенности культуры постмодерна, говорят о нем как о мире изменчивых и подчас фрагментированных на лоскуты асимметричных отношений. О мире, в котором жизненный путь, профессионально-трудовое и статусно-карьерное движения специалистов, как правило, усложняются, становятся более вариативными, произвольными, изменчивыми, порою – авантюристичными, не связанными с личностными, межличностными и профессиональными достоинствами человека.

Вариант «одна жизнь – одна карьера» благодаря направленной пропаганде такой фрагментации, изменчивости и сложности становится малораспространенным. Параллельно наступает путаница в стадиях профессионального и карьерного развития. Индивид не разделяет сверхоптимистичную, лоскутную, формализованную оценку своей компетентности, готовности работать руководителем и профессионализм – результат направленного «интеллектуального развращения»[2], при котором человек полагает, что знает о чем-либо, если он с этим чем-то встречался [1]. Нивелируется также идея, что руководитель организации должен быть профессионалом, разбирающимся во всех аспектах труда своих подчиненных и, часто, прошедшим по многим ступеням единого профессионально-карьерного становления. Напротив пропагандируется менеджериализм, предполагающий, что современный менеджер является профессионалом только в сфере управления, безотносительно к особенностям организации и труда, которыми он руководит. Это проявляется уже на стадии образования. Рекламируемая модель непрерывного, прагматико- и практико-ориентированного, активного и продаваемого как услуга образования подчеркивает множественность вариантов профессионального становления и развития, наставничества и переподготовки, а также завершения профессиональной и карьерной активности индивида, затушевывая проблематику профессионализации (депрофессионализации).

Как исследователи исторических традиций и актуального состояния труда менеджера, так и проектировщики будущего (форсайтов) управленческой деятельности подчеркивают роль организационно-групповых факторов, воздействующих на карьерные траектории, достижения и спады личности [2–5]. Эти факторы часто рассматриваются независимо от индивидуума. Руководитель (будущий или работающий) рассматривается как субъект, способный влиять на процессы в организации и в себе самом (самоуправление), но только в той степени, в которой позволяют внешние обстоятельства. А обстоятельства эти таковы, что, в полном соответствии с идеями сложности, изменчивости и непредсказуемости внешнего мира, в последние десятилетия XXI в. все привычнее становятся понятия дауншифтинга, депрофессионализации, утечки кадров / утечки мозгов, прекаризации, аутсорсинга, фриланса, дистанционной работы, переподготовки и т. д. Управление сводится к крайне незначительной зоне компетенций, приобретение и потеря которых не представляют для человека существенной личностной, межличностной и профессиональной значимости. Квазипрофессионализм или имитация / симуляция профессионализма (в том числе в сфере управленческих компетенций) действительно придает труду руководителя определенного рода гибкость и непривязанность, которые переводят его из субъекта деятельности (актора, агента) в тот самый «винтик», регулирующий, но не определяющий ни функционирование части системы, ни ее развитие, ни саму систему. Менеджериализм позволил выстроить систему отношений, которая в значительной мере является системой контроля, ограничивающей возможности карьерного и профессионального развития как рядовых членов организации, так и тех, кто ею управляет, а, точнее, контролирует исполнение в разной мере структурированных сценариев / смысловых моделей жизнедеятельности. Это распространяется и на модели управления жизнедеятельностью сообществ, созданных истинными управляющими, предикторами – «предуказателями» целей, часто остающимися в полной «тени».

Однако, на наш взгляд, управлять – значит быть готовым и способным влиять не только на обстоятельства и условия внутреннего по отношению к организации уровня, но и внешнего. Миссия и цели организации, к которым ее руководитель имеет непосредственное отношение, предполагают наличие компетенций и усилий управленца по изменению социальных, государственных, бизнес-отношений, включая политические и идеологические влияния и трансформы. Руководитель организации должен выступать как полноценный субъект активности, представляющий ее в системе и воздействующий на состояние (функционирование) и преобразование (развитие) системы. Для этого он не только должен обладать лишенными конкретного предметного содержания управленческими компетенциями и опытом, но и быть профессионалом, партнером и человеком, сознавать и реализовывать, отстаивать и транслировать миру высшие, предельные ценности своего индивидуального, социального и профессионально-трудового бытия, укорененные в горизонте карьерно-статусного и общежизненного опыта руководителя.

[2] Чагин О. Физиология высшей нервной деятельности (ч. 2). Ответы на вопросы и планы на будущее // Youtube.com. Прикладной концептуальный форум. 04.11.2020. Режим доступа: https://www.youtube.com/channel/UCikjYRmyCQ0atQpfNDvyTlg (дата обращения: 10.10.2021).

Связь карьерного и профессионального становления и развития менеджера

Согласно традиционным и классическим представлениям карьера и профессия связаны тесно, но неоднозначно [4–6]. Карьера обеспечивается профессионально-трудовой культурой специалиста как системой его компетенций (знаний и умений) в статусном становлении и развитии [7; 8]; накоплением и осмыслением жизненного опыта, включая опыт профессиональных достижений и провалов, межличностных отношений и индивидуального бытия [9; 10]. Однако такое неорганизованное и нерефлексивное накопление, как правило, не приносит желаемого результата. Наоборот, оно может приносить проблемы депрофессионализации и иные деструктивные последствия: 1) переутомление и психологическое выгорание; 2) деформации личностных и профессиональных отношений и черт; 3) тяга к смене места работы; 4) стремление к смене специализации, профессии, вида трудовой занятости; 5) склонность к смене образа жизни (вплоть до тотального дауншифтинга); 6) суицид руководителя вследствие развала управляемой им организации (в том числе из-за коррупции и ее последствий).

Некоторые управленцы подвергают себя социально-психологической изоляции (самоизоляции) разными формами: 1) надомная работа, в том числе в контексте цифрового кочевничества и фриланса; 2) попытка тотальной изоляции в форме переселения на необитаемые территории, отказ от благ цивилизации и т. д. Напротив, знания и опыт (в том числе опыт негативный, кризисный, проблемный), будучи изученными и отрефлексированными, становятся полезными. Они могут использоваться для внесения корректив в рамках разработки, реализации и совершенствования карьерограммы специалиста, а также в процессе отбора, создания, применения и коррекции иных технологий управления карьерой. Кроме того, отрефлексированные знания и опыт могут быть применены для реализации модели аптишифтинга – системы отношений руководителя и членов организации, при которой их жизненные цели и формы бытия поддерживают друг друга, суммируясь в миссии организации, осознании и осуществлении ею своего предназначения как общественного института. Этот момент отмечают как отечественные [11], так и зарубежные [12; 13] исследователи и менеджеры.

При низкой профессиональной культуре, несформированной профессионально-трудовой идентичности (непрофессионализме, квазипрофессионализме) специалист выступает обычно как представитель маргинализированного люмпен-пролетариата. К этой группе относятся руководители, которые случайным или внепрофессиональным путем временно получили возможности карьерного и / или профессионального развития. Некоторые из них могут изначально выступать как члены организованной мафиозной (антисоциальной / асоциальной) группировки – патократического сообщества, инсценирующего профессионально-трудовую активность и поддерживающего своих членов в общей борьбе за власть и ресурсы с другими мафиозными объединениями и с профессионалами. Эту особенность можно выявить благодаря анализу современных документов, посвященных форсайтам в сфере бизнеса и смежных сферах. Мафия, как известно из советской теории коллектива (параметрическая концепция Л. И. Уманского и стратометрическая концепция А. В. Петровского), – аналог коллектива, в котором ценностно-ориентационное единство заменяется корпоративностью и иерархичностью как основами сплоченности членов [14–16]. Патократия как власть социопатов представляет собой объединение, членство в котором связано с реализацией значимых для всех участников группы асоциальных целей, абсолютно не соотносящихся с характером той профессионально-трудовой деятельности, которая используется для инсценировки социальности и представляет собой предмет труда организации [17]. Именно поэтому власть руководителей-социопатов приводит к неизбежному краху организаций: банкротству, развалу и т. д. Коррупция – лишь одна из сторон этой проблемы, более значимым является потеря организацией ее предметного поля, цели и миссии. Руководитель же такой организации имеет два пути реализации: 1) путь зицпредседательства, на котором коррупция и иные преступления управленца становятся широко известными и подвергаются социальному порицанию и преследованию (менее вероятный); 2) путь, на котором руководитель, успешно развалivший организацию, переводится с повышением на следующую должность в другую организацию, еще не успевшую развалиться (более вероятный).

Итак, мафия определяется как любая сплоченная группа с высокой опосредованностью отношений антиобщественной деятельностью[3]. Ее членов, а также их эквивалентов («шайка», «банда») характеризует принадлежность к социальным низам – низкосоциализированным или десоциализированным субъектам, уже не силой обстоятельств, а с помощью осознанных, стратегических, активных усилий и при поддержке неких «теневых» акторов (кураторов, предикторов как «предуказателей» цели) и их агентов, занявших места, предназначенные для социальной элиты. Для этой группы специалистов характерны готовность и стремление переключиться с собственно профессионально-трудового роста, формирования и совершенствования профессиональной компетентности, с самоактуализации на достижение некоего желательного для его кураторов, него самого, его семьи и окружения (членов мафиозной структуры) социального и профессионального статуса. Ради этого он может

[3] Коллектива концепция стратометрическая // Немов Р. С. Психологический словарь. М.: Владос, 2007. С. 174.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-482-495

полностью отказаться от профессионализации и достоинства профессионала, партнера, личности. Данная система управления держится на нескольких «опорах», включая регуляцию доступа к компетенциям; компетенции управления (существование тайных и скрываемых знаний, умений и т. д.); конспирацию; тандемный принцип управления и применение технологий психологической манипуляции сознанием трудящихся[4]. В современном мире ограниченных компетенций, нормативов и разрушенных звеньев среднего и высшего российского образования формирование и развитие специалиста предполагает покупку документов о наличии крайне ограниченного набора квазипрофессиональных знаний и умений, а также формирование собственного варианта реализации идей модели поливариативной карьеры.

В XX в. в карьерах людей ведущую роль выполнял императив *одна жизнь – одна карьера* (*one life – one career*), позволявший человеку и организации выстраивать простую линейную траекторию карьеры и профессии, определять связанные с этим гарантии социального типа и т. д. Человеку было понятно, что для успешного осуществления карьеры в ходе реализации профессионально-трудовой активности достаточно формирования и развития какой-то одной группы компетенций как нескольких конкретных знаний и умений [8; 18–21]. При этом чем более компетентным был человек в этой области и / или ряде смежных областей, тем выше он ценился как профессионал и тем выше мог подняться по карьерной лестнице. Однако на уровне, когда руководитель достигает потолка своей компетентности, его развитие как профессионала (а иногда и как партнера и человека) нередко останавливается: он уже не является компетентным и не может расти. Останавливает развитие и сам человек, убедившийся в своей компетентности и ее достаточности, и среда, которая не предъявляет к нему требований, способных стимулировать рост.

В модели поливариативной карьеры все сложнее. *Поливариативность* – не проявление успеха и достижение, а последствие негативных тенденций современного рынка труда: это – итог текучести кадров и депрофессионализации, а также их стимуляции прекаризацией и аутсорсингом. В результате этих процессов человек в погоне за индивидуальным успехом может ограничить свое развитие немногочисленными попытками следовать сиюминутным запросам рынка труда и желанием продать те немногие знания и умения, которые он приобрел прямым или косвенным путем. Он может так и не стать профессионалом ни в одной области, включая управление, поскольку изменчивая среда, в которой он формируется и развивается, его к этому не побуждает, а сам он, будучи воспитан в логике интеллектуального развращения постмодерна, полагает себя знатоком всего, к чему когда-либо имел отношение. При этом, понимая, что доступ к управлению или во власть открыт не каждому, он должен демонстрировать готовность и способность предать свои таланты и сущность ради социального (в том числе карьерно-статусного) успеха.

Такого рода деформации развернуто охарактеризовал Б. Беттельгейм, сравнивая типы заключенных концлагеря [22]. Он отмечал, что ни один из предателей других заключенных, ни один из перешагнувших через самого себя и свои принципы, не стал счастливым человеком, в том числе любящим свой труд и совершенствующимся профессионалом. Отказ от самоактуализации приводит к деформации самореализации: торгуя собой, своими компетенциями, человек достигает состояния духовной смерти. В этом состоянии его охватывает безразличие, лишающее даже страха смерти. Он ищет реальной или символической смерти и находит ее, хотя часто попутно: борясь с внутренним желанием самоуничтожения, калечит судьбы и уносит с собой жизни других людей. Это феномен профессионального потолка, при котором человек в порыве удовлетворения растущих желаний достигает карьерной позиции, которую должен занимать профессионал и к которой он психологически, духовно-нравственно и социально не готов и не способен. Это в итоге разрушает как человека, так и организацию.

Ступени депрофессионализации и карьерной демотивации в случае, если должность руководителя занимает профессионал, образуют единую спираль, представленную следующими стадиями: 1) растерянность перед вызовами, с которыми не готов или не хочет справляться человек; 2) оборона; 3) надежда; 4) разочарование (невоплощенная в результате обороны надежда, поворотный пункт); 5) потеря готовности; 6) финальное разочарование. Эти стадии также часто накладываются на другие, имеющие внутренние и внешние источники и формы карьерного движения типа ротаций, карьерного и профессионального роста в форме понижения / повышения в должности.

Если же должность руководителя занимает человек, не имеющий претензий и ориентаций на профессионализм, то его активность, как правило, носит собственно коррупционный характер: вместо дезориентации и разочарования в себе и профессии наблюдается период ориентации, выстраивания и перестраивания того фрагмента вертикали власти, который был дан руководителю его куратором. Типичным в такой ситуации становится «административный восторг» или «синдром вахтера»: компенсаторное упоение властью, потерявшей или не имеющей никакого функционального смысла, развившейся до уровня тотального, легитимного произвола / открытого насилия. Распространенность коррупции в той или иной сфере, регионе или стране является главным индикатором

[4] Зазнобин В. М. Концептуальная власть: миф или реальность? // Молодая гвардия. 1990. № 2. С. 183–188; Шило С. П. Кто такой «глобальный предиктор»? // Youtube.com. Нестор (Шило). 13.03.2021. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=G7pscVeJHpI (дата обращения: 10.10.2021).

непрофессионализма / депрофессионализации руководства подавляющего числа государственных и негосударственных организаций и предприятий. Патократия или мафия способствовали тому, что бюрократия, тратящая все силы на поддерживание тотальной защищенности и активное размножение, погибла не сразу. Патократия предполагает трайбализацию как взаимную ингрупповую поддержку (групповой фаворитизм), «скрепляемый» переживаниями и представлениями о тотальном превосходстве представителей бюрократии («элиты») и их потомков по сравнению с тем люмпен-пролетариатом, из которого они когда-то вышли (в случае концлагеря – с заключенными лагеря, не имеющими привилегий и надежд на жизнь). Организация / страна превращается в лагерь, переходящий ради «устойчивого развития» (беспрепятственной и бесконтрольной власти-коррупции) на «чрезвычайное положение» [23; 24].

Как показал Б. Беттельгейм, по мере продвижения «господ» и «рабов» к состоянию «идеального заключенного» и «идеального начальника» усиливается амнезия и ослабевают когнитивные (метакогнитивные) способности: происходит масштабная потеря понимания всего выходящего за рамки постановлений, колючей проволоки, т. е. всего связанного с автономной, свободной волей и внутренними ценностями человека. Этот распад индивида как личности (а до него – распад человека как партнера и профессионала) есть потеря, забвение себя: мир за пределами симуляций лагеря (концлагеря) нереален. Хотя человек осознает, что с ним происходит что-то ужасное, неправильное, но само понимание и ужас разрушительны для его способности сопротивляться. Разрушение неостановимо без радикальнейшей трансформации, на которую человек, предавший себя и других, ставший социопатом как социальным каннибалом, не способен [25]. Аналогичное происходит и при физическом каннибализме.

Руководитель, менеджер, человек, который берет на себя риск принимать решения за других людей, оказывается в крайне опасной ситуации – ситуации искушения властью, с которой он, как правило, как любой человек может справиться, только будучи честным и мужественным перед лицом реальности, ее осознания и принятия, порядочным и ответственным, прежде всего – искренним и опирающимся на нравственные ценности в отношениях с самим собой как личностью, партнером и профессионалом. Однако такой человек редко претендует на место «наверху»: полностью сознавая угрозы расчеловечивания (насильственного или добровольного лишения статуса человека), их последствия. Социопат как человек, изначально живущий вне нравственных норм, порядочности, достоинства, не стремится стать профессионалом, но стремится к власти и статусу, не ощущая при этом такой угрозы [17]. Он либо открыто идет навстречу расчеловечиванию, превознося различия «черни» («быдла») и «элиты»[5], либо, совершая бесчестные, вредящие самому себе и иным людям, организации и производству поступки, быстро привыкает считать их не только абсолютно нормальными, но и функциональными, полезными для себя и управляемых.

Многие руководители-коррупционеры среднего звена не столько лицемерят, сколько искренне верят в то, что жестоко расправляясь с «неугодными» / «лишними», «ленивыми», «приносящими беспокойство» и т. д., они заботятся о своих подчиненных и «деле». Занимая пост руководителя, такой человек, не имеющий ресурсов и достижений, которые хоть как-то могли обосновать его пребывание в должности, активно берется за «расчистку»: пространство и время его жизни выстраиваются как альтернатива пространству и времени того, кого удалось «подсидеть», вытеснить. Как продолжение стремления соответствовать требованиям куратора: его задача – не столько стать лучшим «хозяином» вверенных ему «рабов», сколько стать лучшим «рабом» взявшего его в свою группу куратора. «Новая метла по-новому метет», – эта старая русская поговорка вполне отражает судорожные и часто безуспешные попытки манифестации уникальности, демонстрируемого и реализуемого стремления к расправам и реструктуризации, обуславливающие прогрессирующую деиндивидуализацию и десубъективизацию таких людей. Эта вера однако является препятствием на пути в более «высшие эшелоны власти»: здесь места наивности и иллюзиям не остается. Входящий в этот мир однозначно понимает, что возврата назад нет: варианты выхода / ухода варьируют между тюремным заключением, физической или психической смертью. Поэтому он готов идти до конца, в том числе «по трупам» своих коллег, оппонентов и всех, кого прикажут уничтожить вышестоящие в вертикали власти кураторы. Здесь поэтому действительно уместно понятие мафии или банды: руководящая организацией группа функционирует как собственно криминальная группировка.

Современная понерология и советская теория коллектива описывают мафию как конгломерат разнотипных социопатов, организованный для борьбы с «нормотипичными» [17]. Именно поэтому «проштрафившийся» руководитель высокого уровня, как правило, «переводится» на должность с еще более высоким уровнем: туда, где дотянувшиеся до высот ранее, помешать его преступлениями уже не смогут. Вариант с потерей работы и увольнением обычно возможен лишь в одном случае: как результат чрезмерных по интенсивности и размаху коррупционных усилий, а также в виде временного состояния на пути к первым трем вариантам: социопаты не расстаются со «своими», если обнаруживают собственную преступность в отношениях с «типичными».

[5] Бурьяк А. В. Теория быдла // Бурьяк. Режим доступа: http://bouriac.narod.ru/Bydlo.htm (дата обращения: 10.10.2021).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-482-495

Проблемы отношений социопатов возникают только в ситуациях переделов собственности и особенно власти. При этом важной чертой социопата является низкий профессионализм или отсутствие профессионализма как такового: социопата нельзя не только социально, психологически, нравственно «исправить», но нельзя и просто научить чему-либо, что он считает не важным для единственно значимых для него отношений – власти. Для социопатов типична имитация профессионализма и трудовой активности – практически единственной формы его существования. Поэтому агрегация социопатов приводит к тому, что в управлении организацией, когда удается выжить всех «чужих», места заняты непрофессионалами [17]. Естественным образом последнее ведет к коллапсу организации и перемещению мафии на новое поле, например, в результате кадровых перестановок и оптимизации учреждений и фирм. Это хорошо видно на примере работы предприятий и холдингов, действующих в различных сферах российского производства. Последние 30 лет Россия активно движется к состоянию страны, которая ничего не производит. Форсайт-проекты типа «Россия-2045», «Образование-2030» и разрабатываемые для их осуществления законы и программы закрепляют эти тенденции документально[6]. При этом ниши товарного производства заняты производителями Китая и некоторых иных стран, в которых жесткая стратификация и эскалация власти в высших эшелонах руководства сочетаются с сознательной заботой о том, чтобы готовить и продвигать в средние и низкие звенья управления профессионалов, полноценно используя именно профессиональный труд.

При высокоразвитой профессиональной культуре (сформированных профессиональных компетенциях) индивид начинает поиск инновационных направлений и методик труда. Он ищет пути развития и осуществления себя и трудовой деятельности в новых для него (подчас и для организации и самой профессии) карьерном и профессиональном направлениях. В частности, он может сформулировать запрос на профессиональный труд, предполагающий возможность совмещения карьерно-статусного и профессионально-трудового роста. Для этого ему нужно найти и переместиться в ситуацию или организацию / подразделение организации, которые дадут ему такую возможность. Этот момент присутствует и в концепции поливариативной карьеры (protean career) Д. Холла [21; 26] и в концепции трудового коллектива (с его ценностно-ориентационным единством) в психологии и социологии существенна отлична от интерпретации у непрофессионалов и представителей люмпен-пролетариата: в рамках данного уровня профессионально-трудового и карьерно-статусного становления и развития *поливариативная карьера* превращается в *неограниченную карьеру* (boundaryless). Для человека здесь важны стремления и умения самоуправления, ориентация на собственные, но общественно значимые и развивающие ценности и цели (самоактуализация). Такая ситуация приводит к неограниченной карьере, ее модусы – трансценденция и трансгрессия – предполагают активное пересечение любых границ, норм, шаблонов. Человек движется к уникальности своих компетенций и позиций, суперпрофессионализму или сверхпрофессионализму. Он формирует и развивает систему знаний и умений, которых нет больше ни у кого, т. е. становится уникальным и незаменимым.

Часто суперпрофессионалы создают венчурные предприятия и стартапы – организации, в которых они могут быть должностными лицами сразу в нескольких сферах, могут влиять на корпоративную культуру, включая уровень нулевой коррупции, могут как наставники и изобретатели передавать свой опыт. Эта тенденция нередко реализуется как *аптишифтинг* (противоположный дауншифтингу) – построение человеком и трудовым коллективом или организацией отношений взаимного роста и сотрудничества; создание компанией и каждым ее субъектом коллегиального, интерсубъективного, прямого руководства-самоуправления.

В акмеологии создана и развивается концепция целостного / холистического становления и развития профессионала. Нам представляется, что данная концепция более реалистична и результативна [7; 27; 28]. Акмеология предполагает осмысление карьеры руководителя как изменчивое, гибкое прохождение серии карьерных и профессиональных стадий / циклов. Каждый цикл образован системой подстадий: вхождение – освоение – достижение мастерства – уход. Он может перемежаться с краткосрочными и интенсивными стадиями переподготовки, повышения квалификации, персональными или интерперсональными инициациями, кризисами и т. д. Однако сейчас эта модель не работает: она оказывается противоположной внедряемой менеджериалисткой (бюрократической) модели карьерного становления и управления организацией в целом. Модель, подкрепленная высокой коррупцией в управлении организацией, почти полностью отменяет заключения акмеологического подхода, предполагающего у руководителя наличие особых качеств, отражающих его пребывание в состоянии *акме* – высшей точке его профессионально-трудовой, межличностной и личностной зрелости. В системе управления

[6] Лукша П., Песков Д. Будущее образования: глобальная повестка. М.: CC BY RF Group, 2010–2013. 56 с. Режим доступа: https://vbudushee.ru/upload/iblock/f47/f47425d3a3eeae0b4d37ce157f622aea.pdf (дата обращения: 21.09.2021); Радченко А. Ф., Попов С. В. Дорожная карта «Детство 2030». Презентация итогов форсайт-проекта «Детство». М.: Благотворительный фонд поддержки молодежных инициатив «Мое Поколение», Международная Методологическая Ассоциация, 2010. 40 с. Режим доступа: https://ppt-online.org/8124,%20u (дата обращения: 04.09.2021); Проекты стратегического общественного движения «Россия 2045» // Россия 2045. Режим доступа: http://www.2045.ru/project/bodyb (дата обращения: 04.09.2021).

современной России и многих стран бывшего СССР руководящие позиции массово занимают субъекты, находящиеся в состоянии *ката*: на это указывает характер распространенных сейчас должностных инициаций или обращений. Проблематика управленческих инициаций и в рамках исследований менеджериализма, и в рамках иных направлений изучена слабо, однако она вполне может быть описана в рамках исследований инициаций в традиционных сообществах / культурах. Само движение общества, описываемое в рамках постмодерна, характеризуется как движение к племенной раздробленности или трайбализации (neo-tribes), лоскутизации сознания и ценностей, примитивизации, замене профессиональных способов понимания и действия магическими, управления – насилием и т. д. [29]. Такие инициации предполагают, что любая ступень вверх по карьерной лестнице должна быть оплачена ступенью вниз по лестнице человеческого (личностного и межличностного) развития. Тандемность / сцепленность / круговая порука как компонент сплоченности в мафиозных / патократических структурах – результат таких индивидуальных и корпоративных инициаций. Неслучайна здесь такая технология, как *корпоратив* – организационные мероприятия обязательного пребывания, предназначенные для сплочения сотрудников (не имеющих ценностно-целевого / ориентационного единства), опосредующего совместную деятельность; ставящие своей целью нормализацию уровня личностного, межличностного и профессионального развития персонала до необходимого руководителю.

В норме, чтобы избежать психосоциальных и профессионально-трудовых травм, срывов и проблем, напряженности, гонений и травли в отношении одних людей другими, в профессионально-трудовой деятельности у руководителя организации должны быть выражены оба рода карьеры, его ориентация на профессионализм должна обеспечивать ориентацию на карьерный рост. Диспропорция может стимулировать не только деформации личности, но и деформации государственно-правовых отношений, как это и произошло в России и иных странах бывшего СССР. Здесь целесообразна трактовка власти в ключе нормальности или управления: данное понятие отражает преимущественно контролирующие и манипулирующие функции управленцев. Так, многие государственные структуры в странах бывшего СССР, декларируя «социальный характер» государства, чтобы смягчить переход от социалистической к капиталистической форме отношений, на деле полностью отстранились от забот о населении, от забот о чем-либо, кроме инстинктов власти, богатства, размножения. Их взаимодействие с социумами во многом свелось к исполнению роли запугивателей и сборщиков налогов («полицейские государства», «надзорный капитализм»). Попытки только «надзирать и наказывать» (М. Фуко) привели к тому, что социальные отношения в странах были разрушены настолько, что нравственные законы вошли в противоречие с юридическими [30].

Инстинктивные ориентиры, будучи главными в поведении и ценностях менеджеров в этих странах, нивелируют роль культуры и профессионализма не только в «верхах», но и повсюду. В частности, для людей с низким социальным статусом существование сводится к процессам защиты своей жизни, ресурсов и потомства, т. е. к выживанию. У людей с высоким – к сражениям за неограниченное размножение, благополучие (обогащение и т. д.), власть, утверждение и закрепление прав и возможностей жить (накапливать ресурсы, размножаться и управлять обстоятельствами). При этом взлет той или иной мафиозной группировки отнимает права у людей с более низким статусом. Это хорошо заметно на примерах сверхэкстремального социального расслоения, ведущего к обнищанию и вымиранию большой части населения. Этот процесс со временем становится не просто феноменологически, но и статистически заметным и дискуссионным. Так, по официальным данным Федеральной службы государственной статистики (Росстата) сокращение населения России за прошлые десятилетия относительно невелико – со 148,3 до 146,7 млн человек. Однако этот подсчет не учитывает «добавки» в виде населения Крыма и еще ряда присоединенных к России территорий. Не очень велик, но заметен прирост числа людей, живущих за чертой бедности: на середину 2020 г. в стране зарегистрировано 20,0 млн нищих. Из 146,7 млн населения, насчитанных Росстатом, нищие составляют 13,5 % населения, а из рассчитанной самостоятельными исследователями цифры в 35–40 млн современных россиян нищие составляют уже 57 %[7]. При этом очевидно, что нищие жители страны представлены главным образом сельскими жителями и жителями небольших поселков и городков, обнищание и вымирание которых до какого-то момента остается незаметным для жителей больших городов и мегаполисов. Однако свидетельства такого вымирания в виде брошенных сел, деревень, городов есть по всей стране, включая самую социально, психологически и экономически благополучную Московскую область. Приведенные данные при всей их спорности и недостаточной подтвержденности свидетельствуют о том, что сражение за власть приобрело в последние 30 лет черты сражения за жизнь: передел власти и ресурсов затрагивает глобальные проблемы существования.

[7] Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода // Росстат. 06.08.2021. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2-3.doc (дата обращения: 10.03.2021); Численность постоянного населения в среднем за год // Росстат. Режим доступа: https://showdata.gks.ru/report/278930/ (дата обращения: 10.03.2021); Численность населения. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo11(1).xls (дата обращения: 10.03.2021); Фолиант. На самом деле население России не 147 млн. // Яндекс.Дзен. 22.08.2018. Режим доступа: https://zen.yandex.ru/media/id/5b580b4e281b1200a897b99e/na-samom-dele-naselenie-rossii-ne-147-mln-5b7cad01c88f9700a9bb658a (дата обращения: 10.03.2021).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-482-495

Регулярность коррупционных скандалов в странах бывшего СССР также подтверждает это: зицпредседательством заканчивается все большее число историй управления на всех уровнях. На общем фоне нормализации коррупции такие скандалы означают лишь окончание притока ресурсов, в том числе и в результате «физического» и материального обнищания населения и, в целом, крушения мировой системы капиталистических отношений с ее имманентным менеджериализмом [31].

Истощение ресурсов приводит к необходимости активизации таких источников поддержки благосостояния элиты, как: 1) разработка новых способов (экономических / налоговых, юридических / правоохранительных и т. д.) изъятия ресурсов еще не находящегося в состоянии нищеты населения; 2) сражение мафиозных группировок («племен»), передел власти и собственности. Очевидно, что в данном контексте понятия карьерного и профессионального роста носят весьма условный характер: менеджеры этого типа заняты инсценировками руководства производством и т. д., но на деле руководят они совершенно иными процессами («откатами», «распилами» и аналогичными процедурами). Такое руководство существенно отличается от того, что описывает традиционная наука менеджмента, социология и психология управления.

Менеджмент как интердисциплинарная научная область только подбирается к решению проблем управления разными типами организаций / групп: например, проблемы управления мафией мало изучены, поскольку данная сфера даже при наличии ее государственной легализации остается криминальной, закрытой для изучения. Тайна, скрепляющая участников мафиозной группировки, выступающая как ее смысловое ядро, не предполагает рассекречивания. Поэтому рассмотрение данного вопроса в понерологии, в теории игры (Й. Хёйзинга), в концепции диалога (А. У. Хараш) и т. д. – только начало открытий, которые может принести исследование данного феномена.

В целом традиционный подход, включающий модель восходящей по professional path карьерной лестницы (career path), в современных условиях мало распространен. Он обычно порождает у начинающих специалистов неадекватные ожидания, в том числе немедленного и неминуемого подтверждения его профессионализма и нужности организации. Начинающие трудовой и карьерный путь профессионалы иногда полагают, что высокий профессионализм напрямую связан с карьерным ростом. Однако в век менеджериализма и коррупции это далеко не так: пробиться наверх для запуска процессов профессиональной и личностной деформации невозможно только путем профессионализации.

Карьера современного менеджера, по замечанию Д. Т. Холла и Ф. Х. Мирвиса, во многом идиосикразична, неповторима (career fingerprint) [21; 26]. В концепции поливариативной карьеры, типичной для кризисных этапов развития социума, отмечается, что вариативный, непростой характер карьерного и профессионального пути менеджера интегрирует в себе подъемы и спады, временные возвраты на предыдущие уровни профессионального мастерства и должностные позиции, а также смену одного вида деятельности и приоритетов деятельности (жизнедеятельности) на другие, в разной мере относящиеся к актуальной трудовой и карьерной нише. Поливариативная карьера руководителя фирмы – совокупность или система ситуаций, осуществленных или проигнорированных индивидом и его окружением выборов, задающих направленность и определяющих результативность (эффективность и продуктивность) труда человека, его профессиональных и карьерных передвижений. Поливариантивность означает, как правило, существование некоего психологического контракта на карьеру менеджера. Контракт включает в себя совокупность взаимных ожиданий потенциального или реального руководителя и работодателя. Эти ожидания носят чаще всего имплицитный, не декларируемый характер [32]. Но в современном мире, когда коррупция стала нормой управленческого труда, эта система ожиданий может становиться вполне эксплицитной, начиная с покупки должности и заканчивая системой инициаций, которые проходит будущий менеджер, чтобы ее получить и чтобы на ней оставаться.

Таким образом, в высоко коррумпированных организациях психологический контракт на карьеру практически не связан с декларируемыми целями организации, что часто вводит в заблуждение подчиненных, ожидающих от руководителя выполнения его трудовых обязанностей, а не коррупционных махинаций («откатов», «распилов» и т. д.), связывающих его с другими руководителями в целостную коррупционную систему. В итоге прогрессирует текучесть кадров и иные проявления организационных и личностных деструкций, растет общее неблагополучие и неудовлетворенность сотрудников своим трудом и даже жизнью, нарастает и становится повседневным и общим состояние неисполненности [33; 34]. В концепции поливариативной карьеры подчеркивается уникальность карьерного и профессионального пути для каждого специалиста, если организациями, в которых он работает, управляют не полностью коррумпированные управленческие структуры. Если управление полностью коррумпировано, то успешность карьерного развития зависит только от степени включения / принадлежности к мафиозной группировке и ресурсов на приобретение того или иного места в ее иерархии.

Поэтому от человека, стремящегося к достижению профессионализма и к построению карьеры руководителя организации (или ее подразделения), требуются метазнания и метаумения, в том числе готовность и способность гибко, оперативно, многоуровнево и многоаспектно адаптироваться к часто меняющимся условиям организационной среды, общественным изменениям и изменениям в технологиях (цифровых, биологических и т. д.). От него требуется самообучение (хьютагогика)

и обучение в процессе супервизии и наставничества [35–37]. Кроме того, требуется умение отказываться от планов / ожиданий и технологий прямого карьерного продвижения, предлагаемых патократическими структурами в обмен на отказ от самореализации и человечности. Большое значение имеет освоение позиций аутсайдеров и неформальных «звезд» организации: неформальная структура может длительное время и в достаточно большом объеме компенсировать деструктивные влияния менеджериализма, а позиция аутсайдера создает необходимые для сохранения психического, социального и нравственного здоровья членов организации перспективы осмысления и осуществления себя как личности, партнера и профессионала.

В целом отечественная теория коллектива может предложить современному специалисту-профессионалу несколько вариантов осмысления и преобразования ситуации, однако в ней нет специальных разработок, посвященных преобразованию патократической системы в трудовой коллектив: мафия и аналогичные ей структуры, а также этапы групповой динамики не являлись предметом многоаспектного и многоуровневого анализа [38; 39]. Основной модус работ по теории коллектива был связан с развитием групповой сплоченности, психологического климата и антикризисного управления в психологически, нравственно и социально здоровых организациях. Аналогичные моменты отмечены нами и в зарубежных исследованиях патократии [17]. Работы по психологии преобразования и столкновения мафии / патократии с другими типами сообществ и индивидов малочисленны. Помимо названных можно привести исследования тоталитаризма и тоталитарного сознания и личности, фашизма и насилия. Отметим работу Б. Беттельгейма об отношениях в концлагерях [22], работы Б. Ф. Поршнева и Б. А. Диденко о каннибализме и истории человека как совокупности видов[8]. При всем внешнем различии понятий и концепций эти исследования фокусируются на одном и том же вопросе: каким образом, за счет чего совершается развитие человека? Как разные люди представляют и осуществляют путь «наверх», выбирая между стремлениями самореализации и самоактуализации или гармонизируя их либо отказываясь от себя и человеческого в себе?

Профессионал – итог предшествующего становления человека как личности и партнера. Он всегда связан с миром социальных, в том числе нравственных смыслов, утверждает и транслирует их. Человек, строящий карьеру, может не быть профессионалом. В одних условиях и ситуациях (например, при менеджериализме) наличие профессиональных, а также межличностных и личностных компетенций может помешать карьере; в других (в частности в рамках акмеологической модели) – являться необходимым условием становления и развития руководителя.

Заключение

Рассогласованность карьерно-статусного и профессионально-трудового становления и развития специалиста как менеджера порождает вопросы создания, апробации и коррекции путей и технологий управления карьерой и профессиональным развитием руководителя. В перечне самых значимых и важных технологий управления карьерой и профессионализмом даже в период агрессивного менеджериализма важное место занимают социально-психологические технологии. Эти технологии направлены на соотнесение требований и специфики профессионально-трудовой деятельности и компетентности человека с потребностями и миссией организации. Они также связаны с желаниями, нуждами и целями самого менеджера (как личности и как партнера) и связанных с ним менеджериалистских группировок. Такого рода соотнесение обычно означает необходимость многоуровневого и многокомпонентного диалога руководителя и подчиненных. Диалог предполагает развернутые во времени и пространстве фирмы синхронические и диахронические интеракции, взаимное развитие менеджера и подчиненных. Этот диалог, несомненно, имеет выраженный педагогический, воспитательный, а также преобразовательный смысл для всех субъектов организации и для всего сообщества, в котором организация функционирует. В случае, если менеджериалистские группировки высококоррумпированны и диалог прерывается, вертикаль власти сознательно блокирует горизонталь, возникают тайны, умолчания и преступная активность, маскируемая благопожеланиями заботы об организации и ее сотрудниках. В настоящее время развивается проблема сохранения и восстановления профессионализма управленцев и, соотвественно, восстановления работы руководимых ими организаций. Менеджериализм привел к краху множества предприятий и сфер человеческих отношений и, если человечество хочет продолжить существование, у него нет иного варианта решения проблемы, как вернуться к исходной, профессиональной модели карьерного роста. Многие современные технологии управления карьерой могут использоваться для того, чтобы поддержать специалиста на пути его самосовершенствования, но вне смены модели управления их возможности невелики. Более того, многие из них могут использоваться в деструктивных целях.

[8] Диденко Б. А. Цивилизация каннибалов: человечество как оно есть. М.: Китеж, 1996. 156 с.; Лифтон Р. Д. Технология «промывки мозгов»: психология тоталитаризма / пер. с англ. Е. Волкова и др. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: Олма-Пресс, 2004. 576 с.; Поршнев Б. Ф. Загадка «снежного человека»: современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах. М.: Эксмо; Алгоритм, 2012. 560 с.; Психология господства и подчинения: хрестоматия / под ред. А. Г. Чернявской. Минск: Харвест, 1998. 300 с.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Панов В. И., Капцов А. В. Структура стадий становления субъектности обучающихся: связность, целостность, формализация // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26. № 4. С. 91–103. http://doi.org/10.17759/pse.2021260408
2. Dvorakova Z., Makarchenko M. A. Management career development // Экономика и экологический менеджмент. 2012. № 2. С. 549–555.
3. Good L., Prad J. M. La. Educational attainment as an economic driver for states, regions and communities. Michigan: Michigan State University, 2013. 50 p.
4. Türk K. Performance management of academic staff and its effectiveness to teaching and research – based on the example of Estonian Universities // Trames. 2016. Vol. 20. № 1. P. 17–36. http://doi.org/10.3176/tr.2016.1.02
5. Tuzikov A. R., Zinurova R. I. Human and social capital knowledge and skills in MS program majored in industrial engineering // Управление устойчивым развитием. 2017. № 1. С. 86–98.
6. Брайцева С. В., Арпентьева М. Р. Проблемы и модели управления карьерой // Миллионщиков-2019: мат-лы II Всерос. науч.-практ. конф. (Грозный, 30–31 мая 2019 г.) Грозный: Типография Спектр (ИП Алматова З. С.), 2019. Т. II. С. 16–24.
7. Арпентьева М. Р. Социально-психологические технологии управления карьерой // Профессиональная ориентация. 2017. № 2. С. 146–158.
8. Аширов Д. А., Егоров А. С. Управление карьерой в организации. М.: Московский международный институт эконометрики, информатики, финансов и права, 2002. 163 с.
9. Березин С. В., Лисецкий К. С., Ушмудина О. А. Само-Проектирование профессиональной карьеры. Практический курс. Самара: Универс-групп, 2005. 64 с.
10. Джанерьян С. Т. Профессиональные Я-концепции мужчин и женщин со стабильным типом карьер // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2005. № 3. С. 80–83.
11. Грейнер Л. Е. Эволюция и революция в процессе роста организаций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2002. № 4. С. 76–92.
12. McDaniels C., Gysbers N. C. Counseling for career development: theories, resources, and practice. 1st ed. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1992. 463 p.
13. Ott-Holland C. J., Huang J. L., Ryan A. M., Elizondo F., Wadlington P. L. Culture and vocational interests: the moderating role of collectivism and gender egalitarianism // Journal of Counseling Psychology. 2013. Vol. 60. № 4. P. 569–581. http://doi.org10.1037/a0033587
14. Петровский А. В. Психология и время. СПб.: Питер, 2007. 447 с.
15. Психологическая теория коллектива / под ред. А. В. Петровского. М.: Педагогика, 1979. 240 с.
16. Уманский Л. И. Поэтапное развитие группы как коллектива // Коллектив и личность / под ред. Е. В. Шороховой, К. К. Платонова, О. И. Зотовой, Н. В. Кучевской. М.: Наука, 1975. С. 77–87.
17. Łobaczewski A. M. Politieke ponerologie: een wetenschap over de aard van voor politieke doeleinden aangewend kwaad. Castelsarrasin: Les Editions Pilule Rouge, 2017. 793 p.
18. Зайцев Г. Г., Черкасская Г. В. Управление деловой карьерой. М.: Академия, 2007. 256 с.
19. Лотова И. П. Профессиональная карьера государственных служащих. М.: МГСУ, 2000. 240 с.
20. Ситёва С. С., Гаврин А. С. Подходы к карьере и планирование карьеры // Академический вестник. 2011. № 3. С. 78–82.
21. Hall D. T., Mirvis P. H. The new career contract: developing the whole person at midlife and beyond // Journal of Vocational Behavior. 1995. Vol. 47. № 3. P. 269–289. http://doi.org/10.1006/JVBE.1995.0004
22. Беттельгейм Б. О психологической привлекательности тоталитаризм // Образовательная политика. 2015. № 2. С. 111–116.
23. Агамбен Д. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / пер. с итал. М. Велижева, О. Дубицкой, С. Козлова, И. Левиной, П. Соколова. М.: Европа, 2011. 256 с.
24. Стоян А. А. Идеология «чрезвычайного положения» как константа реальности «государства-лагеря» Джорджо Агамбена // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 2. Режим доступа: https://web.snauka.ru/issues/2016/02/63049 (дата обращения: 10.10.2021).
25. Sutton N. Bettelheim: a life and a legacy. New York, London: Westview Press, 1997. 640 p.
26. Hall D. T. The protean career: a quarter-century journey // Journal of Vocational Behavior. 2004. Vol. 65. № 1. P. 1–13. https://doi.org/10.1016/j.jvb.2003.10.006

27. Деркач А. А., Кузьмина Н. В. Акмеология: пути достижения вершин профессионализма. М.: РАУ, 1993. 231 с.
28. Москаленко О. В. Акмеология профессиональной карьеры личности. М.: РАГС, 2007. 352 с.
29. Maffesoli M., Felski R., Megill A., Rose M. G. The return of the tragic in postmodern societies // New Literary History. 2004. Vol. 35. № 1. P. 133–149. https://doi.org/10.1353/nlh.2004.0022
30. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
31. MacBeath J., Dempster N., Frost D., Johnson Gr., Swaffield S. The policy challenge. Strengthening the connections between leadership and learning: challenges to policy, school and classroom practice. New York: Routledge, 2018. 186 p.
32. Арпентьева М. Р., Горелова И. В. Социально-психологические технологии управления карьерой руководителя организации // Вестник Института экономики и управления НовГУ. 2018. № 4. С. 7–16.
33. Киселева Е. В. Планирование и развитие карьеры. Вологда: Легия, 2010. 332 с.
34. Кокурина И. Г. Методика изучения трудовой мотивации. М.: Изд-во МГУ, 1990. 56 с.
35. Рыбалкина Л. Г., Новикова С. С., Сидорова Е. Г. и др. Основы планирования профессиональной деятельности / под ред. Г. В. Галевского. Новокузнецк: СибГИУ, 2002. 143 с.
36. Минигалиева М. Р. Психологические технологии управления карьерой и организационным развитием. Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского, 2012. 308 с.
37. Молл Е. Г. Управление карьерой менеджера. СПб.: Питер, 2016. 352 с.
38. Гайдар К. М., Третьякова В. Э. Основные вехи становления субъектного подхода к группе в российской социальной психологии: предпосылки, история, современное состояние // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2016. Т. 5. № 6А. С. 40–55.
39. Уманский Л. И., Френкель И. А., Лутошкин А. Н., Спирин Л. Ф., Чернышев А. С., Полонский И. С., Крикунов А. С., Шапиро С. И., Свидерская Л. Н., Шанин Е. А., Акатов Л. И., Тимощук Е. И., Подорога В. Я., Дымов Е. И. Критерии диагностики общественной активности группы как коллектива // Вопросы психологии коллектива школьников и студентов. Курск: Изд-во КГПИ, 1972. С. 5–19.

original article

Career and Professional Development of the Head of the Organization

Elena Yu. Shpakovskaya
Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia, Magnitogorsk

Oksana V. Tokar
Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia, Magnitogorsk

Renata R. Gasanova
Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

Tatyana L. Khudyakova
Voronezh State Pedagogical University, Russia, Voronezh

Olga P. Stepanova
Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia, Magnitogorsk

Mariam R. Arpentieva
Center for psychological, pedagogical, medical and social assistance "Assistance", Russia, Kaluga; https://orcid.org/0000-0003-3249-4941; mariam_rav@mail.ru

Received 17 Oct 2021. Accepted after peer review 15 Nov 2021. Accepted for publication 15 Nov 2021.

Abstract: The present research featured the career and professional development of the head of a modern organization. The status and career development of specialists and managers often come into dissonance. Managerialism, corruption, and other deformations create contradictions that require targeted and large-scale efforts, e.g. innovative career management technologies. The research objective was to analyze modern problems of managing the career and professional development of CEO personnel. The career and professional path of a CEO is a cultural phenomenon. They are closely related to one's development as a personality, a partner, and a specialist, which forms a system of competencies. These competencies also reflect and generate changes in the area of intrapersonal and interpersonal improvement. Personal development depends on the accumulation and processing of life and career experience. As a rule, this experience is neither purposeful nor reflexive. As a result, it gives little large-scale effect. The study and reflection should prevent and correct violations of professional-labor and social-career development, including careerograms, customized work trajectories, psychotechnologies of career management, etc. Performance of a manager is a multilevel system of interconnected individual components. Managerial performance can be improved as a systemic correlation of the existing and emerging qualities of a manager with the peculiarities of the organization, i.e. corporate culture, socio-psychological climate, internal education and mutual

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

assistance, a system of selection and support, a system of professionally important qualities of an effective leader, ergo design of staff, psychophysiological harmony, etc.
Keywords: socio-psychological technologies, management, career, manager, developmental deformations, managerialism, corruption, multivariate career, acmeologic model, careerogram

Citation: Shpakovskaya E. Yu., Tokar O. V., Gasanova R. R., Khudyakova T. L., Stepanova O. P., Arpentieva M. R. Career and Professional Development of the Head of the Organization. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(4): 482–495. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-482-495

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Panov V. I., Kaptsov A. V. Structure of agency formation stages in students: consistency, integrity, formalization. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie,* 2021, 26(4): 91–103. (In Russ.) http://doi.org/10.17759 / pse.202126040
2. Dvorakova Z., Makarchenko M. A. Management career development. *Ekonomika i ekologicheskii menedzhment*, 2012, (2): 549–555.
3. Good L., Prad J. M. La. *Educational attainment as an economic driver for states, regions and communities*. Michigan: Michigan State University, 2013, 50.
4. Türk K. Performance Management of academic staff and its effectiveness to teaching and research – based on the example of Estonian Universities. *TRAMES*, 2016, 20(1): 17–36. http://doi.org/10.3176/tr.2016.1.02
5. Tuzikov A. R., Zinurova R. I. Human and social capital knowledge and skills in MS program majored in industrial engineering. *Upravlenie ustoichivym razvitiem*, 2017, (1): 86–98.
6. Braitseva S. V., Arpentieva M. R. Problems and models of career management. *Millionshchikov-2019*: Proc. II All-Russian Sci.-Prac. Conf., Grozny, 30–31 May 2019. Grozny: Tipografiia Spektr (IP Almatova Z. S.), 2019, vol. II, 16–24. (In Russ.)
7. Arpentieva M. R. Social-psychological technologies of career management. *Professionalnaia orientatsiia*, 2017, (2): 146–158. (In Russ.)
8. Ashirov D. A., Egorov A. S. *Career management in the organization*. Moscow: Moskovskii mezhdunarodnyi institut ekonometriki, informatiki, finansov i prava, 2002, 163. (In Russ.)
9. Berezin S. V., Lisecky K. S., Ushmudina O. A. *Self-designing a professional career. Practical course*. Samara: Univers-grupp, 2005, 64. (In Russ.)
10. Dzhaneryan S. T. Professional self-concepts of men and women with a stable type of career. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki*, 2005, (3): 80–83. (In Russ.)
11. Greiner L. E. Evolution and revolution in the process of the growth of organizations. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Menedzhment*, 2002, (4): 76–92. (In Russ.)
12. McDaniels C., Gysbers N. C. *Counseling for career development: theories, resources, and practice*, 1st ed. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1992, 463.
13. Ott-Holland C. J., Huang J. L., Ryan A. M., Elizondo F., Wadlington P. L. Culture and vocational interests: the moderating role of collectivism and gender egalitarianism. *Journal of Counseling Psychology*, 2013, 60(4): 569–581. http://doi.org10.1037/a0033587
14. Petrovskii A. V. *Psychology and time.* St. Petersburg: Piter, 2007, 447. (In Russ.)
15. *Psychological theory of the collective*, ed. Petrovskii A. V. Moscow: Pedagogika, 1979, 240. (In Russ.)
16. Umanskii L. I. Phased development of the group as a collective. *Collective and personality*, eds. Shorokhova E. V., Platonov K. K., Zotova O. I., Kuchevskaia N. V. Moscow: Nauka, 1975, 77–87. (In Russ.)
17. Łobaczewski A. M. *Politieke ponerologie: een wetenschap over de aard van voor politieke doeleinden aangewend kwaad.* Castelsarrasin: Les Editions Pilule Rouge, 2017, 793. (In Dutch)
18. Zaitsev G. G., Cherkasskaia G. V. *Business career management.* Moscow: Akademiia, 2007, 256. (In Russ.)
19. Lotova I. P. *Professional career of civil servants.* Moscow: MGSU, 2000, 240. (In Russ.)
20. Siteva S. S., Gavrin A. S. Career approaches and career planning. *Akademicheskii vestnik*, 2011, (3): 78–82. (In Russ.)
21. Hall D. T., Mirvis P. H. The new career contract: developing the whole person at midlife and beyond. *Journal of Vocational Behavior*, 1995, 47(3): 269–289. http://doi.org/10.1006/JVBE.1995.0004
22. Bettelheim B. Psychological attractiveness of totalitarianism. *Educational Policy*, 2015, (2): 111–116. (In Russ.)

23. Agamben G. *Homo sacer. Il potere sovrano e la nuda vita*, tr. Velizhev M., Dubitskaia O., Kozlov S., Levina I., Sokolov P. Moscow: Evropa, 2011, 256. (In Russ.)
24. Stoyan A. A. State of emergency ideology as a constant of Jiorgio Agamben's "camp-state" reality. *Sovremennye nauchnye issledovaniia i innovatsii*, 2016, (2). Available at: https://web.snauka.ru/issues/2016/02/63049 (accessed 10 Oct 2021). (In Russ.)
25. Sutton N. *Bettelheim: a life and a legacy*. N. Y., London: Westview Press, 1997, 640.
26. Hall D. T. The protean career: a quarter-century journey. *Journal of Vocational Behavior*, 2004, 65(1): 1–13. https://doi.org/10.1016/j.jvb.2003.10.006
27. Derkach A. A., Kuzmina N. V. *Acmeology: ways to achieve the heights of professionalism*. Moscow: RAU, 1993, 231. (In Russ.)
28. Moskalenko O. V. *Acmeology of professional career personality*. Moscow: RAGS, 2007, 352. (In Russ.)
29. Maffesoli M., Felski R., Megill A., Rose M. G. The return of the tragic in postmodern societies. *New Literary History,* 2004, 35(1): 133–149. https://doi.org/10.1353/nlh.2004.0022
30. Foucault M. *Discipline and Punish. The birth of the prison*. Moscow: Ad Marginem, 1999, 480. (In Russ.)
31. MacBeath J., Dempster N., Frost D., Johnson Gr., Swaffield S. *The policy challenge. Strengthening the connections between leadership and learning: challenges to policy, school and classroom practice.* N. Y.: Routledge, 2018, 186.
32. Arpentieva M. R., Gorelova I. V. Socio-psychological technologies of the management of the organization head's career. *Vestnik Instituta ekonomiki i upravleniia NovGU,* 2018, (4): 7–16. (In Russ.)
33. Kiseleva E. V. *Career planning and development*. Vologda: Legiia, 2010, 332. (In Russ.)
34. Kokurina I. G. *Methodology for the study of labor motivation*. Moscow: Izd-vo MGU, 1990, 56. (In Russ.)
35. Rybalkina L. G., Novikova S. S., Sidorova E. G. and others. *Fundamentals of professional planning*, ed. Galevskii G. V. Novokuznetsk: SibGIU, 2002, 143. (In Russ.)
36. Minigalieva M. R. *Psychological technologies of career management and organizational developmen*t. Kaluga: KGU im. K. E. Tsiolkovskogo, 2012, 308. (In Russ.)
37. Moll E. G. *Management career manage*r. St. Petersburg: Piter, 2016, 352. (In Russ.)
38. Gaidar K. M., Tretiakova V. E. Main milestones in the development of the subject approach to the group in Russian social psychology: background, history, current state. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskiye obzory i sovremennye issledovaniya,* 2016, 5(6A): 40–55. (In Russ.)
39. Umanskiy L. I., Frenkel I. A., Lutoshkin A. N., Spirin L. F., Chernyshev A. S., Polonskiy I. S., Krikunov A. S., Shapiro S. I., Sviderskaya L. N., Shanin E. A., Akatov L. I., Timoshchuk E. I., Podoroga V. Ya., Dymov E. I. Criteria for diagnosing social activity of a group as a collective. Questions of pychology of the collectiv of schoolchilgren and students. Kursk: Izd-vo KGPI, 1971, 5–19. (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-496-505

оригинальная статья

Интеллектуальные контракты при управлении снабжением машиностроительного предприятия

Наталья Валентиновна Андрианова
Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова, Россия, г. Казань; https://orcid.org/0000-0002-8600-7195

Полина Александровна Нечаева
Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова, Россия, г. Казань; https://orcid.org/0000-0002-3145-8546; polina23j@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.11.2021. Принята после рецензирования 06.12.2021. Принята в печать 06.12.2021.

Аннотация: Рассматривается применение интеллектуальных контрактов, основанных на технологии блокчейн и способствующих повышению эффективности управления снабжением автомобилестроительного предприятия ПАО «КАМАЗ», в частности за счет формирования путей оптимизации трансакционных издержек в логистике снабжения. Предмет – интеллектуальные контракты в снабженческой деятельности автомобилестроительного предприятия. Цель – разработать механизм взаимодействия участников интеллектуального контракта в снабженческой деятельности КАМАЗа. Теоретической базой является анализ научных исследований российских и зарубежных ученых по проблемам применения интеллектуальных контрактов в различных сферах деятельности предприятий, повышения эффективности их снабженческой деятельности, сокращения трансакционных издержек, использования технологии блокчейн. В процессе исследования использовалась первичная информация, собранная на КАМАЗе. В результате исследования разработан механизм взаимодействия сторон интеллектуального контракта, основанный на технологии блокчейн, а также схема внесения изменений в интеллектуальный контракт, возникающих на различных этапах при взаимодействии инициатора с поставщиками. Представлено отличие в определении понятий *смарт-контракт* и *интеллектуальный контракт*. Интеллектуальный контракт, выступающий логическим развитием смарт-контрактов, позволяет вносить изменения в условия договора, что является важным критерием применимости на практике в современных условиях. Механизм взаимодействия сторон интеллектуального контракта позволит повысить эффективность снабженческой деятельности предприятия путем оптимизации величины трансакционных издержек, имеющих тенденцию к увеличению в настоящее время.

Ключевые слова: логистика снабжения, смарт-контракт, блокчейн, цепь поставок, трансакционные издержки, автомобилестроительное предприятие, общие логистические затраты

Цитирование: Андрианова Н. В., Нечаева П. А. Интеллектуальные контракты при управлении снабжением машиностроительного предприятия // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 4. С. 496–505. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-496-505

Введение

Смарт-контракты являются наиболее обсуждаемой технологией, созданной на основе блокчейн и применяемой сегодня в самых разных отраслях, в том числе в логистике. Смарт-контракты выступают основополагающим компонентом многих приложений, базирующихся на основе технологии распределенного реестра, т. е. блокчейна. Технология смарт-контрактов, благодаря своими преимуществам по сравнению с традиционными контрактами, привлекла широкое внимание разработчиков, а впоследствии и пользователей. С одной стороны, в основе преимуществ технологии блокчейн лежит сокращение трансакционных издержек (ТИ); автоматизация процесса исполнения договора; исключение посредников, необходимых для исполнения условий традиционных договоров; исключение человеческого фактора при исполнении договора [1]. С другой стороны, уверенность пользователей в сохранности данных и невозможность подделать и изменить данные контракта.

В статье подробно рассматриваются преимущества и недостатки использования смарт-контрактов на примере управления снабжением ПАО «КАМАЗ» (КАМАЗ). Представлены механизм взаимодействия сторон интеллектуального контракта, основанный на технологии блокчейн, роли участников договора и алгоритм их действий. Предложена схема порядка внесения изменений в интеллектуальный контракт при изменяющихся условиях окружающей среды, что служит поводом считать интеллектуальные контракты логическим продолжением развития смарт-контракта.

Обзор литературы

Проанализированы научные труды российских ученых, исследующих применение смарт-контрактов в экономике, в том числе в логистике (Н. П. Иващенко, А. Е. Шаститко, А. А. Шпакова [1], А. Г. Финогеев, С. М. Васин, Л. А. Гамидуллаева, А. А. Финогеев [2], Т. Г. Шульженко [3]), в договорном праве (Ю. В. Трунцевский, В. В. Севальнев [4] и др.).

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

Кроме того, изучены научные труды иностранных авторов (A. Angrish, B. Craver, M. Hasan, B. Starly [5], L. Koh, A. Dolgui, J. Sarkis [6], L. Xu, P. Tu, Q. Tang [7], P. Bottoni, N. Gessa, G. Massa, R. Pareschi, H. Selim, E. Arcuri [8]), сделавших вклад в развитие понятийного аппарата блокчейна и смарт-контрактов.

Группа итальянских исследователей представила с алгоритмической и архитектурной точек зрения интеллектуальные смарт-контракты для управления цепями поставок, которые могут повысить прибыльность всех участников договора. При этом такой контракт должен быть полностью автоматизирован, а также обладать *интеллектом* (следует различать *интеллект человека* и *интеллект программы,* мы имеем в виду второе), который подразумевает оптимизацию и планирование. Ученые предложили алгоритм распределения доходов в смарт-контракте на основе платформы *Ethereum*, указав, что такой алгоритм может быть адаптирован и для других блокчейнов. Целью внедрения таких смарт-контрактов авторы называют сбалансированность рынка, свободного от олигополистического давления, где малые и средние компании тоже могут получать достойный доход [8].

Американские ученые предлагают децентрализованный подход к обработке производственной информации, созданной различными организациями с использованием технологии блокчейн. С этой целью авторы разработали платформу испытательного стенда *FabRec* для потенциальной интеграции с производственной инфраструктурой системы *ERP*, существующей на крупных и средних предприятиях. Система децентрализует важную информацию о производителе и делает ее доступной в одноранговой сети для обеспечения прозрачности происхождения данных [5].

Методологический интерес представляет исследование Т. Г. Шульженко, посвященное моделированию логистических процессов в транспортных цепях, формирующих основу для алгоритмизации процедур выполнения договорных условий смарт-контракта. Разработанная автором логико-временная структура методологии инжиниринга / реинжиниринга логистических бизнес-процессов в транспортных цепях при переходе на технологию смарт-контракта включает три фазы: фазу проектирования, технологическую и рефлексивную фазы. Методология подробно описывает совокупность задач при формировании содержания смарт-контракта, оценку необходимых условий, нормативов и потенциальной прибыльности, риски перехода на смарт-контракт. Кроме того, исследователь предлагает концептуальную схему взаимодействия участников, составленную с учетом принципов реинжиниринга логистических процессов в транспортных цепях при переходе на технологию смарт-контрактов. Автор считает, что моделирование бизнес-процессов на основе технологии смарт-контракта должно быть основано на принципе их последовательной детализации до уровня, который позволит однозначно идентифицировать триггеры автоматически исполняемого контракта [3].

В результате анализа исследований мы пришли к выводу, что переход КАМАЗа на смарт-контракты не только возможен с технической точки зрения, но и имеет смысл для оптимизации логистических бизнес-процессов, протекающих в цепи поставок.

Методы и материалы

Теоретической базой исследования послужили публикации российских и зарубежных ученых по проблемам применения интеллектуальных контрактов в различных сферах деятельности предприятий, сокращения ТИ, использования технологии блокчейн. При проведении исследования использовались системный и контингентный подходы, методы сравнительного анализа, синтеза, наблюдения, экспертных оценок, классификации и группировок. Также мы опирались на методики информационного отражения ТИ в логистике снабжения, разработанные П. А. Шутовой [9].

К первичной информации, используемой в исследовании, относятся данные отчетов «Детализация расходов по статьям» КАМАЗа за 2020 г. и за январь – май 2021 г., в частности информация о величине командировочных, коммерческих и представительских расходов. Проведен сравнительный анализ ТИ в динамике: выявлен более низкий уровень затрат в 2020 г. по сравнению с первым полугодием 2021 г. Это связано со снижением представительских расходов КАМАЗа в 2020 г., обусловленных пандемией коронавируса COVID-19. В 2021 г. рост цен на сырье и материалы существенно увеличился, что привело к увеличению ТИ. Например, значительно возросли цены на дерево, в связи с чем КАМАЗ вынужден искать альтернативных поставщиков.

Применение указанных методов и подходов позволило авторам разработать механизм взаимодействия сторон интеллектуального контракта с целью повышения эффективности снабженческой деятельности КАМАЗа путем оптимизации величины ТИ, постоянно увеличивающихся в последнее время.

Теоретические основы

Усложнение хозяйственных связей в сложившейся обстановке, вызванной пандемией COVID-19, управление большим количеством поставщиков, рост стоимости сырья и комплектующих привели к увеличению ТИ корпорации, в дальнейшем также прогнозируется их рост, что отрицательно скажется на эффективности деятельности компании. В связи с увеличивающейся стоимостью сырья и материалов наиболее высоких значений ТИ достигают в логистике снабжения. В результате анализа общих логистических затрат корпорации и входящих в них ТИ в функциональной области «Логистика снабжения» выявлено, что доля ТИ в общих логистических затратах колеблется от 3 до 6 % (рис. 1).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-496-505

ТИ в логистике снабжения на приведенном рисунке включают в себя издержки поиска информации, издержки на ведение переговоров и заключение контрактов, издержки измерения. В исследовании рассматривались издержки, имеющие явный характер – величина имплицитных ТИ не раскрывается, предполагается, что их величина достаточно высокая.

Наиболее высоких значений достигают следующие виды ТИ: издержки, связанные с поиском информации, издержки на ведение переговоров и заключение контрактов. Особое внимание этим видам издержек уделяли Дж. Стиглер, одним из первых выделивший информационные издержки [10]; К. Далман, включивший в состав ТИ издержки сбора и переработки информации, издержки проведения переговоров и принятия решений, издержки контроля и юридической защиты выполнения контракта [11]; Й. Барцель, предложивший издержки по осуществлению и защите контракта [12]; П. Милгром с соавторами, уделившие особое внимание издержкам по осуществлению и защите контракта, издержкам координации и мотивации деятельности экономических агентов [13–15].

В сложившейся в стране экономической ситуации в условиях пандемии COVID-19 ТИ поиска информации будут расти в связи с неполнотой и недостоверностью получаемой информации о наличии предметов снабжения на рынке, поставщиках, ценах на предметы снабжения, имеющихся логистических посредниках на рынке. У автомобилестроительных предприятий есть необходимость затрачивать определенные ресурсы при поиске недостающей информации для принятия решения о выборе лучшего варианта из множества альтернатив. Большое количество ресурсов затрачивается при проведении переговоров между контрагентами, составлении договоров, согласовании всех условий, что приводит к увеличению ТИ ведения переговоров и заключения контрактов.

В этой связи выявлена необходимость проведения оптимизационных мероприятий, которые позволят снизить долю ТИ в общих логистических затратах и тем самым поспособствуют повышению эффективности снабженческой деятельности корпорации. Одним из таких мероприятий является внедрение смарт-контрактов. Эти компьютерные алгоритмы предлагают возможность заключить договор с неизвестными людьми без риска уклонения последних от исполнения договора, при этом установленные параметры поиска будут автоматически отсеивать не соответствующие им предложения. Это снижает затраты на поиск клиентов, а также сокращает вероятность их уклонения от исполнения обязательств.

Использование смарт-контрактов позволит его сторонам закодировать большинство аспектов договора, тем самым снижая затраты на переговоры. Двоичный код, используемый для написания смарт-контракта, состоит из строгого набора инструкций «если это, то то», которые могут быть прочитаны компьютером только исходя из логики их постановок, исключая человеческий фактор, что в большинстве случаев является абсолютной выгодой для сторон [5]. Отсутствие расплывчатых терминов в договоре снижает вероятность его неверного толкования (например, в судебных разбирательствах), а также повышает уверенность сторон в соблюдении условий договора [6].

Однако здесь раскрывается другая сторона смарт-контрактов: процесс его составления сводится к записи машиночитаемого кода и вложению в соглашение юридического смысла. На этом этапе появляется важная проблема практически всех смарт-контрактов: программисты в основном не обладают знаниями в области юрисдикции, а юристы не умеют записывать коды [7]. Поэтому существует большой риск расхождения намерений и результата, что повлечет судебные разбирательства и убытки вследствие реализации незапланированных условий контракта.

Затраты на принудительное исполнение условий смарт-контракта, учитывая, что оно происходит автоматически и стороны договора заранее берут на себя обязательства по их исполнению, должны сводиться к нулю. Однако стороны договора всегда могут воспользоваться своим конституционным правом: потребовать в суде пересмотра действий, реализованных в соответствии с условиями смарт-контракта [16]. Все это свидетельствует о том, что основные затраты на использование смарт-контрактов

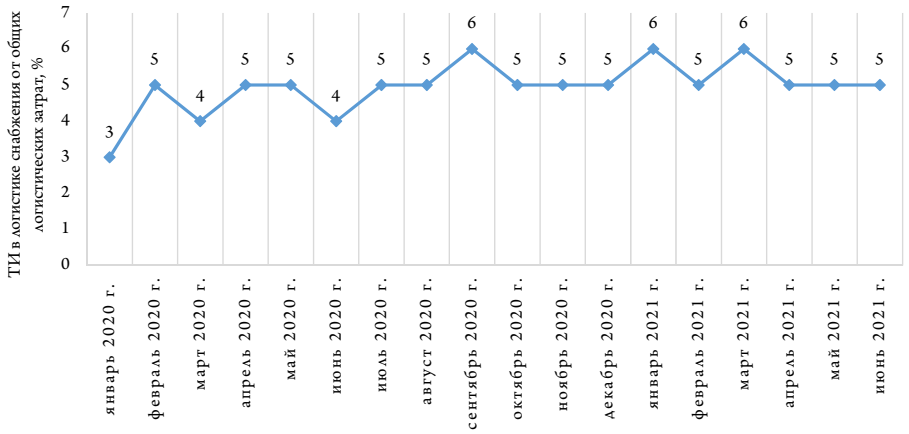

Рис. 1. Доля ТИ в логистике снабжения в общих логистических затратах КАМАЗа
Fig. 1. The share of transaction costs in supply logistics in the total logistics costs of KAMAZ PTC

связаны с процессом проектирования договора, а экономия ТИ проявляется при его исполнении. Однако утверждение, что применение смарт-контрактов вместо традиционных договоров создает для предприятий существенную экономию, является спорным [17], поскольку первоначальные издержки на установление приложения, переобучение персонала и возможные потери в результате ошибок кодирования будут значительны, особенно для малых и средних предприятий. То есть на первоначальном этапе будет происходить изменение структуры издержек, а не общее их снижение. Несмотря на большие вложения на первоначальном этапе, КАМАЗ как самое крупное предприятие в Республике Татарстан гораздо быстрее добьется экономии ТИ, чем средние и малые предприятия.

Еще одно характерное свойство для пользователей блокчейна и смарт-контрактов – это невозможность внесения изменений после подписания договора [2]. Этот факт можно рассматривать как с положительной стороны, что делает контракт защищенным от изменений и фальсификации данных. Но есть и обратная сторона современных смарт-контрактов – невозможность изменять условия договора при наступлении незапланированных обстоятельств [18]. Однако информационные технологии не стоят на месте. В качестве развития смарт-контрактов разрабатываются т. н. интеллектуальные контракты, которые помимо запрограммированной последовательности действий способны анализировать предоставленную информацию и предлагать к реализации варианты действий в непредвиденных в договоре ситуациях (например, при изменении законодательства в данной сфере) [8]. При этом *интеллект* данных контрактов должен быть соответствующим образом ограничен автоматизацией выполнения причинно-следственных трансакций, а не умением разумно совершать автономный выбор доступных альтернатив [19].

Таким образом, резюмируем основные особенности смарт-контрактов:

- автоматизация: могут автоматизировать все виды операций в пределах контекста их программирования [20];
- детерминизм: выполняют только те действия, для которых они предназначены; результаты полностью определяются вводимыми данными при возникновении соответствующих условий [21];
- неизменяемость: не могут быть изменены после реализации, что является ограничением, а также гарантией для пользователей, напрямую вытекающей из их реализации в блокчейне [22];
- прозрачность: содержат неизменяемый и видный всем участникам договора исходный код [23];
- доверие: переводят цифровое доверие на уровень сложных договорных отношений; в результате не знающие друг друга стороны договора могут взаимодействовать посредством соглашений, не требующих дорогостоящего управления и контроля со стороны третьих лиц [4].

Результаты

При рассмотрении возможности применения интеллектуальных контрактов на автомобилестроительном предприятии КАМАЗ отмечено, что реальные цепи поставок редко имеют простую структуру, когда продукция поставляется, производится и доставляется потребителю на одном уровне. В большинстве случаев они многоуровневые (от поставщиков сырья, производителя до доставщика продукции конечному потребителю). В связи с этим предлагается использование на предприятии интеллектуальных контрактов, которые не только управляют сложностью реализации алгоритма распределения доходов в многоуровневых цепях поставок, но и способствуют повышению эффективности, прозрачности, безопасности, отслеживаемости и упрощенной интеграции между различными уровнями цепи поставок. Наиболее интересной областью исследования является логистика снабжения компании в связи с возникновением в ней самых высоких затрат, обусловленных ростом цен на сырье, материалы, комплектующие изделия, а также сложностями в управлении большим количеством поставщиков. Работа с огромным массивом данных базы поставщиков КАМАЗа влечет за собой ошибки, не всегда поддающиеся быстрому вводу исправлений.

Представим в рамках данного подхода механизм взаимодействия участников, координации действий и обмена сообщениями (рис. 2). Стороны интеллектуального контракта назовем в зависимости от роли, которую они играют, – инициатор и поставщик. Конкретные категории товаров могут быть предоставлены разными поставщиками, по разным ценам и в разных количествах, и один участник может производить разные категории товаров, появляясь таким образом в разных узлах. Информация о поставщиках будет поступать из имеющейся базы поставщиков компании. Предложения, вносимые участниками в общий контракт, можно описать с точки зрения типа, количества, цены, условий и способа доставки поставляемого товара. В зависимости от текущего состояния предложения участника, например, на стадии рассмотрения или принятия, могут рассматриваться как временные или окончательные. Выручка рассчитывается только после продажи товара, на который был заключен контракт, по окончательной цене [3].

Согласно рис. 2, интеллектуальный контракт выполняется посредством четырех процессов:

1) инициализация;
2) определение;
3) вычисление оптимальных цен по заложенным компанией-инициатором алгоритмам;
4) фактическое выполнение выбора, доставки и распределения доходов (исполнение).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-496-505

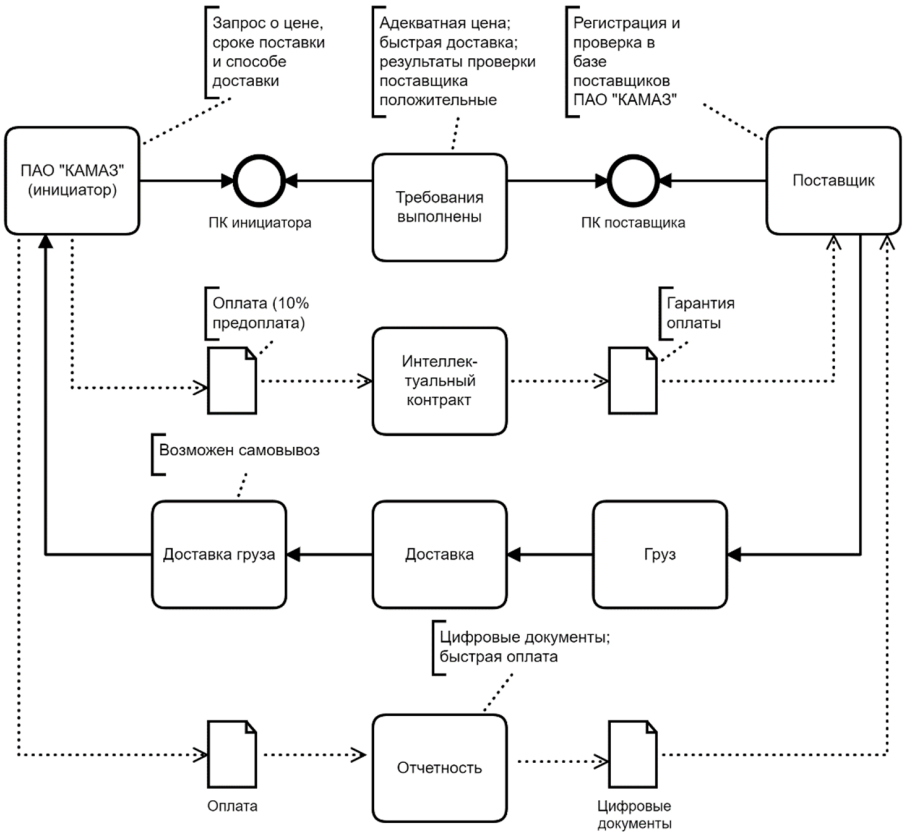

Рис. 2. Механизм взаимодействия участников интеллектуального контракта на базе блокчейна
Fig. 2. Mechanism of interaction between participants in a blockchain-based intelligent contract

Алгоритм интеллектуального контракта следующий:

1. Компания-инициатор (КАМАЗ) начинает процесс, запрашивая поставку продукта по определенным требованиям, т. е. определяя основные условия интеллектуального контракта.

2. Поставщик в рамках данного интеллектуального контракта размещает свое предложение по удовлетворению запроса компании-инициатора, указывая цену и соответствующие качественные, количественные и другие характеристики товара и его доставки. При этом каждый участник может играть в конкретном договоре только одну роль. Однако как компания-инициатор, так и поставщик могут одновременно участвовать в других интеллектуальных контрактах [24].

3. Компания-инициатор определяет запросы и создает интеллектуальный контракт в блокчейне, в котором будут опубликованы критерии участия и условия выполнения (например, необходимые детали, количество, качество, способы доставки, сроки и критерии выбора поставщика). Такой контракт будет устанавливать для поставщиков конечную прибыль. Все подходящие по заданным критериям поставщики уведомляются о формировании нового интеллектуального контракта. Далее заинтересованные поставщики подают заявки на выполнение этого интеллектуального контракта. Кроме того, поставщики могут привлечь к рассмотрению интеллектуальных контрактов субпоставщиков. Окончательный список поставщиков определяется путем сопоставления полученных заявок с критериями отбора.

4. Осуществляется предварительная оплата поставщику (10 % от стоимости контракта).

5. Реализуется процесс доставки товара, сопровождаемый загрузкой в систему всех соответствующих документов и уведомлений о доставке, приеме продукции и т. п. При этом каждый участник может видеть те документы, которые непосредственно относятся к его отношениям с другой стороной. Так, компания-инициатор видит документы, связывающие ее с поставщиком, однако она не может просматривать документы, связывающие отношения поставщика и субпоставщика. Исключение составляет документация, необходимая для какой-либо проверки (например, информация о стране происхождения товара).

6. Происходит окончательный мгновенный расчет с поставщиком и системой формируются цифровые документы. Если в сделке участвует несколько поставщиков, то доли их доходов рассчитываются исходя из стоимости всего контракта, а также доли участия конкретного поставщика.

В условиях пандемии первоочередной проблемой является необходимость внесения изменений в контракт. Интеллектуальные контракты КАМАЗа, выполняя запрограммированную последовательность действий, будут

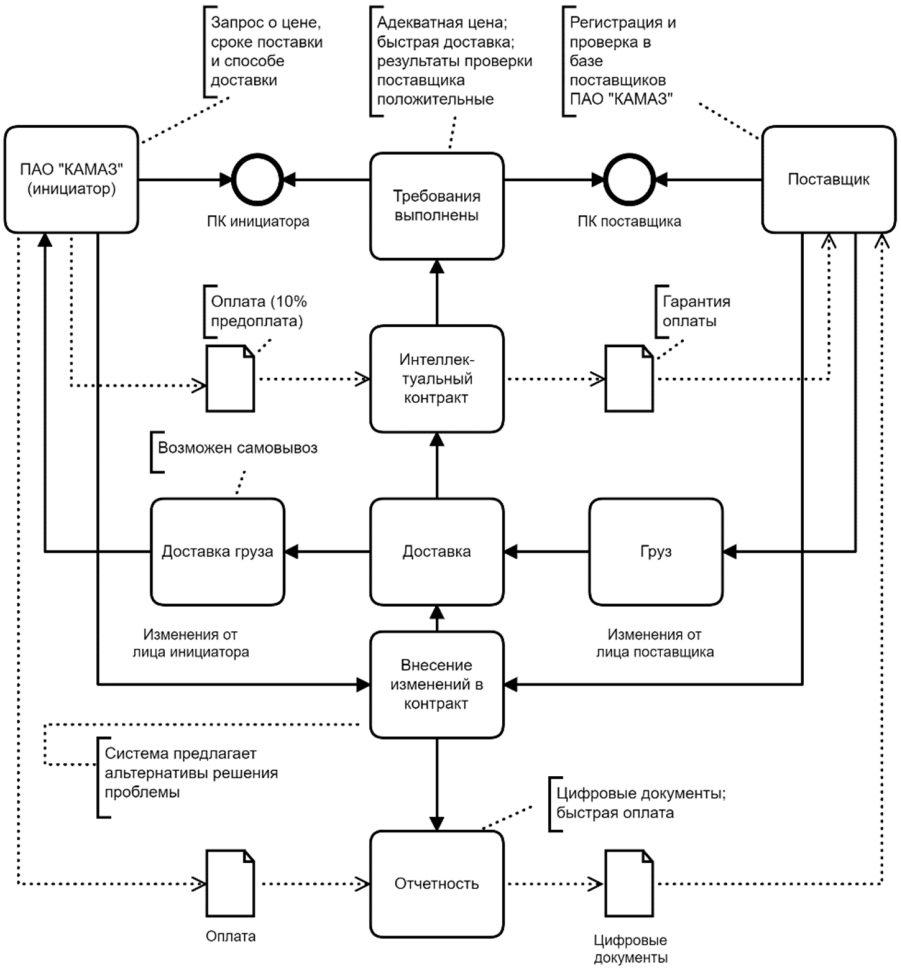

Рис. 3. Схема внесения изменений в интеллектуальный контракт
Fig. 3. Scheme of making changes to the intelligent contract

анализировать новую информацию, полученную в ходе заключения контракта, и предлагать различные варианты действий в непредвиденных в договоре ситуациях. На рис. 3 представлена схема внесения изменений в интеллектуальный контракт.

Внесение изменений в контракт возможно на любом этапе: информация, поступаемая в систему от лица инициатора или от лица поставщика, анализируется, и система предлагает несколько вариантов действий по внесению изменений в договор. Лицо, принимающее решение, выбирает из имеющихся альтернатив наиболее подходящую, и изменения вносятся системой в контракт.

Заключение

Итак, интеллектуальный контракт, который является логическим продолжением развития смарт-контракта, основанного на технологии блокчейн, подходит для применения в практической деятельности автомобилестроительного предприятия. Обладая такими особенностями, как автоматизация, детерминизм, прозрачность и доверие, интеллектуальные контракты позволят КАМАЗу:

1. Автоматизировать те виды операций, которые необходимы при заключении сделки.
2. Содействовать выполнению конкретных действий участниками сделки, которые на начальном этапе получат возможность знать результат договора при возникновении соответствующих условий.
3. Вносить изменения в условия договора при необходимости.
4. Обеспечить прозрачные условия сделки.
5. Развивать цифровое доверие при усложняющихся хозяйственных связях, что в результате приведет к тому, что не знающие друг друга стороны договора смогут взаимодействовать посредством соглашений, не требующих дорогостоящего управления и контроля со стороны третьих лиц [25; 26].
6. Работать с цифровыми документами и мгновенно осуществлять расчеты с контрагентами [27].

Внедрение на КАМАЗе интеллектуальных контрактов позволит повысить эффективность снабженческой деятельности путем выстраивания деловых партнерских отношений без учета фактора доверия благодаря технологии блокчейн; сократить ТИ предприятия при управлении

снабжением, связанные с поиском поставщиков, логистических посредников, необходимых предметов снабжения на рынке; уменьшить ТИ ведения переговоров и заключения контрактов. Благодаря интеллектуальным контрактам у компании не будет необходимости осуществлять жесткий дорогостоящий контроль при осуществлении сделки и затрачивать большое количество ресурсов на поиск недостающей информации при принятии решения. По результатам проведенного анализа величина ТИ на КАМАЗе колеблется на уровне 3–6 %. Снижение уровня ТИ приведет к снижению общих логистических затрат, что обусловит сокращение затрат предприятия в целом.

Разработанный механизм взаимодействия сторон интеллектуального договора, а также алгоритм внесения изменений в условия договора помогут КАМАЗу выйти на новый уровень и оставаться конкурентоспособным предприятием на рынке даже в условиях пандемии COVID-19. Предложенный механизм взаимодействия сторон интеллектуального договора, а также алгоритм внесения изменений в условия договора могут быть использованы в практике других машиностроительных предприятий, столкнувшихся с такими же проблемами, как и КАМАЗ.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Иващенко Н. П., Шаститко А. Е., Шпакова А. А. Смарт-контракты в свете новой институциональной экономической теории // Журнал институциональных исследований. 2019. Т. 11. № 3. С. 64–83. https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.3.064-083
2. Финогеев А. Г., Васин С. М., Гамидуллаева Л. А., Финогеев А. А. Технология смарт контрактов на основе блокчейн для минимизации трансакционных издержек в региональных инновационных системах // Вопросы безопасности. 2018. № 3. С. 34–55. https://doi.org/10.25136/2409-7543.2018.3.26619
3. Шульженко Т. Г. Методологический подход к реинжинирингу логистических бизнес-процессов в транспортных цепях при внедрении технологии смарт-контрактов // Управленческие науки. 2020. Т. 10. № 2. С. 53–73. https://doi.org/10.26794/2404-022X-2020-10-2-53-73
4. Трунцевский Ю. В., Севальнев В. В. Смарт-контракт: от определения к определенности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 118–147. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2020.1.118.147
5. Angrish A., Craver B., Hasan M., Starly B. A case study for blockchain in manufacturing: «FabRec»: a prototype for peer-to-peer network of manufacturing nodes // Procedia Manufacturing: Proc. NAMRC 46 (College Station, Texas, 18–22 Jun 2018) College Station: Texas A&M University, 2018. Vol. 26. P. 1180–1192. https://doi.org/10.1016/j.promfg.2018.07.154
6. Koh L., Dolgui A., Sarkis J. Blockchain in transport and logistics – paradigms and transitions // International Journal of Production Research. 2020. Vol. 58. № 7. P. 2054–2062. https://doi.org/10.1080/00207543.2020.1736428
7. Xu L., Tu P., Tang Q. Contract design for cloud logistics (CL) based on blockchain technology (BT) // Complexity. 2020. Vol. 2020. https://doi.org/10.1155/2020/5305808
8. Bottoni P., Gessa N., Massa G., Pareschi R., Selim H., Arcuri E. Intelligent smart contracts for innovative supply chain management // Front. Blockchain. 2020. Vol. 3. https://doi.org/10.3389/fbloc.2020.535787
9. Шутова П. А. Совершенствование методов оценки и управления трансакционными издержками в логистике снабжения (на примере предприятий автомобилестроительной отрасли): дис. … канд. экон. наук. М., 2011. 192 с.
10. Stigler G. J. The economics of information // Journal of Political Economy. 1961. Vol. 69. № 3. P. 213–225.
11. Dahlman C. J. The problem of externality // The Journal of Law & Economics. 1979. Vol. 22. № 1. P. 141–162.
12. Barzel Y. Measurement costs and the organization of markets // The Journal of Law & Economics. 1982. Vol. 25. № 1. P. 27–48.
13. Milgrom P. R., North D. C., Weingast B. R. The role of institutions in the revival of trade: the law merchant, private judges, and the champagne fairs // Economics & Politics. 1990. Vol. 2. № 1. P. 1–23. https://doi.org/10.1111/j.1468-0343.1990.tb00020.x
14. Milgrom P. R., Roberts J. M. Economics, organization and management. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1992. 621 p.
15. Milgrom P. R., Roberts J. M. Bargaining costs, influence costs, and the organization of economic activity // Perspectives on positive political economy / eds. J. E. Alt, K. A. Shepsle. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 57–89. https://doi.org/10.1017/CBO9780511571657.005
16. Sklaroff J. M. Smart contracts and the cost of inflexibility // University of Pennsylvania Law Review. 2017. Vol. 166. № 1. P. 263–303.

17. Prause G. Smart contracts for smart supply chains // IFAC-PapersOnLine. 2019. Vol. 52. № 13. P. 2501–2506. https://doi.org/10.1016/j.ifacol.2019.11.582
18. Nach H., Ghilal R. Blockchain and smart contracts in the logistic and transportation industry: the demurrage and maritime trade use case: Proc. 1st Annual Toronto FinTech Conf. (Toronto, 20–21 Oct 2017) Toronto, 2017.
19. Dietrich F., Palm D., Louw L. Smart contract based framework to increase transparency of manufacturing networks // Procedia CIRP: Proc. 30th CIRP Design 2020 Conf. (Pretoria, 5–8 May 2020) Amsterdam: Elsevier, 2020. Vol. 91. P. 278–283. https://doi.org/10.1016/j.procir.2020.02.177
20. Feng T., Yu X., Chai Y., Liu Y. Smart contract model for complex reality transaction // International Journal of Crowd Science. 2019. Vol. 3. № 2. P. 184–197. https://doi.org/10.1108/IJCS-03-2019-0010
21. Neuburger J. D., Choy W. L., Milewski K. P. Smart contracts: best practices // Practical Law. 2019. Режим доступа: https://prfirmpwwwcdn0001.azureedge.net/prfirmstgacctpwwwcdncont0001/uploads/dc2c188a1be58c8c9bb8c8babc91bbac.pdf (дата обращения: 02.11.2021).
22. Philipp R., Gerlitz L., Prause G. Smart contracts for entrepreneurial collaboration in logistics networks // New Challenges of Economic and Business Development – 2019: Incentives for Sustainable Economic Growth: Proc. 11th Intern. Sci. Conf. (Riga, 16–18 May 2019) Riga: University of Latvia, 2019. P. 652–663.
23. Westerkamp M., Victor F., Küpper A. Tracing manufacturing processes using blockchain-based token compositions // Digital Communications and Networks. 2020. Vol. 6. № 2. P. 167–176. https://doi.org/10.1016/j.dcan.2019.01.007
24. Сергеев В. И., Кокурин Д. И. Применение инновационной технологии «блокчейн» в логистике и управлении цепями поставок // Креативная экономика. 2018. Т. 12. № 2. С. 125–140. https://doi.org/10.18334/ce.12.2.38833
25. Sadouskaya K. Adoption of blockchain technology in supply chain and logistics: bachelor's thesis. Kouvola: XAMK, 2017. 45 p.
26. Pati S. P., Pradhan B. B. Role of blockchain in Internet of things (BIoT): a review paper // International Journal of Advanced Research in Engineering and Technology. 2020. Vol. 11. № 12. P. 142–149. https://doi.org/10.34218/IJARET.11.12.2020.015
27. Alharby M., Moorsel A. van. Blockchain-based smart contracts: a systematic mapping study // Computer Science & Information Technology (CS & IT): Proc. 4th Intern. Conf. CSIT-2017 (Dubai, 26–27 Aug 2017) Chennai: AIRCC Publishing Corporation, 2017. Vol. 7. № 10. P. 125–140. https://doi.org/10.5121/csit.2017.71011

original article

Intelligent Contracts in Engineering Enterprise Supply Management

Natalia V. Andrianova
V. G. Timiryasov Kazan Innovative University, Russia, Kazan;
https://orcid.org/0000-0002-8600-7195

Polina A. Nechaeva
V. G. Timiryasov Kazan Innovative University, Russia, Kazan;
https://orcid.org/0000-0002-3145-8546; polina23j@yandex.ru

Received 10 Nov 2021. Accepted after peer review 6 Dec 2021. Accepted for publication 6 Dec 2021.

Abstract: Intellectual contracts based on blockchain technology improve the efficiency of supply management of an automobile enterprise by optimizing the transactional costs of supply logistics. The present research featured KAMAZ PTC. The goal was to develop an interaction mechanism for all participants of an intellectual contract in supply activities. The article includes a review of Russian and foreign publications about intellectual contracts in various business spheres, supply management efficiency, optimization of transactional costs, and blockchain technology. The study made it possible to build an interaction mechanism of the parties involved in a blockchain intellectual contract. It also revealed a pattern of changes introduced to the intellectual contract at different stages of interaction between the initiator and suppliers. The authors also highlighted the difference between smart contract and intellectual contract. An intellectual contract appears as a logical development of a smart contract and allows the sides to change the terms. The party interaction mechanism can improve the supply efficiency as it optimizes the magnitude of transactional costs.

Keywords: supply logistics, smart contract, blockchain, supply chain, transaction costs, automotive company, general logistics costs

Citation: Andrianova N. V., Nechaeva P. A. Intelligent Contracts in Engineering Enterprise Supply Management. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(4): 496–505. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-496-505

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Ivashchenko N. P., Shastitko A. Ye., Shpakova A. A. Smart contracts throught lens of the new institutional economics. *Journal of Institutional Studies*, 2019, 11(3): 64–83. (In Russ.) https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.3.064-083
2. Finogeev A. G., Vasin S. M., Gamidullaeva L. A., Finogeev A. A. The use of the blockchain-based smart contracts technology for minimization of transaction costs in regional innovation systems. *Voprosy bezopasnosti*, 2018, (3): 34–55. (In Russ.) https://doi.org/10.25136/2409-7543.2018.3.26619
3. Shulzhenko T. G. Methodological approach to the reengineering of logistics business processes in the transport chains with the implementation of smart contracts. *Upravlencheskie nauki,* 2020, 10(2): 53–73. (In Russ.) https://doi.org/10.26794/2404-022X-2020-10-2-53-73
4. Truntsevsky Yu. V., Sevalnev V. V. Smart contracts: from identification to certainty. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki,* 2020, (1): 118–147. (In Russ.) https://doi.org/10.17323/2072-8166.2020.1.118.147
5. Angrish A., Craver B., Hasan M., Starly B. A case study for blockchain in manufacturing: "FabRec": a prototype for peer-to-peer network of manufacturing nodes. *Procedia Manufacturing*: Proc. NAMRC 46, College Station, Texas, 18–22 Jun 2018. College Station: Texas A&M University, 2018, vol. 26, 1180–1192. https://doi.org/10.1016/j.promfg.2018.07.154
6. Koh L., Dolgui A., Sarkis J. Blockchain in transport and logistics – paradigms and transitions. *International Journal of Production Research*, 2020, 58(7): 2054–2062. https://doi.org/10.1080/00207543.2020.1736428
7. Xu L., Tu P., Tang Q. Contract design for cloud logistics (CL) based on blockchain technology (BT). *Complexity*, 2020, 2020. https://doi.org/10.1155/2020/5305808
8. Bottoni P., Gessa N., Massa G., Pareschi R., Selim H., Arcuri E. Intelligent smart contracts for innovative supply chain management. *Front. Blockchain*, 2020, 3. https://doi.org/10.3389/fbloc. 2020.535787
9. Shutova P. A. *Improvement of methods for assessing and managing transaction costs in supply logistics in the automotive industry*. Cand. Econ. Sci. Diss. Moscow, 2011, 192. (In Russ.)
10. Stigler G. J. The economic of information. *Journal of Political Economy*, 1961, 69(3): 213–225.
11. Dahlman C. J. The problem of externality. *The Journal of Law & Economics*, 1979, 22(1): 141–162.
12. Barzel Y. Measurement costs and the organization of markets. *The Journal of Law & Economics*, 1982, 25(1): 27–48.
13. Milgrom P. R., North D. C., Weingast B. R. The role of institutions in the revival of trade: the law merchant, private judges, and the champagne fairs. *Economics & Politics*, 1990, 2(1): 1–23. https://doi.org/10.1111/j.1468-0343.1990.tb00020.x
14. Milgrom P. R., Roberts J. M. *Economics, organization and management*. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1992, 621.
15. Milgrom P. R., Roberts J. M. Bargaining costs, influence costs and the organization of economic activity. *Perspectives on positive political economy,* eds. Alt J. E., Shepsle K. A. Cambridge: Cambridge University Press, 1990, 57–89. https://doi.org/10.1017/CBO9780511571657.005
16. Sklaroff J. M. Smart contracts and the cost of inflexibility. *University of Pennsylvania Law Review*, 2017, 166(1): 263–303.
17. Prause G. Smart contracts for smart supply chains. *IFAC-PapersOnLine*, 2019, 52(13): 2501–2506. https://doi.org/10.1016/j.ifacol.2019.11.582
18. Nach H., Ghilal R. Blockchain and smart contracts in the logistic and transportation industry: the demurrage and maritime trade use case: *Proc. 1st Annual Toronto FinTech Conf.*, Toronto, 20–21 Oct 2017. Toronto, 2017.
19. Dietrich F., Palm D., Louw L. Smart contract based framework to increase transparency of manufacturing networks. *Procedia CIRP*: Proc. 30th CIRP Design 2020 Conf., Pretoria, 5–8 May 2020. Amsterdam: Elsevier, 2020, vol. 91, 278–283. https:// doi.org/10.1016/j.procir.2020.02.177
20. Feng T., Yu X., Chai Y., Liu Y. Smart contract model for complex reality transaction. *International Journal of Crowd Science*, 2019, 3(2): 184–197. https://doi.org/10.1108/IJCS-03-2019-0010
21. Neuburger J. D., Choy W. L., Milewski K. P. Smart contracts: best practices. *Practical Law,* 2019. Available at: https://prfirmpwwwcdn0001.azureedge.net/prfirmstgacctpwwwcdncont0001/uploads/dc2c188a1be58c8c9bb8c8babc91bbac.pdf (accessed 2 Nov 2021).
22. Philipp R., Gerlitz L., Prause G. Smart contracts for entrepreneurial collaboration in logistics networks. *New Challenges of Economic and Business Development – 2019: Incentives for Sustainable Economic Growth*: Proc. 11th Intern. Sci. Conf., Riga, 16–18 May 2019. Riga: University of Latvia, 2019, 652–663.
23. Westerkamp M., Victor F., Küpper A. Tracing manufacturing processes using blockchain-based token compositions. *Digital Communications and Networks*, 2020, 6(2): 167–176. https://doi.org/10.1016/j.dcan.2019.01.007

24. Sergeev V. I., Kokurin D. I. Application of innovative technology "Blockchain" in logistics and supply chain management. *Creative economy,* 2018, 12(2): 125–140. (In Russ.) https://doi.org/10.18334/ce.12.2.38833
25. Sadouskaya K. *Adoption of blockchain technology in supply chain and logistics*. Bachelor's Thesis. Kouvola: XAMK, 2017, 45.
26. Pati S. P., Pradhan B. B. Role of blockchain in Internet of things (BIoT): a review paper. *International Journal of Advanced Research in Engineering and Technology*, 2020, 11(12): 142–149. https://doi.org/10.34218/IJARET.11.12.2020.015
27. Alharby M., Moorsel A. van. Blockchain-based smart contracts: a systematic mapping study. *Computer Science & Information Technology (CS & IT)*: Proc. 4th Intern. Conf. CSIT-2017, Dubai, 26–27 Aug 2017. Chennai: AIRCC Publishing Corporation, 2017, vol. 7, iss. 10, 125–140. https://doi.org/10.5121/csit.2017.71011

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-506-514

оригинальная статья

Эффективность деятельности органов местного самоуправления муниципальных районов Кемеровской области – Кузбасса

Мисак Спартакович Арзуманян
Красноярский государственный аграрный университет, Россия, г. Красноярск; https://orcid.org/0000-0002-9752-7612; misak-arz@mail.ru

Поступила в редакцию 08.11.2021. Принята после рецензирования 29.11.2021. Принята в печать 06.12.2021.

Аннотация: Среди трудов отечественных и зарубежных ученых, посвященных исследованию природы и сущности муниципального управления, особый интерес представляют статьи, раскрывающие методики оценки эффективности деятельности местной власти. Представлены методологические основы интерпретации значений показателей эффективности деятельности местной власти – важнейшего критерия для определения уровня благосостояния населения. Анализ значений показателей эффективности основан на определении степени доминирования достигнутых значений над усредненными преобразованными значениями. Авторская методика позволяет количественно измерить и интерпретировать уровень административной рациональности органов местного самоуправления муниципальных районов – эффективность их деятельности. Предложен механизм преобразования значений показателей в виде коэффициентов (доминирования, достижения), элементов и интегральных значений эффективности. Систематизированы преобразованные значения показателей по элементам эффективности в разрезе двух компонентов: экономического (активы, бюджет, заработная плата работников) и социального (транспортная доступность, земля, население, жилье, ЖКХ). Сопоставление полученных интегральных значений определило эффективно управляемые органами местного самоуправления муниципальные районы Кемеровской области – Кузбасса (Прокопьевский, Кемеровский, Новокузнецкий, Яйский, Ленинск-Кузнецкий и Ижморский). Ценность проведенного исследования заключается в оценке состояния управления, формирования транспарентной картины уровня эффективности в муниципальных районах для принятия управленческих решений.

Ключевые слова: методология, оценка, коэффициент доминирования, коэффициент достижения, элемент эффективности, компонент эффективности, интегральное значение эффективности, уровень эффективности, муниципальное образование, региональная власть

Цитирование: Арзуманян М. С. Эффективность деятельности органов местного самоуправления муниципальных районов Кемеровской области – Кузбасса // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 4. С. 506–514. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-506-514

Введение

Результативность деятельности органов местного самоуправления (ОМС) играет важную роль в жизни населения. Экономический и социальный потенциал муниципальных районов (МР) субъекта Федерации определяет уровень их социально-экономического развития – ключевого компонента устойчивости территории, объединяющего в себе все стороны жизни местного населения. Это, по мнению автора, является следствием эффективной деятельности ОМС, т. к. прослеживается тесная взаимосвязь между результатами деятельности органов власти на местах и достигнутым уровнем развития территории (в частности, ее инфраструктуры), уровнем жизни населения, его благополучия и лояльности к власти. Актуальность приобретает оценка эффективности деятельности ОМС муниципальных образований (МО), достоверно отражающая текущее состояние при условии адекватности входных параметров – значений рассматриваемых показателей. Цель исследования заключается в формировании методологии оценки, интерпретации показателей, позволяющей целостно (комплексно) определять достигнутый уровень эффективности деятельности местного самоуправления (МС). Задачи исследования: группировка показателей оценки эффективности деятельности ОМС МО по типологическим признакам, объединение их в составе элементов и компонентов эффективности; разработка алгоритма расчета коэффициентов (доминирования, достижения), элементов и интегральных значений эффективности; определение эффективно управляемых МР Кемеровской области.

Обзор литературы

В трудах отечественных и зарубежных ученых исследуются природа и сущность муниципального управления, его эффективность:

- муниципальное образование – основной элемент МС, обладающий собственным имуществом, финансовыми ресурсами, разрабатывающий и исполняющий свой бюджет в соответствии с законом [1];

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

- эффективность МС определяется уровнем качества оказания услуг, выполняемых ОМС [2];
- муниципальные чиновники оказываются перед дилеммой: оптимизировать расходы или повысить уровень предоставляемых населению услуг [3];
- передача полномочий с федерального уровня на «низшую ступень органов власти» приводит к возрастанию эффективности МС, повышению уровня использования ресурсов в производстве услуг, увеличению степени достижения системой своих программных и политических целей [4];
- высокая эффективность публичной власти – первопричина и предпосылка повышения уровня ее легитимности, а низкая – ее снижения и подрыва [5, с. 334];
- более эффективному расходованию бюджетных средств МО способствует активная партиципация граждан в бюджетном процессе, т. е. планирование бюджета в части распределения расходных статей МО с участием граждан [6–8].

Тема устойчивого развития сельских территорий достаточно популярна в научных трудах отечественных экономистов-управленцев. Исследования, включающие такие направления изучения, как пространственное развитие, стратегическое планирование территории и социально-экономическое развитие, актуальны на фоне уникального широтно-континентального расположения страны и неравномерного распределения ее ресурсов.

Понятие *устойчивое развитие* интегрирует в себе все стороны жизни населения и нередко связывается с терминами *уровень результативности* и *уровень эффективности* деятельности ОМС [9, с. 247]. Общепринятым определением устойчивого развития является следующее: «стабильный процесс конструктивного регулирования, обеспечивающий комплексную социо-эколого-экономическую сбалансированность на длительный период времени»[1]. Критерии и показатели уровня устойчивого развития территориальных образований коррелируют с уровнем качества жизни населения, его обеспеченностью благами [10]. Считается, что рациональное управление устойчивым развитием достигается эффективным использованием имеющихся ресурсов органами власти, созданием точек роста, собственной дееспособной экономической базы [11, с. 137]. Система показателей устойчивости МО, развитие и преобразование которых входит в полномочия ОМС, состоит из природно-ресурсной, социально-экономической, производственной, социально-бытовой, социокультурной, финансово-бюджетной подсистем [12; 13, с. 35].

Важными направлениями решения проблем органами местной власти в рамках устойчивого развития МО являются: демографическая обстановка, жилищные условия, доходы населения, социальная поддержка. От эффективности осуществляемой деятельности муниципальной власти зависит степень разрешения данных проблем, перспективы достижения высоких результатов, характеризующих развитие территории [14, с. 68]. Н. С. Тимофеева отмечает, что руководители МО придерживаются индивидуальных аспектов развития сельской местности, редко учитывая особенности социально-экономического развития поселений [15, с. 114]. Кроме того, исследователем были представлены результаты изучения стратегий развития, установлено ассоциирование уровня устойчивого развития сельских территорий с уровнем развития (высокого, среднего и низкого) сельского хозяйства в МО [16, с. 145]. А. В. Цветцых и Н. В. Шевцова приходят к выводу, что пространственное развитие МР определяется наилучшими перспективами дальнейшей специализации производства продукции сельского хозяйства [17, с. 109].

Необходимость оценки деятельности ОМС в России была описана в ст. 18.1 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[2]. Методика оценки эффективности деятельности ОМС в России была регламентирована Указом Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 (Указ № 607), закрепившим механизм этой оценки, контроль и систему вознаграждений МО, должностные лица которых добились высоких показателей[3], а затем скорректирована Постановлением Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1317[4]. На уровне субъектов Федерации исполнительная власть издает распоряжения во исполнение положений вышестоящих нормативных актов. В частности, на территории Кемеровской области действует Распоряжение Коллегии Администрации Кемеровской области от 15 февраля 2013 г. № 138-р, согласно которому ответственным должностным лицам необходимо представлять в департамент экономического развития Администрации Правительства Кузбасса согласованные показатели оценки эффективности деятельности ОМС[5].

[1] Повестка дня на XXI в. Принята конференцией ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г.). Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (дата обращения: 05.11.2021).

[2] Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации. ФЗ от 06.10.2003 № 131-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

[3] Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов. Указ Президента РФ от 28.04.2008 № 607 // СПС КонсультантПлюс.

[4] О мерах по реализации Указа Президента РФ от 28 апреля 2008 года № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов». Постановление Правительства РФ от 17.12.2012 № 1317 // СПС КонсультантПлюс.

[5] Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов, муниципальных районов и муниципальных округов Кемеровской области – Кузбасса. Распоряжение Коллегии Администрации Кемеровской области от 15.02.2013 № 138-р // Кодекс. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/424088618 (дата обращения: 22.11.2021).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-506-514

Указ № 607 предполагает многоэтапный алгоритм определения ***комплексной оценки*** эффективности деятельности ОМС (***K***), базирующийся на расчете значений среднего ***темпа роста*** показателей (***T***) и значений среднего ***объема*** показателей (***O***). Автор предполагает, что ***K*** лежит в интервале (0; 1) с выделением квадрантов, кратных 0,25, т. е. актуальны подинтервалы: (0,00; 0,25), (0,25; 0,50), (0,50; 0,75), (0,75; 1,00).

Очевидно, что показатели, включенные в вышеназванный перечень, нельзя считать собственно показателями эффективности деятельности ОМС, поскольку они представляют собой скорее показатели современного состояния, деятельности органов местной власти либо показатели социально-экономического развития территории. Связать эти показатели с эффективностью муниципального управления возможно лишь одним способом – сопоставив их значения с определенными заранее параметрами развития и оценив по ним степень достижения запланированных социально-экономических результатов.

В методике наблюдается определенная доля шаблонности, недостаточной проработанности, выражающаяся в разобщенности между показателями и полномочиями ОМС; в предназначении не улучшить деятельность, а выполнить распоряжения федеральных и региональных органов власти. Но среди ее сильных сторон – единство системы оценки деятельности, разнообразие индикаторов оценки.

Меры для решения проблемы оценки эффективности МС предложены в научных трудах ряда российских авторов. Среди них наиболее значимы коррелируемость показателей социально-экономического развития и уровня эффективности местной власти, степень удовлетворенности населения деятельностью ОМС, расчет комплексной оценки эффективности деятельности ОМС [14; 18–22].

МР наравне с городскими округами являются МО второго уровня. В статье Е. А. Третьяковой и соавторов рассматривается методика комплексной оценки устойчивого развития региона, базирующаяся на межтерриториальных сравнениях, выявлении эталонного значения по каждому фактору с дальнейшей стандартизацией остальных значений в диапазоне [0; 1]. Далее рассчитывается интегральный индекс от трех локальных индексов (экономического, социального, экологического) [23, с. 656–657].

В рассмотренных источниках недостаточно проработана аналитическая составляющая: методики оценки эффективности, заявленные в названиях работ, не сопровождаются алгоритмами расчетов, количественно оценивающих состояние управления в муниципалитетах.

Некоторые авторы в качестве критерия типизации территории МО рассматривают их «агроприродный потенциал» [24, с. 381]. Другие осуществляют расчет индикаторов для оценки социального, экономического и инфраструктурного потенциала территории с ранжированием МР по их рейтингу (наилучшей обеспеченности ресурсами) [13, с. 36].

В настоящей статье автор опирается на исследование по оценке уровня устойчивости МО, базировавшееся на определении уровня «стойкости» значений показателей эффективности как критерия надежности достигнутого уровня значений показателей, в котором предлагается алгоритм типизации территории субъекта Федерации по степени эффективности управления ОМС МО. По мнению автора, оценка и интерпретация значений показателей эффективности деятельности ОМС будет способствовать формированию прозрачной картины текущего состояния управления. При этом коэффициенты (доминирования и достижения) следует интерпретировать как преобладание достигнутого значения над средним преобразованным значением: чем выше уровень достигнутой эффективности, тем выше будут эти значения [25].

Методология анализа

Предложения основаны на математической логике. В основе методологии лежит идея (метод) оценки эффективности деятельности местной власти посредством сопоставления значений показателей эффективности деятельности по МО субъектов Федерации.

Значения показателей эффективности деятельности представлены в виде абсолютных значений (руб., га, м^2, человек, кВт·ч, Гкал, м^3) и относительных (в %). Начальный этап анализа – преобразование исходных значений показателей в коэффициентный вид посредством инструментов перевода:

- коэффициент доминирования (k_i) – для абсолютных значений показателя:

$$k_i = \frac{x_i}{\bar{x}_i}, \quad (1)$$

где x_i – значение показателя; $\bar{x}_i$ – среднее значение показателя; i – порядковый номер показателя, $i \in (1; n)$, n – общее число показателей;

- коэффициент достижения ($k_{Дi}$) – для относительных значений показателя:

$$k_{Дi} = \frac{y_i}{\bar{y}_i} \times \frac{100 - \bar{y}_i}{100 - y_i}, \quad (2)$$

где y_i – достигнутое значение показателя, %; $\bar{y}_i$ – среднее достигнутое значение показателя, %.

Коэффициенты доминирования и достижения приобретают особый смысл при значениях выше 1, что интерпретируется как преобладание фактически достигнутого значения показателя над средним достигнутым значением показателя. Чем ближе y_i к 100, тем сильнее $k_{Дi}$ стремится к бесконечности – его значения растут нелинейно, с геометрической скоростью.

Значения элемента (m_f) эффективности – среднее арифметическое от k_i и $k_{Дi}$, входящих в состав элемента:

$$m_f = \frac{\sum_{j=1}^{l^f} \left[k_j^f \,\&\, k_{Дj}^f\right]}{l^f}, \quad (3)$$

где f – номер элемента m, $f \in (1;w)$; w – число элементов, причем $w \le n$; k_j^f, $k_{Дj}^f$ – j-ое значение коэффициента,

входящего в элемент m_f; l^f – число коэффициентов, входящих в элемент m_f; j – номер коэффициента, $j \in (1; l^f)$; $n = \sum_{f=1}^{w} l^f$.

Интегральное значение (I_r) эффективности – среднее геометрическое значений m_f:

$$I_r = \left(\prod_{f=1}^{w} m_f\right)^{\frac{1}{w}} = \sqrt[w]{m_1 \times m_2 \times \ldots \times m_w}, \quad (4)$$

где r – порядковый номер МО, $r \in (1; g)$; g – общее число МО.

Далее, сопоставив значения I_r и $\overline{I_r}$, определим уровень (U_r) эффективности управления муниципальной властью территориальным образованием:

$$U_r = \frac{I_r}{\overline{I_r}}, \quad (5)$$

где $\overline{I_r}$ – среднее интегральное значение эффективности.

Систематизировав вышеизложенное, представим алгоритм оценки эффективности деятельности ОМС:

1) преобразование абсолютных (x_i) и относительных (y_i) значений показателей в коэффициентный вид – расчет коэффициентов k_i и k_{A_i} (формулы (1), (2));
2) получение значений элементов (m_f) эффективности – расчет средних арифметических от k_i и k_{A_i} (формула (3));
3) формирование интегральных значений (I_r) эффективности – расчет средних геометрических значений m_f (формула (4));
4) определение уровня (U_r) эффективности управления муниципальной властью территориальным образованием – отношение интегральных значений (I_r) эффективности к среднему интегральному значению ($\overline{I_r}$) эффективности (формула (5)).

Интегральные значения эффективности (I_r) относительно среднего уровня эффективности ($\overline{I_r}$) образуют две группы (интервала) значений уровня эффективности (U_r): ниже среднего (0; 1) и выше среднего (>1).

Данные

Автор исследовал показатели оценки эффективности деятельности ОМС из рекомендуемого перечня. Общее число показателей (n) для анализа – 27. Они объединены в составе 8 (w) элементов (m): первые 3 формируют экономический компонент, а оставшиеся 5 – социальный.

Преобразованные значения показателей для оценки эффективности деятельности ОМС МО Кемеровской области (были взяты значения за 2020 г.)[6] систематизированы по элементам эффективности в разрезе следующих компонентов:

1. Экономический компонент (10 показателей):
   1.1. Активы (a), 2 относительных и 1 абсолютный показатель.
   1.2. Бюджет (b), 1 относительный и 1 абсолютный показатель.
   1.3. Заработная плата работников (z), 5 абсолютных показателей.
2. Социальный компонент (17 показателей):
   2.1. Транспортная доступность (t), 2 относительных показателя.
   2.2. Земля (e), 2 абсолютных показателя;
   2.3. Население (с), 1 абсолютный и 1 относительный показатель.
   2.4. Жилье (h), 2 абсолютных и 1 относительный показатель.
   2.5. ЖКХ (s), 8 абсолютных показателей:
      2.5.1. В многоквартирных домах, 4 показателя.
      2.5.2. Муниципальных бюджетных учреждениях, 4 показателя [26, с. 185].

Эмпирические результаты

Преобразованные значения показателей для оценки эффективности деятельности ОМС МО Кемеровской области сгруппированы по элементам, представленным в табл. 1.

Далее определены интегральные значения (I) эффективности и на их основе – уровень эффективности управления муниципальной властью территориальным образованием (табл. 2).

Табл. 1. Значения элементов m для анализа

Tab. 1. Values of m-elements for analysis

Муниципальные районы КО	Элементы эффективности							
	a	b	z	t	e	c	h	s
Беловский	1,17	3,50	1,18	10,28	0,82	12,40	0,91	0,85
Гурьевский	67,97	0,80	0,97	0,80	0,11	12,62	0,83	0,82
Ижморский	24,78	0,68	0,92	96,80	0,12	12,17	0,88	0,85
Кемеровский	25,25	2,03	1,23	16,20	1,82	12,74	2,03	0,90
Крапивинский	24,78	0,68	0,88	3,92	0,61	12,36	0,74	0,91
Ленинск-Кузнецкий	68,48	0,93	1,13	12,70	0,23	12,32	0,96	0,79
Мариинский	24,54	0,66	1,03	0,53	0,34	12,84	0,57	0,58

[6] Муниципальные образования Кемеровской области. Показатели для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst32 (дата обращения: 06.11.2021).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-506-514

Муниципальные районы КО	Элементы эффективности							
	a	b	z	t	e	c	h	s
Новокузнецкий	25,49	11,00	1,11	1,13	1,07	12,80	1,60	0,78
Прокопьевский	27,35	9,77	1,10	89,50	9,07	12,48	2,50	0,93
Промышленновский	24,75	0,58	0,94	10,53	0,36	0,91	0,51	0,86
Таштагольский	25,02	0,69	1,10	3,15	1,30	1,05	1,06	1,42
Тисульский	44,54	0,87	0,95	9,82	0,34	0,35	0,96	0,91
Топкинский	0,24	0,55	0,98	10,59	0,58	12,68	0,70	0,90
Тяжинский	1,01	0,46	0,89	10,46	0,11	12,34	0,96	0,88
Чебулинский	0,14	0,70	0,87	88,59	0,49	12,22	1,24	2,06
Юргинский	24,59	0,58	0,94	5,22	0,28	12,32	0,57	1,28
Яйский	24,43	0,60	0,90	92,01	0,20	12,27	0,86	1,27
Яшкинский	24,69	1,00	0,90	9,59	0,16	12,43	0,56	1,01

Табл. 2. Уровень эффективности управления муниципальной властью территориальным образованием
Tab. 2. Efficiency of municipal government management by territory

Муниципальные районы КО	Интегральные значения эффективности (I_r)	Уровень эффективности (U_r)
Беловский	2,11	ниже среднего
Гурьевский	1,58	ниже среднего
Ижморский	2,53	выше среднего
Кемеровский	3,80	выше среднего
Крапивинский	2,04	ниже среднего
Ленинск-Кузнецкий	2,57	выше среднего
Мариинский	1,38	ниже среднего
Новокузнецкий	2,97	выше среднего
Прокопьевский	7,16	выше среднего
Промышленновский	1,46	ниже среднего
Таштагольский	1,82	ниже среднего
Тисульский	1,57	ниже среднего
Топкинский	1,26	ниже среднего
Тяжинский	1,23	ниже среднего
Чебулинский	1,81	ниже среднего
Юргинский	1,91	ниже среднего
Яйский	2,75	выше среднего
Яшкинский	1,99	ниже среднего

Интегральные значения эффективности (I_r) приняли следующие значения: минимальное – 1,23; среднее ($\overline{I_r}$) – 2,33; максимальное – 7,16. Из 18 МО 12 имеют значение ниже среднего, остальные 6 – выше среднего. Лучшее значение – у Прокопьевского района, затем по убыванию уровня эффективности (U_r) идут Кемеровский, Новокузнецкий, Яйский, Ленинск-Кузнецкий и Ижморский районы.

Обсуждение результатов

Интерпретация полученных результатов обоснована при достоверности официальных данных, являющихся основой анализа и объективности использования предложенных методов. Методический инструментарий подробно изложен и аргументирован. Его применение нацелено на определение интегральных значений эффективности управления ОМС МО. Уровни эффективности управления МО следующие: 12 (две трети от общего числа) имеют значение ниже среднего, остальные 6 (треть от общего числа) – выше среднего.

Результаты применения методики показывают, что локальное доминирование МО по некоторым показателям (элементам) не позволяет им достичь желаемого уровня эффективности, т. к. интегральное значение эффективности формируется по принципу синергетического эффекта. Поэтому для достижения уровня эффективности «выше среднего» органам местной власти рекомендуется осуществлять рациональную деятельность, в том числе в форме всестороннего мониторинга и регулирования компонентов (всех показателей, участвующих в формировании интегральных значений эффективности) устойчивого социально-экономического развития. Эти составляющие, характеризующие уровень управляемости территориальных образований, выражены через такие характеристики территории, как собираемость местных налогов, кадастрификация земель, самостоятельность бюджета, достойная оплата труда для всех категорий работников, транспортная доступность, обеспечение населения жильем, развитое коммунальное хозяйство. Существует отчетливая тесная взаимосвязь между уровнем устойчивого развития территории и эффективностью управления территорией органами власти, в частности органами муниципального уровня.

Заключение

Исследованы труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные муниципальному управлению. Особое внимание уделено работам, раскрывающим методики оценки результативности местной власти. Автором поднята проблема оценки эффективности деятельности муниципалитетов – важнейшего критерия для выявления уровня благосостояния населения посредством определения степени доминирования, преобладания достигнутых значений над усредненными значениями. Авторская методика позволяет количественно измерить и интерпретировать уровень административной рациональности ОМС МО –

эффективность их деятельности. Предложены механизмы преобразования значений показателей: коэффициентов (доминирования, достижения), элементов и интегральных значений эффективности; систематизации преобразованных значений показателей по элементам эффективности в разрезе компонентов: экономического (активы, бюджет, заработная плата работников) и социального (транспортная доступность, земля, население, жилье, ЖКХ). Ценность проведенного исследования заключается в количественной оценке достижений ОМС. Результаты методологии могут быть использованы в качестве положений для принятия управленческих решений.

Дальнейшие перспективы исследований, посвященных инструментам интерпретации показателей оценки эффективности деятельности ОМС, видятся автором в разработке алгоритмов расчета коэффициента резистентности (сопротивляемости) достижения значений показателей эффективности, что позволит осуществить оценку ожиданий, степени возможности достижения ОМС необходимого уровня благосостояния населения. При таком подходе будут анализироваться коэффициенты достижения значений показателей на начало и конец рассматриваемого периода, а административная категория *эффективность деятельности* будет ассоциироваться с вероятностью достижения ОМС запланированных результатов, имеющих на старте текущие значения достигнутого уровня результативности деятельности. И чем выше прогнозируемый уровень резистентности, тем выше будет уровень эффективности деятельности ОМС в случае получения ими запланированных значений показателей. Между понятиями *эффективность* и *резистентность* будет установлена прямая связь (со скоростью геометрической прогрессии изменения первого показателя от второго). Это является вполне логичным: чем большую эффективность необходимо достигнуть, тем выше будет уровень сопротивляемости, особенно при низком уровне текущей эффективности; а при запланированном небольшом приросте эффективности степень сопротивляемости будет незначительной.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Vavrek R., Kotulic R., Adamisin P., Sira E., Vozarova I. K. Effectiveness of use of MCDM methods in the terms of local self-government // Advances in Applied Economic Research: Proc. 2016 ICOAE (Nicosia, 7–9 Jul 2016). Cham: Springer, 2017. P. 279–288. https://doi.org/10.1007/978-3-319-48454-9_20
2. Demin A. The effectiveness of local government // Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy, and Governance / ed. A. Farazmand. Cham: Springer, 2016. https://doi.org/10.1007/978-3-319-31816-5_3108-1
3. Clarkson K. W., Hanke S. H., Thompson F. Privatization at the state and local level // Privatization and State-Owned Enterprises. Dordrecht: Springer, 1989. P. 143–207. https://doi.org/10.1007/978-94-011-7429-9_4
4. Plaček M., Ochrana F., Půček M. J., Nemec J. Fiscal decentralization reforms and local government efficiency: an introduction // Fiscal Decentralization Reforms. Cham: Springer, 2020. P. 1–49. https://doi.org/10.1007/978-3-030-46758-6_1
5. Пастухов М. М., Иваненко И. Н. Проблема теоретического выделения критериев и показателей эффективности деятельности органов местного самоуправления // Актуальные направления научных исследований: перспективы развития: сб. мат-лов III Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 8 октября 2017 г.) Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. С. 334–337.
6. Вагин В. В., Гаврилова Н. В., Шаповалова Н. А. Инициативное бюджетирование: международный контекст российской версии // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2015. № 3. С. 117–122.
7. Мельцер Д. В. Партиципаторное бюджетирование как механизм прямого участия граждан в процессе обсуждения и принятия городского бюджета // Молодой ученый. 2015. № 4. С. 389–390.
8. Сергиенко Н. С., Суслякова О. Н. Инициативное бюджетирование в бюджетном процессе на местном уровне // В мире научных открытий. 2015. № 7-10. С. 3730–3741. https://doi.org/10.12731/wsd-2015-7.10-3730-3741
9. Палагина О. А. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2020. Т. 11. № 2. С. 246–251.
10. Shaporova Z. E., Tsvettsykh A. V. Essence and criteria for sustainable development of rural territories // IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.: Proc. III Intern. Sci. Conf. AGRITECH-III-2020 (Krasnoyarsk, 18–20 Jun 2020) Bristol: IOP Publishing Ltd, 2020. Vol. 548. № 2. https://doi.org/10.1088/1755-1315/548/2/022005
11. Китиева М. И., Орцханова М. А., Полонкоева Ф. Я. Повышение эффективности управления устойчивым развитием региона – приоритетная задача региональных органов управления // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 2-1. С. 137–139. https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10104
12. Shaporova Z. E., Tsvettsykh A. V. Indicators for assessing the sustainable rural development in the region // IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.: Proc. III Intern. Sci. Conf. AGRITECH-III-2020 (Krasnoyarsk, 18–20 Jun 2020) Bristol: IOP Publishing Ltd, 2020. Vol. 548. № 2. https://doi.org/10.1088/1755-1315/548/2/022044

13. Колесникова Е. Г., Чекменева Т. Д., Котова О. Н. Социально-экономические аспекты потенциала устойчивого развития сельского хозяйства в ресурсных регионах // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 4. С. 35–41.
14. Степанов А. А., Савина М. В., Потехина Е. В. Ключевые показатели эффективности и их использование в управлении реализацией муниципальной инновационной политики (вопросы теории) // Экономические системы. 2021. Т. 14. № 1. С. 67–75. https://doi.org/10.29030/2309-2076-2021-14-1-67-75
15. Тимофеева Н. С. Аспекты стратегического планирования развития сельского хозяйства региона // Аграрная наука Сибири и Дальнего Востока: стратегия молодых: мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. молодых ученых и специалистов аграрных образовательных и научных учреждений Сибирского и Дальневосточного федеральных округов (Улан-Удэ, 23–25 июня 2016 г.) Улан-Удэ: Бурятская ГСХА им. В. Р. Филиппова, 2016. С. 113–118.
16. Тимофеева Н. С. Стратегическое планирование как важнейший элемент менеджмента устойчивого развития сельских территорий // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4. № 1. С. 143–148. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-1-143-148
17. Цветцых А. В., Шевцова Н. В. Особенности пространственного развития агропромышленного комплекса Западного макрорайона Красноярского края // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2021. № 2. С. 105–114. https://doi.org/10.21295/2223-5639-2021-2-105-114
18. Вшивкова А. А., Степанова Н. Н. Применение метода анализа иерархий для построения интегрального показателя комплексной оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления // Научное творчество молодежи. Математика. Информатика: мат-лы XX Всерос. науч.-практ. конф. (Анжеро-Судженск, 28–29 апреля 2016 г.) Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. Ч. 1. С. 11–16.
19. Краснов А. В., Бадрутдинова Д. Х. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 20. С. 320–327.
20. Пашин Л. А., Судорогин О. А., Никитина Н. В. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 3. С. 95–100.
21. Рудакова Н. Л., Фадеева Н. Ю. Анализ действующих методик оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления // Общество. Наука. Инновации (НПК-2017): сб. ст. Всерос. ежегодной науч.-практ. конф. (Киров, 1–29 апреля 2017 г.) Киров: ВятГУ, 2017. С. 4111–4116.
22. Petrova E. A., Shevandrin A. V., Kalinina V. V. Effectiveness of state territorial administration in provision of sustainable economic growth of the region // Integration and Clustering for Sustainable Economic Growth / eds. E. G. Popkova, V. E. Sukhova, A. F. Rogachev, Yu. G. Tyurina, O. A. Boris, V. N. Parakhina. Cham: Springer, 2017. P. 383–398. https://doi.org/10.1007/978-3-319-45462-7_38
23. Третьякова Е. А., Миролюбова Т. В., Мыслякова Ю. Г., Шамова Е. А. Методический подход к комплексной оценке устойчивого развития региона в условиях экологизации экономики // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2018. Т. 17. № 4. С. 651–669. https://doi.org/10.15826/vestnik.2018.17.4.029
24. Газизов Р. М., Колесняк А. А. Дифференциация сельских муниципальных районов региона на основе оценки агроприродного потенциала // Экономика и предпринимательство. 2015. № 12-1. С. 379–384.
25. Арзуманян М. С. Методология оценки уровня устойчивости муниципального образования // Проблемы современной аграрной науки: мат-лы Междунар. науч. конф. (Красноярск, 15 октября 2021 г.) Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2021. С. 229–233.
26. Арзуманян М. С. Оценка уровня устойчивости муниципальных районов Красноярского края // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 20–22 апреля 2021 г.) Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2021. Ч. 2. Наука: опыт, проблемы, перспективы развития. Т. 2. С. 183–187.

original article

Efficiency of Municipal Self-Government Bodies in the Kemerovo Region (Kuzbass)

Misak S. Arzumanyan

Krasnoyarsk State Agrarian University, Russia, Krasnoyarsk; https://orcid.org/0000-0002-9752-7612; misak-arz@mail.ru

Received 8 Nov 2021. Accepted after peer review 29 Nov 2021. Accepted for publication 6 Dec 2021.

Abstract: The author reviewed domestic and foreign publications that feature various methods of assessing the performance of municipal authorities, which is the most important criterion for determining the well-being of population. The article introduces an authentic method that relies on the analysis of performance indicators based on the predominance of the achieved values over the average converted values. The method makes it possible to quantify and interpret the level of the so-called "administrative rationality" of municipal self-government bodies. It converts the values of indicators into coefficients (dominance and achievement), elements, and integral values of efficiency. The transformed values are then systematized in the context of economy (assets, budget, wages, etc.) and social components (transport accessibility, land, population, housing, communal services, etc.). A comparative analysis determined the following effective municipal districts of the Kemerovo region: Prokopyevsk, Kemerovo, Novokuznetsk, Yaya, Leninsk-Kuznetsky, and Izhmorka. The new method provides a transparent and objective assessment of municipal management.

Keywords: methodology, evaluation, coefficient of dominance, coefficient of achievement, element of efficiency, efficiency component, integral value of efficiency, efficiency level, municipality, regional government

Citation: Arzumanyan M. S. Efficiency of Municipal Self-Government Bodies in the Kemerovo Region (Kuzbass). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(4): 506–514. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-506-514

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Vavrek R., Kotulic R., Adamisin P., Sira E., Vozarova I.K. Effectiveness of use of MCDM methods in the terms of local self-governmen. *Advances in Applied Economic Research*: Proc. 2016 ICOAE, Nicosia, 7–9 Jul 2016. Cham: Springer, 2017, 279–288. https://doi.org/10.1007/978-3-319-48454-9_20
2. Demin A. The effectiveness of local government. *Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy, and Governance,* ed. Farazmand A. Cham: Springer, 2016. https://doi.org/10.1007/978-3-319-31816-5_3108-1
3. Clarkson K. W., Hanke S. H., Thompson F. Privatization at the state and local level. *Privatization and State-Owned Enterprises.* Dordrecht: Springer, 1989, 143–207. https://doi.org/10.1007/978-94-011-7429-9_4
4. Plaček M., Ochrana F., Půček M. J., Nemec J. Fiscal decentralization reforms and local government efficiency: an introduction. *Fiscal Decentralization Reforms*. Cham: Springer, 2020. 1–49. https://doi.org/10.1007/978-3-030-46758-6_1
5. Pastukhov M. M., Ivanenko I. N. Theoretical allocation of criteria and performance indicators of local self-government bodies. *Current directions of scientific research: prospects for development*: Proc. III Intern. Sci.-Prac. Conf., Cheboksary, 8 Oct 2017. Cheboksary: TsNS "Interaktiv plius", 2017, 334–337. (In Russ.)
6. Vagin V. V., Gavrilova N. V., Shapovalova N. A. Initiative budgeting: international context of Russian version. *Financial Journal*, 2015, (3): 117–122. (In Russ.)
7. Melzer D. V. Participatory budgeting as a mechanism for direct citizen participation in the discussion and adoption of the city budget. *Molodoi uchenyi*, 2015, (4): 389–390. (In Russ.)
8. Sergienko N. S., Suslyakova O. N. Initiative budgeting in the budget process local level. *V mire nauchnykh otkrytiy*, 2015, (7-10): 3730–3741. (In Russ.) https://doi.org/10.12731/wsd-2015-7.10-3730-3741
9. Palagina O. A. Assessment of efficiency of activities of local self-government bodies. *Elektronnoe nauchnoe izdanie "Uchenye zametki TOGU"*, 2020, 11(2): 246–251. (In Russ.)
10. Shaporova Z. E., Tsvettsykh A. V. Essence and criteria for sustainable development of rural territories. I*OP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.*: Proc. III Intern. Sci. Conf. AGRITECH-III-2020, Krasnoyarsk, 18–20 Jun 2020. Bristol: IOP Publishing Ltd, 2020, vol. 548, iss. 2. https://doi.org/10.1088/1755-1315/548/2/022005

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

11. Kitieva M. I., Ortskhanova M. A., Polonkoeva F. Ya. Improving the effectiveness of sustainable development management in the region is a priority for regional governments. *Ekonomika i biznes: teoriia i praktika*, 2020, (2-1): 137–139. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10104
12. Shaporova Z. E., Tsvettsykh A. V. Indicators for assessing the sustainable rural development in the region. *IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.:* Proc. III Intern. Sci. Conf. AGRITECH-III-2020, Krasnoyarsk, 18–20 Jun 2020. Bristol: IOP Publishing Ltd, 2020, vol. 548, iss. 2. https://doi.org/10.1088/1755-1315/548/2/022044
13. Kolesnikova E. G., Chekmeneva T. D., Kotova O. N. Socio-economic aspects of the capacity for sustainable agricultural development in the resource regions. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2017, (4): 35–41. (In Russ.)
14. Stepanov A. A., Savina M. V., Potekhina E. V. Key performance indicators and their use in managing the implementation of municipal innovation policy (theoretical questions). *Economic systems*, 2021, 14(1): 67–75. (In Russ.) https://doi.org/10.29030/2309-2076-2021-14-1-67-75
15. Timofeeva N. S. Aspects of strategic planning of agriculture of the region. *Agrarian science of Siberia and the Far East: strategy of the young*: Proc. Interreg. Sci.-Prac. Conf. of young scientists and specialists of agrarian academic and research institutions of the Siberian and Far Eastern Federal Districts, Ulan-Ude, 23–25 Jun 2016. Ulan-Ude: Buriatskaia GSKhA im. V. R. Filippova, 2016, 113–118. (In Russ.)
16. Timofeeva N. S. Strategic planning as the most important element of management of the sustainable development of rural territories. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki,* 2019, 4(1): 143–148. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-1-143-148
17. Tsvettsykh A. V., Shevtsova N. V. Features of the Krasnoyarsk Territory Western macro-district agro-industrial complex spatial development. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava*, 2021, (2): 105–114. (In Russ.) https://doi.org/10.21295/2223-5639-2021-2-105-114
18. Vshivkova A. A., Stepanova N. N. Application of the hierarchy analysis method for constructing an integral indicator of a comprehensive assessment of the effectiveness of local self-government bodies. *Scientific creativity of youth. Mathematics. Informatics*: Proc. XX All-Russian Sci.-Prac. Conf., Anzhero-Sudzhensk, 28–29 Apr 2016. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2016, pt. 1, 11–16. (In Russ.)
19. Krasnov A. V., Badrutdinova D. Kh. Estimation of the effectiveness of the local government activity. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2011, (20): 320–327. (In Russ.)
20. Pashin L. A., Sudorogin O. A., Nikitina N. V. Evaluation of the effectiveness of local self-government bodies. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*, 2014, (3): 95–100. (In Russ.)
21. Rudakova N. L., Fadeeva N. Yu. Analysis of the current methods of assessing the effectiveness of local self-government bodies. *Society. The science. Innovations (NPC-2017)*: Proc. All-Russian Annual Sci.-Prac. Conf., Kirov, 1–29 Apr 2017. Kirov: ViatGU, 2017, 4111–4116. (In Russ.)
22. Petrova E. A., Shevandrin A. V., Kalinina V. V. Effectiveness of state territorial administration in provision of sustainable economic growth of the region. *Integration and Clustering for Sustainable Economic Growth*, eds. Popkova E. G., Sukhova V. E., Rogachev A. F., Tyurina Yu. G., Boris O. A., Parakhina V. N. Cham: Springer, 2017, 383–398. https://doi.org/10.1007/978-3-319-45462-7_38
23. Tretyakova E. A., Mirolyubova T. V., Myslyakova Yu. G., Shamova E. A. Methodical approach to the complex assessment of the sustainable region development in the condition of greening the economy. *Vestnik UrFU. Seria: economica i upravlenie*. 2018, 17(4): 651–669. (In Russ.) https://doi.org/10.15826/vestnik.2018.17.4.029
24. Gazizov R. M., Kolesnyak A. A. Differentiation of rural municipal districts of the region on the basis of assessment agro-natural potential. *Ekonomika i predprinimatelstvo*, 2015, (12-1): 379–384. (In Russ.)
25. Arzumanyan M. S. Methodology for assessing the level of sustainability of a municipality. *Issues of modern agrarian science*: Proc. Intern. Sci. Conf., Krasnoyarsk, 15 Oct 2021. Krasnoyarsk: Krasnoiar. gos. agrar. un-t, 2021, 229–233. (In Russ.)
26. Arzumanyan M. S. Assessment of the level of sustainability of municipal districts of the Krasnoyarsk Territory. *Science and education: experience, problems, and development prospects*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Krasnoyarsk, 20–22 Apr 2021. Krasnoyarsk: Krasnoiar. gos. agrar. un-t, 2021, pt. 2. Science: experience, problems, and development prospects, vol. 2, 183–187. (In Russ.)

оригинальная статья

Государственная культурная политика в годы Великой Отечественной войны

Ольга Владимировна Глушакова
Новосибирский государственный театральный институт, Россия, г. Новосибирск; Сибирский государственный индустриальный университет, Россия, г. Новокузнецк; trinity@ktk.company

Поступила в редакцию 29.10.2021. Принята после рецензирования 19.11.2021. Принята в печать 06.12.2021.

Аннотация: Рассмотрено содержание государственной культурной политики в годы Великой Отечественной войны и особенности ее реализации. Несмотря на изменение приоритизации расходов государственного бюджета и сокращение финансирования сферы культуры в предвоенный период и в первые годы войны, деятельность учреждений культуры была целиком и полностью направлена на достижение главной стратегической цели – обеспечение дела Великой Победы над фашистской Германией. Предмет – институциональное регулирование и направления деятельности учреждений культуры в годы Великой Отечественной войны. Цель – выявление содержания и особенностей реализации государственной культурной политики в период войны. Исследование базируется на институциональном подходе. Использованы также методы анализа, синтеза, сравнения. Рассмотрено содержание документов, на основании которых осуществлялось регулирование сферы культуры в годы войны. Установлены особенности деятельности учреждений культуры в условиях военного времени. Сделан вывод, что победа над фашистской Германией была обеспечена благодаря двум факторам: преимуществам существующего общественно-политического строя, позволившего обеспечить в кратчайшие сроки мобилизацию всех видов ресурсов; роли пропаганды и агитации, для которых сфера культуры стала проводником, выполнившим функцию идеологического и политического вдохновителя советских граждан и оказавшим существенное влияние на формирование их воли к победе.
Ключевые слова: сфера культуры, учреждения культуры, театры, музеи, библиотеки, пропаганда, агитация

Цитирование: Глушакова О. В. Государственная культурная политика в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 4. С. 515–525. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-515-525

Введение

Содержание государственной культурной политики, ее цели и задачи определяются социально-экономическими, политическими, историческими и другими особенностями развития. На заре становления советского государства первоопределяющее значение имела ликвидация безграмотности населения. В дальнейшем на передний план выдвигается задача формирования новой советской культуры и нового человека, активного строителя социалистического общества. Поэтому совершенно справедливым представляется мнение Л. Е. Вострякова о том, что институты культуры с ее субъектами изменяются в реальной действительности, а не в рамках теоретических подходов и моделей [1, с. 101]. В период трансформационного перехода от плановой экономики к рыночным отношениям сфера культуры не рассматривалась как стратегический приоритет развития. И только сравнительно недавно со стороны органов государственной власти наступило осознание роли культуры в развитии общества. Сегодня культура возведена в ранг национальных приоритетов и признана важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности Российской Федерации, а культурное и гуманитарное развитие рассматривается как приоритетное направление государственной культурной политики[1].

Государственная культурная политика выступает объектом внимания многих ученых, о чем свидетельствует значительное количество публикаций, посвященных ее различным аспектам [2–7]. Однако тема государственной культурной политики в годы Великой Отечественной войны (ВОВ) остается недостаточно исследованной.

В военные годы государственная культурная политика, как и другие виды политик, была подчинена достижению главной стратегической цели – делу Великой победы над фашистской Германией. Ключевым документом в определении ее содержания выступила директива Совета народных комиссаров СССР (СНК СССР) и Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии большевиков (ЦК ВКП(б)) партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 г. № П509 «О мобилизации всех сил и средств на разгром

[1] Об утверждении Основ государственной культурной политики. Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 // Президент России. Режим доступа: http://kremlin.ru/acts/bank/39208 (дата обращения: 18.10.2021).

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-515-525

фашистских захватчиков»[2]. Этот документ сыграл огромную роль в перестройке всей жизни страны на военный лад, в подготовке условий для достижения исторической победы советского народа [8, с. 221]. Когда началась война, население недооценивало серьезность нависшей угрозы, бытовали мирные настроения. В этот период важно было использовать силу советской пропаганды и агитации для разъяснения гражданам смертельной опасности, с которой столкнулась наша страна. Именно поэтому принятие директивы имело огромное политическое и управленческое значение.

Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) обязала все партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации покончить с благодушием и беспечностью и мобилизовать все силы для разгрома врага [8, с. 222]. В документе отмечалось, что «в навязанной нам войне <…> решается вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том – быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение». Перестройка всей жизни страны на военный лад подразумевала организацию всесторонней помощи действующей армии, быструю транспортировку войск и военных грузов, помощь раненым, переоборудование больниц, клубов, школ, учреждений под госпитали, снабжение армии всем необходимым, укрепление ее тыла, подчинение интересам фронта деятельности всех предприятий и их усиленную работу[3].

Постановлением Президиума Верховного Совета СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 30 июня 1941 г.[4] был образован Государственный Комитет Обороны (ГКО) как чрезвычайный орган по мобилизации всех сил и средств страны на разгром врага, который возглавил И. В. Сталин. В руках ГКО была сосредоточена вся полнота власти в государстве. Граждане и партийные, советские, комсомольские и военные органы обязаны были беспрекословно выполнять все решения и распоряжения ГКО [8, с. 224]. Для оперативного решения вопросов в прифронтовых городах было создано более 60 городских комитетов обороны, которыми руководили уполномоченные ГКО – видные партийные работники, руководители промышленности, крупные ученые и т. п.

Деятельность работников литературы и искусства контролировал отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). В регионах перестройкой агитационно-массовой работы руководили местные партийные органы [9, с. 106]. ЦК ВКП(б) указывал, что главная задача для партийных организаций – политически обеспечить работу тыла. Своей организационной и пропагандистско-агитационной работой они должны цементировать фронт и тыл в единое неразрывное целое, обеспечить четкую и бесперебойную работу всех предприятий и учреждений, колхозов и совхозов в любых условиях [10, с. 13].

Методы и материалы. Исследование базируется на институциональном подходе, который за счет изучения содержания директивных документов Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б), СНК СССР, Народного комитета финансов СССР (Наркомфина СССР), Комитета по делам искусств при СНК СССР (КПДИ при СНК СССР), Народного комиссариата просвещения РСФСР (Наркомпроса РСФСР) позволил обеспечить понимание содержания государственной культурной политики в годы ВОВ, ее идеологического контекста. В исследовании также использованы методы анализа, синтеза, сравнения при изучении статистики военных лет, в том числе содержания отчетов об исполнении бюджета СССР, а также архивных материалов и документов, освещающих деятельность театров Москвы в условиях военного времени.

Результаты

Финансирование сферы культуры в предвоенный период и в начале войны по объективным причинам было урезано. Если в 1938 г. почти треть (28,5 %) от общей суммы расходов бюджета СССР составляли расходы на социально-культурные мероприятия, то в 1939–1940 гг. в связи с военной угрозой на передний план выдвигаются расходы на оборону. В 1942 г. их доля достигла 59,3 % от общей суммы расходов государственного бюджета (табл. 1[5]).

Эксперты Высшей школы экономики считают, что доля расходов на военные нужды была значительно выше – порядка 71,4 %, поскольку помимо финансирования нужд Наркомата обороны СССР и Наркомата военно-морского флота СССР бюджетные ассигнования направлялись на нужды госпиталей и военной промышленности, выплату военных пенсий и пособий, финансирование войск Наркомата внутренних дел СССР, строительство военных объектов[6].

Рост расходов государственного бюджета неизбежно привел к проблеме бюджетного дефицита, которая была решена Наркомфином СССР за счет введения новых

[2] О мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков. Директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) от 29.06.1941 № П509 // КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза: сб. документов 1917–1958. М.: Госполитиздат, 1958. С. 356.

[3] Там же.

[4] Об образовании Государственного Комитета Обороны. Постановление Президиума ВС СССР, СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 30.06.1941 // СПС КонсультантПлюс.

[5] Составлена по: Государственный бюджет СССР: статистический сборник. Ч. II. 1938–1950 гг. / под общ. ред. А. В. Бачурина. М.: Министерство финансов СССР, 1955. 176 с.

[6] Салтанова С. В. Финансовый фронт. Как формировался бюджет СССР в Великую Отечественную войну // Научно-образовательный портал IQ. 11.08.2020. Режим доступа: https://iq.hse.ru/news/385751934.html (дата обращения: 18.10.2021).

механизмов консолидации финансовых ресурсов. К ним относятся государственные займы 1942–1945 гг. [11, с. 123–124], денежно-вещевые лотереи 1941–1945 гг., привлечение средств населения [12]. В частности, была установлена дифференцированная надбавка к подоходному налогу с населения в зависимости от среднемесячного заработка[7]. В 1941 г. введен налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан[8], а также военный налог[9]. Использование этих механизмов позволило решить проблему дефицита государственного бюджета и добиться роста расходов на социально-культурные мероприятия в 1943–1945 гг.

Дефицит бюджетных ресурсов в первые годы войны был связан не только с увеличением расходов на военные цели. В результате фашистской оккупации ряда территорий страны и мобилизации мужского населения в Красную Армию среднегодовая численность рабочих и служащих в экономике сократилась в 1942 г. на 15,5 млн человек по сравнению с 1940 г., что неизбежно сказалось на производительности труда и поступлении налоговых доходов в бюджетную систему страны. Мобилизованных в Красную Армию на рабочих местах заменили женщины и дети, а сбалансированность бюджета удалось обеспечить в основном за счет привлечения средств населения, которое было и без того истощено физически, материально и финансово суровыми военными испытаниями. Если доля доходов за счет привлечения средств населения в 1941 г. составляла 12,4 % общего объема доходов государственного бюджета СССР, то в 1942 г. она выросла до 27,0 %, а в 1943 г. – до 30,8 % (табл. 1).

Для решения задач государственной культурной политики в годы войны деятельность учреждений культуры по всей стране была перестроена на военный лад. Работой театров, киноорганизаций, музыкальных, художественно-живописных, скульптурных и иных учреждений в военный период руководил КПДИ при СНК СССР. Библиотеки, краеведческие и другие музеи находились в ведении Наркомпроса РСФСР.

Табл. 1. Структура государственного бюджета СССР
Tab. 1. Structure of the state budget of the USSR

Показатели	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1950	1955
Доходы всего, млрд руб.	127,5	156,0	180,2	176,9	164,9	204,4	268,7	302,0	422,8	564,3
• налог с оборота	80,4	96,2	105,9	93,2	66,4	70,9	94,9	123,1	236,1	242,4
• отчисления от прибылей	10,4	15,8	21,7	23,5	15,3	20,1	21,4	16,9	40,4	102,8
• налоги с предприятий и организаций	2,3	2,6	3,2	3,1	1,9	2,9	3,5	3,3	5,5	12,4
• средства государственного социального страхования	7,2	7,6	8,5	6,9	5,8	6,7	8,9	10,3	19,6	26,5
• привлечение средств населения	10,2	12,8	20,1	22,0	44,6	63,0	81,5	72,3	68,8	88,2
– налоги и сборы	5,1	7,0	9,4	10,8	21,6	28,6	37,0	39,8	35,8	48,3
– государственные займы, реализуемые по подписке	5,1	5,8	9,0	8,3	12,2	17,9	26,3	23,1	26,4	30,2
Расходы всего, млрд руб.	124,0	153,3	174,3	191,4	182,8	210,0	264,0	298,6	413,2	539,5
• народное хозяйство	51,7	60,4	58,4	51,7	31,6	33,1	53,8	74,5	157,9	233,1
доля, %	*41,7*	*39,4*	*33,5*	*27,1*	*17,3*	*15,8*	*20,4*	*24,9*	*38,2*	*43,2*
• социально-культурные мероприятия	35,3	37,4	40,9	31,4	30,3	37,7	51,3	62,7	116,7	147,2
доля, %	*28,5*	*24,4*	*23,5*	*16,4*	*16,6*	*18,0*	*19,4*	*21,0*	*28,2*	*27,3*
• оборона страны	23,2	39,2	56,8	83,0	108,4	125,0	137,8	128,2	82,8	107,4
доля, %	*18,7*	*25,6*	*32,6*	*43,4*	*59,3*	*59,5*	*52,2*	*42,9*	*20,0*	*19,9*
• государственное управление	5,4	6,5	6,8	5,1	4,3	5,2	7,4	9,2	13,9	12,5
доля, %	*4,4*	*4,2*	*3,9*	*2,7*	*2,4*	*2,5*	*2,8*	*3,1*	*3,4*	*2,3*
Профицит / дефицит, млрд руб.	3,5	2,7	5,9	–14,4	–17,8	–5,6	4,8	3,4	9,5	24,8

[7] Об установлении на военное время временной надбавки к сельскохозяйственному налогу и подоходному налогу с населения. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 03.07.1941 // СПС КонсультантПлюс.

[8] О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21.11.1941 // СПС КонсультантПлюс.

[9] О военном налоге. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29.12.1941 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4337.htm (дата обращения: 18.10.2021).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-515-525

В июле 1941 г. КПДИ обратился ко всем республиканским управлениям, краевым, областным отделам по делам искусств с письмом, в котором были обозначены основные направления перестройки работы подведомственных им структур: «Основная и важнейшая задача всех творческих работников, всех предприятий и учреждений советского искусства – отдать все силы на защиту нашей Родины, помочь делу мобилизации всего народа на Отечественную войну против германского фашизма, способствовать повышению производительности труда, укреплению дисциплины и организованности населения нашей страны» [13, с. 19].

Наркомпросом РСФСР была разработана система мероприятий по перестройке на военный лад содержания работы культурно-просветительских учреждений страны, даны подробные рекомендации местным органам власти по организации патриотической деятельности школ, библиотек и музеев в новых условиях [9, с. 108]. Во главу угла выдвигалась идеологическая работа учреждений культуры, основной задачей которой было разъяснение гражданам характера и целей войны. Тема ВОВ в работе театров, музеев, библиотек стала ключевой. Учреждения культуры являлись одними из самых эффективных инструментов идеологического воздействия на сознание людей, тем самым оказывая неоценимую помощь в решении задач военного времени. Деятельность публичных учреждений культуры в военный период отличали патриотизм, гражданственность и мощный идеологический контекст, направленный на обличение фашистского режима, укрепление духа советского народа и его веры в победу.

Творческими коллективами домов культуры и клубов создавались агитбригады, проводились агитационные мероприятия и концертные программы непосредственно на производственных участках, в госпиталях и местах переформирования военных частей. Охват населения агитационно-просветительской работой учреждениями массовой культуры в 1943 г. увеличился на 29 % по сравнению с 1941 г.[10] В начале войны появились т. н. «Окна ТАСС», представляющие собой серию агитационных плакатов с призывами к защите Родины, созданных редактором Г. М. Кофманом, художниками В. С. Слыщенко и Н. Н. Игнатьевым, а также журналистом И. М. Анцеловичем. Плакаты были малотиражными и создавались вручную посредством нанесения клеевых красок на бумагу через трафарет. Сатира, юмор и смех являлись главным ключом к образным решениям «Окон ТАСС», пользовавшихся большой популярностью в военные годы.

Адаптация к работе в новых условиях стала необходимостью и для советских театров, которым пришлось изменить режим работы, структуру, подходы к финансовому обеспечению деятельности, скорректировать содержание творческих планов. 22 июня 1941 г. в Москве было объявлено военное положение. Тремя днями позже начальник гарнизона Москвы И. Г. Захаркин подписал приказ № 1 «Об обеспечении общественного порядка и государственной безопасности в г. Москве». В документе театрам, паркам, кино, клубам и другим зрелищным учреждениям предписывалось заканчивать свою работу не позднее 22 ч 45 мин[11].

Пленум ЦК профсоюза работников искусств 23 июня 1941 г. выступил ко всем творческим работникам с обращением, в котором была сформулирована основная задача работников искусств в годы войны – самоотверженная работа по художественному обслуживанию армии, флота и всего населения [14, с. 199]. Для ее решения потребовалось формирование театральных фронтовых бригад[12]. Этой работой занимались Исполнительный комитет Московского городского Совета депутатов трудящихся (Мосгорисполком), Всероссийское театральное общество (ВТО) и находившийся в его подчинении Центральный дом работников искусств (ЦДРИ) [15, с. 6]. В ЦДРИ в самом начале войны был создан московский штаб по художественному обслуживанию агитационных и сборных пунктов. Благодаря проведенной работе, к 1942 г. по сравнению с началом войны удалось увеличить более чем в 2,5 раза (с 357 до 920) число актерских коллективов, выступавших на фронте, и в 3,6 раза (с 32,4 тыс. до 117,0 тыс.) – число выступлений (табл. 2[13]).

На фронтах выступали не только столичные театры. В таком формате работали все театры страны. Например, в Горьком (ныне в Нижнем Новгороде) функционировали 7 театров: республиканский театр драмы им. М. Горького, театр оперы и балета им. А. С. Пушкина, театр юного зрителя им. Н. К. Крупской, театр кукол, драматический театр им. В. П. Чкалова, филармония, эстрадный театр «Снайпер». В 1941–1944 гг. работники горьковских театров дали в частях Красной Армии 4240 спектаклей и концертов, в госпиталях – 3712 концертов. На фронт выезжало 14 бригад, которые организовывали 1500 выступлений[14]. В целом за период с 1941 по 1945 гг. в условиях боевой обстановки состоялось 473 тыс. спектаклей и концертов. На фронтах побывало 3685 артистических бригад, в которых участвовало 42 тыс. работников [16, с. 184].

[10] Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник. М.: Росстат, 2020. 299 с.

[11] Об обеспечении общественного порядка и государственной безопасности в г. Москве. Приказ начальника гарнизона г. Москвы от 25.06.1941 № 1 // Вечерняя Москва. 25.06.1941. С. 54.

[12] Постановление о формировании театрально-концертных бригад было принято президиумом ВТО 3 июля 1941 г.

[13] Приведена по: Великая Отечественная война…

[14] Театры г. Горького в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по документам ГУ ГОПАНО) // Государственная архивная служба Нижегородской области. Режим доступа: https://www.archive-nnov.ru/?id=4140 (дата обращения: 25.10.2021).

Табл. 2. Количество фронтовых выступлений московских театров в годы ВОВ

Tab. 2. Front-line performances of Moscow theaters during the Great Patriotic War

Название театра	Выступления в действующей армии	Выступления в резервных частях армии и госпиталях
Театры Главного управления театров		
Фронтовой филиал Театра им. Евг. Вахтангова	350	94
Фронтовой филиал Малого театра	168	24
Театр под рук. И. М. Раевского	342	15
Музыкально-драматический театр под рук. М. И. Померанцева	198	41
Театр-студия под рук. А. Н. Арбузова	101	34
Театр музкомедии	222	13
Театр миниатюр «Огонек»	219	27
Театр миниатюр «Агиттеатр»	15	9
Театры Мосгорисполкома		
Театр «Искра»	467	22
Хор под рук. П. Г. Яркова	21	62
Новый театр	–	24
Театр музкомедии	2	17
Кукольный театр	22	–
Театры ВТО		
Первый фронтовой театр	224	76
Второй фронтовой театр	363	14
Третий фронтовой оперно-музыкальный театр	–	161
Четвертый фронтовой театр	52	112
Пятый фронтовой театр «Веселый десант»	126	86

В августе 1941 г. было проведено сокращение сети московских театров. Новая структура театров была определена решением Исполкома Моссовета от 16 августа 1941 г. № 31/19 «О работе театров Московского Совета». Так, Театр им. К. С. Станиславского и Театр им. В. И. Немировича-Данченко были объединены в один Московский музыкальный театр им. народных артистов СССР К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко; объединены Театр Ленсовета и Театр им. Н. Э. Баумана (под названием первого), Театр Моссовета и Московский драматический театр (под названием первого), Театр им. Ленинского комсомола и Современный театр (под названием первого), Московский театр для детей и Центральный детский театр (под названием второго); временно объединены для обслуживания детской аудитории на периферии Государственный центральный театр юного зрителя и Московский театр юного зрителя (под названием второго); Театр им. М. Н. Ермоловой был направлен на постоянную работу в Махачкалу. В результате число театральных трупп уменьшилось с 19 до 12; 11 из них были объединены с сохранением своих творческих коллективов в 6 театров, а 2 театра (Цыганский театр «Ромэн» и Театр эстрады и миниатюр) перевели на полную самоокупаемость[15].

Когда в октябре 1941 г. немецко-фашистские войска приблизились к Москве, ГКО СССР принял решение об эвакуации ряда московских театров. Постановление было подписано лично председателем ГКО И. В. Сталиным, что свидетельствовало о высокой значимости указанных учреждений культуры для страны[16].

В начале войны все московские театры обязаны были представить Управлению по делам искусств Мосгорисполкома отчет о своей текущей работе и творческих планах на ближайшую перспективу. При этом в театральном репертуаре в обязательном порядке должны были присутствовать постановки, интермедии или номера, посвященные текущему моменту. Директор Московского драматического театра им. Моссовета Е. Александрова и художественный руководитель театра, заслуженный артист РСФСР Ю. А. Завадский в своей докладной записке от 6 августа 1941 г. № 534 «О творческих планах театра на III квартал 1941 г.» Управлению по делам искусств Мосгорисполкома сообщили о том, что в начале квартала выйдет «антифашистское обозрение, которое делается театром совместно с автором В. Типотом, с привлечением, кроме ведущих актеров Театра Моссовета, ряда крупных мастеров различных жанров. Подробная тематика обозрения будет представлена дополнительно»[17].

В докладной записке руководства Московского театра юного зрителя в Управление по делам искусств Мосгорисполкома от 6 августа 1941 г. № 2 «О творческих планах театра на II полугодие 1941 г.» сообщалось о возобновлении пьесы «Наше оружие» А. А. Крона, основная тема которой – воспитывающая роль Красной Армии, большевистская закалка и бдительность (постановщик А. И. Кричко); о сентябрьской премьере пьесы «Смелые побеждают» В. Н. Гурана, тема – героика, самоотверженность и находчивость в борьбе Красной Армии на белофинском фронте (постановщик Б. К. Зальцштейн)

[15] О работе театров Московского Совета. Решение Исполкома Моссовета от 16.08.1941 № 31/19 // ЦГА Москвы. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 724. Л. 85–86.

[16] Об эвакуации Большого Государственного академического ордена Ленина театра, Московского Художественного академического ордена Ленина театра им. Горького, Малого академического театра и Театра им. Вахтангова. Постановление ГКО СССР от 13.10.1941 № 788сс // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 122.

[17] О творческих планах театра на III квартал 1941 г. Докладная записка руководства Московского драматического театра им. Моссовета в Управление по делам искусств Мосгорисполкома от 06.08.1941 № 534 // ЦГА Москвы. Ф. Р-2007. Оп. 1. Д. 98. Л. 1.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-515-525

и об октябрьской премьере пьесы «Годы испытаний» Е. К. Раймонд, тема – лицо фашизма, борьба с ним в Германии (постановщик А. И. Кричко)[18].

Великая цель – победа над фашистской Германией – оказала влияние на содержание всех политических решений, в том числе в области государственной культурной политики. Во время войны значимость конкретных людей, их талант, уникальность отодвигались на второй план. Люди использовались как ресурс для решения задач военного времени.

Так, КПДИ при СНК СССР выступил с предложением об эвакуации крупнейших актеров ведущих театров Москвы (Большой и Малый театры, МХАТ и др.), о чем свидетельствует содержание справки члена Совета по эвакуации при СНК СССР Гаврилова председателю Совета Н. М. Швернику от 20 июля 1941 г. Спустя 8 дней Н. М. Шверник обратился к заместителю председателя ГКО СССР В. М. Молотову с докладной запиской, в которой вносилось предложение об эвакуации из Москвы крупнейших московских театров. Однако В. М. Молотов не поддержал предложение Н. М. Шверника. Резолюция В. М. Молотова на докладной записке прозвучала следующим образом: «Тов. Швернику. Нельзя сейчас эвакуировать театры (произведет плохое впечатление на население), но можно эвакуировать некоторых стариков-актеров» [17, с. 727]. В результате было принято Постановление Совета по эвакуации при СНК СССР от 3 августа 1941 г. № СЭ-60 сс «О направлении старейших мастеров искусств из г. Москвы в г. Нальчик»[19] с приложением списка эвакуируемых. Список включал старейших мастеров Большого и Малого театров, МХАТа и других театров Москвы, художников, архитекторов, композиторов и музыкальных деятелей, драматургов и писателей [15, с. 23].

За годы войны в результате оккупации и военных действий пострадало значительное количество культурно-развлекательных учреждений (табл. 3[20]). Многие из них были полностью разрушены, поэтому после войны их пришлось отстраивать заново. Доступ населения к культурным благам сильно сократился. До войны библиотеки в городской и сельской местности выполняли просветительскую функцию и обеспечивали городских и сельских жителей информацией. Однако в военное время перед этими учреждениями культуры встали новые задачи, в основном связанные с политинформационной и агитационной работой.

В Приказе Наркомпроса РСФСР от 27 октября 1941 г. № 44-К «О работе массовых библиотек в военное время» было предписано использовать ресурсы библиотек для выполнения задач военного времени, превратить их в центры политических и военно-оборонных знаний, помочь населению преодолевать сложности войны. От органов народного образования на местах требовалось обеспечить бесперебойную работу библиотек и не допускать сокращения библиотечной сети[21].

Основными направлениями и формами работы библиотечных учреждений стали информационно-агитационная работа (политинформации, доклады, выставки, плакаты); организация мобильных передвижных выставок в госпиталях, на призывных пунктах, на предприятиях; составление рекомендательной библиографии; справочная работа с читателем; научно-библиографическая работа; работа по оказанию помощи городу и области [9, с. 164].

Непростые военные условия диктовали необходимость перехода библиотек к новым формам работы с читателями.

Табл. 3. Культурно-развлекательные и клубные учреждения СССР (на конец года)

Tab. 3. Cultural, entertainment, and club institutions in the USSR (by the end of the year)

Показатели		1940	1945	1950	1955
Культурно-развлекательные учреждения					
Театры	Число театров (профессиональных), ед.	908	766	545	508
	Число посещений театров, млн	84,2	–	68,0	–
Кино	Число киноустановок, тыс.	28,0	14,5	42,0	59,3
	• стационарные, тыс.	15,5	9,1	21,6	33,3
	• передвижные, тыс.	12,5	5,4	20,4	26,0
	– из них в сельской местности, тыс.	19,5	8,7	32,2	46,7
	• стационарные, тыс.	8,0	3,9	13,0	22,3
	• передвижные, тыс.	11,5	4,8	19,2	24,4
	Число посещений киносеансов, млн	883	621	1144	2505
Музеи	Число музеев (включая филиалы), ед.	991	787	937	862
	Число посещений музеев, млн	34,3	–	26,7	–
Клубные учреждения					
Число клубных учреждений, тыс.		118	94	125	126
– из них в сельской местности, тыс.		108	88	116	115

[18] О творческих планах театра на II квартал 1941 г. Докладная записка руководства Московского театра юного зрителя в Управление по делам искусств Мосгорисполкома от 06.08.1941 № 2 // ЦГА Москвы. Ф. Р-2007. Оп. 1. Д. 98. Л. 2.

[19] О направлении старейших мастеров искусств из г. Москвы в г. Нальчик. Постановление Совета по эвакуации при СНК СССР от 03.08.1941 № СЭ-60 сс // ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 313. Л. 14–18.

[20] Приведена по: Великая Отечественная война…

[21] О работе массовых библиотек в военное время. Приказ Наркомпроса РСФСР от 27.10.1941 № 44-К // Материалы к истории библиотечного дела в СССР (1914–1959 гг.). Л.: Б. и., 1960. С. 137–140.

Государственная публичная историческая библиотека в Москве открыла свой подземный филиал на станции метро «Курская» Арбатско-Покровской линии (действовал с 1941 по 1944 гг.) и филиал в эвакуационном госпитале № 2939 (открыт в январе 1942 г.)[22].

Особенно трудными для библиотек были первые годы войны. Многие территории находились в оккупации. В 1943 г. после их освобождения Красной Армией работа большинства библиотек, клубов, домов культуры, изб-читален была восстановлена. За годы войны порядка 48 тыс. библиотек было уничтожено, а библиотечный фонд утрачен почти на половину (табл. 4[23]). Однако библиотекари не прекращали своей самоотверженной работы, спасая книжные богатства от огня, воды и ненастья.

Пополнить утраченный библиотечный фонд в условиях военного времени было непросто, поскольку издание книг, брошюр, газет и журналов из-за нехватки финансирования и полиграфического оборудования резко сократилось (табл. 5[24]). Тем не менее Московский библиотечный коллектор бесперебойно работал и в годы войны, снабжая библиотеки литературой.

Табл. 4. Библиотеки и библиотечный фонд в СССР (на конец года)
Tab. 4. Libraries and books in the USSR (by the end of the year)

Показатели	1940	1945	1950	1955
Число массовых библиотек, тыс.	95	47	123	147
– из них в сельской местности, тыс.	77	38	102	119
Число книг в массовых библиотеках, млн экз.	185	109	244	591

Делу Великой Победы была подчинена работа всех деятелей культуры и искусства. Сотни писателей в период войны стали военными корреспондентами, бойцами, командирами и политработниками. В их числе М. А. Шолохов, А. А. Фадеев, К. М. Симонов, А. Т. Твардовский, Б. Н. Полевой, В. Л. Василевская, А. П. Гайдар, А. С. Серафимович и др. Многие из них не вернулись с фронта. Работниками советского кино было выпущено свыше 500 военных фильмов, метраж негатива военных съемок составил более 3,5 млн м. Было выпущено 400 номеров «Союзкиножурнала», 65 номеров журнала «Новости дня», 24 «Фронтовых киновыпуска», 67 тематических короткометражных фильмов и 34 документальных полнометражных кинокартины[25].

Художественная кинематография так же, как и документальное кино, была призвана работать только на нужды фронта и тыла. Был пересмотрен план производства художественных фильмов. Из него были изъяты все произведения, которые не имели прямого отношения к теме защиты Родины [18].

Наиболее востребованы в годы войны были передвижные киноустановки, поскольку созданную кинопродукцию необходимо было демонстрировать в первую очередь в действующих частях Красной Армии и военно-морского флота, что было сопряжено с высокими рисками. Сухая военная статистика свидетельствует о потерях передвижных киноустановок за военный период – к 1945 г. их количество уменьшилось почти в три раза (табл. 3).

Неоценимый вклад в дело Великой Победы над фашистской Германией внесли советские композиторы. В суровом 1941 г. была создана «Седьмая симфония» Д. Д. Шостаковича, которую композитор посвятил борьбе

Табл. 5. Выпуск книг, журналов и газет в СССР
Tab. 5. Books, magazines, and newspapers in the USSR

Показатели	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1950	1955
Книги и брошюры								
Число книг и брошюр, тыс.	45,8	39,8	17,7	15,9	17,3	18,4	43,1	54,7
Тираж, млн экз.	462	548	399	228	218	298	821	1015
Печатных листов – оттисков, млрд	2,8	2,4	0,9	0,6	0,8	1,2	7,0	10,0
Журналы и другие периодические издания (включая сборники и бюллетени, входящие в периодические)								
Число журналов и других изданий, ед.	1822	1398	327	350	454	657	1408	2026
Тираж, млн экз.	245	159	71	56	58	73	181	361
Печатных листов – оттисков, млн	1019	569	197	135	140	208	754	1905
Газеты								
Число газет, ед.	8806	7218	4561	4762	6072	6455	7831	7246
Тираж, млн экз.	38	35	18	17	20	23	36	49

[22] Историческая библиотека в годы Великой Отечественной войны // Государственная публичная историческая библиотека России. Режим доступа: https://www.shpl.ru/events/exhibition/istoricheskaya_biblioteka_v_gody_velikoj_otechestvennoj_vojny/?archive=yes (дата обращения: 19.10.2021).

[23] Приведена по: Великая Отечественная война …

[24] Там же.

[25] Там же.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-515-525

с фашизмом, делу грядущей победы и своему родному городу Ленинграду. Гимном военных лет стала песня «Священная война» (музыка А. В. Александрова, стихи В. И. Лебедева-Кумача), которая впервые прозвучала 24 июня 1941 г. В годы войны были созданы такие замечательные песни как «Темная ночь» (музыка Н. В. Богословского, стихи В. Г. Агатова), «В землянке» (музыка К. Я. Листова, стихи А. А. Суркова) и другие, тексты и музыка которых поддерживали бойцов Красной Армии, а также тех, кто жил и работал в тылу.

Сохранение художественных и культурных ценностей – еще одна важнейшая задача государственной культурной политики военных лет. Когда началась война, музеи западной части Советского Союза были эвакуированы вглубь страны. Так, экспонаты Третьяковской галереи эвакуировались в четыре очереди. Часть экспонатов сначала была эвакуирована в Горький (ныне Нижний Новгород), а потом – в Молотов (ныне Пермь), большая часть была отправлена в Новосибирск и хранилась там почти до конца войны. К началу 1942 г. в Оперном театре Новосибирска было сосредоточено огромное количество художественных и культурных ценностей, эвакуированных из музеев Москвы, Ленинграда, Горького, Смоленска и других городов[26]. Экспозицию Оружейной палаты отправили на Урал, фонды Государственной исторической библиотеки – в Казахстан, коллекцию Севастопольского художественного музея – в Грузию. То, что увезти не удавалось, упаковывали и прятали от бомбежек в подвалах[27]. В июле 1941 г. состоялась беспрецедентная по своим масштабам эвакуация музейной коллекции Эрмитажа, в результате которой порядка 1 млн 200 тыс. экспонатов было вывезено в Свердловск (ныне Екатеринбург). Эвакуацией руководил В. Ф. Левинсон-Лессинг, который в годы войны возглавил свердловский филиал Эрмитажа. Только он знал, что эшелон с музейными ценностями, в котором было 22 вагона, в том числе один – бронированный, последует в Свердловск. В двух вагонах размещалась охрана и сотрудники музея с семьями. В составе эшелона также была платформа с зенитными орудиями и пулеметами[28]. Благодаря самоотверженному труду музейных работников и добровольцев большую часть художественных и культурных ценностей в годы войны удалось сохранить. Однако более двухсот музеев были разрушены (табл. 3).

Заключение

Победа СССР над фашистской Германией, ставшая возможной благодаря особенностям существующего в тот период времени общественно-политического строя, продемонстрировала не только военное, но идеологическое и политическое преимущество нашей страны.

Во-первых, господство общественной собственности на средства производства позволило обеспечить в кратчайшие сроки мобилизацию всех ресурсов страны и перестроить экономику на функционирование в условиях военного времени. Американский журналист У. Кэрролл писал: «В Советском Союзе, где частно-собственническое владение было отменено, правительство не наталкивалось на помехи в виде прав частной собственности… Ему не пришлось упрашивать автомобильную промышленность, чтобы та прекратила производство легковых автомобилей и перешла на выпуск танков» [19].

Во-вторых, народно-хозяйственные планы, обязательные для выполнения и имеющие силу закона, в первые дни войны получили статус мобилизационных и полностью были ориентированы на достижение победы над врагом. На их основе происходило распределение и перераспределение материальных, финансовых и человеческих ресурсов, устанавливались народно-хозяйственные пропорции, выделялись приоритетные отрасли народного хозяйства.

В-третьих, в довоенный и военный периоды были предприняты все усилия, чтобы обеспечить финансовую устойчивость советской системы в военное время. Направление значительной части финансовых ресурсов на развитие отраслей народного хозяйства позволило обеспечить рост валового внутреннего продукта, а строгая финансовая дисциплина, выполнение плановых показателей доходов государственного бюджета любой ценой – их устойчивую положительную динамику [20, с. 188].

Государственная культурная политика в годы ВОВ была направлена на перестройку деятельности всех учреждений культуры на военный лад и подчинение этой деятельности делу Великой Победы над фашистской Германией. Содержание и результаты этой деятельности выступили мощным идеологическим стимулом, направленным на формирование в сознании советских граждан абсолютной убежденности в том, что стояло на кону и что необходимо было защищать любой ценой – свою свободу, преимущества существующего в СССР общественно-политического строя и неразрывно связанные с ними понятия большой и малой Родины. Изучение документов ЦК ВКП(б) доказывает, насколько великую роль в укреплении существующей политической системы и сохранении геополитического статуса советского государства еще в довоенный период времени играли пропаганда и агитация. В годы войны роль пропаганды

[26] «Сибирский ковчег» // Новосибирский государственный академический театра оперы и балета. 24.03.2020. Режим доступа: https://novat.nsk.ru/news/events/sibirskiy_kovcheg/ (дата обращения: 26.10.2021).

[27] Как сохранили музейные экспонаты во время Великой Отечественной войны? // Культура.РФ. Режим доступа: https://www.culture.ru/s/vopros/eksponaty/ (дата обращения: 27.10.2021).

[28] Эрмитаж в годы Великой Отечественной войны // Государственный Эрмитаж. Режим доступа: https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/news/war75 (дата обращения: 28.10.2021).

и агитации многократно выросла, а сфера культуры стала для них, по сути, проводником, выполнившим функцию идеологического и политического вдохновителя советских граждан и оказавшим существенное влияние на формирование их воли к победе.

Ныне живущее и будущие поколения не должны забывать, какой ценой досталась советскому народу победа в ВОВ, унесшей миллионы человеческих жизней. А те, кто выжил, столкнулись с неимоверными тяготами и лишениями. Именно благодаря Великой Победе над фашизмом мы получили право на будущее, на спокойную и мирную жизнь и возможность обладать тем, чего были лишены наши отцы и деды.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Востряков Л. Е. Государственная культурная политика: понятия и модели. СПб.: Изд-во СЗИ РАХНиГС, 2011. 168 с.
2. Голобородько А. Ю. Государственная культурная политика в контексте укрепления национальной безопасности современной России (от сущностных смыслов к приоритетным направлениям) // Власть. 2016. Т. 24. № 2. С. 112–118.
3. Копцева Н. П., Лузан В. С. Государственная культурная политика в Сибирском федеральном округе: концепции, проблемы, исследования. Красноярск: СФУ, 2012. 160 с.
4. Бородай А. Д., Мухамеджанов М. М. Государственная культурная политика в годы «Хрущевской оттепели»: тенденции и противоречия литературного процесса // Вестник университета. 2012. № 17. С. 223–228.
5. Востряков Л. Е. Государственная культурная политика: когнитивные модели и страновые различия // Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. 2011. Т. 2. № 2. С. 166–178.
6. Барсуков Д. П., Носкова Н. А. Государственная поддержка творческих инициатив организаций сферы культуры // Петербургский экономический журнал. 2015. № 4. С. 39–47.
7. Карпова Г. Г., Михина Н. В. Культурная политика современной России: законодательное регулирование и механизмы реализации // Власть. 2015. № 4. С. 73–78.
8. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 7. 1938–1945 / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1985. 574 с.
9. Пустовалова А. А. Деятельность учреждений культуры Горьковской области накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг.: дис. … канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2020. 285 с.
10. Меметов В. С. Партийное руководство деятельностью художественной интеллигенции в годы Великой Отечественной войны. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 172 с.
11. Дьяченко В. П. История финансов СССР (1917–1950 гг.). М.: Наука, 1978. 493 с.
12. История Министерства финансов России. Т. 3. 1933–1985 гг. М.: Инфра-М, 2002. 352 с.
13. Музы в шинелях: советская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны. Документы, тексты, воспоминания. М.: РОССПЭН, 2006. 400 с.
14. РСФСР – фронту. 1941–1945. Документы и материалы. М.: Сов. Россия, 1987. 384 с.
15. Театры Москвы в годы Великой Отечественной войны. Архивные документы и материалы. М.: Главархив Москвы, 2019. 624 с.
16. Очерк истории русской советской литературы. Ч. 2. 1935–1954 гг. / отв. ред. С. М. Петров. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 348 с.
17. Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы / сост. К. И. Буков, М. М. Горинов, А. Н. Пономарев. М.: Изд-во об-ния «Мосгорархив», 1995. 744 с.
18. Ледовских Н. П. Отечественная художественная культура. Режим доступа: https://www.rsu.edu.ru/wp-content/uploads/e-learning/History_of_Art/List.html (дата обращения: 26.10.2021).
19. Грунин О. А. Факторы экономической победы Советского Союза в Великой отечественной войне // Проблемы современной экономики. 2010. № 2. С. 22–25.
20. Глушакова О. В. Бюджет СССР в годы Великой Отечественной войны // Сибирская финансовая школа. 2015. № 6. С. 187–192.

BULLETIN
Kemerovo State University
Political, Sociological, Economic

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-515-525

original article

State Cultural Policy during the Great Patriotic War

Olga V. Glushakova

Novosibirsk State Theatre Institute, Russia, Novosibirsk; Siberian State Industrial University, Russia, Novokuznetsk; trinity@ktk.company

Received 29 Oct 2021. Accepted after peer review 19 Nov 2021. Accepted for publication 6 Dec 2021.

Abstract: The article describes the content and features of the state cultural policy during the Great Patriotic War. In the pre-war period and in the first years of the war, the state budget cut on cultural expenditures, and all Soviet cultural institutions aimed their activities at achieving the main strategic goal, i.e. victory. The research was based on an institutional approach, as well as methods of analysis, synthesis, and comparison. The author studied various regulatory documents and defined the main features of cultural activities in wartime conditions. Advantages of the socio-political system made it possible to mobilize all types of resources in the shortest time possible. Institutions of culture were responsible for propaganda and recruiting campaign, thus performing the function of ideological and political inspirer of Soviet citizens.

Keywords: cultural institutions, theaters, museums, libraries, propaganda, recruitment

Citation: Glushakova O. V. State Cultural Policy during the Great Patriotic War. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(4): 515–525. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-515-525

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Vostryakov L. E. *State cultural policy: definitions and models.* St. Petersburg: Izd-vo SZI RAKHNiGS, 2011, 168. (In Russ.)
2. Goloborod'ko A. Yu. State cultural policy in the context of reinforcement of national security in modern Russia (from essential implications to priority courses). *Vlast*, 2016, 24(2): 112–118. (In Russ.)
3. Koptseva N. P., Luzan V. S. *State cultural policy in the Siberian Federal District: concepts, problems, research*. Krasnoyarsk: SFU, 2012, 160. (In Russ.)
4. Boroday A. D., Mukhamedzhanov M. M. State cultural policy in the years of the Khrushchev Thaw: tendencies and contradictions of the literary process. *Vestnik universiteta*, 2012, (17): 223–228. (In Russ.)
5. Vostryakov L. E. The state cultural policy: cognitive models and state distinctions. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnoi akademii gosudarstvennoi sluzhby*, 2011, 2(2): 166–178. (In Russ.)
6. Barsukov D. P., Noskova N. A. State support of creative initiatives of organizations of cultural. *Saint-Petersburg Economic Journal*, 2015, (4): 39–47. (In Russ.)
7. Karpova G. G., Mikhina N. V. Cultural policy of the modern Russia: the legislative regulation and mechanisms of realization. *Vlast*, 2015, (4): 73–78. (In Russ.)
8. *The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences, and plenums of the Central Committee (1898–1986). Vol. 7. 1938–1945*, eds. Egorov A. G., Bogoliubov K. M., 9th ed. Moscow: Politizdat, 1985, 574. (In Russ.)
9. Pustovalova A. A. *The activities of cultural institutions of the Gorky region on before and during the Great Patriotic War. 1938–1945.* Cand. Hist. Sci. Diss. Nizhniy Novgorod, 2020, 285. (In Russ.)
10. Memetov V. S. *Party leadership of the artistic intelligentsia during the Great Patriotic War.* Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1985, 172. (In Russ.)
11. Diachenko V. P. *History of finance of the USSR (1917–1950)*. Moscow: Nauka, 1978, 493. (In Russ.)
12. *History of the Ministry of Finance of Russia. Vol. 3. 1933–1985*. Moscow: Infra-M, 2002, 352. (In Russ.)
13. *Muses in greatcoats: the Soviet intelligentsia during the Great Patriotic War. Documents, texts, and memoirs.* Moscow: ROSSPEN, 2006, 400. (In Russ.)
14. *RSFSR – to the front. 1941–1945. Documents and materials.* Moscow: Sov. Rossiia, 1987, 384. (In Russ.)
15. *Moscow theaters during the Great Patriotic War. Archival documents and materials.* Moscow: Glavarkhiv Moskvy, 2019, 624. (In Russ.)
16. *An essay on the history of Russian Soviet literature. Pt. 2. 1935–1954,* ed. Petrov S. M. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1955, 348. (In Russ.)

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

17. *Military Moscow. 1941–1945. Memoirs and archival documents*, comp. Bukov K. I., Gorinov M. M., Ponomarev A. N. Moscow: Izd-vo ob-niia «Mosgorarkhiv», 1995, 744. (In Russ.)
18. Ledovskikh N. P. *Domestic art culture*. Available at: https://www.rsu.edu.ru/wp-content/uploads/e-learning/History_of_Art/List.html (accessed 26 Oct 2021). (In Russ.)
19. Grunin O. A. Factors of the economic victory of the Soviet Union in WWII. *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 2010, (2): 22–25. (In Russ.)
20. Glushakova O. V. Budget USSR during the Great Patriotic War. *Sibirskaia finansovaia shkola*, 2015, (6): 187–192. (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-526-537

оригинальная статья

Анализ взаимосвязи регионального экономического роста и затрат на НИОКР

Юлия Олеговна Климова
Вологодский научный центр Российской академии наук,
Россия, г. Вологда; https://orcid.org/0000-0002-3295-9510;
j.uschakowa2017@yandex.ru

Дмитрий Александрович Алферьев
Вологодский научный центр Российской академии наук,
Россия, г. Вологда; https://orcid.org/0000-0003-3511-7228

Поступила в редакцию 28.10.2021. Принята после рецензирования 18.11.2021. Принята в печать 06.12.2021.

Аннотация: В статье освещается одна из главных задач современной российской экономики – достижение экономического роста за счет активизации инновационной деятельности. Эффективность развития сектора исследований и разработок во многом определяется уровнем его финансирования. Проанализированы тенденции финансирования НИОКР в России. Отмечено, что одним из инструментов, способствующих росту объема затрат на исследования и разработки, является формирование фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности в субъектах Российской Федерации. Предполагается, что создание таких фондов будет способствовать росту экономики. Цель – выявление взаимосвязи между финансированием сектора исследований и разработок и экономическим ростом на региональном уровне. Обзор научной литературы позволил выявить теоретические аспекты зависимости показателя затрат на НИОКР с другими параметрами экономического роста. На основании кластерного анализа были выделены группы субъектов России, в которых наиболее выражена связь между затратами на НИОКР и показателями экономического роста. Проведенное исследование может служить обоснованием для реализации механизма наполнения бюджета региональных фондов региональными органами власти при принятии управленческий решений, целью которых является экономический рост.

Ключевые слова: научно-технологическое развитие, региональный фонд, валовой региональный продукт, инновационная активность, среднедушевые доходы, финансирование науки, коэффициент корреляции, кластерный анализ

Цитирование: Климова О. Ю., Алферьев Д. А. Анализ взаимосвязи регионального экономического роста и затрат на НИОКР // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 4. С. 526–537. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-526-537

Введение

Достижения науки, техники, технологий являются движущей силой социально-экономического развития и оказывают влияние на качество продукции, уровень жизни людей [1–3]. Каждая организация вносит свой вклад в экономическое развитие страны, создавая рабочие места, формируя валовую добавленную стоимость, налоговую базу и т. д. Решающим фактором повышения конкурентоспособности как внутри страны, так и на международном уровне является производство высокотехнологичной продукции, поскольку оно сопровождается кардинальным снижением уровня материалоемкости и энергоемкости производства, а также ростом производительности труда [4; 5]. Степень участия организаций в осуществлении инновационной деятельности характеризуется инновационной активностью. Так, например, данный показатель по состоянию на 2019 г. в Канаде составил 79,3 %, Норвегии – 71,0 %, Финляндии – 64,8 %, Великобритании – 58,7 %, Франции – 57,7 %. Обратная ситуация наблюдается в России, где аналогичный показатель в том же году равнялся 9,1 %[1]. Сложившаяся тенденция свидетельствует о том, что по уровню инновационной активности Россия в 6–7 раз отстает от ведущих стран мира. Кроме этого, если в развитых странах за период с 2010 по 2019 гг. отмечался рост рассматриваемого индикатора, то в России уровень инновационной активности практически не изменился (снижение на 0,4 процентного пункта)[2].

Среди условий, определяющих рост инновационной активности, выделяются следующие: налоговая система, льготы, нормативно-правовая база в области научно-технической и инновационной деятельности, наличие высококвалифицированных специалистов [6]. Одним из факторов, играющих значительную роль в процессе создания инноваций, выступает финансирование исследований и разработок. В 2019 г. доля расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) в ВВП в Израиле составила 4,94 %, Швеции – 3,32 %, Швейцарии – 3,29 %, Финляндии – 2,76 %,

[1] Индикаторы инновационной деятельности: 2021: статистический сборник / ред. Л. М. Гохберг, Я. И. Кузьминов, Р. С. Тихонов, И. Н. Шаповал. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 280 с.

[2] Там же.

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

Китае – 2,14 %. Однако в России объем расходов остается на крайне низком уровне. Если в 2010 г. этот индикатор равнялся 1,16 %, то в 2019 г. он снизился до 1,03 %, что сопоставимо с показателями ЮАР, Словакии и Хорватии (около 1,00 %)[3].

В ранее проведенном исследовании в качестве одного из методов активизации финансирования науки в российских субъектах было предложено формирование региональных фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности. Для обоснования целесообразности создания в российских регионах таких структур проведены расчеты, демонстрирующие изменение объемов затрат на НИОКР при условии отчислений от выручки компаний в размере до 1,5 % в бюджеты региональных фондов [7].

На сегодняшний день стратегической задачей, стоящей перед Россией, является достижение роста экономики[4]. О необходимости экономического роста заявлено в Указе Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»[5]. В настоящем исследовании предполагается, что рост затрат на НИОКР, достигаемый за счет формирования компаниями бюджета фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности, позволит обеспечить рост экономики. Для обоснования предположения целесообразно выявить наличие зависимости между затратами на исследования и разработки и другими показателями, характеризующими экономический рост.

Цель исследования состоит в выявлении взаимосвязи между затратами на НИОКР и экономическим ростом на региональном уровне. Цель определила основные задачи: 1) рассмотреть теоретические аспекты зависимости показателя затрат на НИОКР с другими параметрами; 2) выявить наличие зависимости между показателем затрат на НИОКР и индикаторами, характеризующими экономический рост в регионах; 3) сформулировать выводы и перспективы исследования.

Методы. Для проведения исследования потребовалась совокупность научных методов. Метод сравнительного анализа был необходим для изучения научной литературы в части теоретических аспектов рассматриваемой проблемы. Метод корреляционно-регрессионного анализа использовался с целью выявления зависимости между показателем затрат на НИОКР и другими индикаторами. Метод кластерного анализа применялся для выделения групп субъектов России, в которых эта зависимость наиболее выражена. Основным инструментом кластерного анализа является математическая модель персептрона, которая позволила универсальным образом разделить исследуемую совокупность регионов в соответствии с динамикой показателей, характеризующих экономический рост в ответ на изменение объема затрат на НИОКР. Основные этапы и методика проведения данного анализа представлена в нашем прошлом исследовании [8].

Результаты

Исследователи придерживаются различных точек зрения относительно того, какие показатели оказывают влияние на объем затрат на исследования и разработки и, наоборот, как финансирование НИОКР влияет на другие параметры. В основном авторы выделяют не как таковые показатели, а факторы, которые могут влиять на финансирование НИОКР. Отметим, что термины *фактор* и *показатель* не тождественны. Фактор – это причина, движущая сила какого-либо явления, процесса[6]. Под показателем понимается обобщенная характеристика какого-либо объекта, процесса или его результата, выраженная в числовой форме[7].

С. Н. Егоренко, К. А. Бондаренко и С. В. Соловьева считают, что финансирование НИОКР может осуществляться следующими субъектами: государством из средств федерального бюджета, коммерческими организациями, некоммерческим сектором, а также международными организациями[8]. При этом значительное влияние на рост объема затрат, приходящихся на исследования и разработки, по мнению авторов, оказывают коммерческие организации. По данным Организации экономического сотрудничества и развития, в большинстве развитых стран (Китай, Республика Корея, Япония, США, Германия, Великобритания, Франция и др.) доля коммерческого сектора в расходах страны на НИОКР превышает 40,0 %, в то время как в России показатель составляет всего 28,1 %. В Китае, например, на государство приходится лишь пятая часть вложений в НИОКР, а более 76 % финансирования осуществляются бизнес сектором[9].

[3] Индикаторы науки: 2021: статистический сборник / ред. Л. М. Гохберг, Я. И. Кузьминов. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 352 с.

[4] Владимир Путин поставил перед правительством задачу обеспечить устойчивый экономический рост // Первый канал. 12.02.2020. Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2020-02-12/380401-vladimir_putin_postavil_pered_pravitelstvom_zadachu_obespechit_ustoychivyy_ekonomicheskiy_rost (дата обращения: 13.10.2021).

[5] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 // СПС КонсультантПлюс.

[6] Фактор // Евгеньева А. П. Словарь русского языка. 4-е изд., стер. Т. 3. П–Р. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. С. 549.

[7] Показатель // Евгеньева А. П. Словарь русского языка. Т. 4. С–Я. С. 243.

[8] Егоренко С. Н., Бондаренко К. А., Соловьева С. В. Инновации: международные сопоставления // Человек и инновации. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год / под ред. С. Н. Бобылева, Л. М. Григорьева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2018. С. 100–123.

[9] Gross domestic expenditure on R&D by sector of performance and source of funds // OECD.Stat. Режим доступа: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=GERD_SOF# (дата обращения: 11.10.2021).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-526-537

Как отмечает Е. А. Драгун, обеспечение исследований и разработок денежными ресурсами зависит от ВВП и средств федерального бюджета [9]. О связи федерального бюджета и финансирования НИОКР пишет Е. В. Красова [10]. С точки зрения Р. Сейдль да Фонсеки и А. Пинхейро-Велоса, на финансирование исследований и разработок могут влиять венчурные фонды, призванные оказывать помощь компаниям на разных стадиях развития. Возможность получения каких-либо налоговых льгот в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности, а также наличие благоприятной законодательной среды могут выступать важными параметрами, оказывающими воздействие на финансирование сферы НИОКР. По мнению авторов, серьезное влияние могут оказать налоги и риски, которыми сопровождаются инновационные проекты [11].

Аналогичное мнение выражено М. Н. Григорьевым, А. С. Карасевым, П. А. Карасевым и Е. Ю. Морозовой, которые отмечают наличие взаимосвязи между изменением затрат на НИОКР и наличием венчурных фондов, рисков, а также сформированной нормативно-правовой базой [12]. Подобная позиция отражена в отчете заместителя председателя Счетной палаты Российской Федерации Г. С. Изотовой[10].

Н. Ю. Юрченко [13] и В. В. Родина [14] рассматривают в качестве факторов, влияющих на рост затрат на исследования и разработки, налоговое стимулирование и благоприятную институциональную среду. Н. И. Пашинцева отмечает наличие зависимости между затратами на НИОКР и чистой прибылью организаций [15]. И. Ф. Жуковская, Н. Н. Ивлиева, С. А. Труфанова связывают рост расходов на финансирование НИОКР не с увеличением объема финансирования, повышением интереса государства и частных инвесторов к обновлению техники и технологий, вовлечением результатов НИОКР в коммерческий оборот, а с повышением уровня инфляции [16]. Т. С. Маслова и А. А. Лалаева фиксируют существование зависимости между выделением средств на НИОКР и внешнеполитической обстановкой [17]. Как подчеркивает Д. Ю. Большаков, доля выручки компаний от экспорта реализуемой продукции связана с финансированием НИОКР [18].

Таким образом, анализ научной литературы позволил выделить параметры, характеризующие наличие зависимости с объемом финансирования исследований и разработок. К ним относятся федеральный бюджет, коммерческий и некоммерческий сектор, международные инвестиции, внешнеполитическая обстановка, налоги, наличие инструментов налогового стимулирования, благоприятная законодательная среда, наличие венчурных фондов, риски, ВВП, уровень инфляции и др. Значительная часть исследователей не называют конкретных показателей, а указывают лишь на наличие факторов, которые так или иначе взаимосвязаны с затратами на НИОКР. Например, такие факторы, как коммерческий и некоммерческий сектор, не раскрываются, что не дает четкого понимания о том, какие показатели используются. Наряду с этим такие индикаторы, как внешнеполитическая обстановка, инструменты налогового стимулирования и др., сложно поддаются статистическому описанию, что затрудняет использование этих параметров (табл. 1).

Проведенное исследование свидетельствует о необходимости поиска дополнительных показателей, связанных с затратами на НИОКР. В настоящей статье предполагается, что рост объема затрат на исследования и разработки, достигаемые за счет формирования компаниями бюджета фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности, позволит обеспечить рост экономики.

Табл. 1. Параметры, имеющие зависимость с объемом затрат на НИОКР
Tab. 1. Parameters that depend on the volume of R&D expenditures

Показатель (фактор)	Авторы	Доступность статистических данных	
		По РФ	По субъектам РФ
Федеральный бюджет	Егоренко С. Н., Бондаренко К. А., Соловьева С. В.[a]; Драгун Е. А. [9]; Красова Е. В. [10]; Пашинцева Н. И. [15]	+	+
Коммерческий сектор	Егоренко С. Н., Бондаренко К. А., Соловьева С. В.[a]; Григорьев М. Н., Карасев А. С., Карасев П. А., Морозова Е. Ю. [12]	+/–	+/–
Некоммерческий сектор	Егоренко С. Н., Бондаренко К. А., Соловьева С. В.[a]	+/–	+/–
Международные инвестиции	Егоренко С. Н., Бондаренко К. А., Соловьева С. В.[a]	+	+

[10] Изотова Г. С. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Определение основных причин, сдерживающих научное развитие в Российской Федерации: оценка научной инфраструктуры, достаточной мотивационных мер, обеспечение привлекательности работы ведущих ученых». М.: Счетная палата Российской Федерации, 2020. 53 с.

Показатель (фактор)	Авторы	Доступность статистических данных	
		По РФ	По субъектам РФ
Внешнеполитическая обстановка	Изотова Г. С. [b]; Маслова Т. С., Лалаева А. А. [17]	–	–
Налоги	Сейдль да Фонсека Р., Пинхейро-Велосо А. [11]	+/–	+/–
Инструменты налогового стимулирования	Изотова Г. С. [b]; Сейдль да Фонсека Р., Пинхейро-Велосо А. [11]; Юрченко Н. Ю. [13]; Родина В. В. [14]; Жуковская И. Ф., Ивлиева Н. Н., Труфанова С. А. [16]	–	–
Благоприятная законодательная среда	Сейдль да Фонсека Р., Пинхейро-Велосо А. [11]; Юрченко Н. Ю. [13]; Родина В. В. [14]; Жуковская И. Ф., Ивлиева Н. Н., Труфанова С. А. [16]	–	–
Венчурные фонды	Сейдль да Фонсека Р., Пинхейро-Велосо А. [11]; Григорьев М. Н., Карасев А. С., Карасев П. А., Морозова Е. Ю. [12]; Пашинцева Н. И. [15]; Жуковская И. Ф., Ивлиева Н. Н., Труфанова С. А. [16]	–	–
Риски	Изотова Г. С. [b]; Сейдль да Фонсека Р., Пинхейро-Велосо А. [11]; Григорьев М. Н., Карасев А. С., Карасев П. А., Морозова Е. Ю. [12]	–	–
ВВП	Драгун Е. А. [9]	+	+
Инфляция	Жуковская И. Ф., Ивлиева Н. Н., Труфанова С. А. [16]	+	–
Прибыль организаций	Пашинцева Н. И. [15]	+/–	+/–
Выручка от экспорта	Большаков Д. Ю. [18]	+/–	+/–

Прим.: a – Егоренко С. Н., Бондаренко К. А., Соловьева С. В. Инновации: международные сопоставления…; b – Изотова Г. С. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия…

В этой связи необходимо рассмотреть вопрос о том, какие индикаторы характеризуют экономический рост страны. В работе А. А. Полидуца отмечается, что выделяют несколько групп показателей, изменение которых позволяет говорить о наличии или отсутствии экономического роста. В первую очередь это абсолютные количественные показатели: ВВП, показатели национального дохода и др. Вторая группа показателей – относительные количественные показатели: величина дохода населения, приходящиеся на душу населения показатели потребления, сбережения и инвестиций и т. д. [19]. В монографии отечественных исследователей экономический рост связывается с изменением ВВП. Отмечается, что научно-технический прогресс является доминирующим фактором роста экономики. Среди социально-экономических условий называются заработная плата, налогово-бюджетная и денежно-кредитная политика государства и т. д. [20]. М. М. Абидоков подчеркивает значительную роль инноваций, как основного источника экономического роста [21]. В 2021 г. академиками РАН подготовлена концепция «От стагнации к устойчивому социально-экономическому развитию России» с учетом решений Форума, проведенного в мае 2019 г. Российской академией наук совместно с Вольным экономическим обществом. Отмечается, что ВВП – один из главных двигателей экономики. Вместе с тем указано, что уровень доходов населения является важным фактором экономического роста, поскольку обеспечивает платежеспособный спрос на основную массу производимых в стране товаров и услуг[11].

Таким образом, наиболее распространенные параметры, применяемые для характеристики экономического роста, – это ВВП, уровень дохода населения и научно-технического развития. Ввиду этого целесообразно раскрыть связь данных показателей с объемом затрат на НИОКР. Поскольку целью исследования является выявление зависимостей между затратами на НИОКР и экономическим ростом в регионах, в работе используется показатель валового регионального продукта (ВРП). На основании имеющихся статистических сведений проанализирован индикатор доходов населения. Одним из показателей, характеризующих уровень научно-технического развития, является инновационная активность [22]. Данный параметр отражает степень участия организаций в осуществлении инновационной деятельности[12].

[11] От стагнации к устойчивому социально-экономическому развитию России // PRoAtom. 10.08.2021. Режим доступа: http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=9740 (дата обращения: 18.10.2021).

[12] Индикаторы инновационной деятельности: 2021: статистический сборник…

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-526-537

Анализ научной литературы показал, что существуют различные методики определения наличия взаимосвязи между затратами на исследования и разработки и другим показателем. Е. А. Драгун при определении зависимости между индикатором затраты на НИОКР и параметром ВВП использовал корреляционный анализ, с помощью которого выявил наличие, тип и величину корреляционной связи между выборками. Коэффициент корреляции автор оценивал следующим образом:

$$r_{xy} = \frac{\frac{1}{n-1}(\sum XY - \frac{1}{n}\sum X \sum Y)}{\sqrt{\frac{1}{n-1}\sum(x-m_x)^2}\sqrt{\frac{1}{n-1}\sum(Y-m_y)^2}},$$

где X – выборочные данные о внутренних затратах на научные исследования и разработки; Y – выборочные данные о ВВП в текущих ценах; n – количество наблюдений; m_x, m_y – оценки математических ожиданий. На основе проведенных расчетов исследователем сделан вывод о наличии тесной линейной связи между показателями [9].

Корреляционный анализ определения взаимосвязи между параметрами также использован Д. Ю. Большаковым, который выявил линейную зависимость между затратами на НИОКР и выручкой компаний от поставок продукции на экспорт [18].

По справедливому замечанию О. И. Брюхановой, влияние на тот или иной параметр могут оказывать не только количественные, но и качественные показатели. Для анализа зависимостей качественных показателей автор предлагает использовать коэффициент контингенции Пирсона (K_k) и коэффициент ассоциации Юла (K_a). Первый представляет собой меру связи двух номинальных критериев на базе хи-квадрат. Второй используется как мера тесноты связи двух качественных признаков, состоящих только из двух групп. При построении указанных коэффициентов используются два показателя. Полученные данные собираются в матрицу сопряженности, которая демонстрирует связь между двумя критериями, каждый из которых должен отличаться от другого и обладать другими признаками (табл. 2) [23].

Табл. 2. Сопряженность признаков

Tab. 2. Contingency of indicators

1-й признак	2-й признак		Всего
	Да	Нет	
Да	a	b	a+c
Нет	c	d	c+d
Итого	a+c	b+d	n=a+b+c+d

K_k рассчитывают по формуле:

$$K_k = \frac{ad-bc}{\sqrt{(a+b)(c+d)(a+c)(b+d)}}.$$

K_k изменяется от –1 до 1. При приближении данного показателя к 1 или –1 связь является наиболее сильной. Если коэффициент стремится к 1, наблюдается положительная взаимосвязь между признаками. При стремлении показателя к –1 связь будет обратной. Если коэффициент стремится к 0, связь отсутствует.

K_a рассчитывают по формуле:

$$K_a = \frac{ad-bc}{ad+bc}.$$

K_a также принимает значения от –1 до 1. Интерпретация данного коэффициента такая же, как и у K_k.

Для интерпретации приведенных выше коэффициентов полученные результаты могут быть проанализированы с помощью шкалы Чеддока [23]:

- 0,1–0,3 (слабая зависимость);
- 0,3–0,5 (умеренная зависимость);
- 0,5–0,7 (заметная зависимость);
- 0,7–0,9 (высокая зависимость);
- 0,9–0,99 (весьма высокая зависимость).

На основании данной методики автором поставлена задача выявить зависимость между затратами на исследования и разработки и объемом заемных средств компании. Произведенные расчеты показали, что объем заемных средств не связан с объемами финансирования НИОКР [23].

Кроме того, для выявления взаимосвязи между показателями используется регрессионный анализ. Применяя уравнение регрессии, соотношение между наблюдаемыми значениями переменных x и y записывается следующим образом:

$$y=f(x)+e,$$

где $f(x)$ – объясненная часть значения y; e – необъясненная часть значения y (или возмущение) [24].

Также для характеристики вариации признака всей совокупности под влиянием факторов, которые обусловили данную вариацию, используется общая дисперсия, рассчитываемая по формуле:

$$\delta_0^2 = \frac{\sum(x-\bar{x}_o)^2 f}{\sum f},$$

где $\bar{x}_o$ – общая средняя арифметическая всей исследуемой совокупности [25].

Таким образом, корреляционно-регрессионный анализ является наиболее распространенным эконометрическим методом, позволяющим выявить наличие взаимосвязи нескольких признаков. Как отмечено в нашем с соавторами исследовании, ограничением его применения для большинства экономических выборок является отсутствие однородности в данных. Из-за этого связи как таковые не могут быть однозначно обнаружены, но при соответствующей группировке объектов, вошедших в выборку, внутри каждой из групп могут быть смоделированы устойчивые закономерности. В этой связи был применен алгоритм реализации кластерного анализа [8].

Вопрос кластеризации территориальных субъектов поднимается в трудах различных зарубежных исследователей. Например, в отчете К. Х. М. Кетелса демонстрируется структурирование территорий в соответствии с расположенными на них кластерами, и отражается идея их визуализации в виде интерактивной графики[13]. Э. Дж. Фезер и Э. М. Бергман обосновывают концепцию группировки регионов в соответствии с основными отраслевыми кластерами, которые фигурируют на уровне государства [26]. Также проблемы кластеризации поднимаются в исследовании, посвященном региональной специализация в обрабатывающей промышленности Турции [27]. В настоящем исследовании метод кластеризации позволил выделить группы регионов по признаку схожести протекающих в них тенденций.

Проведенный анализ взаимосвязи между затратами на НИОКР и среднедушевыми доходами населения в регионах России за период с 2015 по 2019 гг. свидетельствует о наличии линейной зависимости в ряде регионов (рис. 1). Регионы с наибольшей зависимостью между показателями представлены в табл. 3[14].

Попадание указанных в табл. 3 регионов в кластер может быть обусловлено тем, что за рассматриваемый период в данных субъектах наблюдается сокращение как объема затрат на НИОКР, так и среднедушевых доходов населения. Например, финансирование исследований и разработок в Республике Алтай снизилось на 16 %, Республике Крым – на 4 %, Смоленской области – на 3 %. Наряду с этим объем среднедушевых доходов в Смоленской области сократился на 3,1 %, Республике Ингушетия – на 8,5 %, Кабардино-Балкарской Республике – на 5,3 %, Республике Алтай – на 5,1 %[15]. Необходимо отметить, что среднедушевые доходы зависят как от заработной платы, так и от численности населения[16]. Несмотря на Майские указы об увеличении размера заработной платы в 1,4–1,5 раза[17], наблюдается снижение среднедушевых доходов. Данная тенденция, вероятно, связана с сокращением численности населения в рассматриваемых регионах. Так, в Орловской области зафиксировано снижение количества населения на 3,4 %, Республике Калмыкия – на 2,8 %, Смоленской области – на 2,5 %[18].

Также был проведен анализ по выявлению взаимозависимости между затратами на НИОКР и ВРП. Результаты показали, что в период с 2015 по 2018 гг. наблюдается линейная зависимость между показателями (рис. 2).

Табл. 3. Группа регионов с наиболее выраженной зависимостью показателей затрат на НИОКР и среднедушевых доходов населения
Tab. 3. Regions with the strongest dependence of indicators of R&D expenditures and average per capita incomes

Регион	2015	2016	2017	2018	2019
Республика Ингушетия	+	+	+	+	+
Республика Калмыкия	+	+	+	+	+
Республика Алтай	–	+	+	+	+
Республика Крым	–	–	+	+	+
Кабардино-Балкарская Республика	–	–	+	+	–
Орловская область	–	–	+	–	–
Смоленская область	–	–	–	–	+

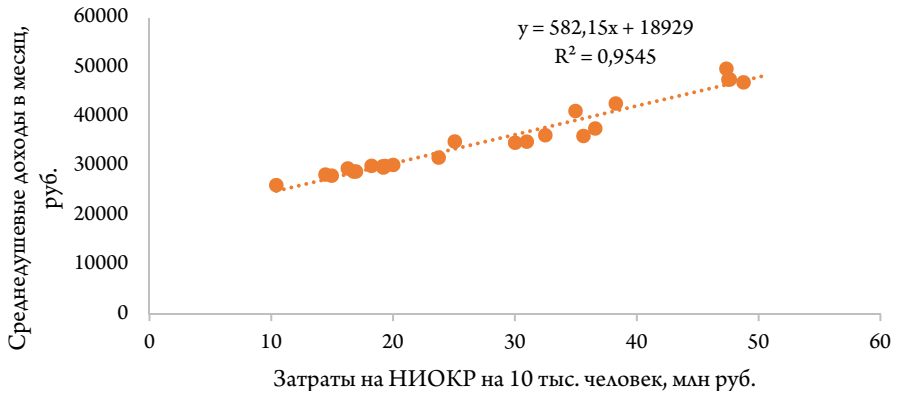

Рис. 1. Моделирование кластера регионов с наиболее выраженной зависимостью показателей затрат на НИОКР и среднедушевых доходов населения
Fig. 1. Modeling a cluster of regions with the strongest dependence of indicators of R&D costs and average per capita income

[13] Ketels C. H. M. Cluster mapping as a tool for development. Harvard Business School, 2017. 52 p.

[14] Составлена по: Регионы России. Социально-экономические показатели 2015–2019 // Росстат. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 19.10.2021).

[15] Регионы России. Социально-экономические показатели 2015–2019 // Росстат. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 19.10.2021).

[16] Уровень жизни // Росстат. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/folder/13397?print=1 (дата обращения: 19.10.2021).

[17] О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 // СПС КонсультантПлюс.

[18] Регионы России. Социально-экономические показатели 2015–2019...

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
политические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-526-537

Регионы с наиболее сильно выраженной зависимостью показателей включены в табл. 4[19].

Попадание регионов в данную группу может быть вызвано ростом ВРП и увеличением затрат на НИОКР. Рост ВРП может быть детерминирован увеличением оборота организаций за рассматриваемый период. В Волгоградской области оборот предприятий вырос на 22 %, Республике Башкортостан – на 43 %, Республике Татарстан – на 52 %, Курской области – на 57 %, Камчатском крае – на 112 %[20]. Увеличение объема затрат на НИОКР в данных регионах может быть обусловлено формированием институциональных условий. Так, в регионах действуют Законы «Об отдельных вопросах в сфере развития научной, научно-технической и инновационной деятельности в Камчатском крае»[21], «Об инновационной деятельности в Магаданской области»[22], «О государственной поддержке инновационной деятельности в Республике Карелия»[23]. Одной из задач законодательства в сфере научно-технического развития является увеличение финансирования в сфере исследований и разработок.

Наконец, был проведен анализ зависимости между затратами на НИОКР и инновационной активностью за период с 2015 по 2019 гг., который также показал наличие линейной зависимости между индикаторами (рис. 3). Определены регионы с наиболее выраженной зависимостью показателей (табл. 5[24]).

Наблюдаемая зависимость также может быть связана с формированием благоприятных институциональных условий. Исходя из табл. 5, наиболее очевидно ее наличие в 2018 г., когда был принят национальный проект «Наука». В Отчете о промежуточных результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг хода реализации мероприятий национального проекта "Наука"…» подчеркивается, что участие в нем субъектов России не предусмотрено, хотя предложения поступили от 53 регионов[25]. Однако реализация национального проекта «Наука» все же осуществляется в некоторых субъектах: в Республиках Алтай и Марий Эл, во Владимирской, Архангельской, Тамбовской областях и в Ставропольском крае.

Табл. 4. Группа регионов с наиболее выраженной зависимостью показателей затрат на НИОКР и ВРП
Tab. 4. Regions with the strongest dependence of indicators of expenditures on R&D and GRP

Регион	2015	2016	2017	2018
Камчатский край	+	+	+	+
Мурманская область	+	+	+	+
Волгоградская область	+	+	+	–
Рязанская область	–	+	+	+
Республика Башкортостан	+	–	+	–
Смоленская область	–	–	+	+
Курская область	–	–	–	+
Магаданская область	+	–	–	–
Республика Карелия	+	–	–	–
Республика Коми	+	–	–	–
Республика Татарстан	–	+	–	–

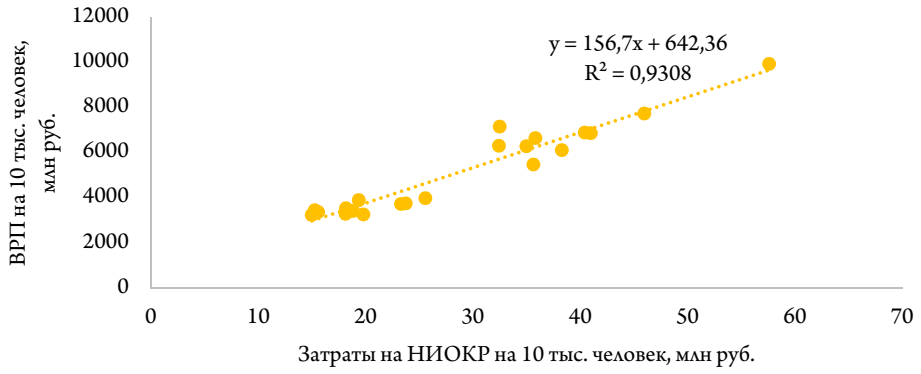

Рис. 2. Моделирование кластера регионов с наиболее выраженной зависимостью показателей затрат на НИОКР и ВРП
Fig. 2. Modeling a cluster of regions with the strongest dependence of R&D costs and GRP

[19] Составлена по: Регионы России. Социально-экономические показатели 2015–2018...

[20] Регионы России. Социально-экономические показатели 2015–2018...

[21] Об отдельных вопросах в сфере развития научной, научно-технической и инновационной деятельности в Камчатском крае. Закон Камчатского края от 29.03.2012 № 25 // Кодекс. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/453117421 (дата обращения: 20.10.2021).

[22] Об инновационной деятельности в Магаданской области. Закон Магаданской области от 28.04.2010 № 1271-ОЗ // Кодекс. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/895251577 (дата обращения: 20.10.2021).

[23] О государственной поддержке инновационной деятельности в Республике Карелия. Закон Республики Карелия от 09.10.2012 № 1639-ЗРК // Кодекс. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/919507616 (дата обращения: 20.10.2021).

[24] Составлена по: Регионы России. Социально-экономические показатели 2015–2019...

[25] Изотова Г. С. Отчет о промежуточных результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг хода реализации национального проекта "Наука"», необходимых для выполнения задач, поставленных в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Утв. Коллегией Счетной палаты Российской Федерации (протокол от 17 сентября 2019 г. № 51К (1347), п. 1). М.: Счетная палата Российской Федерации, 2020. 51 с.

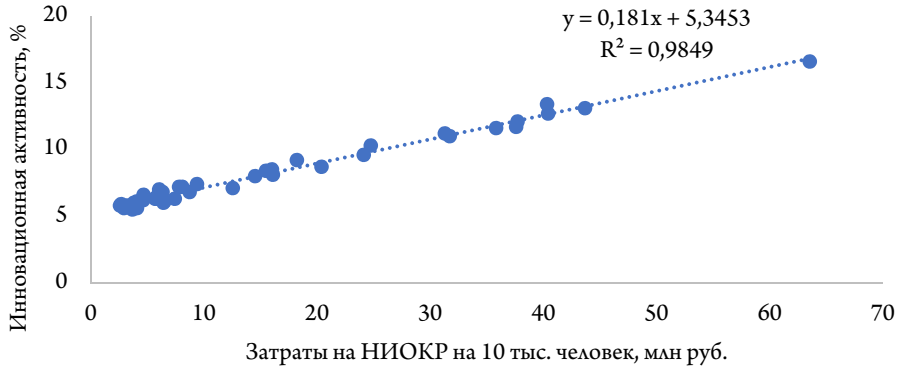

Рис. 3. Моделирование кластера регионов с наиболее выраженной зависимостью показателей затрат на НИОКР и инновационной активности
Fig. 3. Modeling a cluster of regions with the strongest dependence of R&D expenditures and innovative activity

Итак, проведенный анализ позволил выделить три кластера, куда вошли регионы с наиболее ярко выраженной зависимостью затрат на НИОКР с показателями экономического роста (ВРП, среднедушевыми доходами населения, инновационной активностью). Причем взаимосвязь может быть как положительной, так и отрицательной. Например, зависимость среднедушевых доходов населения и затрат на НИОКР характеризуется снижением значений обоих показателей. Обратная ситуация прослеживается в группах регионов, в которых рост затрат на НИОКР сопровождается увеличением показателей ВРП и инновационной активности.

Табл. 5. Группа регионов с наиболее выраженной зависимостью показателей затрат на НИОКР и инновационной активности
Tab. 5. Regions with the strongest dependence of indicators of R&D costs and innovation activity

Регион	2015	2016	2017	2018	2019
Амурская область	–	+	+	+	–
Воронежская область	+	–	+	–	+
Забайкальский край	+	–	–	+	–
Камчатский край	–	+	–	–	+
Псковская область	+	–	–	–	+
Республика Алтай	–	+	–	+	–
Архангельская область	–	+	–	–	–
Астраханская область	–	–	–	–	+
Брянская область	–	+	–	–	–
Владимирская область	+	–	–	–	–
Волгоградская область	–	–	–	+	–
Вологодская область	+	–	–	–	–
Иркутская область	–	–	–	+	–
Калининградская область	–	–	–	+	–
Кемеровская область	–	–	–	+	–
Костромская область	–	–	–	+	–
Мурманская область	–	–	–	+	–
Оренбургская область	–	–	+	–	–
Орловская область	–	+	–	–	–
Республика Адыгея	–	–	+	–	–
Республика Башкортостан	–	–	–	–	+
Республика Бурятия	–	–	–	+	–
Республика Калмыкия	–	–	–	+	–
Республика Карелия	–	–	–	+	–
Республика Крым	–	–	–	+	–
Республика Марий Эл	–	+	–	–	–
Смоленская область	–	–	–	–	+
Ставропольский край	+	–	–	–	–
Тамбовская область	+	–	–	–	–
Тверская область	–	–	–	–	+
Удмуртская Республика	–	–	–	+	–
Хабаровский край	–	–	–	–	+
Челябинская область	–	–	–	+	–

Заключение

Итак, активизация финансирования сектора исследований и разработок играет большую роль в научно-технологическом развитии страны, повышении ее конкурентоспособности. Однако объем расходов на НИОКР в России остается на крайне низком уровне. Одним из инструментов, способствующих увеличению финансирования сектора исследований и разработок, является формирование компаниями бюджета фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности. В настоящем исследовании в качестве гипотезы высказывался тезис о том, что повышение затрат на НИОКР может способствовать экономическому росту. На основании кластерного анализа были выделены группы субъектов России, в которых связь между финансированием исследований и разработок и показателями экономического роста наиболее выражена. Проведенное исследование показало, что увеличение объема затрат на НИОКР и рост значений таких параметров, как ВРП,

инновационная активность и среднедушевые доходы, действительно взаимозависимы.

На следующих этапах исследования планируется определение направлений стимулирования компаний к участию в программе финансирования фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности. Материалы исследования могут быть использованы научными сотрудниками, аспирантами и студентами, занимающимися проблемами научно-технологического развития. Практическая значимость полученных результатов состоит в возможности служить обоснованием для реализации механизма наполнения бюджета региональных фондов региональными органами власти при принятии управленческий решений, целью которых является экономический рост.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.
Финансирование: Статья подготовлена в рамках государственного задания № 0168-2019-0007 «Обеспечение конкурентоспособности регионов в условиях научно-технологических изменений и цифровизации экономики».

Литература

1. Луговая Е. С. Инновации как основа модернизации современного общества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 2. С. 103–108.
2. Константинов А. Как растет мировая наука // Эксперт. 2021. № 7. С. 49–51.
3. Степанова Ю. Н., Лесникова М. С. Роль инноваций в современном развитии российского общества // Международный студенческий научный вестник. 2017. № 6. Режим доступа: https://eduherald.ru/ru/article/view?id=17939 (дата обращения: 11.10.2021).
4. Проскурнин С. Д. Роль высокотехнологичной продукции в экономическом развитии России // Фундаментальные исследования. 2016. № 9-2. С. 404–410.
5. Гаврилова С. В. Концептуальные основы определения высокотехнологичного сектора экономики и функционирования высокотехнологичных компаний // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2014. № 2. С. 53–57.
6. Солопан И. Э. Инновационная активность и факторы, ее определяющие // Экономика и управление. 2014. № 8. С. 104–108.
7. Мазилов Е. А., Устинова К. А., Давыдова А. А., Климова Ю. О. Формирование фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности в регионах: состояние, задачи, механизмы реализации. Вологда: ВолНЦ РАН, 2020. 43 с.
8. Rodionov D. G., Alferyev D. A. Klimova Yu. O., Alpysbayev K. S. Clustering of territorial objects in the management of their sustainable development // Sustainable Development and Engineering Economics. 2021. № 1. P. 114–138. https://doi.org/10.48554/SDEE.2021.1.7
9. Драгун Е. А. Анализ взаимосвязи показателей валового внутреннего продукта и затрат на инновации в РФ // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 2-1. С. 20–23. https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.44.088
10. Красова Е. В. Государственное финансирование инноваций в России: динамика и специфика // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2019. Т. 11. № 1. С. 47–58. https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2019-1/047-058
11. Сейдль да Фонсека Р., Пинхейро-Велосо А. Финансирование науки, технологий и инноваций: современная практика и перспективы // Форсайт. 2018. Т. 12. № 2. С. 6–22. https://doi.org/10.17323/2500-2597.2018.2.6.22
12. Григорьев М. Н., Карасев А. С., Карасев П. А., Морозова Е. Ю. Экономика научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Т. II. Финансово-экономические основы НИОКР / под ред. М. Н. Григорьева, С. А. Уварова. СПб.: СПбГЭУ, 2016. 122 с.
13. Юрченко Н. Ю. Финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в России и за рубежом // Гуманитарный вестник. 2013. № 1. Режим доступа: http://hmbul.bmstu.ru/catalog/econom/hidden/33.html (дата обращения: 15.10.2021).
14. Родина В. В. Сравнительный анализ механизмов финансирования НИОКР на примере России и США // Мониторинг правоприменения. 2014. № 4. С. 65–73.
15. Пашинцева Н. И. Методологические проблемы учета и статистики научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Вопросы статистики. 2018. Т. 25. № 2. С. 66–72.
16. Жуковская И. Ф., Ивлиева Н. Н., Труфанова С. А. Анализ прямых и косвенных методов стимулирования исследований и разработок в РФ // Проблемы теории и практики управления. 2021. № 1. С. 129–147. https://doi.org/10.46486/0234-4505-2021-1-129-147

17. Маслова Т. С., Лалаева А. А. Сравнительный анализ финансирования НИОКР в России и за рубежом // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2018. № 7. С. 2–10.
18. Большаков Д. Ю. Анализ затрат на научные исследования зарубежных оборонно-промышленных компаний // Вестник Концерна ПВО «Алмаз-Антей». 2015. № 2. С. 7–12.
19. Полидуц А. А. Природа экономического роста и факторы, на него влияющие // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 11. С. 113–120.
20. Экономический рост: факторы эффективного развития / под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2017. 110 с.
21. Абидоков М. М. Влияние инновационной активности на экономический рост региона // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Экономика. 2018. № 4. С. 45–51.
22. Кулакин Г. К. Научно-технологический потенциал отраслей: инновационная активность организаций // Проблемы прогнозирования. 2004. № 1. С. 133–145.
23. Брюханова О. И. Взаимозависимость финансовых показателей фирм и расходов на НИОКР // Экономические науки. 2016. № 6. С. 43–47.
24. Шанченко Н. И. Эконометрика. Ульяновск: УлГТУ, 2018. 136 с.
25. Васнев С. А. Виды (показатели) дисперсий и правило их сложения // Статистика. М.: МГУП, 2001. Режим доступа: http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook096/01/part-006.htm#i445 (дата обращения: 19.10.2021).
26. Feser E. J., Bergman E. M. National industry cluster templates: a framework for applied regional cluster analysis // Regional Studies. 2000. Vol. 34. № 1. P. 1–19. https://doi.org/10.1080/00343400050005844
27. Falcioğlu P., Akgüngör S. Regional specialization and industrial concentration patterns in the Turkish manufacturing industry: an assessment for the 1980–2000 period // European Planning Studies. 2008. Vol. 16. № 2. P. 303–323. https://doi.org/10.1080/09654310701814678

original article

Regional Economic Growth and R&D Costs

Yulia O. Klimova
Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia, Vologda; https://orcid.org/0000-0002-3295-9510; j.uschakowa2017@yandex.ru

Dmitry A. Alferyev
Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia, Vologda; https://orcid.org/0000-0003-3511-7228

Received 28 Oct 2021. Accepted after peer review 18 Nov 2021. Accepted for publication 6 Dec 2021.

Abstract: Innovations can help Russia to achieve economic growth. However, the R&D sector that produces these innovations totally depends on funding. The article introduces an analysis of the trends in R&D funding in Russia. Regional funds for financial support of research, technical, and innovative activities seem to be an effective tool that will eventually contribute to the economic growth. The research objective was to identify the relationship between R&D funding and economic growth. A review of scientific publications revealed some theoretical aspects behind the effect of R&D costs on other indicators of economic growth. A cluster analysis made it possible to identify some regions where the relationship between R&D expenditures and indicators of economic growth are most pronounced. The study can help regional authorities to plan local budgets and achieve economic growth for their regions.
Keywords: scientific and technological development, regional fund, gross regional product, innovative activity, per capita income, science financing, correlation coefficient, cluster analysis

Citation: Klimova Yu. O., Alferyev D. A. Regional Economic Growth and R&D Costs. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(4): 526–537. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-526-537

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

Funding: The research was part of state task No. 0168-2019-0007 "Ensuring the competitiveness of regions in the conditions of scientific and technological changes and digitalization of the economy".

References

1. Lugovaya E. S. Innovations as the basis of modernization of modern society. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 7: Filosofiia. Sotsiologiia i sotsialnye tekhnologii*, 2012, (2): 103–108. (In Russ.)
2. Konstantinov A. How the world science grows. *Ekspert*, 2021, (7): 49–51. (In Russ.)
3. Stepanova Yu. N., Lesnikova M. S. The role of innovation in modern Russian society. *Mezhdunarodnyi studencheskii nauchnyi vestnik*, 2017, (6). Available at: https://eduherald.ru/ru/article/view?id=17939 (accessed 11 Oct 2021). (In Russ.)
4. Proskurnin S. D. The role of high-tech products in Russia's economic development. *Fundamentalnye issledovaniia*, 2016, (9-2): 404–410. (In Russ.)
5. Gavrilova S. V. The fundamentals of high-tech sector and high-tech companies operation. *Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO*, 2014, (2): 53–57. (In Russ.)
6. Solopan I. E. Russian Federation innovative activities: the factors that influence them. *Ekonomika i upravlenie,* 2014, (8): 104–108. (In Russ.)
7. Mazilov E. A., Ustinova K. A., Davydova A. A., Klimova Yu. O. *Formation of funds to support scientific, scientific, technical, and innovative activities in the regions: status, tasks, and implementation mechanisms*. Vologda: VolNTs RAN, 2020, 43. (In Russ.)
8. Rodionov D. G., Alferyev D. A, Klimova Yu. O., Alpysbayev K. S. Clustering of territorial objects in the management of their sustainable development. *Sustainable Development and Engineering Economics*, 2021, (1): 114–138. https://doi.org/10.48554/SDEE.2021.1.7
9. Dragun E. A. The analysis of relationship between the GDP indicators and costs for innovation in Russia. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, 2016, (2-1): 20–23. (In Russ.) https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.44.088
10. Krasova E. V. Government financing of innovations in Russia: dynamics and specificity. *Territoriya novyh vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*, 2019, 11(1): 47–58. (In Russ.) https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2019-1/047-058
11. Seidl da Fonseca R., Pinheiro-Veloso A. The practice and future of financing science, technology, and innovation. *Foresight and STI Governance*, 2018, 12(2): 6–22. (In Russ.) https://doi.org/10.17323/2500-2597.2018.2.6.22
12. Grigoriev M. N., Karasev A. S., Karasev P. A., Morozova E. Iu. *Economics of research and development work. Vol. II. Financial and Economic Fundamentals of R&D*, eds. Grigoriev M. N., Uvarov S. A. St. Petersburg: SPbGEU, 2016, 122. (In Russ.)
13. Yurchenko N. Yu. Financing research and development activities in Russia and abroad. *Gumanitarny vestnik*, 2013, (1). Available at: http://hmbul.bmstu.ru/catalog/econom/hidden/33.html (accessed 15 Oct 2021). (In Russ.)
14. Rodina V. V. A comparative analysis of RTD financing mechanisms using the examples of Russia and the USA. *Monitoring pravoprimeneniia,* 2014, (4): 65–73. (In Russ.)
15. Pashintseva N. I. Methodological issues of accounting and research and development statistics. *Voprosy statistiki*, 2018, 25(2): 66–72. (In Russ.)
16. Zhuckovskaya I. F., Ivlieva N. N., Trufanova S. A. Analysis of direct and indirect methods of stimulating research and development in the Russian Federation. *Problems of management theory and practice*, 2021, (1): 129–147. (In Russ.) https://doi.org/10.46486/0234-4505-2021-1-129-147
17. Maslova T. S., Lalaeva A. A. Comparative analysis of R&D financing in Russia and abroad. *Bukhgalterskii uchet v biudzhetnykh i nekommercheskikh organizatsiiakh*, 2018, (7): 2–10. (In Russ.)
18. Bolshakov D. Yu. Analysis of the costs of research foreign defense industry companies. *Vestnik Kontserna PVO "Almaz-Antei"*, 2015, (2): 7–12. (In Russ.)
19. Poliduts A. A. The nature and factors of economic growth. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (11): 113–120. (In Russ.)
20. *Economic growth: factors of effective development,* ed. Gulyaev G. Iu. Penza: MTsNS "Nauka i Prosveshchenie", 2017, 110. (In Russ.)
21. Abidokov M. M. Influence of innovation activity on the economic growth of the region. *Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Economics*, 2018, (4): 45–51. (In Russ.)
22. Kulakin G. K. Scientific and technological potential of industries: innovation activity of enterprises and organizations. *Problemy prognozirovaniia*, 2004, (1): 133–145. (In Russ.)
23. Briukhanova O. I. Interdependence of the financial indicators of firms and R&D expenditures. *Ekonomicheskie nauki*, 2016, (6): 43–47. (In Russ.)
24. Shanchenko N. I. *Econometrics*. Ulyanovsk: UlGTU, 2018, 136. (In Russ.)

25. Vasnev S. A. Types (indicators) of variances and the rule of their addition. *Statistics.* Moscow: MGUP, 2001. Available at: http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook096/01/part-006.htm#i445 (accessed 19 Oct 2021).
26. Feser E. J., Bergman E. M. National industry cluster templates: a framework for applied regional cluster analysis. *Regional Studies,* 2000, 34(1): 1–19. https://doi.org/10.1080/00343400050005844
27. Falcioğlu P., Akgüngör S. Regional specialization and industrial concentration patterns in the Turkish manufacturing industry: an assessment for the 1980–2000 period. *European Planning Studies*, 2008, 16(2): 303–323. https://doi.org/10.1080/09654310701814678

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-538-547

оригинальная статья

Экономическая доступность продовольствия: региональный аспект

Антонина Александровна Колесняк
Красноярский государственный аграрный университет, Россия, г. Красноярск; https://orcid.org/0000-0001-6681-2261

Наталья Михайловна Полянская
Бурятский государственный университет, Россия, г. Улан-Удэ; https://orcid.org/0000-0002-6387-6494; natali_mz@mail.ru

Поступила в редакцию 14.11.2021. Принята после рецензирования 05.12.2021. Принята в печать 06.12.2021.

Аннотация: Одним из важных элементов, характеризующих общий уровень социально-экономического развития территории и качество жизни населения, является экономическая доступность продовольствия, то есть платежеспособная возможность граждан питаться рационально, по нормам потребления основных пищевых продуктов, рекомендованным Министерством здравоохранения России. В каждом семейном бюджете необходимы денежные средства на приобретение качественного продовольствия в нужном количестве, чтобы обеспечить полноценное питание всех членов домашнего хозяйства. Экономическая доступность продовольствия зависит от ряда условий, важнейшим из которых является уровень среднедушевых денежных доходов населения в том или ином регионе. Статья посвящена оценке экономической доступности продовольствия для населения одного из дальневосточных регионов – Республики Бурятия. Представлены результаты исследования взаимосвязи уровня продовольственного обеспечения населения с величиной денежных доходов, структурой бюджетов домашних хозяйств и уровнем самообеспеченности основными продуктами питания. На примере Республики Бурятия через призму сравнения с показателями Дальневосточного федерального округа и со среднероссийскими данными выполнена оценка среднедушевых доходов населения, доли расходов домашних хозяйств на покупку продовольствия, уровня рационального потребления и самообеспеченности основными продуктами питания.

Ключевые слова: экономика России, продукты питания, продовольственное обеспечение, продовольственная безопасность, рациональное потребление, денежные доходы, население, регион, Республика Бурятия

Цитирование: Колесняк А. А., Полянская Н. М. Экономическая доступность продовольствия: региональный аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 4. С. 538–547. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-538-547

Введение

Одной из основных задач социально-экономического развития современной России является повышение качества жизни населения регионов. В настоящее время к числу приоритетов государственной политики отнесено повышение качества жизни и благосостояния граждан, в том числе уровня продовольственного обеспечения. В соответствии с Доктриной продовольственной безопасности (Доктрина) важной характеристикой уровня продовольственного обеспечения является его экономическая доступность – возможность приобретения основных продуктов питания соответствующего качества по сложившимся в регионе ценам, в количестве и ассортименте согласно медицинским нормам[1].

Значительная часть российских регионов расположена в зоне континентального и резко континентального климата, в связи с чем экстремальность природно-климатических условий значительно усложняет собственное сельскохозяйственное производство и обеспечение населения основными пищевыми продуктами. Республика Бурятия, субъект в составе Дальневосточного федерального округа (ДФО), является типичным представителем таких регионов. Оценка уровня продовольственного обеспечения показала, что в данном регионе для населения сложилась неполная доступность основных продуктов питания. Это связано с низкой платежеспособностью жителей и неполной самообеспеченностью продовольствием, зависящим от параметров собственного аграрного производства. Полагаем, что продовольственную проблему необходимо решать в комплексе задач, направленных как на поддержку развития собственного аграрного производства, так и на повышение платежеспособного спроса посредством ослабления материально-имущественной дифференциации и снижения уровня бедности населения.

Цель исследования – сравнительная ретроспективная оценка экономической доступности продовольствия в Республике Бурятия, ДФО и России. Для достижения цели решены исследовательские задачи:

- проведена сравнительная оценка денежных доходов населения исследуемых территорий;
- проанализирован удельный вес расходов бюджетов домашних хозяйств на питание;
- дана оценка численности малоимущего населения;

[1] Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности РФ. Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 // СПС КонсультантПлюс.

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

- проведен анализ уровня рационального потребления основных продуктов питания;
- оценены среднедушевое производство и уровень самообеспечения основными продуктами питания.

Методы и материалы

В современных научных публикациях экономисты и социологи, опираясь на положения законодательства, рассматривают различные аспекты феномена *экономическая доступность продовольствия* [1–3]. В одних работах исследователи оценивают взаимосвязь социально-экономической дифференциации и уровня экономической доступности [4–7]. В других – рассматривают проблемы и возможности увеличения реальных располагаемых доходов и организации в регионах продовольственной помощи населению как решающего фактора формирования и стимулирования внутреннего спроса на продукцию регионального агропромышленного комплекса [8–11]. Некоторые исследователи усиливают акценты на необходимости управления ценовым фактором доступности продовольствия [12; 13].

Методы исследования основаны на диалектической теории познания и положениях нормативных правовых актов, регулирующих процесс продовольственного обеспечения в Российской Федерации. Согласно Доктрине, экономическая доступность продовольствия в целом определяется отношением среднедушевого объема фактического потребления продуктов питания к их рациональным нормам. В соответствии с этим доступность жизненно важных пищевых продуктов была определена посредством данного показателя. Авторская интерпретация этого показателя выражается через индекс рационального потребления [14]. Доктриной предусмотрено, что экономическая доступность имеет пороговое значение 100 (если измеряется в процентах) или 1,0 (если измеряется в десятичных дробях). Фактические данные индекса рационального потребления по каждому пищевому продукту сопоставляются с их пороговыми значениями, и диагностируется сложившийся уровень доступности продовольствия для населения региона. Для более полной оценки уровня экономической доступности продовольствия целесообразно использовать также другие показатели. На основе обобщения методических подходов в качестве индикаторов экономической доступности продовольствия приняты четыре основных показателя: удельный вес расходов на продовольствие в бюджетах домохозяйств, численность населения с доходами ниже прожиточного минимума, коэффициент Джини, индекс рационального потребления продуктов питания.

В ходе исследования использованы положения диалектической теории познания, статистические способы обработки данных, методы индукции, дедукции, анализа и синтеза, табличный и графический способы представления результатов. Информационную базу составили материалы Федеральной службы государственной статистики (Росстата) за анализируемый период, научные публикации, интернет-ресурсы.

Результаты

Согласно принципам достижения устойчивого социально-экономического развития, в каждом регионе органы государственной власти должны стремиться к обеспечению доступности продовольствия для всех категорий жителей. Экономическая доступность показывает реальные возможности граждан за счет имеющихся в их бюджете средств приобретать и потреблять основные пищевые продукты в соответствии с установленными Минздравом нормами. На уровень экономической доступности влияют различные факторы: сложившиеся в регионе цены на продукты питания, уровень среднедушевых денежных доходов населения, уровень занятости и безработицы в регионе, наличие (отсутствие) адресной государственной поддержки малообеспеченным гражданам и др. Важнейшим условием обеспечения экономической доступности продовольствия является уровень среднедушевых денежных доходов (табл. 1[2]).

Денежные доходы населения России за рассмотренный период возросли. Размер назначенных пенсий в целом по стране постепенно увеличивается относительно величины среднедушевых денежных доходов населения. В ДФО среднедушевые денежные доходы населения, как и средний размер пенсий, несколько превышают общероссийские показатели, однако в 2020 г. степень этого расхождения снизилась.

К началу 2020 г. в Республике Бурятия величина среднедушевых денежных доходов по отношению к их уровню по ДФО снизилась и составила 66,6 %. При этом размер назначенных пенсий в Бурятии несколько приблизился к уровню среднедушевых денежных доходов в этом регионе, а также возрос относительно уровня пенсий по ДФО.

По ДФО также наблюдается увеличение отношения среднего размера назначенных пенсий к среднедушевым денежным доходам населения. Это в некоторой мере свидетельствует о повышении уровня жизни пенсионеров и возможном увеличении их платежеспособности и экономической доступности продовольственных товаров для них.

В мировой и отечественной практике важным показателем, во многом свидетельствующим об уровне экономической доступности продовольствия для населения, является удельный вес расходов в бюджетах домашних хозяйств на покупку продуктов питания. При этом пороговое значение составляет 0,25 при базе, равной 1,0 [15; 16].

[2] Таблицы 1–6 составлены и рассчитаны по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. М.: Росстат, 2020. 1242 с. Табл. 5 рассчитана также по: Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания. Приказ Минздрава России от 19.08.2016 № 614 // СПС КонсультантПлюс.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-538-547

Табл. 1. Денежные доходы населения (на начало года)

Tab. 1. Monetary income of the population as at the beginning of year

Наименование дохода	Территория	2006	2011	2016	2020
Среднедушевые денежные доходы населения	*Республика Бурятия*				
	• руб. в месяц	6027	14271	23858	25268
	• % к ДФО	67,0	68,6	68,1	66,6
	ДФО				
	• руб. в месяц	8989	20807	35019	37949
	• % к РФ	111,1	109,8	115,7	107,7
	• РФ, руб. в месяц	8088	18958	30254	35247
Средний размер назначенных пенсий	*Республика Бурятия*				
	• руб. в месяц	2393	7093	10158	13930
	• % к среднедушевым денежным доходам населения Республики Бурятия	39,7	49,7	42,6	55,1
	• % к ДФО	80,1	79,7	78,9	84,4
	ДФО				
	• руб. в месяц	2986	8899	12875	16509
	• % к среднедушевым денежным доходам населения ДФО	33,2	42,8	36,8	43,5
	• % к РФ	117,7	117,2	118,2	110,8
	РФ				
	• руб. в месяц	2538	7594	10889	14904
	• % к среднедушевым денежным доходам населения РФ	31,7	40,1	36,0	42,3

Если сложившийся уровень расходов на продовольствие выше порогового значения, это свидетельствует о признаках бедности населения. Россия на фоне развитых государств мира характеризуется как страна с бедным населением (рис. 1[3]).

В Республике Бурятия в течение нескольких лет исследуемый показатель возрастал, достигнув к началу 2016 г. уровня 45,6 % (табл. 2). К 2020 г. на фоне ДФО и общероссийской ситуации в Бурятии сложилась более высокая экономическая доступность продовольствия для среднестатистического домохозяйства: в данном регионе доля расходов на питание меньше, и она в динамике последних лет снижается.

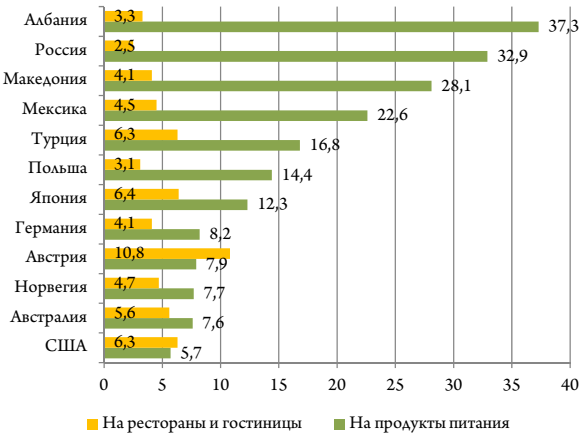

Рис. 1. Доля расходов домохозяйств на питание (2019 г.), %
Fig. 1. Food share of household budget (2019), %

Считается, что, если доля расходов на питание высока, и при этом она возрастает в динамике, это свидетельствует об увеличении уровня бедности населения. Несмотря на то, что в Бурятии, в ДФО и в целом по стране к началу 2020 г. произошло снижение удельного веса затрат на продовольствие, пороговое значение все еще не достигнуто, и экономическая доступность при такой структуре расходов семейных бюджетов невысока.

Табл. 2. Доля расходов домохозяйств на продукты питания (на начало года), %

Tab. 2. Food share of household budget as at the beginning of year, %

Территория	2006	2011	2016	2020
Республика Бурятия	29,8	36,1	45,6	31,4
ДФО	35,1	32,8	35,2	32,0
РФ	36,1	32,9	35,4	32,9

[3] Составлено по: Россия и страны мира. 2020: стат. сб. М.: Росстат, 2020. 385 с.

Экономическая доступность продовольствия предполагает, что приобретение так называемого опекаемого блага, т. е. продовольствия надлежащего рациона, ни в коем случае «не должно ставить под угрозу удовлетворение других основных потребностей» населения [2, с. 138]. Сравнительно высокая доля расходов в бюджете российских домашних хозяйств на приобретение основных продуктов питания вынуждает значительную часть населения лишать себя покупки и потребления других благ, в том числе в области дополнительного образования, культуры, искусства, туризма и отдыха.

Другим существенным показателем, позволяющим оценить уровень экономической доступности, является численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума в регионе, называемая также коэффициентом (индексом) бедности (табл. 3).

К началу 2020 г. на фоне снижения уровня бедности в большинстве дальневосточных регионов и в целом по стране отмечается его повышение в Республике Бурятия, Забайкальском крае и Амурской области. Доля малоимущего населения в указанных регионах и без того сравнительно высокая среди субъектов ДФО, поэтому рост коэффициента бедности в динамике оценивается как неблагоприятное обстоятельство, в определенной мере ограничивающее уровень экономической доступности жизненно важных пищевых продуктов для населения регионов.

Следующим показателем, использующимся в ходе оценки экономической доступности продовольствия, является коэффициент (индекс) Джини – показатель, характеризующий степень отклонения фактического распределения денежных доходов отдельных граждан или домохозяйств в стране или регионе от уровня абсолютного равенства. Если данный коэффициент имеет значение, близкое к 0, это свидетельствует об абсолютном равенстве, если же он стремится к 1,0 – это признак абсолютного неравенства. Пороговое значение данного индекса ≤0,3 [15; 16].

Материально-имущественное расслоение общества в России довольно высокое по сравнению с другими странами. Например, на начало 2020 г. коэффициент Джини в Словении составил 0,242, в Украине – 0,265, в Беларуси – 0,272, в Армении – 0,274, в Казахстане – 0,290, в Молдове – 0,308, в Египте – 0,315[4].

В дальневосточных регионах коэффициент Джини сравнительно ниже, чем в целом по России. Исключение составляет Сахалинская область, где расслоение населения региона по уровню материально-имущественного положения выражено несколько сильнее (рис. 2[5]). В результате оценки представленных данных выявлена стохастическая взаимосвязь: в относительно более бедных регионах (Амурская область, Республика Саха, Приморский край) коэффициент Джини сравнительно выше (около 0,4), чем в других, более богатых регионах.

Вместе с тем Еврейская автономная область, Забайкальский край и Республика Бурятия как бедные регионы представляют исключение в этом отношении – в них материально-имущественная стратификация населения выражена заметно слабее. Социально-имущественное расслоение общества соответствующим образом влияет на уровень платежеспособности населения, формирование структуры потребительских расходов бюджетов домохозяйств, является значимым фактором экономической доступности основных продуктов питания для населения.

Табл. 3. Коэффициент бедности (на начало года), % от общей численности населения региона

Tab. 3. Poverty rate as at the beginning of year, % of the total population of the region

Регионы	2006	2011	2016	2020
Республика Бурятия	32,6	19,2	18,9	20,1
Республика Саха (Якутия)	20,0	19,0	19,4	17,8
Забайкальский край	26,1	19,0	21,3	21,5
Камчатский край	25,2	19,5	17,1	14,9
Приморский край	27,4	16,3	16,2	13,5
Хабаровский край	20,7	15,9	14,1	12,2
Амурская область	30,1	23,7	15,2	15,7
Магаданская область	18,6	13,6	12,9	9,3
Сахалинская область	18,2	11,0	10,0	8,2
Еврейская автономная область	27,6	19,5	25,1	23,9
Чукотский автономный округ	15,1	10,3	8,6	8,5
РФ	17,8	12,5	13,4	12,3

Рис. 2. Коэффициент Джини (на начало 2020 г.)
Fig. 2. Gini coefficient as at the beginning of 2020

[4] Россия и страны мира. 2020 …

[5] Составлен по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020 …

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-538-547

Еще один показатель оценки уровня экономической доступности продовольствия – индекс рационального потребления – отношение фактического душевого потребления продуктов питания к их рациональным (рекомендованным Минздравом) нормам (рис. 3[6]).

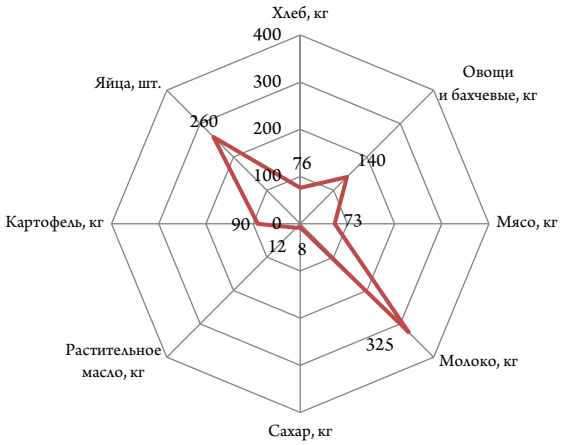

Рис. 3. Рациональные нормы потребления пищевых продуктов, отвечающие современным требованиям здорового питания (в год)
Fig. 3. Rational norms of food consumption that meet modern requirements of healthy nutrition (per year)

Оценка среднедушевого потребления основных пищевых продуктов (табл. 4) показала, что в целом по России произошло снижение объемов потребления углеводосодержащих продуктов (хлеба и картофеля) при увеличении потребления продуктов, содержащих белок животного происхождения (молока, мяса, яиц), овощей и бахчевых, а также растительного масла и сахара.

Население ДФО снизило объемы потребления хлеба и сахара, однако незначительно возросли объемы потребления картофеля, овощей и бахчевых, мяса, яиц, растительного масла. Сильно снизился (почти до уровня 2006 г.) уровень потребления молочных продуктов. Таким образом, при некотором улучшении качества структуры пищевого рациона в среднем по России наблюдается его ухудшение у жителей ДФО.

Республика Бурятия характеризуется еще большим снижением качества питания населения. Так, в рационе жителей Бурятии сократились объемы потребления хлеба и картофеля при незначительном увеличении объема потребления овощей и бахчевых. Наряду с этим уменьшились объемы потребления мяса, яиц, растительного масла. Незначительно сократилось потребление сахара, что оценивается как благоприятное явление, поскольку уровень потребления этого неполезного продукта из года в год возрастал. Критически снизился уровень потребления молока. Такое изменение параметров среднедушевого потребления основных продуктов питания в Бурятии свидетельствует о некотором снижении уровня их экономической доступности для населения региона.

В дополнение к абсолютным объемам потребления относительные показатели – индексы рационального потребления – позволяют измерить и оценить степень доступности, в основе которой заложена платежеспособность населения, поскольку люди покупают и потребляют столько продуктов, сколько позволяет бюджет домохозяйства.

Изменение индексов рационального потребления определенно дополняет выводы, полученные на основе оценки данных об абсолютном потреблении (табл. 5). Если среднестатистический россиянин в 2006 г. не доедал овощей на 37,9 % от рациональной нормы, мяса – на 24,7 %, яиц – на 3,8 % при переедании хлеба на 59,2 %, картофеля – на 21,1 %, сахара – в 4,75 раза, то к началу 2020 г. структура его рациона питания улучшилась. Потребление картофеля, мяса и яиц почти нормализовалось, однако хлеба и растительного масла потребляется соответственно на 52,6 % и 16,7 % выше нормы, сахара – почти в 4,9 раза выше рационального уровня. Вместе с тем среднестатистический россиянин сейчас, как и ранее, на 28 % недополучает в своем пищевом рационе молочные продукты, на 22,9 % – овощи и бахчевые.

Табл. 4. Среднедушевое потребление основных продуктов питания (на начало года)
Tab. 4. Average per capita consumption of basic foodstuffs as at the beginning of year

Год	Хлеб, кг	Картофель, кг	Овощи и бахчевые, кг	Мясо, кг	Молоко, кг	Яйцо, шт.	Сахар, кг	Растительное масло, кг
Республика Бурятия								
2006	118	91	51	53	219	139	26	8,4
2011	118	88	57	62	258	200	28	12,0
2016	118	85	60	64	230	211	30	11,0
2020	113	84	64	63	195	204	29	10,4
ДФО								
2006	118	115	88	58	184	197	34	11,1
2011	116	105	93	71	204	225	35	12,3
2016	116	93	93	75	200	236	36	12,0
2020	114	94	95	76	199	254	35	12,1
РФ								
2006	121	109	87	55	234	250	38	12,1
2011	120	95	98	69	245	270	39	13,4
2016	118	91	102	73	233	273	39	13,6
2020	116	89	108	76	234	285	39	14,0

[6] Составлен по: Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов…

По ДФО состояние в целом аналогичное общероссийскому. За 15 лет качество питания, с точки зрения соблюдения рациональных норм, незначительно улучшилось, однако недополучение в пищевом рационе молочных продуктов, овощей и бахчевых стало еще более ярко выражено. В настоящее время жители ДФО лишь на 67,9 % потребляют овощные продукты и бахчевые, на 61,2 % – молочные продукты.

В Республике Бурятия ситуация с качеством питания населения сложилась критически неблагоприятная, даже при том, что в динамике произошло повышение уровня рационального потребления овощей и бахчевых, мяса, яиц и растительного масла. Несмотря на некоторые положительные изменения, в Бурятии все еще на 54,3 % ниже нормы остается уровень потребления овощей и бахчевых, на 40,0 % – молочных продуктов, на 21,5 % – яиц, на 13,7 % – мяса, на 13,3 % – растительного масла.

Табл. 5. Индексы рационального потребления основных продуктов питания (на начало года)

Tab. 5. Indices of rational consumption of basic foodstuffs as at the beginning of year

Год	Хлеб, кг	Картофель, кг	Овощи и бахчевые, кг	Мясо, кг	Молоко, кг	Яйцо, шт.	Сахар, кг	Растительное масло, кг
Республика Бурятия								
2006	1,553	1,011	0,364	0,726	0,674	0,535	3,250	0,700
2011	1,553	0,978	0,407	0,849	0,794	0,769	3,500	1,000
2016	1,553	0,944	0,429	0,877	0,708	0,812	3,750	0,917
2020	1,487	0,933	0,457	0,863	0,600	0,785	3,625	0,867
ДФО								
2006	1,553	1,278	0,629	0,795	0,566	0,758	4,250	0,925
2011	1,526	1,167	0,664	0,973	0,628	0,865	4,375	1,025
2016	1,526	1,033	0,664	1,027	0,615	0,908	4,500	1,000
2020	1,500	1,044	0,679	1,041	0,612	0,977	4,375	1,008
РФ								
2006	1,592	1,211	0,621	0,753	0,720	0,962	4,750	1,008
2011	1,579	1,056	0,700	0,945	0,754	1,038	4,875	1,117
2016	1,553	1,011	0,729	1,000	0,717	1,050	4,875	1,133
2020	1,526	0,989	0,771	1,041	0,720	1,096	4,875	1,167

На сформировавшийся уровень потребления продуктов питания, наряду с финансово-экономическими факторами, влияет их физическая доступность. Она связана как с наличием у населения возможности приобретения в свободном доступе основных продуктов питания в требуемом количестве и ассортименте, так и с параметрами производства сельскохозяйственной продукции и сырья для пищевой промышленности в регионах.

Оценка среднедушевого производства недостающих в рационе продуктов питания (табл. 6) показывает, что в Бурятии снизились объемы производства молока, овощей и бахчевых при незначительном увеличении душевого производства яиц и мяса. В ДФО по указанным продуктам тенденция аналогичная. Общероссийская тенденция не настолько критична, поскольку в целом по стране объемы душевого производства по этим продуктам возросли, кроме молока, по которому произошел заметный спад. Сопоставлением среднедушевого производства с нормами рационального потребления определяется уровень самообеспеченности продуктами, выражаемый посредством одноименного индекса (рис. 4[7]).

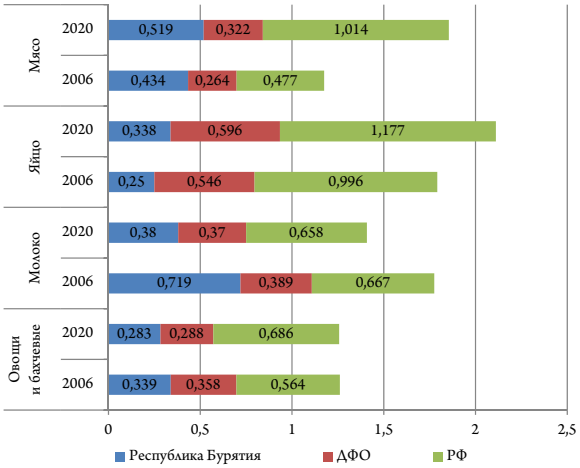

Рис. 4. Индексы самообеспеченности продуктами питания

Fig. 4. Food self-sufficiency index

Табл. 6. Среднедушевое производство продуктов питания

Tab. 6. Average per capita food production

Регионы	Овощи и бахчевые, кг		Молоко, кг		Яйцо, шт.		Мясо, кг	
	2006	2020	2006	2020	2006	2020	2006	2020
Республика Бурятия	47,5	39,6	233,7	123,4	65	88	31,7	37,9
ДФО	50,1	40,3	126,3	120,2	142	155	19,3	23,5
РФ	78,9	96,1	216,9	213,7	259	306	34,8	74,0

[7] Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020…; Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов…

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-538-547

Индексы самообеспеченности недостающими в рационе пищевыми продуктами свидетельствуют о том, что в Бурятии, в ДФО и в целом по России к началу 2020 г. сложилась невысокая самообеспеченность молочными продуктами, овощами и бахчевыми. Крайне низким остается уровень обеспечения жителей Бурятии молоком, яйцами, мясом, овощами и бахчевыми собственного производства. Дефицит продуктов восполняется их ввозом в ходе межрегионального перераспределения продовольствия. Итак, сложившееся неполное потребление указанной продукции в регионах связано как с изменением уровня экономической доступности продуктов для многих жителей, так и с изменением параметров их производства.

Проведенное исследование позволило выявить определенную зависимость уровня рационального потребления от уровня душевых доходов населения, параметров расходов на питание, а также уровня самообеспеченности продуктами питания в регионах. В свою очередь, недостаточное производство молочной и овощебахчевой продукции обусловлено сравнительно невысоким потенциалом аграрных предприятий ввиду множества причин: неблагоприятных природно-климатических условий, неразвитости транспортной и рыночной инфраструктуры, низкой материально-технической и технологической обеспеченности сельского хозяйства, кадрового дефицита на селе и т. п. [17]. Агропродовольственный сектор в регионах объективно нуждается в государственной поддержке и целенаправленном регулировании.

Крайне неблагоприятно, что малообеспеченные граждане российских регионов вынуждены компенсировать недополученные из молока, мяса, овощей и бахчевых энергетические и питательные вещества за счет повышенного потребления физически и экономически доступных продуктов (хлеба, картофеля и сахара) [18].

Полагаем, что Правительству России и органам государственной власти каждого региона необходимо комплексно подходить к решению продовольственной проблемы, следуя передовому зарубежному опыту [17–20]. Особое внимание важно уделять не только урегулированию вопросов землепользования, налогообложения, кредитования, страхования аграриев, решению экологических проблем, но и проблемам бедности населения, обеспечения физической и экономической доступности жизненно важных продуктов питания. В социально ответственном и сбалансированном рыночном народном хозяйстве на государство возлагаются функции регулирования процесса продовольственного обеспечения населения, строгого контроля над этим процессом, всемерной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей [1; 5].

Новые подходы к государственному регулированию и государственной поддержке агропродовольственного сектора должны быть уравновешенно направленными как на достижение устойчивого развития сельского хозяйства, транспортной и рыночной инфраструктуры, на возрождение российского села, так и на снижение уровня бедности населения всеми способами.

Заключение

Экономическая доступность продовольствия – непременное условие полноценного продовольственного обеспечения населения регионов и укрепления продовольственной безопасности всей страны. Каждому региону важно стремиться к повышению уровня обеспечения всех жителей основными продуктами питания в необходимом объеме и ассортименте. Анализ показал, что в дальневосточных регионах отдельного внимания и регулирования требуют вопросы повышения доступности молока и молочной продукции. В Бурятии особенно острыми остаются проблемы самообеспеченности населения молоком, яйцами, мясом, овощами и бахчевыми. Поэтому перед правительственными органами, ответственными за организацию продовольственного обеспечения в республике, актуализируется комплекс задач по прогрессивному развитию производственной базы сельского хозяйства и укреплению межрегиональных продовольственных связей, позволяющих компенсировать местный дефицит указанных продуктов за счет их ввоза.

Обозначенная проблема, несомненно, носит стратегический характер, является частью общенациональной проблемы повышения уровня продовольственной безопасности всей страны. Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на изучение методологии оценки продовольственно-ресурсного потенциала регионов и на выработку мер по повышению эффективности управления развитием агропродовольственной системы регионов. При этом повышение эффективности управления продовольственным обеспечением, организация комплексной поддержки не только производителей продовольствия, но и потребителей, а также целенаправленное регулирование и контроль этих процессов нуждаются во всемерном участии государства.

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их применения региональными органами власти при принятии управленческих решений, нацеленных на повышение экономической доступности основных продуктов питания для населения и снижение уровня бедности. Эти проблемы должны решаться в русле общегосударственной политики борьбы с бедностью на основе применения эффективных методов и инструментов, учитывающих специфику и ресурсный потенциал каждого региона.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Роднина Н. В. Доктрина продовольственной безопасности: новые задачи // Академический вестник Якутской государственной сельскохозяйственной академии. 2020. № 1. С. 33–37.
2. Гумеров Р. Р. Продовольственная безопасность: новые подходы к анализу содержания и оценке // Проблемы прогнозирования. 2020. № 5. С. 133–141. https://doi.org/10.1134/S107570072005007X
3. Решетникова Е. Г. Стратегические направления развития институтов обеспечения экономической доступности продовольствия в условиях глобального вызова // Экономика и предпринимательство. 2021. № 1. С. 83–86. https://doi.org/10.34925/EIP.2021.126.01.010
4. Решетникова Е. Г. Региональная дифференциация уровня жизни: вызовы времени // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 108–122. https://doi.org/10.15838/ptd.2021.1.111.6
5. Роднина Н. В. Влияние доходов и уровня жизни на структуру потребления и продовольственное обеспечение населения Республики Саха (Якутия) // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2011. № 3. С. 58–60.
6. Калугина З. И. Экономическая доступность продовольствия: региональные и социальные различия // ЭКО. 2021. № 2. С. 165–175. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-2-165-175
7. Федореева О. Е., Мухина Д. В., Савельева Е. В., Здор Д. В., Коваленко С. В. Оценка уровня доходов населения региона и экономическая доступность продовольствия (на примере Приморского края) // Экономика и предпринимательство. 2021. № 4. С. 504–507. https://doi.org/10.34925/EIP.2021.129.4.096
8. Решетникова Е. Г. Экономическая доступность продовольствия: инструменты обеспечения в условиях новых вызовов // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 2. С. 128–136. https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-128-136
9. Reshetnikova E. G. Wage indexation as a factor of stable food demand and sustainability of agricultural systems // IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.: Proc. II Intern. Sci. Conf. SIDDA-2020 (Moscow, 14–15 May 2020) Bristol: IOP Publishing Ltd, 2021. Vol. 650. https://doi.org/10.1088/1755-1315/650/1/012049
10. Решетникова Е. Г. Управление спросом на продовольствие в условиях глобального вызова // Актуальные вопросы экономики и агробизнеса: сб. тр. XII Междунар. науч.-практ. конф. (Брянск, 25–26 марта 2021 г.) Кокино: Брянский ГАУ, 2021. Ч. 1. С. 522–525.
11. Решетникова Е. Г. Программы продовольственной помощи как фактор стимулирования внутреннего спроса на продукцию регионального агропродовольственного комплекса // Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты: мат-лы IX Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Вологда, 10–11 декабря 2020 г.) Вологда: ВолНЦ РАН, 2021. С. 119–121.
12. Кузнецова Н. Н., Решетникова Е. Г. Ценовое регулирование как фактор стабилизации платежеспособного спроса на продовольственные товары // Закономерности развития региональных агропродовольственных систем: мат-лы Всерос. конф. молодых ученых (Саратов, 28 октября 2021 г.) Саратов: ИАгП РАН, 2021. Вып. 1. С. 42–46.
13. Паршуков Д. В., Ходос Д. В. Экономическая доступность продовольствия на региональном уровне (на материалах Красноярского края) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2021. Т. 17. № 6. С. 1110–1125. https://doi.org/10.24891/ni.17.6.1110
14. Пыжикова Н. И., Колесняк А. А., Полянская Н. М. Дифференциация регионов по уровню самообеспечения продовольствием на основе оценки природных условий // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2021. № 2. С. 23–35. https://doi.org/10.36718/2500-1825-2021-2-23–35
15. Оловянников Д. Г. Методика оценки состояния продовольственной безопасности региона на примере Республики Бурятия // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2009. № 3. С. 60–63.
16. Коновалова Е. А. Совершенствование методического подхода к оценке продовольственной безопасности региона в условиях пандемии // Студенческая наука – взгляд в будущее: мат-лы XVI Всерос. студенческой науч. конф. (Красноярск, 24–26 марта 2021 г.) Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2021. Ч. 3. С. 107–110.
17. Polyanskaya N. M., Kolesnyak A. A., Bryanskaya O. L., Tushkaeva L. V., Gomboeva A. N. Material and technical support of the agricultural sector: regional aspect // IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.: Proc. IV Intern. Sci. Conf. AGRITECH-IV-2020 (Krasnoyarsk, 18–20 Nov 2020) Bristol: IOP Publishing Ltd, 2021. Vol. 677. № 2. https://doi.org/10.1088/1755-1315/677/2/022042
18. Колесняк А. А., Полянская Н. М. Оценка экономической доступности продовольствия в регионах Сибири и Дальнего Востока // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2021. № 4. С. 20–37. https://doi.org/10.36718/2500-1825-2021-4-20-37
19. Кирамова А. Ф., Тимерханов Р. Ш. Зарубежный опыт государственной поддержки сельского хозяйства: опыт для Российской Федерации // Казанский экономический вестник. 2020. № 1. С. 5–10.
20. Полянская Н. М., Колесняк А. А., Найданова Э. Б., Колесняк И. А. Агропродовольственная стратегия Китая: основные «уроки» для России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2021. № 4. С. 2–9. https://doi.org/10.31442/0235-2494-2021-0-4-2-9

BULLETIN
Kemerovo State University
Political, Sociological, Economic

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-538-547

original article

Economic Accessibility of Food: a Regional Aspect

Antonina A. Kolesnyak
Krasnoyarsk State Agrarian University, Russia, Krasnoyarsk; https://orcid.org/0000-0001-6681-2261

Nataliya M. Polyanskaya
Buryat State University, Russia, Ulan-Ude; https://orcid.org/0000-0002-6387-6494; natali_mz@mail.ru

Received 14 Nov 2021 Accepted after peer review 6 Dec 2021. Accepted for publication 6 Dec 2021.

Abstract: The general level of socio-economic development and the quality of life depend on the economic availability of food, i.e. the ability of the local population to buy products recommended by the Ministry of Health. Each family has the right to afford quality food for all household members. The local economic availability of food depends, first of all, on the income per capita in a particular region. The present research assessed the economic availability of food in the Republic of Buryatia using such indicators as food supplies, cash income per capita, household budget structure, and self-sufficiency in basic foodstuffs. The results were compared with the food situation in other regions of the Far Eastern Federal District and the average Russian data.

Keywords: Russian economy, food, food supply, food security, rational consumption, monetary income, population, region, Republic of Buryatia

Citation: Kolesnyak A. A., Polyanskaya N. M. Economic Accessibility of Food: a Regional Aspect. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(4): 538–547. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-538-547

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Rodnina N. V. The food security doctrine: new challenges. *Akademicheskii vestnik Iakutskoi gosudarstvennoi selskokhoziaistvennoi akademii*, 2020, (1): 33–37. (In Russ.)
2. Gumerov R. R. Food security: new approaches to content analysis and evaluation. *Problemy prognozirovaniia*, 2020, (5): 133–141. (In Russ.) https://doi.org/10.1134/S107570072005007X
3. Reshetnikova E. G. Strategic directions for the development of institutions for ensuring the economic accessibility of food in the context of a global challenge. *Ekonomika i predprinimatelstvo*, 2021, (1): 83–86. (In Russ.) https://doi.org/10.34925/EIP.2021.126.01.010
4. Reshetnikova E. G. Regional differentiation of living standards: challenges of time. *Problemy razvitiya territorii*, 2021, 25(1): 108–122. (In Russ.) https://doi.org/10.15838/ptd.2021.1.111.6
5. Rodnina N. V. The impact of income and standard of living on the structure of consumption and food supply of the population of the Republic of Sakha (Yakutia). *Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii*, 2011, (3): 58–60. (In Russ.)
6. Kalugina Z. I. Economic accessibility of food: regional and social differences. *ECO*, 2021, (2): 165–175. (In Russ.) https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-2-165-175
7. Fedoreeva O. E., Mukhina D. V., Savel'yeva E. V., Zdor D. V., Kovalenko S. V. Assessment of the level of income of the population of the region and the economic availability of food (on the example of the Primorsky Territory). *Ekonomika i predprinimatelstvo*, 2021, (4): 504–507. (In Russ.) https://doi.org/10.34925/EIP.2021.129.4.096
8. Reshetnikova E. G. Tools to ensure the affordability of food in the context of new challenges. *Ekonomika i upravlenie*, 2020, 26(2): 128–136. (In Russ.) https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-128-136
9. Reshetnikova E. G. Wage indexation as a factor of stable food demand and sustainability of agricultural systems. *IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.*: Proc. II Intern. Sci. Conf. SIDDA-2020, Moscow, 14–15 May 2020. Bristol: IOP Publishing Ltd, 2021, vol. 650. https://doi.org/10.1088/1755-1315/650/1/012049
10. Reshetnikova E. G. Managing food demand in a global challenge. *Relevant issues of economics and agribusiness:* Proc. XII Intern. Sci.-Prac. Conf., Bryansk, 25–26 Mar 2021. Kokino: Brianskii GAU, 2021, pt. 1, 522–525. (In Russ.)
11. Reshetnikova E. G. Food help programs as a factor of stimulation of domestic demand for production of a regional agricultural food complex. *Strategy and tactics of socio-economic reforms: national priorities and projects*: Proc. IX All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Vologda, 10–11 Dec 2020. Vologda: VolNTs RAN, 2021, 119–121. (In Russ.)

 © 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

12. Kuznetsova N. N., Reshetnikova E. G. Price regulation as a factor of stabilization of effective demand for food products. *Patterns of development of regional agro-food systems*: Proc. All-Russian Conf. of Young Scientists, Saratov, 28 Oct 2021. Saratov: IAgP RAN, 2021, iss. 1, 42–46. (In Russ.)
13. Parshukov D. V., Khodos D. V. The affordability of food at the regional level: evidence from the Krasnoyarsk Krai. *Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'*, 2021, 17(6): 1110–1125. (In Russ.) https://doi.org/10.24891/ni.17.6.1110
14. Pyzhikova N. I., Kolesnyak A. A., Polyanskaya N. M. Regions differentiation by the food self-sufficiency level based on natural conditions assessment. *Sotsialno-ekonomicheskii i gumanitarnyi zhurnal Krasnoiarskogo GAU*, 2021, (2): 23–35. (In Russ.) https://doi.org/10.36718/2500-1825-2021-2-23–35
15. Olovyannikov D. G. Methods of regional food security assessing by the example of the Republic of Buryatia. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii*, 2009, (3): 60–63. (In Russ.)
16. Konovalova E. A. Improvement of the methodological approach to assessment of food security in the region in the conditions of the pandemic. *Student science – a look into the future*: Proc. XVI All-Russian Student Sci. Conf., Krasnoyarsk, 24–26 Mar 2021. Krasnoyarsk: Krasnoiar. gos. agrar. un-t, 2021, pt. 3, 107–110. (In Russ.)
17. Polyanskaya N. M., Kolesnyak A. A., Bryanskaya O. L., Tushkaeva L. V., Gomboeva A. N. Material and technical support of the agricultural sector: regional aspect. *IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.*: Proc. IV Intern. Sci. Conf. AGRITECH-IV-2020, Krasnoyarsk, 18–20 Nov 2020. Bristol: IOP Publishing Ltd, 2021, vol. 677, iss. 2. https://doi.org/10.1088/1755-1315/677/2/022042
18. Kolesnyak A. A., Polyanskaya N. M. Economic food availability assessment in Siberia and the Far East. *Sotsialno-ekonomicheskii i gumanitarnyi zhurnal Krasnoiarskogo GAU,* 2021, (4): 20–37. (In Russ.) https://doi.org/10.36718/2500-1825-2021-4-20-37
19. Kiramova A. F., Timerkhanov R. Sh. Foreign experience of state support for agriculture: experience for the Russian Federation. *Kazanskii ekonomicheskii vestnik*, 2020, (1): 5–10. (In Russ.)
20. Polyanskaya N. M., Kolesnyak A. A., Naydanova E. B., Kolesnyak I. A. Agri-food strategy of the people's republic of China: key "lessons" for Russia. *Ekonomika selskokhoziaistvennykh i pererabatyvaiushchikh predpriiatii*, 2021, (4): 2–9. (In Russ.) https://doi.org/10.31442/0235-2494-2021-0-4-2-9

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-548-559

оригинальная статья

Исследование роли стратегического планирования в повышении уровня устойчивого развития экономики региона

Роман Михайлович Котов
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово; https://orcid.org/0000-0003-0238-3466; rmkotov@mail.ru

Поступила в редакцию 15.11.2021. Принята после рецензирования 06.12.2021. Принята в печать 06.12.2021.

Аннотация: Предмет – стратегическое планирование развития региона в экономической системе. Цель – исследование роли стратегического планирования для повышения уровня устойчивого развития экономики региона. Для достижения поставленной цели использовались методы анализа, синтеза и группировки. Выявлено, что Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса (Стратегия Кузбасс-2035) в содержательном плане оказалась более актуальной по сравнению с предыдущим стратегическим документом. Вопросы, подлежащие решению по части развития Кемеровской области – Кузбасса, были сформулированы в ключевые приоритеты, направленные на улучшение жизни населения области, социально-экономический рост и повышение продовольственной безопасности. Основные выводы исследования: создание и поддержание высокого уровня социально-экономического развития региона является главной целью государственной региональной политики. Под региональной политикой понимается комплекс законодательных, административных и экономических мероприятий, направленных на улучшение качества жизни населения и развитие производительных сил, исходя из территориальных особенностей региона. Государственная региональная политика на все административно-территориальные единицы имеет общую экономическую направленность, которая должна регулироваться стратегическим планированием, что позволяет обозначить его роль в повышении уровня устойчивого социально-экономического развития.

Ключевые слова: региональная стратегия развития, экономическое развитие, экономический рост, региональное стратегирование, региональное планирование, Стратегия Кузбасс-2035

Цитирование: Котов Р. М. Исследование роли стратегического планирования в повышении уровня устойчивого развития экономики региона // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 4. С. 548–559. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-548-559

Введение

На протяжении долгого времени экономика России действовала в рамках административно-командной системы. Одной из основополагающих идей этой системы являлось директивное планирование. Государственный плановый комитет Совета Министров СССР разрабатывал планы по выработке продукции промышленными предприятиями, сбору урожая пшеницы, картофеля и других культур, а также выдавал задания по развитию всех отраслей экономики. Союзным республикам оставалось только следовать заявленным планам. Итоги деятельности административно-командной экономики в большей степени были положительными: ликвидирована безработица, развита тяжелая и военная промышленность. Также достижением являлась победа в Великой Отечественной войне, поскольку за счет централизованного управления удалось в кратчайшие сроки мобилизовать все силы для победы над врагом [1].

После перехода на рыночную систему, для которой характерна нестабильность экономики, планирование осталось необходимой мерой для управления страной и ее развития. Ученые и экономисты, изучавшие вопросы государственного планирования, связывали это с необходимостью нивелировать нестабильность экономики. Нестабильность считается одним из самых стабильных состояний в XXI в., что, по мнению исследователей, связано со стремительным процессом глобализации в мире. Учитывая это, административный аппарат многих стран по-прежнему использует планирование как часть управления экономической системой в системе рыночной экономики [2–6]. Для управления экономической системой необходима правильно разработанная стратегия планирования экономического развития региона.

Методы и материалы

Стратегическое планирование экономического развития региона сегодня является одним из основных способов управления его экономической деятельностью. Стратегическое планирование, формализованное в нормативных документах по стратегии, программах экономического развития и других нормативно-правовых актах субъектов России, дает возможность в краткосрочном и долгосрочном периодах задать основные векторы развития и планировать

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

качественные и количественные изменения по основным показателям деятельности региона[1]. Показатели деятельности выступают ориентирами экономического благополучия и развития промышленных отраслей. Однако в процессе стратегического планирования редко рассматриваются вопросы обеспечения продовольственной безопасности региона, что обуславливает актуальность исследования.

Стратегическое планирование экономического развития сегодня позволяет задать основные ориентиры и направления развития страны в целом и отдельных ее составляющих – субъектов. На основании направлений развития формируются цели и задачи стратегического планирования на всех уровнях в долгосрочной и краткосрочной перспективах. Достижение всех целей и задач, поставленных в рамках стратегического планирования как государства, так и регионов, невозможно в силу ограниченности ресурсов. В таком случае появляется необходимость в принятии компромиссных решений относительно выбора приоритетных направлений развития и последующей финансовой поддержки. Реализация стратегии экономического развития региона происходит наиболее эффективно, если административный аппарат субъекта действует во взаимодействии со всеми участниками стратегического планирования: предпринимателями, политиками и населением этого субъекта [7].

Именно так получится создать крепкое и надежное партнерство с долгосрочной перспективой для достижения всех поставленных задач. Ключевые вопросы, которые находят свое отражение в стратегиях экономического развития большей части регионов России, можно обозначить следующим образом: проблема нехватки новых рабочих мест с достойной оплатой труда; недостаток квалифицированных кадров отдельных отраслей производства, науки; устаревание основных фондов существующих предприятий; отсутствие привлекательности региона для новых производств и вливаний капитала, в том числе и иностранного; устаревание инфраструктуры на территории региона; проблемы экологического характера (загрязнение воздуха, плохое качество воды и т. п.). В силу неоднородности социально-экономического пространства регионы подвержены разным проблемам из описанных выше. По этой причине невозможно проводить общую политику стратегирования на государственном уровне в аспекте социально-экономического развития, поскольку потребности у каждого региона индивидуальны и не могут быть удовлетворены в полной мере без индивидуального подхода к каждому субъекту[2].

На сегодняшний момент Российская Федерация является самой крупной по территории страной в мире. В силу исторических, политических и иных преобразований в России возникла необходимость эффективного управления и поддержания безопасности государства, в связи с чем оно было разделено на отдельные территориальные единицы, которые иначе можно называть регионами [8].

Существует множество подходов к определению понятия *регион*. Ученые опираются на определенную науку или учение в процессе формирования толкования, а также на свои знания и личный опыт.

Существуют разные значения этого понятия: географическое, геополитическое, политическое, экономическое, социальное, этнокультурное, религиозное и др. При изучении экономической литературы часто встречаются такие понятия, как «депрессивный регион», «регион социально-экономического развития», «перспективный регион» и др. [9]. Представим определения понятия, предложенные разными учеными и исследователями (табл.[3]).

Табл. Трактовки понятия *регион*

Tab. Interpretations of the concept of *region*

Исследователь	Определение понятия
Некрасов Н. Н.	Крупная территория страны с более или менее однородными природными ресурсами, а главным образом – характерной направленностью развития производительных сил на основе сочетания комплекса природных ресурсов с соответствующей сложившейся и перспективной социальной инфраструктурой
Добрынин А. И.	Территориально специализированная часть народного хозяйства страны, характеризующаяся единством и целостностью воспроизводственного процесса
Кетова Н. П.	Крупная таксономическая единица производственно-территориального устройства страны и форма организации производственно-общественной жизни населения, отличающаяся геоэкономическими, геополитическими, производственно-хозяйственными, культурно-этническими, динамическими характеристиками

[1] О стратегическом планировании в Российской Федерации. ФЗ от 28.06.2014 № 172-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

[2] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 // СПС Консультант Плюс.

[3] Составлена на основании [10].

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-548-559

Исследователь	Определение понятия
Игнатов В. Г.	Территория в административных границах субъекта РФ, характеризующаяся следующими основополагающими чертами: комплексностью, целостностью, специализацией и управляемостью, т. е. наличием политико-административных органов управления
Бильчак В. С.	Социально-экономическая пространственная целостность, характеризующаяся структурой производства всех форм собственности, концентрацией населения, рабочих мест, духовной жизни человека из расчета на единицу пространства и времени, имеющая местные органы управления своей территорией (область, край, республика)
Кузнецов Н. Г.	Часть территории с более или менее однородными природными условиями, специфическими экономическими, демографическими, историческими условиями, на которой функционирует определенный комплекс отраслей производства, производственной и социальной инфраструктуры
Уткин Э. А.	Часть территории, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий
Видяпин В. И.	Крупная территория страны с более или менее однородными природными условиями и характерной направленностью развития производственных сил

Исходя из приведенных формулировок понятия можно уточнить определение, используемое в качестве основного в исследовании. Регион – это условно независимая и обособленная часть территории страны, сохраняющая свою пространственную целостность и единство, обладающая своей точкой управления в виде местных органов власти или иного политико-административного аппарата, характеризующаяся своими чертами, такими как природно-климатические условия, культурно-этническое развитие, уровень развития производственно-хозяйственного комплекса и инфраструктуры, а также другие, присущие только конкретному региону, признаки.

Российская Федерация представляет собой совокупность отдельных субъектов, каждый из которых имеет свои особенности. Одни регионы имеют богатый природный потенциал в виде полезных ископаемых и ресурсов, другие преуспевают в наукоемких производствах, третьи специализируются на развитии сельского хозяйства и агропромышленности [11]. Такой аспект имеет в себе положительный момент: каждый регион занимается своим видом производства и иной деятельностью, преуспевая в этом на государственном и мировом рынках [12].

Однако существенными оказываются отрицательные стороны такого разделения: значительна экономическая дифференциация регионов, при которой отдельные субъекты не могут соревноваться с регионами-лидерами по уровню своего развития. Неравномерность в экономиках регионов России проявляет себя через неодинаковый доступ к природным условиям и ресурсам, разницу показателей валового регионального продукта (ВРП) и обеспеченности собственным региональным бюджетом, уровень безработицы и уровень жизни. Результатом этой неравномерности становится диссонанс социально-экономического развития регионов России по-отдельности, а, как следствие, и социального развития всей страны в целом, поскольку экономическое развитие государства складывается из уровней экономического развития отдельных его регионов.

Рассмотрим составляющие регионального экономического развития. Финансовая составляющая представляет собой устойчивость финансово-бюджетной системы региона для его обеспечения, производственная характеризуется наличием ресурсной базы и сложившейся специализации конкретного региона [13].

Социально-демографический элемент отражает развитие регионального рынка труда и занятости населения, уровень безработицы и социальной дифференциации общества, позволяет определить уровень бедности и культуры населения региона, доступности образования и медицинских услуг, обеспечения жильем и другие потребности общества[4]. Неразрывно с данным элементом идут продовольственная и экологическая составляющие. Первая составляющая отражает уровень обеспеченности и доступности качественными продуктами питания, вторая – определяет уровень загрязнения окружающей среды и последствия этого загрязнения в финансовом эквиваленте. Исходя из характеристик данных элементов, можно сделать вывод о существующей взаимосвязи между ними: стабильный уровень экономического развития региона возможен только при регулярном и достаточном вливании денежных средств в регион, в том числе за счет производимых продуктов этого региона [14]. Если производимый продукт в регионе конкурентоспособный, производство имеет тенденцию к расширению, предоставляя новые рабочие места для населения, то уровень безработицы, как и уровень бедности, значительно снижается,

[4] О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 // СПС КонсультантПлюс.

что выравнивает социальную дифференциацию общества. Регулярное и качественное питание и благоприятная окружающая среда позволяют населению дольше оставаться здоровым, реализовывать свой человеческий потенциал в науке, производстве и иных направлениях. Такая положительная тенденция благоприятно скажется на региональном экономическом развитии и, как следствие, на социально-экономическом развитии региона.

Однако имеет место отрицательное влияние от взаимозависимости элементов системы экономического развития. Например, при недостаточности финансирования региона или снижении показателей по производимому в нем продукту регион будет сокращать свои расходы, жертвуя новыми и имеющимися рабочими местами, качеством предоставляемых медицинских и образовательных услуг, что может привести к общему упадку региона. Непосредственную опасность экономическому развитию региона создают различные факторы. Экономисты и исследователи разделяют их на внешние и внутренние. Наличие этих факторов в системе экономического развития региона может привести к отрицательным последствиям для его экономики и уровня развития. Так, можно проследить закономерную связь между мерами государственной и региональной поддержки функционирования многих отраслей экономики. Государство с помощью законодательных и исполнительных органов власти определяет путь социально-экономического развития и предлагает способы реализации этого развития регионам, которые принимают нормативно-правовые акты регионального уровня и участвуют в предложенных федеральных программах. На основании этого можно заключить, что есть взаимосвязь уровней экономического развития в экономической системе государства и ее субъектов: социально-экономическая поддержка регионов является ключевым способом поддержания общего развития страны и ее экономики [15].

Завершая вопрос изучения сущности экономического развития региона, отметим недостаточность исследований регионального экономического развития. В этой связи целесообразно выделить следующие причины: наличие собственной специфики экономики региона; существование множества различных подходов и методологий изучения уровня экономического развития региона, т. е. не существует строгого научного подхода к определению регионального экономического развития; кроме того, существующие методологии противоречат друг другу, что также может искажать полученные данные об уровне экономики региона; не унифицированные статистические показатели.

Подобные проявления, которые указаны исследователями, действительно мешают изучению регионального экономического развития, существенно тормозят ответные реакции на возникающие негативные факторы. Именно поэтому представленные сегодня концептуальные аспекты экономического развития региона требуют тщательного и углубленного изучения с последующей систематизацией полученных данных и применение их на практике с целью определения качественности проведенных исследований.

Создание и поддержание высокого уровня экономического развития региона является главной целью государственной региональной политики. Под региональной политикой понимается комплекс законодательных, административных и социально-экономических мероприятий, направленных на улучшение качества жизни населения, развитие производительных сил, исходя из территориальных особенностей региона. Цель и задачи государственной региональной политики имеют общую экономическую направленность на все регионы. Однако не все задачи, поставленные перед региональной политикой, актуальны для всех регионов. Например, для одних групп регионов актуальным является решение проблемы инфраструктуры, тогда как другие регионы нуждаются в усиленном привлечении инвестиций. Подобная ситуация складывается из-за того, что для России характерна существенная экономическая дифференциация регионов по уровню их развития, а ее усилению способствовали значительные экономические преобразования конца XX в. при переходе на рельсы рыночной экономики. В этом также проявляется особенность формирования социально-экономического развития регионов: исходя из текущего состояния их экономик, социального и политического развития, должны проводиться свои меры по поддержанию экономического развития.

По этой причине при определении направлений региональной политики необходимым становится разделение территорий на виды или группы [16]. Такая группировка региональных образований по выделенным признакам называется типологизацией регионов. Типологизация позволяет разделить все регионы страны на однородные группы на основании схожих характеристик при проведении межрегиональных сопоставлений и иных экономических исследований. Не существует региона, экономическому развитию которого не противостояли бы негативные факторы. Существуют внешние и внутренние факторы, которые отрицательно влияют на общее состояние экономики региона. Они связаны с общим экономическим спадом, недостатком квалифицированных кадров, перенаселенностью или недостатком населения на конкретной территории, высоким уровнем безработицы, проявлением теневой экономики и коррупции. Еще одной значительной проблемой является дезинтеграция отдельных регионов. Дезинтеграция регионов представляет собой экономическое и административное обособление одного региона от центра и от других регионов.

Экономистами выделяются следующие факторы региональной дезинтеграции: финансово-экономические, обусловленные разным уровнем экономического развития и благосостояния населения; политико-административные, этноисторические, реализующиеся через национализм и сепаратизм в отдельных регионах;

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-548-559

организационно-психологические, проявляющие себя в несогласованности принимаемых регионом решений и федеральных задач. Дезинтеграция регионов приводит к появлению экономической «пропасти» между регионами, что также влияет на уровень экономического развития. Учитывая особенности каждого региона отдельно, государство в лице органов власти совместно с региональным административным аппаратом проводят региональную политику, имеющую разнонаправленный характер [17; 18].

Для проведения комплексной оценки социально-экономического развития регионов исследователями используются различные методы и методики оценки. На данный момент наиболее полным и научно обоснованным признается метод индикативного анализа, в рамках которого количественная и качественная оценка уровня социально-экономического развития производится с помощью анализа экономических показателей. Показатели экономического развития являются экономическими метками, на которые опираются исследователи в процессе анализа состояния региона. Изучение показателей социально-экономического развития региона является неотъемлемой частью процесса по разработке направлений региональной политики, применяемых мер по улучшению экономического положения, а также по определению возможных результатов проведенных мероприятий [19].

Выделим ключевые особенности формирования экономического развития региона. К внутренним особенностям относятся принадлежность региона к какой-либо группе региональных образований по выделенным признакам: аграрно-промышленный или многоотраслевой регион; добывающий или обрабатывающий и т. д.; специфика внутренних и внешних факторов, имеющих место на территории, и их влияние на экономику региона; уровень дезинтеграции региона относительно центра и других регионов, и ее влияние на развитие региона (в том числе экономическое); выбор способа или методики мониторинга уровня региональной экономики. Внешними особенностями являются наделение регионов полномочиями и ресурсами для обеспечения экономического развития (задача федерального центра); зависимость региональной политики от выбранных направлений развития на федеральном уровне.

Добавим, что внешние особенности в большей степени влияют на формирование экономического развития региона, поскольку на федеральном уровне устанавливаются направления деятельности всей страны в целом, макрорегионов и отдельных субъектов, определяются источники и объемы финансирования развития регионов [20]. В этой связи можно сделать вывод, что регионы находятся в зависимости от решений государства в части формирования экономических ресурсов, что в перспективе может негативно сказаться на их экономике. В каждом регионе действуют свои региональные документы, регулирующие вопросы экономического развития. Исходя из специфики права в России, все законы и подзаконные акты, а также иные нормативно-правовые документы регионов не должны противоречить вышестоящим документам. Региональные акты дополняют федеральные законы и иные акты, уточняя и углубляя отдельные пункты, в зависимости от уровня развития региона, существующих проблем, иных существенных для данной территории факторов. Отметим, что в нормативной базе на федеральном уровне существуют документы, регулирующие вопросы стратегии экономического развития регионов.

Стратегическое планирование региона основывается на заданных направлениях развития, определенных на федеральном и макрорегиональном уровнях. Это приводит к ограничению свободы выбора направлений развития региона, т. е. к возведению рамок, за пределы которых региону невозможно выйти. Такое положение регионов отрицательно сказывается на процессе их социально-экономического развития и зачастую приводит к негативным последствиям.

В рамках регионального планирования экономического развития могут формироваться отраслевые стратегии развития. В основном эти стратегии затрагивают наиболее важные для региона отрасли или сферы, в которых либо существуют проблемы, либо они являются точками роста для региона и способствуют экономическому развитию [21]. Такое содержание позволяет в полной мере отразить экономическое положение региона на текущий момент времени, уделяя внимание ключевым проблемам и факторам, влияющим на его состояние, а также определяет приоритетные направления экономической политики региона.

Содержание нормативного обеспечения в области стратегического планирования экономического развития постоянно совершенствуется для более эффективного управления и противостояния имеющимся и возникающим экономическим угрозам. На региональном уровне административным аппаратом принимаются свои нормативные документы, подчиненные вышестоящим документам, с выделением региональных особенностей как основы формирования документов стратегического планирования и обеспечения экономического развития.

На первом этапе формулируются цели экономического развития, которые можно разделить на общие и конкретные. Это позволяет трансформировать их в подцели и задачи, выражающие способы и пути достижения достойного уровня жизни и экономической активности на данной территории. Исходя из сформулированных целей и задач, по каждому из пунктов формируется программа действий по реализации плана с указанием таких данных, как способы и сроки выполнения плана, формы мониторинга (контроля) за исполнением программы, источники финансирования. На втором этапе проводится комплексный анализ внешней среды, т. е. анализируются основные экономические показатели, такие как объем

ВРП, инвестиционный климат, инфляция, уровень безработицы, уровень развития агропромышленного комплекса, социальной дифференциации населения и другие показатели в сравнительной динамике с показателями регионов-соседей и первоначальным (стартовым) положением региона.

В рамках анализа внешней среды рассматриваются внешние и внутренние характеристики социально-экономической среды региона [22]. К внешним характеристикам относят географическое положение и климат региона, экономическую ситуацию в России, доминирующие тренды в мировой и российской экономиках, демографические тенденции. Внутренние характеристики определяются наличием или отсутствием ресурсов для развития (человеческих и финансовых ресурсов, наукоемких технологий, основных фондов), уровнями предпринимательского и инвестиционного климата, развитием инфраструктуры.

Таким образом, проведя внешний анализ среды, в которой развивается регион, можно переходить к третьему этапу – анализу слабых и сильных сторон развития региона. Сильные и слабые стороны – это то, что объект уже имеет на момент исследования; это те элементы, которые характеризуют его внутреннюю среду. Например, регион может обладать сильным научным потенциалом в виде квалифицированных кадров, выпускающихся из высших учебных заведений субъекта. Однако недостаточное финансирование или отсутствие потребности в таких кадрах на данной территории приводит к значительной миграции населения из региона, и, как следствие, к замедлению экономического развития.

В противопоставление имеющемуся положению внутренних элементов региональной системы встают возможности и угрозы развития региона. Возможности – это положительные для субъекта проявления во внешней среде, которые необходимо обнаружить и использовать для улучшения благосостояния территории [23]. Параллельно этому возможности всегда находятся под угрозами – отрицательными тенденциями в экономике, когда отсутствие реакции на резкие изменения приводит к неблагоприятной для региона ситуации.

Возможностью может стать открытие региональных производств, которые могли бы предоставить рабочие места слою населения, относящемуся к квалифицированным кадрам в конкретной отрасли. Однако такая мера может привести к значительному загрязнению окружающей среды и общему ухудшению экологии субъекта. В результате анализа регионального потенциала определяется общее состояние экономики региона с четырех основных сторон, на основании чего формируются приоритетные направления развития. В. Л. Квинт в процессе анализа регионального потенциала и дальнейшего формирования стратегического планирования предлагает уделить большее внимание исследованию возможностей и угроз, а не сильных и слабых сторон; т. е. система SWOT-анализа трансформируется в OTSW-анализ. По его мнению, данный подход точнее соответствует процессу формирования стратегического видения, приоритетов объекта, т. к. эффективнее подготавливает экономический субъект к неожиданно возникающим возможностям и угрозам [24].

На четвертом этапе обобщаются полученные данные третьего этапа с упором на успешно реализованные цели и задачи; определяются сферы и отрасли, наиболее благоприятные для развития и создания новых преимуществ. В рамках пятого этапа происходит разработка концепции и стратегии экономического развития. Под концепцией в рамках стратегического планирования понимают выводы по результатам анализа экономического положения региона, которые учитывают местные особенности экономического и социального характера, особенности текущего положения региона. На основе выводов выделяются приоритетные направления развития региона (исходящие из принципов ограниченности ресурсов), а также преимущества, которые можно использовать для экономического развития. На базе концепции и стратегии экономического развития разрабатывается план действий по осуществлению данных документов. План действий (программа реализации Стратегии) содержит информацию о задачах и сроках их решения, об участниках и ответственных за исполнение плана, об источниках и размерах финансирования мероприятий, способах мониторинга, т. е. промежуточной проверке реализуемого плана.

Совокупность промежуточных проверок и мониторинга социально-экономического состояния региона образуют завершающую стадию стратегического планирования [25].

Шестой этап требуется для того, чтобы осуществлять оценку эффективности и результативности проводимых мероприятий, сопоставлять прогнозные значения с фактическими на разных этапах реализации стратегического планирования. Исходя из полученных в процессе мониторинга результатов, можно выявить эффективные меры по развитию региона, пробелы в программе развития, тормозящие реализацию плана и иные положительные и отрицательные факторы, которые необходимо скорректировать для увеличения эффективности.

Итак, стратегическое планирование экономического развития региона – это непрерывный процесс, в рамках которого на основе тактических решений принимаются долгосрочные планы развития экономики региона. На сегодняшний момент система стратегического планирования в России имеет множество проблем. Министерство экономического развития определяет перечень этих проблем следующим образом: низкая эффективность бумажной системы, расхождение позиций различных ведомств, отсутствие опыта работы с массивами данных, «документ ради документа», «мониторинг ради мониторинга», отсутствие согласованности.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-548-559

В связи с выявленными недочетами системы стратегического развития в Российской Федерации был запущен проект «Цифровое стратпланирование». Цель проекта – создание единой цифровой платформы государственной поддержки отраслей экономики в рамках стратегического управления [26]. Данная программа позволит выявить излишние документы, касающиеся стратпланирования, уменьшить их количество в связи с повторяемостью и отменить рутинные процедуры документооборота. Все это должно привести к построению четкой системы стратегического планирования, где при формировании стратегии и других документов планирования любого региона будут учитываться вышестоящие документы, сократится срок принятия управленческих решений, а качество предпринятых действий благоприятно скажется на развитии региона, макрорегиона или государства в целом.

Переход к цифровому способу стратегического управления в России является новым витком развития в вопросе стратегического планирования экономического развития. Использование имеющейся нормативно-правовой базы с последующим ее совершенствованием позволит стратегическому управлению на основании цифровой платформы наиболее гибко и своевременно реагировать на возникающие угрозы, а также во многом упростит работу «бюрократической машины» [27].

Обобщим сведения, полученные в ходе исследования вопроса о стратегическом планировании экономического развития региона в России: стратегическое планирование представляет собой закономерный результат резкого перехода на рыночные рельсы в условиях нестабильности рынка; цели и задачи, определенные в ходе стратегического планирования, не могут быть выполнены все и в полной мере в силу ограниченности ресурсов самого региона и необходимости рационального разделения федеральных средств; ключевые вопросы, требующие решения в рамках стратегий развития, у регионов схожи, однако уровень влияния выявленных проблем у каждого субъекта различается, что приводит к необходимости формирования индивидуальных планов и программ экономического развития региона; формирование стратегии экономического развития происходит поэтапно, начиная с проведения аналитических мероприятий, в рамках которых определяются ключевые проблемы региона, заканчивая определением направлений и целей развития, а также формированием систем мониторинга реализации поставленных стратегией задач; при формировании стратегических документов и иных нормативных актов, связанных с планированием развития, необходимо опираться на текущее состояние региона, существующие угрозы и вызовы, которые требуют наибольшего внимания со стороны административного аппарата субъекта.

Результаты

Рассмотрим особенности реализации плана Стратегии социально-экономического Кемеровской области до 2025 года (Стратегии Кузбасс-2025)[5]. Согласно документу, она должна была проводиться в три этапа. На первом этапе была проведена подготовка всех проектов и программ, обеспечивающих реализацию стратегии, запуск «проектов-стартеров», формирование плана завершения ранее начатых проектов с последующим их включением в план Стратегии. На выполнение первого этапа было отведено два года. Второй этап (2009–2012 гг.) был отведен на запуск проектов, сформированных на первом этапе (проектов по диверсификации экономики области). Третий этап должен был закрепить результат реализации проектов регионального развития, а также подготовить базу для проектов следующего шага развития области после окончания периода действия текущей Стратегии.

Результаты выполнения Стратегии Кузбасс-2025 представлялись в двух вариантах сценария: инерционном и базовом[6]. Инерционный вариант (сценарий сырьевого роста) опирался на существующие тенденции развития региона: предполагались наращивание добычи природных ископаемых и первичная обработка (без расчета на диверсификацию экономики). Данный вариант развития предполагал использование уже имеющихся развитых отраслей производства и повышение уровня развития региона экстенсивным путем. Базовый сценарий исходил из возможностей развития технологий и роста человеческого капитала. Предполагались устойчивый рост и развитие экономики, формирование дифференцированного рынка труда, повышение значимости региона в стране и мире за счет производства либо участия в производстве технологий на территории региона [28].

Однако уже при предложении сценариев экономического развития области высказывались сомнения относительно базового варианта. Стратегии могут проявить себя не ранее, чем через 10–15 лет после прохождения двух этапов реализации. Проведенный анализ Стратегии Кузбасс-2025 позволил сделать вывод: экономическое состояние не отвечало требованиям рынка, поэтому было необходимо выявить ориентиры развития с целью стабилизации и улучшения экономики региона; при планировании регионального развития законодатель опирался на существующие развитые отрасли экономики, отдавал приоритет сырьевому производству; к 2016–2018 гг.

[5] Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 года. Закон Кемеровской области от 11.07.2008 № 74-ОЗ // Кодекс. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/990308346 (дата обращения: 25.10.2021).

[6] О стратегическом планировании. Закон Кемеровской области от 28.12.2016 № 103-ОЗ // Кодекс. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/444896612 (дата обращения: 25.10.2021).

действующая Стратегия не учитывала множества сторон развития региона, которые влияли на его социально-экономическое развитие.

В 2018 г. после смены руководящего аппарата области было принято решение о пересмотре действующей Стратегии. Стратегия Кузбасс-2025 была выполнена частично и, следовательно, требует более глубокой проработки всех направлений. По итогам полученных в ходе реализации предыдущей Стратегии результатов и проведенного анализа экономического состояния области за 2017–2018 гг. были определены ключевые проблемы региона, которые подлежали решению до 2035 г.: преобладание сырьевого фактора в региональной экономике и высокий уровень зависимости регионального бюджета от конъюктуры на товарно-сырьевых рынках; технологическое отставание региона в секторе обрабатывающих производств на уровне низкого состояния инвестиций и инноваций; качественный и количественный дефицит отраслей, связанный с развитием человеческого капитала, в ряде муниципальных образований (образования, медицины, культуры, жилищно-коммунального хозяйства и общественного транспорта) и др.[7]

Выделенные в новой Стратегии социально-экономического развития (Стратегии Кузбасс-2035)[8] региональные проблемы во многом повторяли проблемы, обозначенные в предыдущем стратегическом документе. Новшеством являлось выделение проблемы роста антропогенного воздействия на окружающую среду. Учитывая описанные проблемы Кемеровской области, стратегической целью экономического развития региона стало обеспечение опережающих темпов развития и конкурентоспособности экономики. На основании целей и направлений экономического развития Кемеровской области были определены 8 стратегических приоритетов развития [29]. Выполнение стратегических приоритетов осуществлялось посредством реализации задач, взаимосвязанных с каждым приоритетом. Например, для поддержки предпринимательства предполагалось устранение административных барьеров.

Целесообразно заключить: согласно обеим Стратегиям, Кемеровская область в начале 2000-х гг. и к концу 2017 г. имела сырьевой экспортно-ориентированный характер экономики, что позволяло региону получать доходы со своего регионального продукта, однако серьезная зависимость от конъюнктуры рынков сбыта не способствовала нахождению региона в состоянии экономической безопасности; в ближайшие 5–10 лет коренные изменения, направленные на диверсификацию экономики, в структуре экономики региона не ожидались; существенные проблемы на рынке труда и занятости оставались нерешенными; отсутствие инвестиционной привлекательности региона, техническое и технологическое устаревание и отставание ключевых отраслей региона, отсутствие социальной инфраструктуры вели к значительному демографическому оттоку населения из региона [30].

Стратегия Кузбасс-2035 оказалась более актуальной по своему содержанию, чем предшествующая ей. Анализ состояния региона помог выявить более широкий круг проблем, которые усугубились или появились с течением времени. Вопросы, подлежащие решению по части развития области, были сформулированы в ключевые приоритеты, направленные на улучшение жизни населения области и экономический рост.

Обновленная Стратегия включала в себя подробный перечень 39 целевых показателей социально-экономического развития Кемеровской области в соответствии с каждым из обозначенных приоритетов. Данный способ контроля за достижением целей экономического развития являлся более действенным, поскольку отражал изменения по конкретному направлению Стратегии. В Стратегии-2025 отслеживались изменения экономических показателей в целом без разграничения по отдельным направлениям.

Спустя год после введения новой Стратегии Кузбасс столкнулся с серьезной проблемой – падением цен на мировых рынках угля, что серьезно повлияло на жизнь региона. Внешнеэкономические изменения потребовали серьезных изменений в планах развития и оперативности этих изменений. По этой причине в октябре 2020 г. для рассмотрения был предложен проект новой Стратегии, разработанный под руководством заведующего кафедрой экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова академика В. Л. Квинта. Минэкономразвития в рамках регионального развития предполагает создание Стратегии развития макрорегионов (всего 12 макрорегионов), в один из которых – Южно-Сибирский – войдет и Кемеровская область – Кузбасс.

При исследовании нормативной базы стратегического планирования в Кемеровской области был выявлен следующий факт: Стратегия 2018 г. не была доведена до конца. Кроме того, изучив перечень доработанных Стратегий экономического развития других субъектов РФ на сайте Минэкономразвития, было выявлено, что многими субъектами, начиная с сентября 2018 г., были предложены новые Стратегии экономического развития. Так, например, Правительством Красноярского края была принята новая Стратегия социально-экономического развития до 2030 года. В этом же месяце были приняты проекты стратегий таких субъектов, как Краснодарский край,

[7] В Кузбассе приняли стратегию развития региона до 2035 года // ТАСС. 23.12.2020. Режим доступа: https://tass.ru/sibir-news/10335811 (дата обращения: 26.10.2021).

[8] Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 года. Закон Кемеровской области от 26.12.2018 № 122-ОЗ // Кодекс. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/550305101 (дата обращения: 18.02.2020).

Воронежская область, Магаданская область. До конца года были приняты еще более 20 стратегических документов. Все из них были приняты до окончания периода действия предыдущих нормативных актов. Большая часть субъектов приняла новую стратегию социально-экономического развития до окончания действия предыдущей. Из 41 субъекта только 7 (Иркутская, Псковская, Курская, Астраханская, Ивановская, Кировская, Челябинская области) приняли новые стратегические документы по окончании действия предыдущих. Такая тенденция вызывает вопросы, а также заставляет искать причины подобного поведения руководства субъектов [31].

Данный документ стал основополагающей нормативной базой, в том числе для формирования новых целей и задач развития на региональном уровне. Административный аппарат некоторых субъектов использовал определенные Указом Президента направления развития, актуализировал их под текущее положение региона и сформировал новые приоритеты деятельности своего субъекта в рамках новой Стратегии экономического развития, несмотря на то, что реализация предыдущей Стратегии еще не была завершена.

Эти и другие факторы, характерные исключительно для конкретных регионов, послужили толчком для изменения существующей системы стратегического планирования круга субъектов. На данный момент тенденция на принятие новых стратегических документов сохранилась. За период с начала 2021 г. были приняты проекты стратегий экономического развития в таких регионах, как Ивановская, Кировская, Ярославская, Челябинская и Костромская области, Ямало-Ненецкий автономный округ.

Заключение

Нами выделены следующие особенности стратегического планирования экономического развития Кемеровской области – Кузбасса:

1) стратегическое планирование опирается на федеральные и макрорегиональные документы стратегического планирования. Большое количество таких документов «заставляет» регионы выбирать только те направления развития, которые определены в документах для конкретного субъекта, т. е. регион лишается определенной независимости в части принятия решений по выбору курса развития;
2) стратегическое планирование на макрорегиональном уровне на сегодняшний момент разрабатывается Министерством экономического развития, но актуальный документ отсутствует;
3) неотъемлемой частью стратегического планирования являются отраслевые стратегии;
4) не учитывается в полной мере ранее принятый Закон о стратегическом планировании в области;
5) осуществляется принятие новых стратегических документов до окончания действия старых. В частности, в области за последние 4 года были приняты две Стратегии социально-экономического развития. При этом предыдущая Стратегия должна была действовать до 2025 г. (данная тенденция свойственна и другим субъектам Российской Федерации).

Значимым является то, что впервые в практике стратегического планирования Кемеровской области уделяется отдельное внимание вопросу обеспечения экономического и устойчивого развития Кузбасса.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста / под ред. В. А. Ильина, Т. В. Усковой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 300 с.
2. Ансофф Г. И. Стратегическое управление / науч. ред. Л. И. Евенко. М.: Экономика, 1989. 519 с.
3. Друкер П. Ф., Макьярелло Д. А. Менеджмент / пер. с англ. А. Н. Свирид. М.: Вильямс, 2010. 704 с.
4. Шеремет А. Д., Козельцева Е. А. Финансовый анализ. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2020. 200 с.
5. Березкина Т. Е., Вачугов Д. Д., Веснин В. Р., Кислякова Н. А., Лазарева С. И. Основы менеджмента / под ред. Д. Д. Вачугова. М.: Высш. шк., 2001. 367 с.
6. Уткин Э. А. Основы мотивационного менеджмента. М.: ЭКМОС, 2000. 351 с.
7. Формулевич Я. В., Лямкин И. И. Демографическая безопасность как фактор устойчивого развития региона // Экономика и предпринимательство. 2020. № 3. С. 526–530. https://doi.org/10.34925/EIP.2020.116.3.107
8. Котов Р. М. Проблемы и перспективы формирования несырьевого сегмента экспорта региона (на примере Кемеровской области) // Экономика и предпринимательство. 2020. № 3. С. 516–519. https://doi.org/10.34925/EIP.2020.116.3.105
9. Орехов В. И., Орехова Т. Р., Карагодина О. В. Экономическая безопасность современной России в условиях кризиса / науч. ред. Т. Р. Орехова. М.: ИНФРА-М, 2019. 105 с. https://doi.org/10.12737/1720

10. Звягинцева Ю. А., Бардовский В. П., Трошина Е. В. Теоретические основы формирования стратегии социально-экономического развития региона // Вестник ОрелГИЭТ. 2019. № 4. С. 104–111. https://doi.org/10.36683/2076-5347-2019-4-50-104-111
11. Лапыгин Д. Ю. Разработка стратегии развития региона: система инструментов. Владимир: Владимирский фил. РАНХИГС, 2014. 217 с.
12. Кутаев Ш. К., Кутаева Р. А. Определение горизонта планирования социально-экономического развития проблемных регионов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 4. С. 89–93. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2017-1-4-89-93
13. Денисова Е. Д. Стратегическое планирование как способ достижения устойчивого социально-экономического развития регионов // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2019. № 2. С. 231–242. https://doi.org/10.21295/2223-5639-2019-2-231-242
14. Кузнецов В. В., Рыбкина М. В., Милов А. А. Майские указы президента по проблемам социально-экономического развития регионов России // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2018. № 2. С. 70–77.
15. Экова В. А., Максимова О. Н., Ломакин Н. И. Совершенствование инструментов управления устойчивым развитием региона // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17. № 23. С. 3347–3364. https://doi.org/10.18334/rp.17.23.37140
16. Ахобадзе Д. Т., Вершинина С. В., Замятина М. Ф. Эколого-экономическая сбалансированность регионального развития: методологические и методические основы / под ред. М. Ф. Замятиной. СПб.: ГУАП, 2013. 142 с.
17. Шорова Б. В. Организационно-экономические аспекты управления устойчивым развитием региона (на примере Кабардино-Балкарской Республики): автореф. дис. … канд. экон. наук. Грозный, 2012. 23 с.
18. Шумакова О. В., Рабканова М. А. Устойчивое развитие сельских территорий: понятие и сущность // Фундаментальные исследования. 2014. № 8-7. С. 1643–1646.
19. Kotov R. M., Formulevich Ya. V. The impact of Kuzbass industrial enterprises on environmental safety // IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.: Proc. 1st Intern. Sci.-Prac. Forum on Natural Resources, the Environment, and Sustainability (NRES 2020) (Barnaul, 22–23 Oct 2020) Bristol: IOP Publishing Ltd, 2021. Vol. 670. https://doi.org/10.1088/1755-1315/670/1/012049
20. Чуркина И. Ю. Организационно-экономическое обеспечение устойчивого развития региона (на примере Самарской области): автореф. дис. … канд. экон. наук. Тольятти, 2012. 24 с.
21. Шестакова Е. В. Методические основы оценки стадии развития предприятия как самоорганизующейся системы // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2019. № 4. С. 198–206.
22. Яковлева С. И. Угрозы, вызовы, риски и проблемы как важные категории стратегического планирования регионов // Псковский регионологический журнал. 2017. № 31. С. 3–18.
23. Устойчивое социально-экономическое развитие регионов на основе конкурентоспособности: отраслевой аспект / под ред. О. А. Борисовой, И. Б. Выпряжкиной. М.: Научный консультант, РАНХиГС, 2016. 230 с.
24. Квинт В. Л. Концепция стратегирования. Кемерово: КемГУ, 2020. 170 с. https://doi.org/10.21603/978-5-8353-2562-7
25. Третьякова Е. А., Осипова М. Ю. Сочетание статистического и динамического подходов в оценке устойчивого развития региональных социально-экономических систем // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». 2020. № 2. С. 79–91.
26. Третьякова Е. А. Россия и Беларусь: динамический взгляд на устойчивое развитие // Вестник Пермского университета. Сер.: «Экономика». 2014. № 3. С. 29–41.
27. Третьякова Е. А. Оценка устойчивости развития эколого-экономических систем: динамический метод // Проблемы прогнозирования. 2014. № 4. С. 143–154.
28. Сенчагов В. К., Максимов Ю. М., Митяков С. Н., Митякова О. И. Инновационные преобразования как императив экономической безопасности региона: система индикаторов // Инновации. 2011. № 5. С. 56–61.
29. Пухалева А. Г., Кузнецова Л. М. Анализ реализации государственных программ социально-экономического развития регионов России (на примере Курской области) // Экономическая среда. 2018. № 4. С. 51–56.
30. Тихомиров Б. И., Френкель А. А. О единой социально-экономической политике и стратегическом планировании // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 4. С. 82–117. https://doi.org/10.18288/1994-5124-2017-4-04
31. Маковкина С. А. Формирование института стратегического планирования в Российской Федерации: региональный аспект // Вопросы управления. 2018. № 6. С. 60–66.

BULLETIN
Kemerovo State University
Political, Sociological, Economic

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-548-559

original article

Effect of Strategic Planning on the Sustainable Development of Regional Economy

Roman M. Kotov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; https://orcid.org/0000-0003-0238-3466; rmkotov@mail.ru

Received 15 Nov 2021. Accepted after peer review 6 Dec 2021. Accepted for publication 6 Dec 2021.

Abstract: The present research featured the issue of regional strategic planning as part of Russian economic system. The research objective was to study the role of strategic planning in improving the sustainable development of local economy. The study was based on the methods of analysis, synthesis, and grouping. The Strategy of Economic Development of Kuzbass through 2035 turned out to be more relevant in its content than previous strategies. The analysis of regional typology helped to identify a wider range of problems that aggravated or appeared over time. The problems were formulated as key priorities aimed at improving the life of local population and boosting the economic growth. The author believes that the main goal of the state regional policy is to reach and maintain a high level of economic development of the region. Regional policy is a set of legislative, administrative, and economic measures aimed at improving the quality of life and productive in the region. The state regional policy has the same economic orientation for all regions, which should be regulated by strategic planning, thus increasing the level of sustainable economic development.

Keywords: regional development strategy, economic development, economic growth, regional strategizing, regional planning, Kuzbass-2035 Strategy

Citation: Kotov R. M. Effect of Strategic Planning on the Sustainable Development of Regional Economy. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(4): 548–559. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-548-559

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. *National security of Russia: economic growth issues*, eds. Ilyin V. A., Uskova T. V. Vologda: ISERT RAN, 2016, 300. (In Russ.)
2. Ansoff H. I. *Strategic management*, ed. Evenko L. I. Moscow: Ekonomika, 1989, 519. (In Russ.)
3. Drucker P. F., Maciariello J. A. *Management*, tr. Svirid A. N. . Moscow: Wiliams, 2010, 704. (In Russ.)
4. Sheremet A. D., Kozeltseva E. A. *Financial analysis*. Moscow: Ekonomicheskii fakultet MGU imeni M. V. Lomonosova, 2020, 200. (In Russ.)
5. Berezkina T. E., Vachugov D. D., Vesnin V. R., Kisliakova N. A., Lazareva S. I. *Fundamentals of management,* ed. Vachugov D. D. Moscow: Vyssh. shk., 2001, 367. (In Russ.)
6. Utkin E. A. *Fundamentals of motivational management*. Moscow: EKMOS, 2000, 351. (In Russ.)
7. Formulevich Ya. V., Lyamkin I. I. Demographic security as a factor of sustainable development of the region. *Ekonomika i predprinimatelstvo*, 2020, (3): 526–530. (In Russ.) https://doi.org/10.34925/EIP.2020.116.3.107
8. Kotov R. M. Problems and prospects of forming a non-resource export segment in the region (for example, the Kemerovo region). *Ekonomika i predprinimatelstvo*, 2020, (3): 516–519. (In Russ.) https://doi.org/10.34925/EIP.2020.116.3.105
9. Orekhov V. I., Orekhova T. R., Karagodina O. V. *Economic security of modern Russia in the conditions of crisis*, ed. Orekhova T. R. Moscow: INFRA-M, 2019, 105. (In Russ.) https://doi.org/10.12737/1720
10. Zvyagintseva Yu. A., Bardovsky V. P., Troshina E. V. The theory of strategy formation of the region social and economic development. *OrelSIET bulletin*, 2019, (4): 104–111. (In Russ.) https://doi.org/10.36683/2076-5347-2019-4-50-104-111
11. Lapygin D. Yu. *Regional development strategy: a system of tools*. Moscow: INFRA-M, 2016, 217. (In Russ.)
12. Kutaev Sh. K., Kutaeva R. A. Determination of the horizon for planning socio-economic development of problem regions. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*, 2017, (4): 89–93. (In Russ.) https://doi.org/10.22394/2079-1690-2017-1-4-89-93
13. Denisova E. D. Strategic planning as a way of achieving sustainable socio-economic development of regions. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava,* 2019, (2): 231–242. (In Russ.) https://doi.org/10.21295/2223-5639-2019-2-231-242
14. Kuznetsov V. V., Rybkina M. V., Milov A. A. May decrees of the president on problems of social and economic development of regions of Russia. *Vestnik Ul'yanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2018, (2): 70–77. (In Russ.)

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

15. Ekova V. A., Maksimova O. N., Lomakin N. I. Improvement of tools for management of the region's sustainable development. *Rossiiskoe predprinimatelstvo*, 2016, 17(23): 3347–3364. (In Russ.) https://doi.org/10.18334/rp.17.23.37140
16. Akhobadze D. T., Vershinina S. V., Zamiatina M. F. *Ecological-economic balance regional development and methodological foundations,* ed. Zamiatina M. F. St. Petersburg: GUAP, 2013, 142. (In Russ.)
17. Shorova B. V. *Organizational and economic aspects of managing the sustainable development of the region (case of the Kabardino-Balkar Republic)*. Cand. Econ. Sci. Diss. Abstr. Grozny, 2012, 23. (In Russ.)
18. Shumakova O. V., Rabkanova M. A. Sustainable development of rural territories: the concept and the essence. *Fundamentalnye issledovaniia*, 2014, (8-7): 1643–1646. (In Russ.)
19. Kotov R. M., Formulevich Ya. V. The impact of Kuzbass industrial enterprises on environmental safety. *IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.*: Proc. 1st Intern. Sci.-Prac. Forum on Natural Resources, the Environment, and Sustainability (NRES 2020), Barnaul, 22–23 Oct 2020. Bristol: IOP Publishing Ltd, 2021, vol. 670. https://doi.org/10.1088/1755-1315/670/1/012049
20. Churkina I. Iu. *Organizational and economic support of sustainable development of the region (case of the Samara region)*. Cand. Econ. Sci. Diss. Abstr. Tolyatti, 2012, 24. (In Russ.)
21. Shestakova E. V. Methodological framework for assessment stage of enterprise development as self-organizing system. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, (4): 198–206. (In Russ.)
22. Yakovleva S. I. Threats, challenges, risks and problems as important categories of strategic planning of regions. *Pskov Journal of Regional Studies*, 2017, (3): 3–18. (In Russ.)
23. *Sustainable socio-economic development of regions on the basis of competitiveness: industrial aspect,* eds. Borisova O. A., Vypriazhkina I. B. Moscow: Nauhnyi konsultant, RANKhiGS, 2016, 230. (In Russ.)
24. Kvint V. L. *The concept of strategizing.* Kemerovo: KemGU, 2020, 170. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/978-5-8353-2562-7
25. Tretyakova E. A., Osipova M. Yu. Combination of static and dynamic approaches to assessing sustainable development of regional socio-economic systems. *Vestnik Permskogo universiteta. Seria Ekonomika*, 2020, (2): 79–91. (In Russ.)
26. Tretyakova E. A. Russia and Belarus: a dynamic view of sustainable development. *Vestnik Permskogo universiteta. Seria Ekonomika*, 2019, (3): 29–41. (In Russ.)
27. Tretyakova E. A. Assessing the sustainable development of ecological and economic systems: dynamic method. *Problemy Prognozirovaniya*, 2014, (4): 143–154. (In Russ.)
28. Senchagov V. K., Maksimov Yu. M., Mityakov S. N., Mityakova O. I. Innovative transformations as an imperative of economic safety of region: system of indicators. *Innovatsii*, 2011, (5): 56–61. (In Russ.)
29. Pukhaleva A. G., Kuznetsova L. M. Implementation analysis of government programs of social and economic development of the regions of Russia (on the example of Kursk region). *Economic environment*, 2018, (4): 51–56. (In Russ.)
30. Tikhomirov B. I., Frenkel A. A. On unified socio-economic policy and strategic planning. *Economicheskaya politika*, 2017, 12(4): 82–117. (In Russ.) https://doi.org/10.18288/1994-5124-2017-4-04
31. Makovkina S. A. Trends of formation of a strategic planning system in the Russian Federation: regional aspect. *Management issues*, 2018, (6): 60–66. (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-560-567

оригинальная статья

Совершенствование методологии оценки эффективности деятельности хозяйствующих субъектов в современных условиях

Елена Александровна Орехова
Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, г. Саратов; https://orcid.org/0000-0001-6278-3141; orekhovaea@sstu.ru

Галина Вячеславовна Коровникова
Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, г. Саратов; https://orcid.org/0000-0002-2917-5061

Ирина Вячеславовна Коровникова
Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, г. Саратов; https://orcid.org/0000-0001-7796-1289

Поступила в редакцию 18.10.2021. Принята после рецензирования 06.12.2021. Принята в печать 06.12.2021.

Аннотация: Эффективность – важный параметр деятельности любого экономического субъекта, к оценке которого в современных условиях предъявляются особые требования. Проведен критический анализ стандартных методик оценки эффективности как отечественных, так и зарубежных практик. Обусловлена необходимость исследования эффективности деятельности хозяйствующих субъектов в соответствии с подходами, отличными от стандартного, поскольку в его рамках показатели часто повторяются и не дают системного представления об эффективности. Раскрыта значимость использования новых методик, а также выработки концептуального методологического подхода к пониманию термина *эффективность*. Новая методологическая концепция носит гибридный характер и включает классические экономико-финансовые и институциональные методы, а также методы и подходы, взятые из управленческих и естественных наук. Основное внимание акцентируется на методиках, не использующих относительные показатели. В качестве результатов научного исследования представлена комплексная модель оценки эффективности деятельности экономического субъекта в современных условиях. Данная модель включает в себя показатели трех уровней: стандартного, качественного и синергетического. Разработанный концептуальный подход является системным и соответствует современным экономическим реалиям, снимая ограничения и претензии классических методик и относительных показателей эффективности.

Ключевые слова: синергетическая эффективность, методика определения эффективности, показатели эффективности, уровни эффективности, экстерналии, X-эффективность, системная эффективность

Цитирование: Орехова Е. А., Коровникова Г. В., Коровникова И. В. Совершенствование методологии оценки эффективности деятельности хозяйствующих субъектов в современных условиях // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 4. С. 560–567. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-560-567

Введение

Перманентные трансформации и состояние неопределенности обусловливают в современных условиях актуальность отхода от статичных и переход к более гибким, динамичным и разноаспектным моделям оценки эффективности деятельности экономического субъекта. Особенно острым для хозяйствующих субъектов всех уровней является вопрос, касающийся повышения уровня эффективности деятельности в совершенно разных ее аспектах: финансово-экономическом, технологическом, экологическом, социальном, организационно-управленческом. Важными становятся такие параметры деятельности, как миссия, экология, имидж хозяйствующего субъекта и уровень доверия к нему. Все чаще рыночные субъекты оцениваются параметром социальной эффективности, которую можно представить как процесс повышения благосостояния общества, как уровень социального капитала и как положительную социальную отдачу от инвестиций. Гибкость и скорость становятся первостепенными характеристиками хозяйствующих субъектов. Важным аспектом выступает роль отдельно взятого экономического субъекта в общей экосистеме. Нелинейность происходящих социально-экономических процессов несопоставима с применением ряда методик, использующих относительные показатели.

Несмотря на то, что на современном этапе развития экономических отношений сформирована достаточно четкая и структурированная законодательная база, которая обосновывает роль эффективности деятельности организаций, в том числе различных инвестиционных и инновационных проектов, многие отечественные и зарубежные исследователи занимаются изучением методики комплексной системы оценки степени эффективности деятельности хозяйствующего субъекта. Но точки зрения ученых на представленную проблематику не носят консолидированного характера. Имеющиеся показателеи зачастую дублируют друг друга и затрудняют

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

процесс оценки состояния анализируемого объекта. Дискуссионной остается проблема выбора оптимальной системы показателей, позволяющей быстро, четко и достоверно провести анализ, опираясь на который возможно принимать взвешенные управленческие решения.

Методические подходы к оценке эффективности деятельности хозяйствующих субъектов

В первую очередь можно выделить так называемый ***стандартный*** или ***классический подход*** оценки степени эффективности деятельности хозяйствующего субъекта. Он основан на анализе определенных экономических показателей функционирования деятельности предприятия. Данные показатели отличаются по ряду признаков: совокупности показателей, количеству анализируемых и рассчитываемых экономических показателей, а также названию данных показателей. Проведем анализ некоторых методов измерения эффективности, предлагаемых отечественными и зарубежными авторами.

Л. Т. Гиляровская утверждает, что оценку эффективности деятельности коммерческого предприятия необходимо осуществлять на основе проведения анализа финансового состояния, имущественного положения, ликвидности активов (наряду с текущей платежеспособностью) и бухгалтерского баланса, в том числе структуры капитала, анализа чистых активов, рентабельности и степени деловой активности [1].

Г. В. Савицкая в качестве главенствующего показателя выделяет оценку абсолютного финансового эффекта и оценку уровня эффективности деятельности предприятия, которая включает в себя темпы развития, степень доходности деятельности и эффективность применения ресурсного потенциала организации [2].

А. Д. Шеремет основополагающими показателями для оценки эффективности деятельности хозяйствующего субъекта считает анализ внутриорганизационной эффективности, расчет финансовых результатов, анализ финансового положения организации [3].

Н. П. Любушин для оценки эффективности предлагает такие показатели, как чтение баланса, проведение анализа платежеспособности предприятия, а также оценку и анализ финансовой устойчивости, уровня деловой активности и рентабельности [4].

Но не стоит принимать во внимание лишь показатели относительной направленности. Во многих случаях данный факт выступает в качестве ошибочного направления при выборе способов оценки эффективности функционирования предприятий [5]. В связи с этим анализ эффективности только в рамках относительных показателей, набор которых является исчерпывающим, не представляет собой грамотную оценку степени эффективного функционирования предприятий.

Итак, стандартные методики определения эффективности не отвечают современным требованиям. Однако прослеживаются тенденции совершенствования и появления новых подходов к оценке эффективности деятельности предприятий.

В 90-е гг. XX в. в западной экономической литературе разрабатываются и предлагаются на основании системы ключевых показателей деятельности (КПД) новые модели, измеряющие эффективность. Система КПД состоит из достаточно ограниченного набора показателей финансового и нефинансового характера, которые отражают экономические аспекты функционирования предприятия и степень достижения стратегических целей. Система КПД предприятия – это прежде всего актуальная и достоверная информация для руководства и управленческого звена, необходимая для принятия решений. Наиболее проработанными и распространенными являются такие модели, как «Сбалансированная система показателей», «Пирамида эффективности» и «Бортовое табло», используемые не только в западной, но и в российской практике [6].

Теоретические исследования и современная практика доказывают ограниченность стандартного подхода. Он не позволяет осуществить комплексную оценку текущего состояния организации, не отражает качество управления и степень вовлеченности всех потенциальных ресурсов, не показывает эффективность отдельно взятых структурных элементов и наличие институциональных ловушек, а также не указывает на то, как деятельность отражается на других сферах, отраслях и т. д. [7].

В вопросах более широкого исследования экономической эффективности отметим в первую очередь работы академика О. С. Сухарева, который выделяет ***классический*** и ***системный подходы***. В рамках ***классического подхода*** оперируют понятием *аллокативная эффективность* – оптимальная комбинация продуктов, полученная при помощи наиболее эффективной комбинации ресурсов. При этом под оптимальной комбинацией продуктов имеется в виду выпуск продуктов, выбираемых потребителями на конкурентных рынках по цене, отражающей реальные издержки производства. Под эффективной комбинацией ресурсов понимается производство этих продуктов с наименьшими альтернативными издержками. К классическому подходу О. С. Сухарев выдвигает ряд претензий, которые снимаются посредством ***системного подхода***.

В контексте ***институционального подхода*** оспаривается факт, что конкуренция выступает необходимым условием для эффективности: ее определяют правила обмена и производства. Более того, правила могут быть такими, что конкуренция может отбирать совершенно неэффективные формы с позиций принятых критериев эффективности, что фактически означает либо возникновение явления гиперселекции, когда неэффективный агент одерживает победу над эффективным, либо необходимость смены критериев эффективности. Также в работах О. С. Сухарева доказан факт неприемлемости совершенной конкуренции как условия эффективности. Совершенная конкуренция фактически не существует и даже на уровне модели

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-560-567

враждебна для НИОКР и наукоемких производств. Критерий предельного продукта или предельной производительности уже не может использоваться во многих случаях для оценки эффективности системы [8].

Если эффективность отвечает требованиям условной максимизации либо критерию Парето-оптимальности (улучшению по Парето), тогда по классическому подходу иные состояния необходимо признавать неэффективными. Возникает вопрос: если по одному из критериев достигается оптимум, будет ли это оптимальным по другому критерию. Ответом может служить пример использования трудовых ресурсов: насколько на своих должностях находятся самые способные и компетентные агенты. Когда приходит сильная команда управленцев, то фирма при том же основном капитале и персонале увеличивает производительность, выпуск, занимает новые ниши. Если менеджмент фирмы неэффективен, то она не будет развиваться.

Наравне с понятием *эффективность* стало применяться понятие *синергетическая эффективность*. Достаточно подробно изучена синергетическая эффективность инвестиционных проектов [9]. В настоящее время ее степень оценивают также при помощи социальных и экономических эффектов в контексте взаимосвязи с формирующейся цифровой экономикой. Методическая основа данного вида эффективности базируется на расчете экстерналий внеотраслевой эффективности и интегрального коэффициента эффективности проектов, которые принимают во внимание как положительные, так и отрицательные аспекты, а не только социальные и экономические компоненты.

В работе О. Е. Коврижных осуществляется анализ иерархий с целью проведения оценки синергетической эффективности. Он также проводится на уровне проекта и посредством экстерналий: экономического, социального, технологического и экологического эффектов [10]. Такой подход в полной мере подходит для осуществления оценки инвестиционных проектов, однако для выявления степени эффективности деятельности хозяйствующих субъектов он является недостаточным.

Новая точка зрения на проблему формирования общей теории эффективности отражена в исследовании О. С. Сухарева, содержащем разработанные основополагающие аспекты теории дисфункциональности экономических систем, виды эффективности и их взаимообусловленность, а также аксиоматику теории эффективности [8].

Другая работа академика раскрывает различные модели и методы, направленные на определение степени эффективности системы экономического характера. В частности, такими методами и моделями называются инструменты, которые позволяют оценить общую системную эффективность не только крупных социально-экономических систем (стран и регионов мира), но и хозяйствующих субъектов. Предложена модель определения времени исчерпания ресурса экономической системы, дающая возможность оценки запаса жизнеспособности этой системы. На основе надежности разработан подход к оценке системной эффективности по величине дисфункциональности экономической системы, что позволяет совершать управленческие действия, направленные на сокращение количества и глубины дисфункций системы [11].

Кроме того, О. С. Сухаревым предлагается модель оценки развития экономической системы по ее «жизненному стандарту». Данный метод позволяет сравнивать разного рода системы. И дополняется этот подход моделью «потоков», взятой из химической кинетики, оценивающей загрязнения при изготовлении продукта и потребляемую для этого энергию (три потока). Подобного рода методы и модели совершенно меняют стереотипные представления об эффективности экономических систем, выводя ее в иную плоскость. И эта плоскость – взаимосвязь системных параметров и функционально-процессная эффективность [12].

В аспекте институциональных исследований эффективность и ее критерии анализируются посредством институтов и поведения агентов [13]. Институциональный аспект требуется учесть при применении или формулировке новых критериев эффективности и обосновании взаимосвязи между микроэкономической эффективностью / неэффективностью и параметрами поведения агентов.

В рамках теории Х-эффективности рассматривается факт превышения издержек по сравнению с минимально возможными средними издержками производства. И, таким образом, имеет место явная неэффективность, названная Х. Лейбенстайном Х-неэффективностью – внутренней неэффективностью, обусловленной плохим управлением. Это может быть неиспользованный ресурс, следствием чего является недопроизведенный (неполученный) продукт (доход). И если учесть все ресурсы и возможности, то результат был бы выше. Но не факт, что подобный ресурс будет идентифицирован и использован в нужном направлении, он может и вовсе отсутствовать [14].

Если анализировать полную эффективность системы, то важное значение имеет поведение всей системы и управляющих ею основных агентов, т. е. *организационная эффективность*. Организационная эффективность рассматривается сквозь призму иерархии, где предполагается, что данное расположение элементов наиболее эффективно. Мы разделяем мнение О. С. Сухарева, согласно которому эффективность иерархической системы определяется не сложением или произведением эффективностей каждого уровня. Иначе чем выше вклад элемента, тем больше ему необходимо выделять ресурсов для максимизации эффективности (извне или заимствовав у других элементов). Тем самым уменьшается значимость менее эффективных с точки зрения заданных параметров элементов. Но эти элементы могут оказаться жизненно необходимыми для всей системы [14].

Развивая данную идею, академик О. С. Сухарев видит задачу повышения эффективности иерархий в снижении глубины и масштабов дисфункциональности систем. Под дисфункциональностью понимается ситуация потери

функций элементами системы, невыполнение функций на должном и желаемом уровне, сбои отдельных подсистем, правовые ограничения и т. д., что в результате снижает качество и эффективность функционирования системы в целом [14].

Таким образом, эффективность деятельности предприятий и организаций в настоящее время является многомерным понятием, отражающим как внешние, так и внутренние аспекты функционирования. Большинство существующих методик анализа деятельности предприятия, его финансового состояния повторяют и дополняют друг друга. Они могут быть использованы комплексно или раздельно в зависимости от конкретных целей и задач анализа, информационной базы, имеющейся в распоряжении аналитика.

Проанализировав зарубежную практику осуществления оценки уровня эффективности функционирования организаций, отметим, что в большинстве случаев применяются показатели степени рентабельности деятельности коммерческих предприятий. Значительная роль отводится управлению капиталом организации и методам эффективности их применения.

Проведем сравнение российского и зарубежного опыта оценки эффективности коммерческой деятельности организации. Как правило, ключевым показателем в зарубежной практике является экономическая добавленная стоимость (*Economic Value Added – EVA*) [7]. Экономический показатель оценки внутрифирменной эффективности – это *EVA*. *EVA* по своей сути подразумевает на основе расчета определение размера чистой прибыли операционного характера деятельности предприятия, при этом осуществляется вычет издержек, которые несет организация. Итак, *EVA* – это разница между нормой прибыли и стоимостью капитала компании:

$$EVA = NOPAT - WASS \times IC,$$

где *NOPAT* – чистая операционная прибыль; *WASS* – средневзвешенная стоимость капитала; *IC* – инвестированный капитал.

Степень влияния процесса генерирования из вложенных средств определяется показателем *EVA*. Данный показатель может принимать как положительные, так и отрицательные значения. Положительное значение *EVA* свидетельствует о том, что организация получает прибыль (дополнительные средства) за счет средств, вложенных в нее. Когда *EVA* принимает отрицательное значение, генерирование ресурсов в деятельность предприятия не осуществляется. Наряду с этим выделяют совокупность других показателей, применяемых для расчета уровня эффективности деятельности коммерческой организации. Среди них инвестированный капитал, чистая операционная прибыль, средневзвешенная стоимость капитала [7].

В российской практике прослеживается практически полное отсутствие возможности использования представленных выше показателей. Данный аспект находит свое объяснение в существенном различии систем формирования отчетности по международным стандартам финансовой отчетности и бухгалтерской финансовой отчетности. Подчеркнем, что крупные корпорации, деятельность которых ведется на территории России (General Motors, Coca-Cola, Procter & Gamble и др.), применяют не только отечественные, но и зарубежные критерии и методы анализа степени эффективности деятельности. Другим ограничивающим аспектом выступают различия в организационно-правовых формах собственности коммерческих организаций в нашей стране и за рубежом, к примеру корпорации (Corporation) и партнерства (Partnership) [7].

Таким образом, анализ зарубежной практики показывает наличие рабочих методов оценки эффективности деятельности предприятий и организаций. Но при этом имеется и ряд правовых ограничений трансплантации данных методов на российскую практику, что обусловливает необходимость выработки собственных подходов с учетом положительного опыта.

Результаты

Концептуальная идея предлагаемого исследования состоит в следующем:

- относительных показателей для отражения эффективности экономического субъекта (предприятия, государства, домохозяйства, инвестора и т. д.) недостаточно, т. к. они не могут отразить всех аспектов деятельности, а положительные с экономической точки зрения показатели эффективности не всегда результативны в других аспектах: социальном, экологическом и т. д.;
- системный подход к анализу эффективности деятельности экономического субъекта содержит потенциал для раскрытия многих аспектов деятельности и их последствий в ходе управленческих решений;
- игнорирование институциональных аспектов (возникновение дисфункций, рост трансакционных издержек и т. д.) может повлечь возникновение системных ловушек, существенно ограничивающих эффективность;
- следствием игнорирования синергетического подхода, отражающегося либо в анализе экстерналий, либо в концептуальной нелинейности, является проведение анализа деятельности обособленно, вне системы, что не дает представления об экономическом субъекте как об элементе более крупной системы.

При этом использование вышеназванных подходов не означает исключение из анализа стандартных показателей эффективности. Кроме того, целесообразно моделирование эффективности на основании показателей различных уровней: стандартного, качественного, а также синергетического (табл.). Отметим, что деление на уровни достаточно условно. Показатели стандартного уровня описаны в учебниках и пособиях и применяются тотально.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-560-567

Табл. Комплексная модель оценки эффективности деятельности предприятий и организаций в современных условиях
Tab. A comprehensive model for assessing the efficiency of enterprises and organizations in modern conditions

Показатели	Используемые методы		
Показатели стандартного уровня	Стандартные финансово-экономические показатели эффективности: рентабельность, оборачиваемость, ликвидность и т. д., в т. ч. зарубежные методики: *EVA* и др.	Комплекс показателей, отражающих положение организации на рынке	Экономико-математическое моделирование результатов
Показатели качественного уровня	Качественные показатели управления: степень вовлеченности ресурсов (Х-эффективность) и их исчерпаемости, организационная эффективность	Комплекс качественных внутренних показателей предприятия	Институциональные методики: наличие / отсутствие дисфункций, обусловленных внутренними и внешними факторами, анализ поведения агентов, уровень трансакционных издержек, институциональные гены
Показатели синергетического уровня	Анализ экстерналий: социальный эффект, технологический эффект, внеотраслевая эффективность	Системная эффективность – нелинейный подход к определению эффективности	

Здесь имеют место показатели, отражающие как внутреннее, так и внешнее положение той или иной экономической системы. Показатели качественного уровня применяются гораздо реже в связи со сложностью их понимания и идентификации, а также ограниченным кругом заинтересованных данными показателями. При этом показатели, исходящие в том числе из институционального анализа, не являются новыми, в отличие от показателей синергетического уровня, составляющих новизну исследования.

1. Показатели стандартного уровня.

Рассматриваются стандартные финансово-экономические показатели эффективности, такие как рентабельность, оборачиваемость, ликвидность, финансовая устойчивость и т. д. На данном уровне целесообразно применение элементов зарубежных методик определения эффективности (например, *EVA* и др.), трансплантация на российскую хозяйственную практику в полной мере ограничена правовыми барьерами [7].

Следующая группа показателей данного уровня – показатели, отражающие положение организации на рынке. Представленная группа направлена на рациональные финансовые решения, на основе которых осуществляются обоснование и разработка управленческих решений. По итогам проведения комплекса данных показателей формируется оценка таких параметров, как масштабы деятельности предприятия и динамика его развития, эффективность рыночной, инвестиционной, операционной и финансовой деятельности, а также обосновывается предварительный вывод об успешности организации в отношении создания стоимости [7].

К данному уровню также следует отнести комплекс показателей экономико-математического моделирования. Его целью является определение представлений о будущем предприятия на основе соответствия предполагаемой деятельности предприятия или оценка последствий принимаемых решений. То есть осуществляется прогнозирование деятельности предприятия на базе информации о состоянии внешней среды и объекта, а также предполагаемой их трансформации в связи с появлением новейших факторов, в том числе закономерностей и связанных с ними последствий.

2. Показатели качественного уровня.

Уровень является более сложным. К нему можно отнести показатели, характеризующие качество управления: комплексный показатель, отражающий степень вовлеченности (инклюзивности), – Х-эффективность, показывающая, насколько все возможные ресурсы выявлены и использованы; показатели степени и времени исчерпаемости ресурсов. К этой группе относится также организационная эффективность, отражающая эффективность иерархии в целом и необходимость ее отдельно взятых элементов.

Целью комплекса качественных внутренних показателей предприятия является трансформация стратегии его развития в показатели оперативного управления, которые позволяют осуществлять оценку текущего экономического состояния хозяйствующего субъекта, а также формируют основу для принятия управленческих решений как на краткосрочную, так и на долгосрочную перспективу.

Институциональные методики данного уровня связаны с анализом дисфункций, обусловленных как внутренними (лоббирование интересов и т. д.), так и внешними (нормативно-правовое регулирование и т. д.) факторами; анализом поведения агентов; анализом трансакционных издержек, нейтрализация которых происходит за счет качественных контрактов, спецификации прав собственности и минимизации информационной асимметрии. Особое внимание в современных условиях, когда скорость выступает определяющим фактором успеха, следует уделять трансакционным издержкам. Трансакционные издержки, подобно силе трения в физике, замедляют скорость и процессы, но основная сложность состоит в их измерении, т. к. они в большинстве своем носят вероятностный или неформальный характер.

Немаловажное значение при оценке эффективности на данном уровне имеет анализ институциональной генетики. Под институциональными генами понимается

набор наследуемых взаимодействующих институтов и генерируемых ими правил игры, которые могут воспроизводиться и мутировать вплоть до их институциональных патологий.

3. Показатели синергетического уровня.

Уровень является наиболее сложным. К синергетической эффективности можно подходить с точки зрения анализа экстерналий и с точки зрения нелинейности, когда невозможно суммировать разные виды эффективности. И в том и в другом случае вопросы измерения и оценки являются перспективными направлениями будущих исследований.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. В исследованиях эффективности деятельности хозяйствующих субъектов в различных аспектах необходимо отходить от стандартных подходов, подразумевающих соотношение затрат и результатов, т. к. показатели, используемые в стандартных методах, зачастую повторяются и не дают системного представления об эффективности.

2. Методики, не использующие относительные показатели, содержат высокий потенциал для раскрытия эффективности деятельности предприятий.

3. Совокупность стандартных и нестандартных методик воплотилась в комплексную модель оценки эффективности деятельности предприятий и организаций в современных условиях. Она включает в себя показатели трех уровней: стандартного, качественного и синергетического. Предлагаемый подход характеризуется максимальной системностью, что отвечает современным экономическим быстро меняющимся реалиям.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Орехова Е. А. – результаты исследования (50 %); Коровникова Г. В. – методологические подходы (25 %); Коровникова И. В. – методологические подходы (25 %).

Литература

1. Гиляровская Л. Т., Корнякова Г. В., Пласкова Н. С., Соколова Г. Н., Пожидаева Т. А., Ендовицкий Д. А. Экономический анализ / под ред. Л. Т. Гиляровской. 2-е изд., доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 615с.
2. Савицкая Г. В. Теоретические основы анализа хозяйственной деятельности. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2018. 217 с. https://doi.org/10.12737/textbook_5a6f199cf31972.48412271
3. Суйц В. П., Хорин А. Н., Шеремет А. Д. Комплексный анализ и аудит интегрированной отчетности по устойчивому развитию компаний / под общ. ред. А. Д. Шеремета. М.: ИНФРА-М, 2020. 184 с. https://doi.org/10.12737/1072676
4. Любушин Н. П. Экономический анализ. 3-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 575 с.
5. Михайлов В. Г., Михайлова Я. С. К вопросу об эколого-экономическом мониторинге современных предприятий // Экономика и управление инновациями. 2017. № 3. С. 73–80. https://doi.org/10.26730/2587-5574-2017-3-73-79
6. Городничев А. Ю. Сравнительный анализ современных моделей анализа и оценки результатов деятельности предприятий, основанных на КПД // Аудит и финансовый анализ. 2006. № 4. С. 72–79.
7. Турищев Д. Г., Муромцева А. К. Совершенствование методологии оценки эффективности деятельности коммерческих организаций в современных условиях // Россия молодая: сб. мат-лов XI Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых с междунар. участием (Кемерово, 16–19 апреля 2019 г.) Кемерово: КузГТУ, 2019. Режим доступа: http://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Conference/RM/2019/RM19/pages/Articles/80360.pdf (дата обращения: 02.10.2021).
8. Сухарев О. С. Теория эффективности экономики. М.: Финансы и статистика, 2009. 369 с.
9. Буйдинов Е. В., Кузовкова Т. А., Кузовков Д. В., Шаравова О. И. Методические основы измерения синергетической эффективности инвестиционных проектов связи // Электросвязь. 2020. № 6. С. 51–55. https://doi.org/10.34832/ELSV.2020.7.6.009
10. Коврижных О. Е. Применение метода анализа иерархий для оценки синергетической эффективности проекта // Путеводитель предпринимателя. 2013. № 20. С. 140–146.
11. Сухарев О. С. Теоретические подходы к оценке эффективности функционирования экономических систем различной сложности и назначения // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2012): мат-лы 6 Междунар. конф. (Москва, 1–3 октября 2012 г.) М.: ИПУ РАН, 2012. Т. I. С. 181–183.
12. Сухарев О. С. О некоторых подходах к оценке эффективности экономической системы // Экономика и предпринимательство. 2012. Т. 6. № 4. С. 11–17.
13. Билюченко Г. С., Золотухин В. М. Социально-экономический и социокультурный аспекты инновационного подхода к управлению мотивацией персонала // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 1. С. 42–48. https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-1-42-48
14. Сухарев О. С. Проблемы эффективности в экономике (классическая и системная трактовка) // Журнал экономической теории. 2009. № 2. Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_13013099_69573037.pdf (дата обращения: 02.10.2021).

BULLETIN
Kemerovo State University
Political, Sociological, Economic

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-560-567

original article

Improving the Methodology for Assessing the Effectiveness of Economic Entities in Modern Conditions

Elena A. Orekhova
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov; https://orcid.org/0000-0001-6278-3141; orekhovaea@sstu.ru

Irina V. Korovnikova
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov; https://orcid.org/0000-0001-7796-1289

Galina V. Korovnikova
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, Saratov; https://orcid.org/0000-0002-2917-5061

Received 18 Oct 2021. Accepted after peer review 6 Dec 2021. Accepted for publication 6 Dec 2021.

Abstract: Modern conditions impose special requirements to the assessment of economic entities. Efficiency is an important parameter of the activity of any business. The present research involved a critical analysis of standard methods for assessing the effectiveness of both domestic and foreign practices. The analysis revealed a need to apply new approaches to business efficiency assessment because the standard approach is not systematic and its indicators repeat themselves. The article offers a new conceptual methodological approach to understanding the term efficiency. The new methodological concept is hybrid in nature and includes classical economic, financial, and institutional methods. It also adopts some methods and approaches from management and natural sciences. The authors built a comprehensive model for assessing the effectiveness of an economic entity in modern conditions. It is based on the idea that the optimal methods are those that do not use relative indicators. This model includes three levels of indicators: standard, qualitative, and synergistic. The new approach is systemic and corresponds to modern economic environment, which resolves the issue of relative performance indicators.
Key words: synergistic efficiency, methodology for determining efficiency, efficiency indicators, levels of efficiency, externalities, X-efficiency, systemic efficiency

Citation: Orekhova E. A., Korovnikova G. V., Korovnikova I. V. Improving the Methodology for Assessing the Effectiveness of Economic Entities in Modern Conditions. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(4): 560–567. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-560-567

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.
Contribution: E. A. Orekhova – research results (50 %); G. V. Korovnikova – methodological approaches (25 %); I. V. Korovnikova – methodological approaches (25 %).

References

1. Gilyarovskaya L. T., Kornyakova G. V., Plaskova N. S., Sokolova G. N., Pozhidaeva T. A., Endovitskii D. A. *Economic analysis,* ed. Gilyarovskaya L. T., 2nd ed. Moscow: IuNITI-DANA, 2015, 615. (In Russ.)
2. Savitskaya G. V. *The theoretical basis of the analysis of economic activities,* 3rd ed. Moscow: INFRA-M, 2018, 217. (In Russ.) https://doi.org/10.12737/textbook_5a6f199cf31972.48412271
3. Suyc V. P., Horin A. N., Sheremet A. D. *Comprehensive analysis and audit of integrated reporting on sustainable development of companies*, ed. Sheremet A. D. Moscow: INFRA-M, 2020, 184. (In Russ.) https://doi.org/10.12737/1072676
4. Lyubushin N. P. *Economic analysis,* 3rd ed. Moscow: IuNITI-DANA, 2017, 575. (In Russ.)
5. Mikhailov V. G., Mikhailova Ya. S. On the issue of environmental and economic monitoring of modern enterprises. *Economics and Innovation Management*, 2017, (3): 73–80. (In Russ.) https://doi.org/10.26730/2587-5574-2017-3-73-79
6. Gorodnichev A. Iu. Comparative analysis of modern models of the analysis and estimation of results of activity of the enterprises based on efficiency. *Audit i finansovyi analiz*, 2006, (4): 72–79. (In Russ.)
7. Turishchev D. G., Muromtseva A. K. Improving the methodology for assessing the effectiveness of commercial organizations in modern conditions. *Russia is young*: Proc. XI All-Russian Sci.-Prac. Conf. of Young Scientists with Intern. Participation, Kemerovo, 16–19 Apr 2019. Kemerovo: KuzGTU, 2019. Available at: http://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Conference/RM/2019/RM19/pages/Articles/80360.pdf (accessed 2 Oct 2021). (In Russ.)
8. Sukharev O. S. *The theory of economic efficiency*. Moscow: Finansy i statistika, 2009, 369. (In Russ.)
9. Buydinov Eu. V., Kuzovkova T. A., Kuzovkov D. V., Sharavova O. I. Methodical bases of measurement of synergetic efficiency of investment projects. *Elektrosviaz*, 2020, (6): 51–55. (In Russ.) https://doi.org/10.34832/ELSV.2020.7.6.009

 © 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

10. Kovrizhnykh O. E. Application of the method of the analytical hierarchy process for assessing the synergistic efficiency of the project. *Entrepreneur's Guide*, 2013, (20): 140–146. (In Russ.)
11. Sukharev O. S. Theoretical approaches to assessing the effectiveness of the functioning of economic systems of varying complexity and purpose. *Managing the development of large-scale systems (MLSD'2012)*: Proc. 6th Intern. Conf., Moscow, 1–3 Oct 2012. Moscow: IPU RAN, 2012, vol. 1, 181–183. (In Russ.)
12. Sukharev O. S. Methods and models for measuring the effectiveness economic system. *Ekonomika i predprinimatelstvo*, 2012, 6(4): 11–17. (In Russ.)
13. Biljuchenko G. S., Zolotukhin V. M. Social, economic, and sociocultural aspects of innovative approach to management and motivation of personnel. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(1): 42–48. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-1-42-48
14. Sukharev O. S. The problems of efficiency in economics (classical and systems viewpoint). *Zhurnal ekonomicheskoj teorii,* 2009, (2). Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_13013099_69573037.pdf (accessed 2 Oct 2021). (In Russ.)

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-568-578

оригинальная статья

Макроэкономическая оценка экологического качества экономического роста на уровне региона

Андрей Анатольевич Панов
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово; a.panov@mail.ru

Поступила в редакцию 30.10.2021. Принята после рецензирования 22.11.2021. Прията в печать 06.12.2021.

Аннотация: Представлены результаты макроэкономической оценки качества экономического роста с учетом экологических факторов, полученные в процессе стратегической экологической оценки приоритетов развития Кемеровской области – Кузбасса за период 2002–2019 годов. Цель – определение влияния экологических факторов на масштабы эко-интенсивности и тип экономического роста. Объект исследования – экономика сырьевого региона в условиях глобальных и национальных экологических вызовов. Представлен обзор методов эколого-экономического анализа, пригодных для стратегической экологической оценки. Для определения тенденций выбраны методы расчета эко-интенсивности экономики и выявления эффекта декаплинга, а для оценки качества экономического роста – модель П. Виктора. Показано, что по основным видам негативного воздействия (выбросам загрязняющих веществ, образованию отходов и масштабам нарушенных земель) эффект декаплинга не выражен, и только по объемам сброса загрязненных сточных вод выявлен эффект «зеленого» декаплинга. Использование расширенной модели П. Виктора показало преобладание «коричневого» экономического роста, а повышение углеродоемкости валового регионального продукта по метану – значительное снижение развития экономики региона. Представлен прогноз развития экономики Кемеровской области – Кузбасса с учетом глобальных и национальных трендов декарбонизации экономики. Определено, что основным направлением снижения уровня эко-интенсивности и повышения темпов декарбонизации экономики должен стать переход на применение наилучших доступных технологий, причем как в основных производствах, так и в процессах утилизации основного парникового газа в регионе – метана.

Ключевые слова: стратегическая экологическая оценка, эколого-экономический анализ, эко-интенсивность, декаплинг, модель П. Виктора, углеродоемкость, декарбонизация, наилучшие доступные технологии

Цитирование: Панов А. А. Макроэкономическая оценка экологического качества экономического роста на уровне региона // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 4. С. 568–578. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-568-578

Введение

Обеспечение экономического роста является важнейшей задачей любого государства или региона. По таким показателям экономического роста, как валовой внутренний продукт (ВВП), валовой региональный продукт (ВРП), объем инвестиций, в том числе и в виде подушевых показателей, определяют социально-экономический результат, прирост национального богатства и изменение благосостояния населения. Однако количественная оценка экономического роста далеко не всегда отражает его качество и изменение благосостояния населения. На качество экономического роста влияет большое количество факторов, среди которых последние десятилетия называют экологический, связанный с нарастающими темпами использования природных ресурсов, увеличением антропогенной нагрузки на окружающую среду, и в том числе на здоровье населения. Именно с экологическими факторами связывают не только снижение уровня здоровья населения, но и результативность экономики.

Эта тенденция четко прослеживается в ежегодных докладах Давосского форума. Например, в 2020 г. все пять глобальных рисков для развития экономики были экологическими (экстремальные погодные условия, неудача климатических действий, природные катастрофы, потери биоразнообразия и антропогенные экологические катастрофы)[1]. Современная экономическая наука уже не может развиваться без учета этих рисков. Новые модели экономики, основанные на принципах «зеленой» экономики, устойчивого развития и достижения целей, тысячелетия требуют новых механизмов и инструментов, необходимых для формирования высокоэффективных и экологоориентированных стратегий различного уровня.

В качестве объекта исследования автор определил экономику Кемеровской области – Кузбасса и масштабы ее воздействия на окружающую среду. Кузбасс – типичный сырьевой регион, где драйверами экономического роста являются отрасли топливно-энергетического и металлургического комплексов, создающие значительную

[1] Global Risk Report 2020. Geneva: World Economic Forum, 2020. 102 p.

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

антропогенную нагрузку на окружающую среду. Учитывая значительное влияние экологического фактора на социально-экономическое развитие региона, в Стратегии Кузбасс-2035 была определена стратегическая экологическая задача – увеличение объемов производства базовых отраслей в условиях снижения негативного воздействия на окружающую среду[2], что также нашло отражение и в региональной экологической политике[3]. Кроме того, экономика Кузбасса и России в целом находится под влиянием значимых глобальных экологических и энергетических вызовов, связанных с принятием парижского соглашения[4] и введением мер углеродного регулирования со стороны стран Евросоюза[5]. Изменяющиеся глобальные и национальные условия для развития сырьевых регионов, усиление влияния экологического фактора на благосостояние населения требуют внедрения в практику регионального управления методов стратегической экологической оценки (СЭО) для обеспечения мониторинга экологического качества экономического роста. В настоящее время для России и ее регионов оценка экологического качества экономического роста имеет вполне конкретный контекст в виде адаптированных целей устойчивого развития (ЦУР) и национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г. [1].

Адаптация ЦУР по борьбе с изменениями климата и его последствиями, по укреплению средств достижения устойчивого развития и активизации работы механизмов глобального партнерства выразилась для России в виде целей по обеспечению экологической устойчивости и участию в глобальном сотрудничестве, отвечающем национальным интересам. Это позволило определить стратегическую национальную цель – обеспечение комфортной и безопасной среды для жизни с конкретными целевыми показателями. Например, для оценки достижения цели по обеспечению комфортной и безопасной среды предложены три конкретных целевых экологических показателя: улучшение качества городской среды в полтора раза; снижение выбросов опасных загрязняющих веществ, оказывающих наибольшее негативное воздействие на окружающую среду и здоровье человека, в два раза; ликвидация наиболее опасных объектов накопленного вреда окружающей среде и экологическое оздоровление водных объектов[6].

Кроме того, интеграция парадигмы устойчивого развития в формирование теории качества экономического роста требует комплексного социо-эколого-экономического подхода к его оценке. Разработанные методы социо-эколого-экономического измерения стали буквально катализаторами процесса повышения исследовательской активности в области оценки устойчивости и моделирования сбалансированного развития. Комплексный подход, использование агрегированных показателей становятся ведущими методами в большинстве видов стратегической и тактической экологической оценки среди российских исследователей. Значительный интерес к комплексному подходу проявляли и зарубежные ученые [2–4]. Особенно важно отметить большое количество исследований с применением комплексных методов социо-эколого-экономических оценки на уровне регионов России. Автором не выявлен общепринятый подход к подобного рода оценкам в процессе анализа работ разных исследователей, часть из которых вносят значительный вклад в развитие методологии эколого-экономического оценивания.

Методы

Среди первых работ по моделированию эколого-экономической системы региона с применением комбинированного матрично-индексного подхода выделим исследования В. И. Гурмана, Е. В. Рюминой и соавторов. Полученные данные обеспечивают возможность адекватно оценивать состояние региона и принимать оптимальные решения, направленные на выявление необходимых социо-эколого-экономических условий перехода к устойчивому развитию территории. Авторами были предложены модели нового поколения моделей экономики для определенного периода, впоследствии еще и с учетом инновационного фактора. Модели были апробированы в Иркутской и Московской областях и в Республике Бурятия [5–8].

На современном этапе формирования концепции «зеленой» экономики и «зеленого» экономического роста методические подходы к СЭО получили развитие за счет методов диагностики в совокупности с оценками эко-интенсивности. Ряд исследователей предлагают использовать для диагностики «зеленого» роста модель П. Виктора [9]. И. П. Глазырина отмечает, что «для концептуальной схемы своей модели он использовал один из хорошо известных индикаторов эко-интенсивности: объем выбросов углерода в расчете на единицу внутреннего валового продукта (ВВП), и на этой основе разработал правило, которое позволяет характеризовать динамику развития как "зеленый", "коричневый" или "черный" рост

[2] Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 года. Закон Кемеровской области от 26.12.2018 № 122-ОЗ // Кодекс. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/550305101 (дата обращения: 16.10.2021).

[3] Об утверждении Концепции экологической политики Кузбасса. Распоряжение Правительства Кемеровской области – Кузбасса от 31.08.2020 № 574-р // Администрация Правительства Кузбасса. Режим доступа: https://bulleten-kuzbass.ru/bulletin/291662 (дата обращения: 23.11.2021).

[4] Аналитический доклад «Риски реализации Парижского климатического соглашения для экономики и национальной безопасности России». М.: Институт проблем естественных монополий, 2016. 114 с.

[5] CBAM. Последствия для российской экономики. М.: ЦЭНЭФ-XXI, 2021. 140 с.

[6] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 // Президент России. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726 (дата обращения: 16.10.2021).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-568-578

по отношению к климатическим последствиям хозяйственной деятельности, в том числе – в периоды экономического спада» [10, с. 10–11]. Модель П. Виктора позволяет изучать и сравнивать эколого-экономическую динамику, характеризующую экологические последствия экономического роста стран и регионов. Апробация данной модели успешно прошла в зарубежных государствах. Например, П. Виктор с помощью своей модели анализировал экологическое качество экономического роста в Канаде и признал его преимущественно «коричневым» в части углеродоемкости экономики [11]. Исследование процессов низкоуглеродного развития с использованием модели П. Виктора в Китае также показало преимущественно «черный» и «коричневый» экономический рост [12].

В российских исследованиях диагностики экологического качества экономического роста модель П. Виктора значительно расширена за счет внесения дополнительных показателей воздействия на отдельные среды и лучших природоохранных практик, способствующих снижению негативного воздействия. В статьях отечественных исследователей представлены результаты оценки эко-интенсивности (с различными видами негативного воздействия) и качества экономического роста в субъектах России: в Забайкальских регионах и на Дальнем Востоке, в том числе на примере лесного сектора и с учетом стимулирующего влияния платности природопользования [10; 13; 14]; в Северо-западном и Уральском федеральных округах [15–17]. Авторы в своих исследованиях значительно расширяют базовую модель П. Виктора, в том числе за счет введения факторов модернизации производства. Эта позиция близка авторской и определена нами в качестве развития методов за счет включения в СЭО факторов глобальных и национальных экологических вызовов и трендов в части формирования новой экологической промышленной политики на основе применения наилучших доступных технологий (НДТ) и программ по климатической адаптации.

Автор также солидарен с Т. В. Тихоновой в том, что «диагностика оценки степени экологичности экономического развития, основанная на использовании модели кривых П. Виктора (особенно в расширенной интерпретации – *прим. автора*), может позволить принимать более адекватные управленческие решения в сфере природопользования» и в том, что использование кривых П. Виктора «по сравнению с традиционными методами более корректно, поскольку учитывает взаимосвязи экономической активности региона и нагрузки на окружающую среду и позволяет обоснованно судить об уровне благополучия экологической ситуации» [15, с. 175].

Не менее популярным методом для оценки экологического качества экономического роста является метод декаплинга (decoupling). Концепция декаплинга определяет ключевой принцип «зеленой» экономики, потому что она создает основу стратегии движения к снижению эко-интенсивности. Декаплинг отражает грань между экономическим ростом и негативным воздействием на окружающую среду, которое должно быть меньше, чем его экономическая движущая сила (например, ВВП или объемы производства за определенный период времени). В настоящее время создан огромный массив региональных практик по макроэкономической оценке экологического качества экономического роста с применением метода декаплинга [18–24]. Особую ценность для нас имеют работы, выполненные на материалах экономик сырьевых регионов (Забайкальского края, Дальнего Востока, Северо-западного федерального округа).

Материалы для эколого-экономического анализа

В текущем периоде, как и многие десятилетия назад, экономика Кузбасса сохраняет свой «генетический код» в отношении специализации на добыче полезных ископаемых, производстве металлов, кокса и электроэнергии. Изменения в структуре ведущих производств незначительны, лишь в последние годы стали увеличивать свою долю строительство, торговля и деятельность по операциям с недвижимым имуществом (табл.)[7]. Кузбасс – традиционный лидер по объему добычи угля: в российском производстве этот показатель составляет более половины от общего объема (в 2020 г. – 55,2 %). Доля в общероссийском объеме производства проката, стали и кокса также значительна и по состоянию на 2020 г. составляла соответственно – 11,7, 11,9 и 20,6 %[8], поэтому их вклад в создание ВРП составляет 40 % и более, в зависимости от конъюнктуры рынка и цен на продукцию. По данным Правительства Кемеровской области – Кузбасса, объем инвестиций в основной капитал и подушевые инвестиции в исследуемом периоде демонстрируют устойчивый рост: в 2010 г. объем составлял 156518 млн руб. (56564 млн руб. – на душу населения), в 2015 г. – 170470 млн руб. (62643 млн руб. – на душу населения), в 2020 г. – 276683 млн руб. (104581 млн руб. – на душу населения). Наиболее крупные инвестиционные проекты в этом периоде были реализованы в металлургии, электроэнергетике и добыче угля. В основном это проекты модернизации существующих производств, что очень важно для повышения экономической эффективности их деятельности и снижения негативного воздействия на окружающую среду.

Для макроэкономической оценки экологического качества экономического роста важное значение имеет динамика объемов изъятия природных ресурсов и негативного воздействия на окружающую среду. Анализ

[7] Составлена на основании данных Правительства Кемеровской области – Кузбасса.

[8] Доля Кузбасса в общероссийском объеме. Режим доступа: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fako.ru%2Fupload%2Fmedialibrary%2F9a7%2Fdl_09.2021.DOC&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 25.10.2021).

данных на рис. 1[9] показывает, что объемы негативного воздействия на окружающую среду растут на протяжении всего периода исследования, даже в условиях снижения объемов ВРП и добычи угля – основного регионального продукта (2018–2019 гг.). Исключение составляет ситуация со сбросом загрязненных сточных вод, демонстрирующая снижение объемов на протяжении всего периода.

Результаты

В настоящее время инструментарий для оценки эколого-экономических взаимодействий широко представлен различными показателями и индексами. Особую популярность имеет вышеназванный декаплинг. Выявление эффекта декаплинга (ЭД) предполагает обратную зависимость между экономическим ростом и эко-интенсивностью,

Табл. Структура экономики Кузбасса за период 2016–2019 гг., %
Tab. Economy in the Kemerovo region in 2016–2019, %

Специализация	2016	2017	2018	2019
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	3,0	2,2	1,9	2,2
Добыча полезных ископаемых	28,4	35,2	35,9	26,3
Обрабатывающие производства	15,4	13,9	14,6	14,0
Обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха	4,4	4,6	3,9	4,5
Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	0,9	0,8	0,7	0,8
Строительство	3,8	3,3	3,6	5,4
Торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	9,3	8,7	8,6	10,0
Транспортировка и хранение	6,0	6,1	6,2	7,1
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	0,9	0,8	0,7	0,9
Деятельность в области информации и связи	1,3	1,2	1,1	1,4
Деятельность финансовая и страховая	0,3	0,2	0,2	0,2
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	7,5	6,4	6,3	7,6
Деятельность профессиональная, научная и техническая	1,9	1,9	1,8	2,1
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	2,2	2,0	1,8	2,0
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение	5,8	4,8	4,5	5,5
Образование	3,3	3,0	3,0	3,6
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	4,6	4,1	4,4	5,4
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	0,6	0,4	0,5	0,6
Предоставление прочих видов услуг	0,4	0,4	0,3	0,4

Прим.: ВРП=100,0 (2016–2019 гг.).

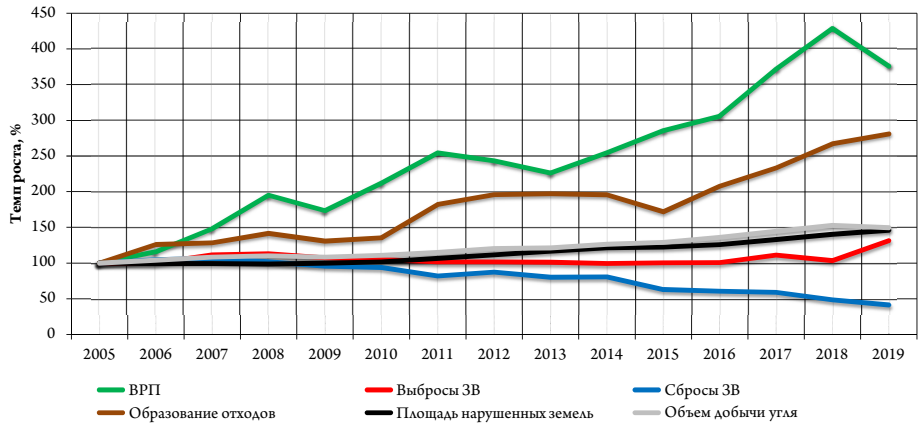

Рис. 1. Темпы экономического роста и эко-интенсивности в Кузбассе, 2005–2019 гг.
Fig. 1. Rates of economic growth and eco-intensity in the Kuzbass, 2005–2019

[9] Составлен на основании данных Кемеровостата и Южно-Сибирского межрегионального управления Росприроднадзора.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
политические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-568-578

углеродоемкостью и природоемкостью экономики в целом или отдельных производств.

На материалах об эколого-экономическом развитии Кузбасса автором выполнено сравнение темпов экономического роста с использованием стоимостного выражения ВРП и темпами роста экологической нагрузки на территорию посредством выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, сброса загрязненных сточных вод, образования отходов и нарушенных земель. Результаты оценки представлены на рис. 2.

Для интерпретации результатов значений коэффициентов парной корреляции «используют линейный коэффициент корреляции r_{xy}, который может принимать значение от +1 до –1. Положительное значение коэффициента корреляции свидетельствует о прямой связи между X и Y, а отрицательное – об обратной связи» [19, с. 56]. Теснота связей была определена с использованием шкалы Чеддока: $0,1<r_{xy}<0,3$ – связь слабая; $0,3<r_{xy}<0,5$ – связь умеренная; $0,5<r_{xy}<0,7$ – связь заметная; $0,7<r_{xy}<0,9$ – связь высокая; $0,9<r_{xy}<1$ – связь весьма высокая [19, с. 56].

Выявлено, что по трем из четырех эколого-экономических взаимодействий ЭД не наблюдается. Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу, образование отходов и нарушенных земель сопровождают рост ВРП, не обнаруживая признаков ослабления трендов. В то же время весьма высокую отрицательную связь (0,94) демонстрируют экономический рост и снижение сбросов загрязненных сточных вод. Анализ результатов исследований по выявлению ЭД регионов в разрезе федеральных округов показал, что подобные эколого-экономические взаимодействия по снижению эко-интенсивности сбросов загрязненных сточных вод наблюдаются в большинстве субъектов [23]. По мнению автора, это связано со значительным ужесточением норм водного законодательства в части определения экологического ущерба, хотя повышение социальной ответственности бизнеса и внимания органов власти к этой проблеме тоже может иметь место.

По данным Министерства природных ресурсов и экологии Кузбасса, в результате перехода на применение НДТ в сфере водоочистки и реализации хозяйствующими субъектами мероприятий по строительству и реконструкции очистных сооружений объем сброса загрязненных сточных вод в реки и водоемы Кузбасса в 2019 г. сократился по сравнению с 2017 г. на 29,9 %, в 2020 г. (также относительно 2017 г.) – на 39,44 %. Объемы сбросов загрязненных сточных вод в водные объекты Кузбасса в 2020 г. распределились следующим образом: угольные компании – 25,14 %, химическая промышленность – 27,94 %, жилищно-коммунальное хозяйство – 19,2 %, предприятия по обеспечению электрической энергией, газом и паром – 9,23 %. И поскольку наибольшее количество загрязненных сточных вод поступает в поверхностные водные объекты от предприятий, занятых добычей угля, то и наибольшая ответственность за водоочистку ложится на них. За 2018–2020 гг. угольные предприятия ввели в строй 44 новых и реконструированных очистных сооружений. В результате объем загрязненных сточных вод по данной отрасли в сравнении с показателями

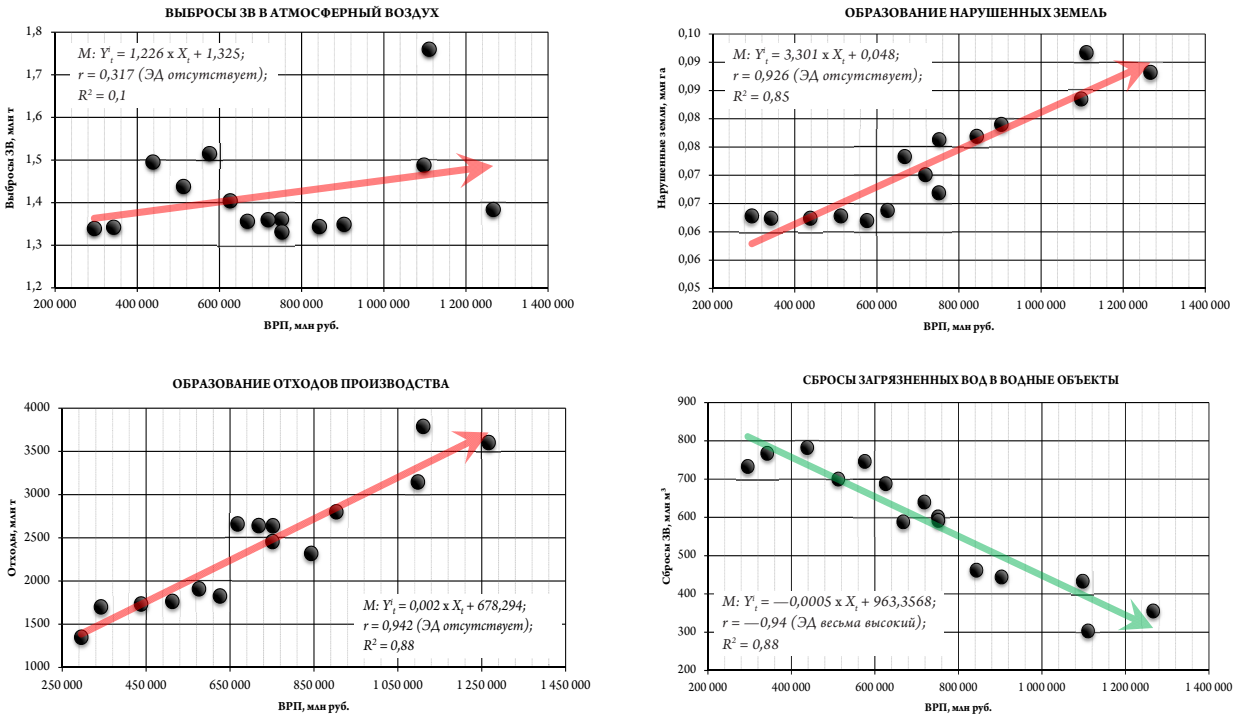

Рис. 2. ЭД по основным видам негативного воздействия на окружающую среду Кузбасса, 2005–2019 гг.
Fig. 2. Decoupling effect on the main types of negative environmental impact in the Kemerovo region, 2005–2019

2017 г. сократился в 2018 г. на 21,5 %, в 2019 г. – на 51,6 %, в 2020 г. – на 62 %. На 2021 г. на предприятиях угольной отрасли запланированы строительство и реконструкция еще 14 очистных сооружений.

По другим видам негативного воздействия на окружающую среду Кузбасса подобная динамика и перспективы не так оптимистичны. Рассмотрим более подробно ситуацию с выбросами в атмосферу. Графическая информация на рис. 3, представляющая собой основу для вычисления корреляции между темпами экономического роста / спада и эко-интенсивностью, отчетливо показывает положительную динамику выбросов загрязняющих веществ с заметным повышением в 2018 и 2019 гг. На это даже не повлияло небольшое снижение добычи угля в 2019 г.

Эко-интенсивность экономики по этому виду негативного воздействия продолжает увеличиваться. Следует отметить, что на повышение эко-интенсивности значительное влияние оказывают выбросы метана (CH_4) – самого распространенного парникового газа в регионе. За период исследования его объемы увеличились на 39,1 %, тогда как выбросы без учета метана – всего на 2,3 %. Особое внимание к эмиссии метана обусловлено тем, что он вносит самый значительный вклад в повышение углеродоемкости экономики региона и большинства основных видов продукции, где уголь от подземной добычи используется в качестве топлива и сырья. Это непосредственно сама продукция от обогащения угля, а также металл и производство электроэнергии. В связи с введением в действие законодательства по ограничению выбросов парниковых газов в России[10] и трансграничного углеродного регулирования для продукции с высоким углеродным следом, экспортируемой в страны Евросоюза[11], повышение ее углеродоемкости становится ограничением для развития экономики страны и региона [25]. Для обоснования прогноза возможности снижения углеродоемкости экономики Кузбасса путем сокращения выбросов метана был использован пионерный для России опыт его утилизации в установках для сжигания и получения электроэнергии и тепла. В перечне НДТ этот метод утилизации метана отнесен к категории перспективных[12]. Установки по утилизации метана внедрены на угольных шахтах компаний «СУЭК-Кузбасс» и «Распадская». Помимо этого, стратегическая программа угольного дивизиона ЕВРАЗа предусматривает строительство 25 подобных установок на шахтах Распадской угольной компании до 2026 г. и снижение выбросов метана на 75 % до 2030 г.[13]

На рис. 4 представлены два варианта развития ситуации с выбросами метана – с применением НДТ и без их применения. Очевидно, что с ростом объема добычи угля увеличиваются выбросы метана. Выявлено, что «зеленый» декаплинг по метану может быть достигнут, если выбросы будут снижаться не менее чем на 20 % каждые пять лет. При достижении индекса декаплинга 0,746 может состояться оптимистический сценарий с точки зрения снижения эко-интенсивности по метану даже в условиях увеличения добычи угля.

Анализ эколого-экономических взаимодействий с использованием стоимостных и натуральных показателей позволяет сделать вывод о том, что ЭД может быть использован для оценки эффективности программ и планов по модернизации производства и достижения целей устойчивого развития региона и страны в целом. В СЭО представляется важной также оценка влияния эко-интенсивности на качество экономического роста. В настоящем исследовании для диагностики экологического качества экономического роста была использована

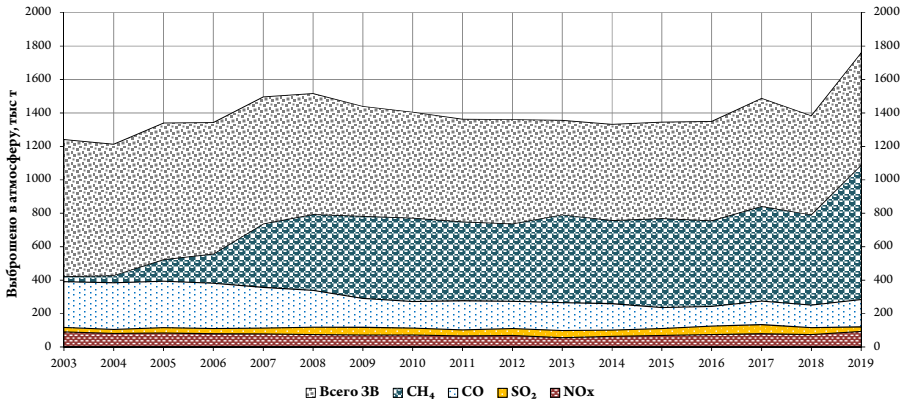

Рис. 3. Динамика выбросов загрязняющих веществ от стационарных источников в атмосферу в Кузбассе, 2003–2019 гг.
Fig. 3. Air pollution dynamics in the Kemerovo region, 2003–2019

[10] Об ограничении выбросов парниковых газов. ФЗ от 02.07.2021 № 296-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

[11] Carbon Border Adjustment Mechanism. European Union: European Commission, 2021. 2 p. https://doi.org/10.2778/584899

[12] ИТС 37-2017. Добыча и обогащение угля. Утв. Приказом Росстандарта от 15.12.2017 № 2841, введен в действие 01.06.2018 // Кодекс. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/556173717 (дата обращения: 11.05.2021).

[13] ЕВРАЗ представил Стратегию по сокращению выбросов парниковых газов на «Зеленой гостиной» // ЕВРАЗ. 13.05.2021. Режим доступа: https://www.evraz.com/ru/news-and-media/press-releases-and-news/evraz-predstavil-strategiyu-po-sokrashcheniyu-vybrosov-parnikovykh-gazov-na-zelenoy-gostinoy/ (дата обращения: 18.05.2021).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
политические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-568-578

модель П. Виктора. Предложенная им графическая схема обозначает эколого-экономические зоны роста двух процессов через соотношение кривых взаимозависимости экономики и ее воздействия на окружающую среду.

Результаты оценки демонстрируют два прямо противоположных тренда в экологическом качестве экономического роста (рис. 5). «Зеленый» тип экономического роста создает ситуация со стабильным снижением сбросов загрязненных сточных вод. Начиная с 2010 г., эко-интенсивность по негативному воздействию на водные объекты стабильно располагается в зоне зеленого сектора. Это результат государственной и региональной экологической политики по переходу на применение НДТ в сфере очистки сточных вод.

Эко-интенсивность по образованию отходов наоборот демонстрирует ситуацию движения в зону «коричневого» и даже «черного» экономического роста. По мнению автора, это типичная ситуация для экономики горнодобывающего региона, где почти 97 % всех отходов составляют вскрышные породы горнодобывающих предприятий, которые относятся к 5 классу опасности. Снизить объем отходов можно только вторичной переработкой, но свойства вскрышной породы не позволяют вовлекать ее во вторичное использование в значительных объемах. В связи со спецификой ведения открытых горных работ не всегда возможно использовать вскрышу для закладки выработанного пространства, особенно на начальной стадии работы предприятия. В настоящее время объем накопленных отходов от угольных предприятий ежегодно увеличивается почти на 3,5 млрд т.

Аналогичная ситуация с эко-интенсивностью по нарушенным землям и выбросам метана (рис. 6). В условиях повышения объемов добычи угля как основного экономического фактора формируется устойчивый тренд в сторону «коричневого» типа экономического роста. По сравнению с образованием отходов эти виды негативного воздействия более управляемы, и эко-интенсивность может быть снижена путем перехода на применение прогрессивных НДТ.

Кардинальное решение вопроса об изменении экологического качества экономического роста может быть достигнуто путем постепенной диверсификации экономики региона и ухода от сырьевой зависимости. Несомненно, переход на принципы «зеленой» экономики с применением высокоинтенсивных природоохранных и ресурсосберегающих технологий способствует снижению уровня эко-интенсивности в части выбросов метана, использования и очистки воды, сокращения площади нарушенных земель, но проблема образования вскрышных пород без снижения объемов добычи угля открытым способом практически не разрешима.

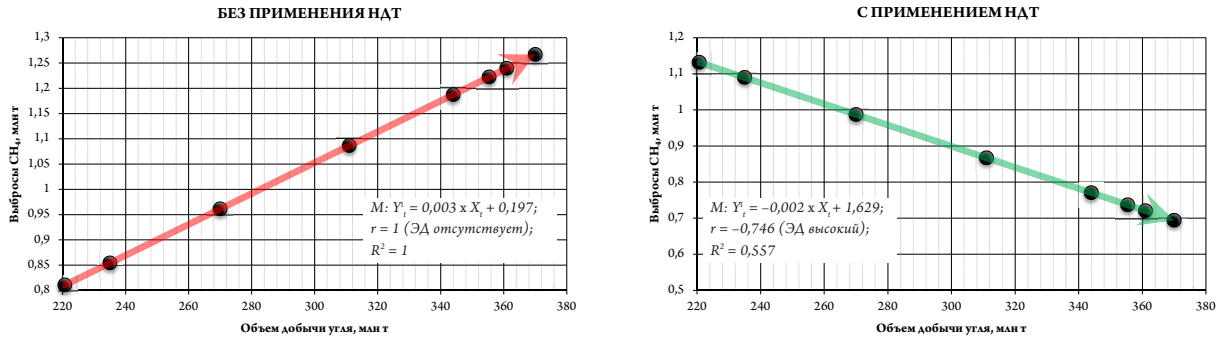

Рис. 4. Прогноз ЭД по выбросам метана в угольных производствах Кузбасса, 2020–2035 гг.
Fig. 4. Forecast of the decoupling effect on methane emissions in coal mines of Kuzbass, 2020–2035

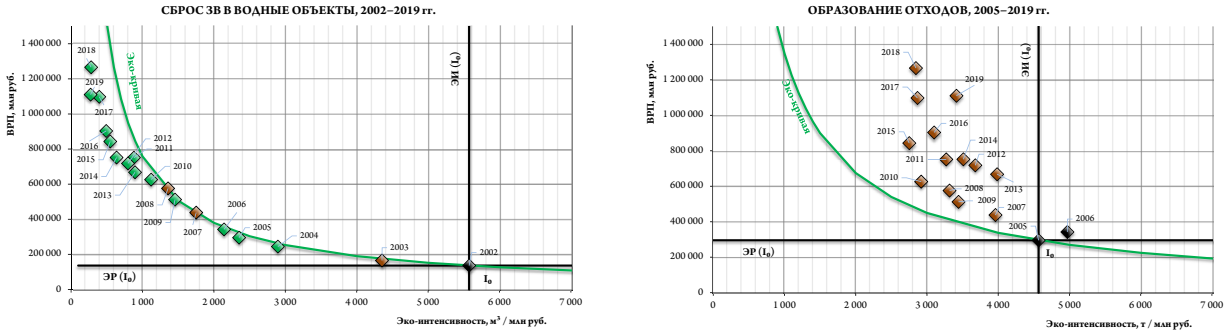

Рис. 5. Эко-интенсивность экономики Кузбасса по сбросу загрязненных сточных вод и образованию отходов
Fig. 5. Eco-intensity of Kuzbass economy in the discharge of polluted wastewater and waste generation

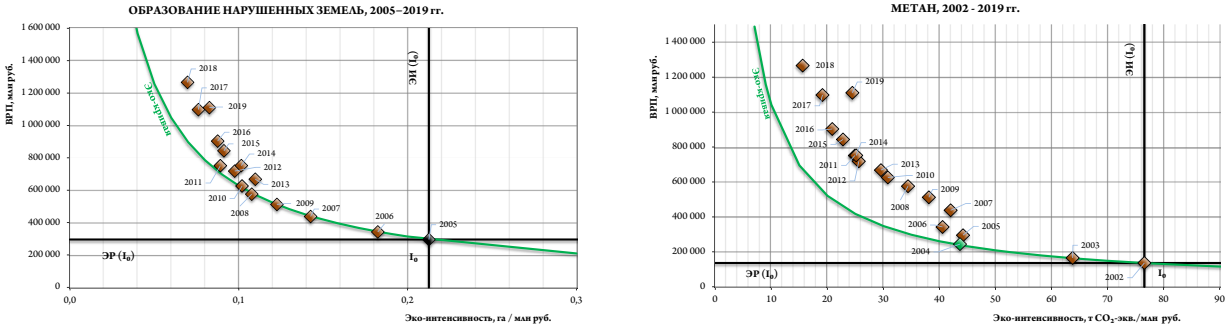

Рис. 6. Эко-интенсивность экономики Кузбасса по образованию нарушенных земель и выбросам метана в Кузбассе
Fig. 6. Eco-intensity of Kuzbass economy: disturbed lands and methane emissions

Заключение

Макроэкономическая оценка развития экономики Кузбасса показала, что в настоящее время в условиях сохранения сложившихся типов специализации экономики, в регионе будет преобладать «коричневый» тип экономического роста. Использование таких методов и инструментов оценки эколого-экономических взаимодействий, как декаплинг и модель П. Виктора можно отнести к перспективным для нужд СЭО и формирования сценариев развития регионов с учетом факторов негативного воздействия на окружающую среду. Результаты оценки эколого-экономических взаимодействий и экологического качества экономического роста необходимы лицам, принимающим решения как на уровне региона, так и на уровне отрасли и страны в целом, для формирования экологической политики и направлений диверсификации экономики.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 год / под ред. С. Н. Бобылева, Л. М. Григорьева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2016. 298 с.
2. Langer M. E., Schön A. Evaluation of sustainable development. An integrated referential framework for sustainable development // WU Jahrestagung "Forschung für Wirtschaft und Gesellschaft": Proc. Conf. (Vienna, 5–7 Nov 2002) Vienna: Wirtschaftsuniversität Wien, 2002. 55 p.
3. Klauer B., Bartkowski B., Manstetten R., Petersen T. Sustainability as a fair bequest: an evaluation challenge // Ecological Economics. 2017. Vol. 141. P. 136–143. https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2017.06.001
4. Sun X., Liu X., Li F., Tao Y., Song Y. Comprehensive evaluation of different scale cities sustainable development for economy, society, and ecological infrastructure in China // Journal of Cleaner Production. 2017. Vol. 163. P. 329–337. https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2015.09.002
5. Рюмина Е. В. Анализ эколого-экономических взаимодействий. М.: Наука, 2000. 158 с.
6. Балацкий О. Ф., Белышев Д. В., Гурман В. И., Дейссенберг Х., Константинов Г. Н., Кульбака Н. Э., Рюмина Е. В., Токсанбаева М. С. Моделирование социо-эколого-экономической системы региона / под ред. В. И. Гурмана, Е. В. Рюминой. М.: Наука, 2001. 175 с.
7. Gurman V. I. The extension principle in the problems of sustainable development. Moscow: Fizmatlit, 2005. 128 p.
8. Гурман В. И. Моделирование социо-эколого-экономической системы региона // Вестник Сибирской академии права, экономики и управления. 2011. № 2. С. 4–7.
9. Victor P. A. The Kenneth E. Boulding Memorial Award 2014: ecological economics: a personal journey // Ecological Economics. 2015. Vol. 109. P. 93–100. https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2014.11.009
10. Глазырина И. П. Тернистый путь к «зеленой» экономике // ЭКО. 2020. Т. 50. № 9. С. 8–23. https://doi.org/10.30680/eco0131-7652-2020-9-8-23
11. Victor P. A. Growth, degrowth and climate change: a scenario analysis // Ecological Economics. 2012. Vol. 84. P. 206–212. https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2011.04.013
12. Shang Y., Si Y., Zeng G. Black or green? Economic growth patterns in China under low carbon economy targets // Journal of Resources and Ecology. 2015. Vol. 6. № 5. P. 310–317. https://doi.org/10.5814/j.issn.1674-764x.2015.05.004
13. Глазырина И. П., Фалейчик Л. М., Яковлева К. А. Социально-экономическая эффективность и «зеленый» рост регионального лесопользования // География и природные ресурсы. 2015. № 4. С. 17–25.

14. Забелина И. А. Эколого-экономические аспекты развития приграничных регионов Сибири и Дальнего Востока: перспективы движения к «зеленой» экономике // Восточный вектор России: шанс для «зеленой» экономики в природно-ресурсных регионах: мат-лы науч. семинара (оз. Байкал, Малое Море, 27 июля – 1 августа 2015 г.) Иркутск: Изд-во Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2016. С. 231–240.
15. Тихонова Т. В. Экологическая оценка экономического роста северного региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 162–178. https://doi.org/10.15838/ esc.2018.3.57.11
16. Третьякова Е. А. Экологическая интенсивность экономического развития регионов Северо-Запада // Балтийский регион. 2019. Т. 11. № 1. С. 14–28. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-1-2
17. Шкиперова Г. Т., Курило А. Е. Оценка развития регионов Северо-Запада в контексте концепции «зеленой» экономики // Проблемы рыночной экономики. 2019. № 3. С. 5–13. https://doi.org/10.33051/2500-2325-2019-3-05-13
18. Терешина М. В., Дегтярева И. Н. «Зеленый рост» и структурные сдвиги в региональной экономике: попытка теоретико-методологического анализа // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 246–248.
19. Яшалова Н. Н. Анализ проявления эффекта декаплинга в эколого-экономической деятельности региона // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 39. С. 54–61.
20. Самарина В. П. Эффект декаплинга в экономическом развитии Мурманской области // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. № 2. С. 24–30.
21. Акулов А. О. Эффект декаплинга в индустриальном регионе (на примере Кемеровской области) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 4. С. 177–185.
22. Арсаханова З. А., Хажмурадов З. Д., Хажмурадова С. Д. Декаплинг в экономике – сущность, определение и виды // Общество, экономика, управление. 2019. Т. 4. № 4. С. 13–18.
23. Зеленая экономика и цели устойчивого развития для России / под науч. ред. С. Н. Бобылёва, П. А. Кирюшина, О. В. Кудрявцевой. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2019. 284 с.
24. Забелина И. А., Делюга А. В. Эколого-экономические тенденции в Байкальском регионе и на Дальнем Востоке в условиях институциональных изменений // ЭКО. 2019. № 5. С. 66–88.
25. Mekush G. E., Panov A. A. Kuzbass economy and carbon control tools // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2021. Vol. 14. № 7. P. 1039–1046. https://doi.org/10.17516/1997–1370–0783

original article

Macroeconomic Assessment of the Environmental Quality of Economic Growth at the Regional Level

Andrey A. Panov
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; a.panov@mail.ru

Received 30 Oct 2021. Accepted after peer review 22 Nov 2021. Accepted for publication 6 Dec 2021.

Abstract: The research featured a macroeconomic assessment of the quality of economic growth. The analysis was based on various environmental factors, obtained in the process of strategic environmental assessment of the developmental priorities of the Kemerovo region in 2002–2020. The research objective was to determine the effect of environmental factors on eco-intensity and economic growth in this resource-based region in the context of global and national environmental challenges. The paper presents an overview of the methods of ecological and economic analysis suitable for strategic environmental assessment. The study featured mathematical methods of calculating the economic eco-intensity and the decoupling effect, as well as the model of economic growth developed by P. Victor. The decoupling effect was rather weak for the main types of negative impact, i.e. pollution, waste generation, disturbed lands, etc. The only green decoupling effect was revealed by the volume of contaminated wastewater. P. Victor's extended model showed the predominance of "brown" economic growth, while the increase in the carbon intensity of the gross domestic product for methane coincided with the significant decrease in the economic development of the region. The article also introduces a forecast of the economic development of the Kemerovo region, based on global and national trends of decarbonization. Transition to the use of the best available technologies should reduce the level of eco-intensity and increase the rate of decarbonization, both in the main industries and in methane processing.
Keywords: strategic environmental assessment, ecological and economic analysis, eco-intensity, decoupling, P. Victor's model, carbon intensity, decarbonization, the best available technologies

 © 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

Citation: Panov A. A. Macroeconomic Assessment of the Environmental Quality of Economic Growth at the Regional Level. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(4): 568–578. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-568-578

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. *Report on human development in the Russian Federation for 2016*, eds. Bobylev S. N., Grigoriev L. M. Moscow: Analiticheskii tsentr pri Pravitelstve Rossiiskoi Federatsii, 2016, 298. (In Russ.)
2. Langer M. E., Schön A. Evaluation of sustainable development. An integrated referential framework for sustainable development. *WU Jahrestagung "Forschung für Wirtschaft und Gesellschaft"*: Proc. Conf., Vienna, 5–7 Nov 2002. Vienna: Wirtschaftsuniversität Wien, 2002, 55.
3. Klauer B., Bartkowski B., Manstetten R., Petersen T. Sustainability as a fair bequest: an evaluation challenge. *Ecological Economics*, 2017, 141: 136–143. https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2017.06.001
4. Sun X., Liu X., Li F., Tao Y., Song Y. Comprehensive evaluation of different scale cities sustainable development for economy, society, and ecological infrastructure in China. *Journal of Cleaner Production*, 2017, 163: 329–337. https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2015.09.002
5. Ryumina E. V. *Analysis of ecological and economic interactions*. Moscow: Nauka, 2000, 158. (In Russ.)
6. Balatskii O. F., Belyshev D. V., Gurman V. I., Deissenberg Kh., Konstantinov G. N., Kulbaka N. E., Ryumina E. V., Toksanbaeva M. S. *Modeling of socio-ecological and economic system of the region*, eds. Gurman V. I., Ryumina E. V. Moscow: Nauka, 2001, 175. (In Russ.)
7. Gurman V. I. *The extension principle in the problems of sustainable development*. Moscow: Fizmatlit, 2005, 128.
8. Gurman V. I. Modeling socio-ecological-economic systems in the region. *Vestnik Sibirskoi akademii prava, ekonomiki i upravleniia*, 2011, (2): 4–7. (In Russ.)
9. Victor P. A. The Kenneth E. Boulding Memorial Award 2014: ecological economics: a personal journey. *Ecological Economics*, 2015, 109: 93–100. https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2014.11.009
10. Glazyrina I. P. A thorny path to green economy. *ECO*, 2020, 50(9): 8–23. (In Russ.) https://doi.org/10.30680/eco0131-7652-2020-9-8-23
11. Victor P. A. Growth, degrowth and climate change: a scenario analysis. *Ecological Economics*, 2012, 84: 206–212. https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2011.04.013
12. Shang Y., Si Y., Zeng G. Black or green? Economic growth patterns in China under low carbon economy targets. *Journal of Resources and Ecology*, 2015, 6(5): 310–317. https://doi.org/10.5814/j.issn.1674-764x.2015.05.004
13. Glazyrina I. P., Faleichik L. M., Yakovleva K. A. Socioeconomic effectiveness and "green" growth of regional forest use. *Geography and Natural Resources*, 2015, (4): 17–25. (In Russ.)
14. Zabelina I. A. Ecological and economic development aspects of the border regions of Siberia and Far East: prospects for movement in the "green" economy. *The Eastward vector of Russia: the chance for a "green" economy in natural resource regions*: Proc. Sci. Seminar, Lake Baikal, Maloe More, 27 Jul – 1 Aug, 2015. Irkutsk: Izd-vo Instituta geografii im. V. B. Sochavy SO RAN, 2016, 231–240. (In Russ.)
15. Tikhonova T. V. Environmental assessment of economic growth in the Northern region. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, 11(3): 162–178. (In Russ.) https://doi.org/10.15838/ esc.2018.3.57.11
16. Tretyakova E. A. Environmental intensity of economic growth in the Baltic Sea Region. *Balt. Reg.*, 2019, 11(1): 14–28. (In Russ.) https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-1-2
17. Shkiperova G. T., Kurilo A. E. Assessment of the North-West regions development in the concept of green economy context. *Market economy problems*, 2019, (3): 5–13. (In Russ.) https://doi.org/10.33051/2500-2325-2019-3-05-13
18. Tereshina M. V., Degtyareva I. N. "Green growth" and structural progress in regional economy: theoretical and methodological analysis. *Theory and Practice of Social Development*, 2012, (5): 246–248. (In Russ.)
19. Yashalova N. N. Analysis of the decoupling effect in ecological and economic activity of a region. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2014, (39): 54–61. (In Russ.)
20. Samarina V. P. Decoupling effect in economic development of the Murmansk region. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka*, 2014, (2): 24–30. (In Russ.)
21. Akulov A. O. Decoupling effect in the industrial region (the case of the Kemerovo Oblast). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2013, (4): 177–185. (In Russ.)
22. Arsakhanova Z. A., Khazhmuradov Z. D., Khazhmuradova S. D. Decapling in the economy – essence, definition and types. *Obshchestvo, ekonomika, upravlenie*, 2019, 4(4): 13–18. (In Russ.)

23. *Green economy and sustainable development goals for Russia,* eds. Bobylev S. N., Kiriushin P. A., Kudriavtseva O. V. Moscow: Ekonomicheskii fakultet MGU imeni M. V. Lomonosova, 2019, 284. (In Russ.)
24. Zabelina I. A., Delyuga A. V. Trends of ecological and economic development of the Far East regions and Sub-Federal Units of the Baikal region under conditions of institutional change. *ECO*, 2019, (5): 66–88. (In Russ.)
25. Mekush G. E., Panov A. A. Kuzbass economy and carbon control tools. Journal of Siberian Federal University. *Humanities & Social Sciences*, 2021, 14(7): 1039–1046. https://doi.org/10.17516/1997–1370–0783

Указатель статей, изданных за 2021 г. в журнале «Вестник КемГУ. Серия: политические, социологические и экономические науки»

	Стр.	№
ПОЛИТОЛОГИЯ		
Белекова А. Т. Возрастающая роль и ответственность ЮНЕСКО в сохранении памятников культурно-исторического наследия	1	1
Беленкова М. И. Структура репрезентации имиджа региональной власти в нарративной конструкции пользователя социальной сети (на примере аккаунтов губернатора Кемеровской области – Кузбасса С. Е. Цивилёва)	147	2
Гонсалес Седилло Х. И. Идеологическая последовательность и идеологическая война: американский фашизм против антифашизма, январь 2021 г.	17	1
Михалева А. В. Исламская идентичность в светском обществе в концепции Т. Убру	158	2
Писарева А. Н. Социальные сети в современных политических коммуникациях: контент-анализ научных статей в зарубежной периодике	289	3
Цуканов Л. В. Система национальной кибербезопасности Саудовской Аравии: специфика и риски развития	435	4
Чирун С. Н., Сади С. С. Региональные политико-институциональные и этнополитические процессы на примере Республики Тыва	19	1
СОЦИОЛОГИЯ		
Головчин М. А. Институциональные роли учительства в регионе: между конформизмом и нонконформизмом	28	1
Григорик Н. Н. Оценка как социологический концепт: к постановке проблемы	304	3
Ефремова Е. А. Тенденции социальных практик в развитии профессиональной мобильности молодежи	39	1
Зинурова Р. И., Никитина Т. Н. Цифровая среда высшего образования в России: объективные условия и субъективное восприятие студентами дистанционного обучения в ситуации повышения рисков	45	1
Ибрагимова З. Ф., Франц М. В. Вклад неравенства возможностей в индивидуальные достижения: роль характеристик семьи	444	4
Казакова М. И., Селиванова Т. В. Аналитические результаты использования электронной обучающей системы в организации горно-металлургического комплекса России	315	3
Логунова Е. Г. Репрезентация социальной ответственности современной молодежи через практики благотворительной деятельности в Удмуртской Республике	168	2
Морозова Е. А., Кочнева О. П. Миграционные настроения молодежи Кемеровской области – Кузбасса	326	3
Немировский В. Г., Новиков А. С. Доверие населения к институтам власти в контексте парасоциальных отношений в современном российском обществе	453	4
Сухарькова М. П. Мотивация олимпийских волонтеров в России и Китае	339	3
Татарова С. П., Затеева Н. А. Проблемы развития сельских территорий (на примере республик Бурятия и Тыва)	58	1
Шапиева А. В., Русанова А. А., Лаврикова В. Н., Филиппова Е. В. Профориентационная работа в вузе как фактор формирования профессиональной идентичности у студентов (на материалах Забайкальского государственного университета)	463	4

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4

	Стр.	№
Шиликов А. Ю. Проблемы формирования конфликтологической компетентности муниципальных служащих (по материалам социологического исследования)	472	4
Шпаковская Е. Ю., Токарь О. В., Гасанова Р. Р., Худякова Т. Л., Степанова О. П., Арпентьева М. Р. Карьерное и профессиональное развитие руководителя организации	482	4
Шумкин Е. М. Аспекты рациональности управленческих решений в сфере предпринимательства	66	1
Юрасов И. А., Танина М. А., Юдина В. А., Кузнецова Е. В. Состояние и тенденции развития теневого академического предпринимательства	347	3
ЭКОНОМИКА		
Абдулманапов С. Г., Меджидов З. У. Вопросы нивелирования безработицы в современных условиях: ответная реакция государств	78	1
Андрианова Н. В., Нечаева П. А. Интеллектуальные контракты при управлении снабжением машиностроительного предприятия	496	4
Арзуманян М. С. Эффективность деятельности органов местного самоуправления муниципальных районов Кемеровской области – Кузбасса	506	4
Бабина С. И., Егорова Н. М. Анализ уровня жизни населения Кемеровской области – Кузбасса в контексте ресурсной зависимости экономики региона	357	3
Бельчик Т. А. Тенденции институциональной трансформации экономики России и их влияние на качество рабочей силы с позиции производительности труда	374	3
Васин С. М., Прохорова Ю. Е. Влияние адаптационных мероприятий и профессионального обучения на результативность деятельности организаций с многонациональным персоналом	382	3
Глушакова О. В. Государственная культурная политика в годы Великой Отечественной войны	515	4
Горошко Н. В., Пацала С. В., Емельянова Е. К. Рынок COVID-19-вакцин как новый сегмент мирового вакцинного рынка	178	2
Грязнова Н. Л., Плешкова Н. А., Подзорова Г. А., Мухачева А. В., Драпкина Г. С. Диагностика состояния человеческого капитала предприятия и направления его развития	191	2
Дзюба А. П., Семиколенов А. В. Управление энергозатратами промышленных предприятий, присоединенных к электрическим сетям производителей электроэнергии	198	2
Емельянович А. А., Коваль С. В., Галимова А. Н. Управление рабочим временем как способ повышения производительности труда	208	2
Завьялова Е. А., Погадаева Н. Ю. Цифровая трансформация государственных и муниципальных услуг	219	2
Климова Ю. О., Алферьев Д. А. Анализ взаимосвязи регионального экономического роста и затрат на НИОКР	526	4
Колесняк А. А., Полянская Н. М. Экономическая доступность продовольствия: региональный аспект	538	4
Корчагин Р. Л. Развитие академического технологического предпринимательства в России	390	3
Котов Р. М. Исследование роли стратегического планирования в повышении уровня устойчивого развития экономики региона	548	4
Краковская И. Н., Гуськова Н. Д. Методические подходы к формированию индикаторов устойчивой конкурентоспособности инновационных промышленных кластеров	401	3
Лазуткин В. К. Управление трудовой мотивацией научного персонала	229	2

	Стр.	№
Маненков С. А. Институционализация конгрессно-выставочной деятельности в инновационной экономике	86	1
Надтока Т. Б., ***Алистратова Д. О.*** Корпоративная социальная ответственность в малом бизнесе: сильные стороны и проблемы развития	408	3
Новикова Ж. С., ***Стеняшина Н. Л.***, ***Назмутдинова А. Р.*** Векторы социально-экономического развития региона в условиях цифровой трансформации	238	2
Орехова Е. А., ***Коровникова Г. В.***, ***Коровникова И. В.*** Совершенствование методологии оценки эффективности деятельности хозяйствующих субъектов в современных условиях	560	4
Панов А. А. Макроэкономическая оценка экологического качества экономического роста на уровне региона	568	4
Пацала С. В., ***Горошко Н. В.*** Сельское хозяйство России: глобальные позиции, структурные пропорции и тенденции развития	96	1
Пиньковецкая Ю. С. Гендерные различия предпринимателей, специализирующихся на торговле и информационных технологиях	248	2
Пиньковецкая Ю. С. Некоторые инструменты альтернативного финансирования малых и средних предприятий: опыт зарубежных стран	109	1
Пиньковецкая Ю. С. Оценка причин завершения предпринимательской деятельности: данные за 2020 год по различным странам	418	3
Рада А. О., ***Гавриленко И. В.***, ***Колесник А. В.*** О влиянии геоинформационных технологий на экономику региона	123	1
Розова Н. К., ***Несмелова А. К.*** Специфика PR-продвижения досуговой организации	256	2
Рэй С. Как модель тройной спирали инноваций меняет борьбу с COVID-19 в Индии?	266	2
Соколова Е. В. Ресурсный потенциал устойчивого развития предприятий агропромышленного комплекса: структура и факторы формирования	129	1
Степанова А. Ю. Управление конгрессно-выставочной деятельностью в вузе	274	2
Черней Д. О. Совершенствование финансового обеспечения пенсионного страхования в России	280	2
Чудинов О. О. К вопросу значимости формирования структуры финансирования программ корпоративной социальной ответственности	427	3
Щербакова Н. В. Цифровые технологии в банковском секторе РФ: особенности и сопутствующие угрозы	136	1

BULLETIN
Kemerovo State University
Political, Sociological, Economic
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4

Index of articles published in 2021 in the journal
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

	Page	Issue
ECONOMIC		
Abdulmanapov S. G., Medzhidov Z. U. Curbing the Unemployment in Modern Conditions: State Response	84	1
Andrianova N. V., Nechaeva P. A. Intelligent Contracts in Engineering Enterprise Supply Management	503	4
Arzumanyan M. S. Efficiency of Municipal Self-Government Bodies in the Kemerovo Region (Kuzbass)	513	4
Babina S. I., Egorova N. M. Effect of Resource Economy on the Standard of Living in the Kemerovo Region	371	3
Belchik T. A. Trends in the Institutional Transformation of the Russian Economy and Their Impact on the Quality of the Labor Force from the Perspective of Workforce Productivity	380	3
Cherney D. O. Improving the Financial Support of Pension Insurance in Russia	287	2
Chudinov O. O. Development of the Financing Structure of Corporate Social Responsibility Practices	433	3
Dzyuba A. P., Semikolenov A. V. Management of Energy Costs of Industrial Enterprises Connected to Electric Grid of Electric Power Producers	206	2
Emelyanovich A. A., Koval S. V., Galimova A. N. Working Time Management as a Way to Increase Labor Productivity	217	2
Glushakova O. V. State Cultural Policy during the Great Patriotic War	524	4
Goroshko N. V., Patsala S. V., Emelyanova E. K. COVID-19-Vaccine Market as a New Segment of the Global Vaccine Market	189	2
Gryaznova N. L., Pleshkova N. A., Podzorova G. A., Mukhacheva A. V., Drapkina G. S. Human Capital: Diagnostics and Development Direction	196	2
Klimova Y. O., Alferyev D. A. Regional Economic Growth and R&D Costs	535	4
Kolesnyak A. A., Polyanskaya N. M. Economic Accessibility of Food: a Regional Aspect	546	4
Korchagin R. L. Development of Academic Technological Entrepreneurship in Russia	398	3
Kotov R. M. Effect of Strategic Planning on the Sustainable Development of Regional Economy	558	4
Krakovskaya I. N., Guskova N. D. Methods of Developing Sustainable Competitiveness Indicators for Innovative Industrial Clusters	406	3
Lazutkin V. K. Management of Labor Motivation of Scientific Personnel	236	2
Manenkov S. A. Institutionalization of Exhibition and Convention Activity in Innovation-Based Economy	94	1
Nadtoka T. B., Alistratova D. O. Corporate Social Responsibility in Small Business: Strengths and Development Challenges	415	3
Novikova Z. S., Stenyashina N. L., Nazmutdinova A. R. Vectors of socio-economic development of the region in the context of digital transformation	246	2
Orekhova E. A., Korovnikova G. V., Korovnikova I. V. Improving the Methodology for Assessing the Effectiveness of Economic Entities in Modern Conditions	566	4

	Page	Issue
Panov A. A. Macroeconomic Assessment of the Environmental Quality of Economic Growth at the Regional Level	576	4
Patsala S. V., Goroshko N. V. Russian Agriculture: Global Positions, Structural Proportions, and Development Trends	107	1
Pinkovetskaia I. S. Alternative Financing of Small and Medium Businesses: Experience of Foreign Countries	119	1
Pinkovetskaia I. S. Gender Differences in Business Structures Operating in Trade, Information and Communication Services	254	2
Pinkovetskaia Iu. S. Assessment of the Reasons for the Termination of Entrepreneurial Activity: Data for Various Countries in 2020	424	3
Rada A. O., Gavrilenko I. V., Kolesnik A. V. Effect of Geographic Information Technologies on Regional Economy	127	1
Ray Samrat. How the Triple-Helix Model of Innovation is changing the Indian COVID-19 Fight?	266	2
Rozova N. K., Nesmelova A. K. PR-Promotion of a Recreational Organization	264	2
Shcherbakova N. V. Digital Technologies in the Russian Banking Sector: Main Features and Associated Risks	145	1
Sokolova E. V. Resource Potential for Sustainable Development of Agricultural Enterprises: Structure and Formation Factors	134	1
Stepanova A. Yu. Management of Congress and Exhibition Activities at the University	277	2
Vasin S. M., Prokhorova Yu. E. The Impact of Adaptation Measures and Vocational Training on the Effectiveness of Organizations with Multinational Personnel	388	3
Zavyalova E. A., Pogadaeva N. Yu. Digital Transformation of State and Municipal Services	227	2
POLITICAL SCIENCE		
Belekova A. T. The Growing Role and Responsibilities of UNESCO in the Field of Preserving Historic and Cultural Heritage	8	1
Belenkova M. I. Image Representation Structure of the Regional Government in Social Net Narrative based on the Accounts of S. E. Tsivilev, Governor of Kemerovo Region	156	2
Chirun S. N., Sadi S. S. Regional Political, Institutional, and Ethnopolitical Processes in the Republic of Tyva	25	1
Gonzalez Cedillo J. I. Ideological Consistency and Ideological War: American Fascism vs Antifascism – January 2021	10	1
Mikhaleva A. V. Tareq Oubrou's Concept of Islamic Identity in a Secular Society	166	2
Pisareva A. N. Social Networks in Modern Political Communications: a Concept Analysis of Foreign Periodicals	301	3
Tsukanov L. V. Saudi Arabia National Cyber Security System: Specificity and Development Risks	441	4
SOCIOLOGY		
Efremova E. A. Developing the Occupational Mobility of Youth: Tendencies in Social Practices	43	1
Golovchin M. A. Institutional Roles of Teachers in the Region: between Conformism and Nonconformism	37	1
Grigorik N. N. Evaluation as a Sociological Concept: Problem Statement	312	3

BULLETIN
Kemerovo State University
Political, Sociological, Economic

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4

	Page	Issue
Ibragimova Z. F., Frants M. V. Unequal Opportunities and Individual Achievements: Effect of Family Background	451	4
Kazakova M. I., Selivanova T. V. E-learning Systems in the Russian Mining and Metallurgical Sector	324	3
Logunova E. G. Representation of Social Responsibility in Young People of Udmurtia via Charity-Related Activities	176	2
Morozova E. A., Kochneva O. P. Youth Migration in the Kemerovo Region (Kuzbass)	337	3
Nemirovsky V. G., Novikov A. S. People's Trust in Authorities as a Phenomenon of Parasocial Relations in Modern Russian Society	460	4
Shapieva A. V., Rusanova A. A., Lavrikova V. N., Filippova E. V. Career Guidance as a Factor of Professional Identity Development at the Transbaikal State University	470	4
Shilikov A. Yu. Developing Conflict Management Skills in Municipal Employees: a Sociological Study	479	4
Shpakovskaya E. Yu., Tokar O. V., Gasanova R. R., Khudyakova T. L., Stepanova O. P., Arpentieva M. R. Career and Professional Development of the Head of the Organization	493	4
Shumkin E. M. Rational Managerial Decisions in Business Sector	75	1
Sukharkova M. P. Motivation of Olympic Volunteers in Russia and China	344	3
Tatarova S. P., Zateeva N. A. Problems of Rural Development: Republics of Buryatia and Tyva	64	1
Yurasov I. A., Tanina M. A., Yudina V. A., Kuznetsova E. V. Informal Academic Entrepreneurship: Current State and Development Trends	355	3
Zinurova R. I., Nikitina T. N. Digital Environment of Higher Education in Russia: Objective Conditions and Subjective Perception of Distance Learning by Students in a Situation of Increasing Risks	56	1

16+

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

Контакты для сотрудничества:
Морозова Елена Алексеевна, главный редактор
morea@inbox.ru
Митько Наталья Викторовна, ответственный редактор
+7(3842)58-13-01; vk-seriya@yandex.ru

Contacts for co-operation:
Elena A. Morozova, Editor-in-Chief
morea@inbox.ru
Natalia V. Mitko, Executive editor
+7(3842)58-13-01; vk-seriya@yandex.ru

Редакторы выпуска:
Митько Н. В., Печёнкина Е. А., Рабкина Н. В.

Подписано к печати 22.12.2021.
Дата выхода в свет 30.12.2021.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.
Формат А 4. Усл. печ. л. – 17,8. Уч.-изд. л. – 15.
Тираж 500 экз. Заказ _____
Цена свободная.
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».
Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6, https://kemsu.ru
Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000,
г. Кемерово, пр. Советский, 73.